1978

7



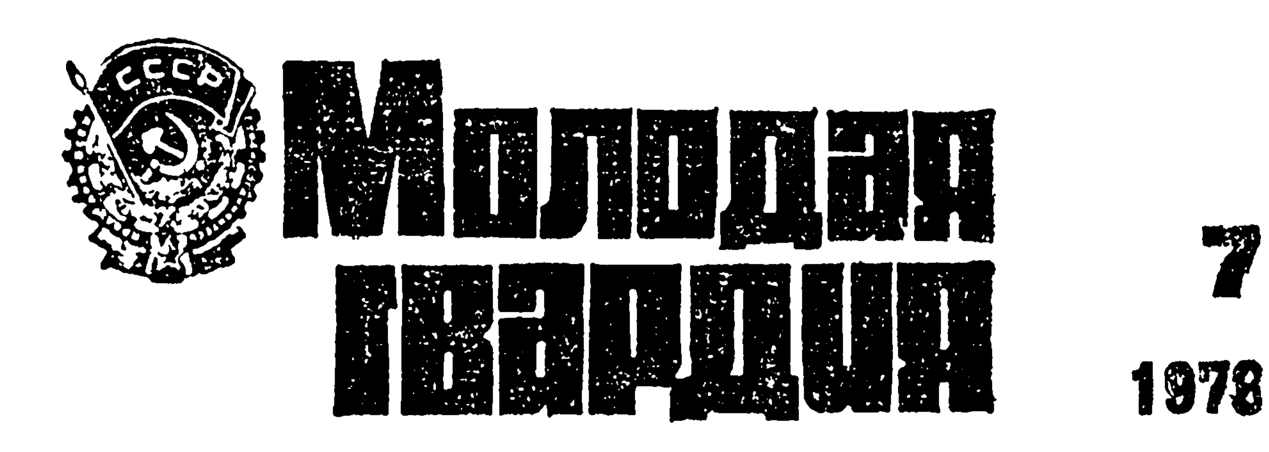
Молодая гвардия

Молодая гвардия 7·1978


ГОСТЕПРИИМНАЯ ГАВАНА ЖДЕТ ВАС

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ



Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки: гравюра В. Лукашова.

К сведению наших авторов:

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ПЕРЕЕХАЛА.

Наш новый адрес: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.

Телефоны редакции: приемная — 285-88-58; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-88-59; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

В. В. МАЛЬКОВ,
доцент МГУ имени М. В. Ломоносова

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА — ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 г.

В. И. Ленин

Еще в последние десятилетия XIX века основоположники научного коммунизма обратили внимание на замедление темпа революционного движения в Западной Европе и, в противовес этому, проявление признаков мощного революционного подъема в России, что послужило основанием для вывода о том, что: «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» *.

Перемещение центра международного революционного движения из Западной Европы вплотную подвело российский пролетариат к подготовке и проведению революции. «История, — подчеркивал В. И. Ленин, — поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота... реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» **.

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 305.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 28

Для решения этой исторической задачи необходима была пролетарская партия как политический руководитель русского революционного пролетариата. Создание революционной рабочей партии являлось важнейшей задачей русских социал-демократов. Задачу эту выдвинул В. И. Ленин. В самом начале XX века прозвучали пророческие ленинские слова: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»

Зачатком пролетарской партии явилась созданная В. И. Лениным в ноябре 1895 года на основе объединения разрозненных марксистских кружков и групп Петербурга первая социал-демократическая революционная организация в России — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Под руководством В. И. Ленина в практической деятельности «Союза» теория научного социализма впервые соединилась со стихийным рабочим движением. «Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии в *сознательную борьбу пролетариата* за свое освобождение от эксплуатации его со стороны имущих классов, вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: *самостоятельная рабочая социал-демократическая партия»* *. «Союз борьбы» ставил задачи политического развития пролетариата.

По примеру петербургского, «Союзы» возникли в ряде промышленных центров России — Москве, Киеве, Екатеринославе и других городах. Их деятельность создала предпосылки возникновения социал-демократической рабочей партии, которая была провозглашена в Минске на I съезде в марте 1898 года.

Однако съезд, проходивший без участия находившихся в ссылке В. И. Ленина и его ближайших соратников, не смог преодолеть кружковщины и разобщенности, политически дробивших тогдашнее социал-демократическое движение. На I съезде было принято только название партии — Российская социал-демократическая рабочая партия — и манифест о ее образовании. Создание единой идейно и организационно сплоченной партии как таковой продолжало оставаться важнейшей проблемой революционного движения, титанический труд разрешения которой взял на себя Владимир Ильич Ленин.

Вернувшись из сибирской ссылки, он продолжает борьбу за создание партии нового типа, коренным образом отличающейся от социал-демократических партий II Интернационала, зараженных теоретическим ревизионизмом и политическим оппортунизмом. В напряженной работе рождается учение о партии, ее исторической необходимости и роли в борьбе пролетариата, ее организационные принципы, идейные основы, стратегия, тактика.

В идейной и организационной подготовке II съезда РСДРП, в создании революционной пролетарской партии, в размежевании с оппортунизмом важную роль сыграла созданная В. И. Лениным общерусская политическая газета «Искра». Вокруг нее на принципиальной марксистской основе сплотились местные партийные организации. «Искра» объединила цвет революционного пролетариата России, став главным и решающим звеном в деле строительства партии. «И никакая другая организация, кроме искровской, — писал В. И. Ленин, — *не могла бы* в наших исторических условиях, в России 1900—1905 годов, со-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 244.

здать *такой* социал-демократической рабочей партии, которая теперь создана» *.

Ленинский план построения марксистской революционной партии рабочего класса сводился к созданию единой, тесно связанной с массами организации, вооруженной революционной теорией, спаянной железной дисциплиной в условиях нелегальности. Партия должна состоять из ядра профессиональных революционеров и широкой сети местных партийных организаций. Только таким образом построенная партия, партия нового типа, способна стать подлинным руководителем рабочего класса в борьбе за революционное преобразование общества.

Ленинская «Искра» развернула борьбу за чистоту марксистской революционной теории, широкую политическую агитацию, обсуждение программы и методов революционной борьбы, сплотила вокруг себя разрозненные социал-демократические организации, создала идейные и организационные предпосылки для созыва съезда. В работе ленинской «Искры», пользовавшейся огромной популярностью масс, принимали деятельное участие видные революционеры: И. В. Бабушкин, Н. Э. Бауман, В. В. Воровский, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, Г. М. Кржижановский, Г. И. Петровский, Я. М. Свердлов, С. Шаумян и другие, являвшиеся активными агентами, корреспондентами и распространителями «Искры».

Процесс сплочения революционных социал-демократических организаций в партию сопровождался непримиримой борьбой со всякого рода ревизионизмом. На Западе возникло новое оппортунистическое течение — бернштейнианство. Разновидностью его в России был экономизм, отрицавший необходимость ведения пролетариатом политической борьбы, считавший это задачей либеральной буржуазии: на долю рабочего класса «экономисты» оставляли только экономическую борьбу.

В работе «Что делать?» В. И. Ленин разоблачил антимарксистскую сущность теории «экономистов», показав, что преклонение перед стихийностью рабочего движения ведет к отказу от воспитания у рабочего класса социалистической идеологии, то есть открывает путь для проникновения и воздействия на массы идеологии буржуазной. Подчинение пролетариата буржуазной идеологии означало бы отказ от революции. Проповедь стихийной экономической борьбы превращала социал-демократию из революционной партии в партию «социальных реформ».

Деятельность «Искры», разоблачение реформизма «экономистов» и разработка В. И. Лениным идеологических основ марксистской партии подготовили почву для идейно-организационного сплочения русской социал-демократии и оформления партии, которое произошло на II съезде.

II съезд РСДРП проходил с 17(30) июля по 10(23) августа 1903 года сначала в Брюсселе, в помещении заброшенного склада. Из-за преследования полиции съезд перенес свою работу в Лондон, где с 29 июля (11 августа) в клубе рыбаков продолжил свои заседания. «Большое окно мучного склада около импровизированной трибуны было завешено красной материей. Все были взволнованы. Торжественно звучала речь Плеханова, в ней слышался неподдельный пафос. И как могло быть иначе! Каза-

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 103.

лось, долгие годы эмиграции уходили в прошлое, он открывал съезд Российской социал-демократической рабочей партии» * — так писала Н. К. Крупская об открытии II съезда РСДРП, положившего начало первой пролетарской партии нового типа, партии Ленина.

На съезде было представлено 26 социал-демократических организаций. 43 делегата имели 51 решающий голос — «Решающих голосов на съезде было 51 (33 делегата с 1 голосом и 9 с двумя, 9 «двуруких»)» **, кроме того, 14 человек присутствовали с совещательным голосом.

В. И. Ленин четко охарактеризовал политическое лицо делегатов. «Политическая группировка этих голосов... такова: решающие голоса — 5 бундовских, 3 рабочедельских..., 4 южнорабоченца..., 6 нерешительных, колеблющихся («болото», как звали их — в шутку, конечно, — все искряки), затем около 33 искровцев, более или менее твердых и последовательных в своем искрянстве. Эти 33 искровца, которые, будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на съезде, раскололись, в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце съезда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев «мягкой, вернее, загзаговой линии» (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), ...и около 24 голосов искровцев твердой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии» ***.

Естественно, что при таком разнородном составе II съезд превратился в арену упорной борьбы между революционным, «твердоискровским» крылом и оппортунистами за идейные и организационные принципы «Искры». В создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой», и заключалась основная задача съезда. Она и определила его повестку дня.

В. И. Ленин являлся инициатором и самым активным участником подготовки съезда. Он принимал участие в разработке проектов всех важнейших документов, избирался членом мандатной, программной и уставной комиссий, выступал с докладом об уставе партии и по другим вопросам; в протоколах съезда зафиксировано более ста выступлений, поправок, замечаний и реплик Владимира Ильича.

II съезд РСДРП закрепил деятельность «Искры» по созданию партии на основе ленинских принципов, а также победу революционных марксистов над оппортунизмом и нанес сильнейший удар по всему кругу идей, порожденных международным реформизмом и его русской разновидностью в лице «экономистов», а затем и меньшевиков. Следует отметить, что Г. В. Плеханов, сыгравший большую роль в идейном становлении российской социал-демократии, в период подготовки II съезда и на самом съезде вместе с Лениным отстаивал революционные принципы марксизма, боролся против оппортунистов. Однако он не смог до конца освободиться от социал-демократических традиций II Интернационала, не смог понять новых задач в новую

---

* Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., Госполитиздат, 1957, с. 72.

** В. И. Ленин. Рассказ о II съезде. Полн. собр. соч., т. 8, с. 5.

*** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 5—6.

эпоху и вскоре после второго съезда перешел в лагерь меньшевиков *.

Важнейшим вопросом работы съезда было обсуждение и принятие Программы партии, в которой формулировались основные принципы и задачи деятельности социал-демократии, ее политическая стратегия и тактика. Программа давала глубокий анализ капиталистического общества, обосновывала всемирно-историческую миссию рабочего класса как разрушителя капитализма и строителя нового, социалистического общества. В Программе РСДРП особо подчеркивалась необходимость руководства пролетариатом со стороны марксистской революционной партии и ее руководящая роль в борьбе пролетариата за осуществление своей исторической миссии освобождения всех трудящихся от эксплуатации. В Программе творчески развивались тактические принципы партии в отношении непролетарских классов, в том числе в отношении крестьянства и угнетенных национальностей. В Программе, принятой II съездом РСДРП, в отличие от всех существовавших в то время социал-демократических программ содержалось требование диктатуры пролетариата как орудия социалистического преобразования общества.

Программа, принятая съездом, состояла из двух частей. Ближайшей политической задачей (программа-минимум) являлась буржуазно-демократическая революция: свержение самодержавия, установление республики, широкая демократизация всей общественно-политической жизни; всеобщее, равное и прямое избирательное право; свобода совести, слова, печати, собраний, стачек, союзов; уничтожение сословий, а также национального неравенства. В Программу были включены требования 8-часового рабочего дня и целый ряд мероприятий по улучшению экономического, бытового и жилищного положения рабочих.

В Программе содержались основные требования по аграрному вопросу: отмена выкупных и оброчных платежей и возврат полученных по ним сумм, возвращение отрезков, учреждение крестьянских комитетов. Аграрная часть Программы была составлена В. И. Лениным, который решительно выступал против недооценки аграрно-крестьянского вопроса, что являлось характерным для западной социал-демократии. Владимир Ильич разгромил оппортунистические взгляды на крестьянство как на реакционную массу, показав его огромные революционные возможности, — это нацеливало пролетариат на союз с крестьянскими массами.

По национальному вопросу Программа провозгласила полное равноправие всех граждан независимо от национальности и право наций на самоопределение.

Конечной целью социал-демократии (программа-максимум) являлась пролетарская социалистическая революция, установление диктатуры пролетариата, социалистическое переустройство общества.

В процессе обсуждения на съезде Программы против ее принципиальных установок вели ожесточенную борьбу оппортунисты всех мастей, стремясь выхолостить ее революционную сущность. Против ленинских программных положений о руководящей роли

* См.: М. А. Суслов. II съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение. М., Политиздат, 1973, с. 9.

партии и диктатуре пролетариата выступали «экономисты», которых фактически поддержал Троцкий. Бундовцы выступили против интернационального сплочения пролетариата. Владимир Ильич разоблачил мелкобуржуазный национализм Бунда, показав, что национализм является злейшим врагом пролетариата, что освобождение рабочих и всех эксплуатируемых — дело не национальное, а социальное, а буржуазно-националистическое требование культурно-национальной автономии есть не что иное, как посягательство на классовое, интернациональное сплочение пролетариата.

Съезд закрепил идеологию пролетарского интернационализма, решительно отвергнув попытки оппортунистов, и прежде всего бундовцев, строить партию не по классовому, а по национальному принципу как федерацию обособленных национальных организаций, а не как единую, сплоченную пролетарскую партию. Большевистская партия с первых же шагов своего существования представляла собой единую централизованную организацию, опирающуюся на весь пролетариат независимо от национальной принадлежности, что способствовало сплочению трудящихся многонациональной России в монолитную силу.

Программа Российской социал-демократической рабочей партии четко определила основные задачи пролетариата в борьбе за социализм, стала боевым, действенным оружием российского пролетариата.

Устав, принятый II съездом РСДРП, закреплял организационное построение партии, права и обязанности ее членов. Ленинский проект Устава полностью отвечал потребности создания боевой, сплоченной революционной партии, основным организационным принципом которой являлся демократический централизм. «У пролетариата, — подчеркивал В. И. Ленин, — нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации» *. Только хорошо организованная партия, стоящая на позициях научного социализма, способна достойно возглавить освободительное движение пролетариата и завершить его победой.

Порядок приема членов, созыв съездов и конференций, коллегиальность руководства, обсуждение и принятие решений простым большинством, права руководящих партийных органов и местных организаций — все это было предусмотрено в разработанном Ильичем проекте Устава. Ленин предлагал такую формулировку первого параграфа Устава о членстве в партии, согласно которой член партии помимо признания программы и оказания материальной поддержки партии должен работать в одной из ее организаций. Работа в подпольной партии была сопряжена с огромным риском, требовала строгого подчинения партийной дисциплине. Мартов и его сторонники возражали против ленинской формулировки и внесли свою, включавшую расплывчатое предложение «оказывать регулярное личное содействие» партии, что, по существу, открывало двери для всех желающих, способствовало притоку в партию мелкобуржуазных элементов. Однако съезд большинством в шесть голосов принял мартовскую формулировку. Жизнь показала всю ее несостоятельность, и уже на следующем, III съезде в 1905 году она была заменена ленинской.

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 403.

Победа искровских принципов была закреплена избранием руководящих органов партии: ЦО и ЦК. Центральный Комитет ведал всей практической работой, связями, местными партийными комитетами, распределением сил и средств партии. Центральный орган («Искра») осуществлял идейное руководство партией.

После ухода со съезда экономистов и бундовцев во время выборов в ЦК и ЦО произошло дальнейшее размежевание сил между сторонниками Ленина и Мартова. В состав ЦК большинством голосов были избраны твердые искровцы-ленинцы; мартовцы оказались в меньшинстве. Так партия разделилась на большевиков и меньшевиков. В дальнейшем это привело к образованию двух партий — пролетарской, революционной и мелкобуржуазной, соглашательской.

Второй съезд РСДРП явился поворотным пунктом в истории не только нашей страны, чо и в мировом рабочем движении. «Создание большевистской партии, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — открыло новый этап в российском и международном рабочем движении. Впервые пролетариат получил организацию, способную в новых исторических условиях успешно руководить его борьбой за свое социальное освобождение».

Ленинское учение о партии — крупнейший вклад в развитие революционного марксизма. Ленин создавал, укреплял и закалял партию в непримиримой борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, с ревизионизмом, троцкизмом, «правым» и «левым» оппортунизмом, социал-шовинистами, национал-уклонистами, со всеми противниками революционных принципов марксизма.

Под руководством большевистской партии победила Октябрьская революция, открывшая эру перехода от капитализма к социализму. Весь опыт нашей партии неопровержимо доказал, что пролетариат лишь под руководством марксистско-ленинской партии может выполнить свою историческую миссию. «Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие, — только такая партия, — подчеркивал В. И. Ленин, — способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска...» *

Всемирно-историческое значение II съезда РСДРП, как отмечалось в постановлении ЦК КПСС «О 70-летии II съезда РСДРП», состоит в том, что «на съезде завершился процесс объединения революционных марксистских организаций и была образована партия рабочего класса России на идейно-политических и организационных принципах, разработанных В. И. Лениным. Возникла пролетарская партия нового типа, партия большевиков»...

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 187.

Партия большевиков снискала глубокое уважение всех прогрессивных людей земного шара. В этой связи показательны слова выдающегося русского ученого К. А. Тимирязева, который в письме «Русский англичанину об интервенции», обращаясь к английскому собеседнику, писал: «Вы, из вашего далека, можете обвинить большевиков в утопизме, в желании использовать так дорого стоившую русскому народу революцию до конца, сразу осуществить последнее слово социального строительства, но всякий беспристрастный русский человек не может не признать, что за тысячелетнее существование России в рядах правительства нельзя было найти столько честности, ума, знания, таланта и преданности своему народу, как в рядах большевиков».

Партия сплотила народы России, провела их через три революции, вдохновила и организовала на строительство первого в мире социалистического общества, обеспечила победу советского народа в Великой Отечественной войне, а ныне ведет его к победе коммунизма.

Ленинская партия по-прежнему сильна своим неиссякаемым революционным духом — об этом хорошо сказал Ф. Кастро на XXV съезде КПСС: «Мы были восхищены тем громадным энтузиазмом, с которым вы, делегаты съезда, восприняли глубоко революционные концепции, изложенные товарищем Брежневым. Казалось, это была не партия, завоевавшая власть почти шестьдесят лет назад, а партия, полная новой и неисчерпаемой энергии, которая каждый день идет по пути революции».

75 лет прошло со времени II съезда РСДРП. Из сравнительно небольшой подпольной организации партия большевиков превратилась в активно действующий авангард советского народа — Коммунистическую партию Советского Союза, а возглавляемое ею коммунистическое движение стало умом, честью и совестью нашей эпохи.



ПОЭЗИЯ

Сергей ПОЛИКАРПОВ

ПРОДОЛЖИТЬ РОД

* * *

Не остынет, пока не умру я,
Жар войны, отгремевшей во мне.
Я хоть сам не ходил в штыковую,
Но отца потерял на войне.

Суждено мне, видать, по кончину
С пыльных хартий отряхивать пыль
И о близком, что без вести сгинул,
Ставить бронзой звенящую быль.

Потому что не сгинет, безвестен,
Тот, для коего дом и семья
Были вечною песнею песен,
Слитых в символ —
Родная земля!

Не его ли мы скорбно и свято
В сердце им огражденной земли
Нарекли Неизвестным солдатом —
В высшей воинский ранг возвели!

У МАВЗОЛЕЯ ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

Подвиг отчеканился в граните.
Славой жизни
Паруса надуты...
Кажется,
Молчания минута
Стопорит и Землю на орбите.

Скорби жгут —
Как от прикосновенья
Незарубцевавшиеся раны.
Памяти,
Как речке к океану,
Течь
Из поколенья
В поколенье!..

Век такой.
Не символ веры старой
На знаменах вышил он,
А факты,
Революционной веры факел —
Двадцать шесть бакинских комиссаров!

Двадцать шесть,
А сыновей — несметно,
Их мечту увидевших воочью, —
Символ солидарности рабочей
И Азербайджана символ светлый.

Полыхать ему на небосводе,
В самом
            века нового
                        зените...
Подвиг отчеканился в граните,
Жизни продолжаются в народе.

* * *

Комарики-сударики —
Таежная братва,

Ишь густо как ударили —
Очухались едва!

Пронзительные дудочки,
Сплошной зудящий звон...
А все же с нами удалью
Тягаться не резон.

Вам все бы нудной сапою
Тиранить мир живой!..
Стальной четырехлапою
Проходим буровой.

От Воркуты
К Анадырю,
По хлябям вековым...
Выходит,
Здесь мы надолго,
На том
        стально́
                стоим!

Буравят вышки
Жалами
Насквозь мерзлотный грунт...
Прошу любить и жаловать —
Хозяева идут!

* * *

Благодарю за жребий этот
Судьбу — заступницу свою,
За то, что день мне нынче светит,
Что, если можется, —
Пою.

И что дожил до разуменья
Великой щедрости такой.
Под этой благостною сенью
Ступить и в миг бы смертный свой!..

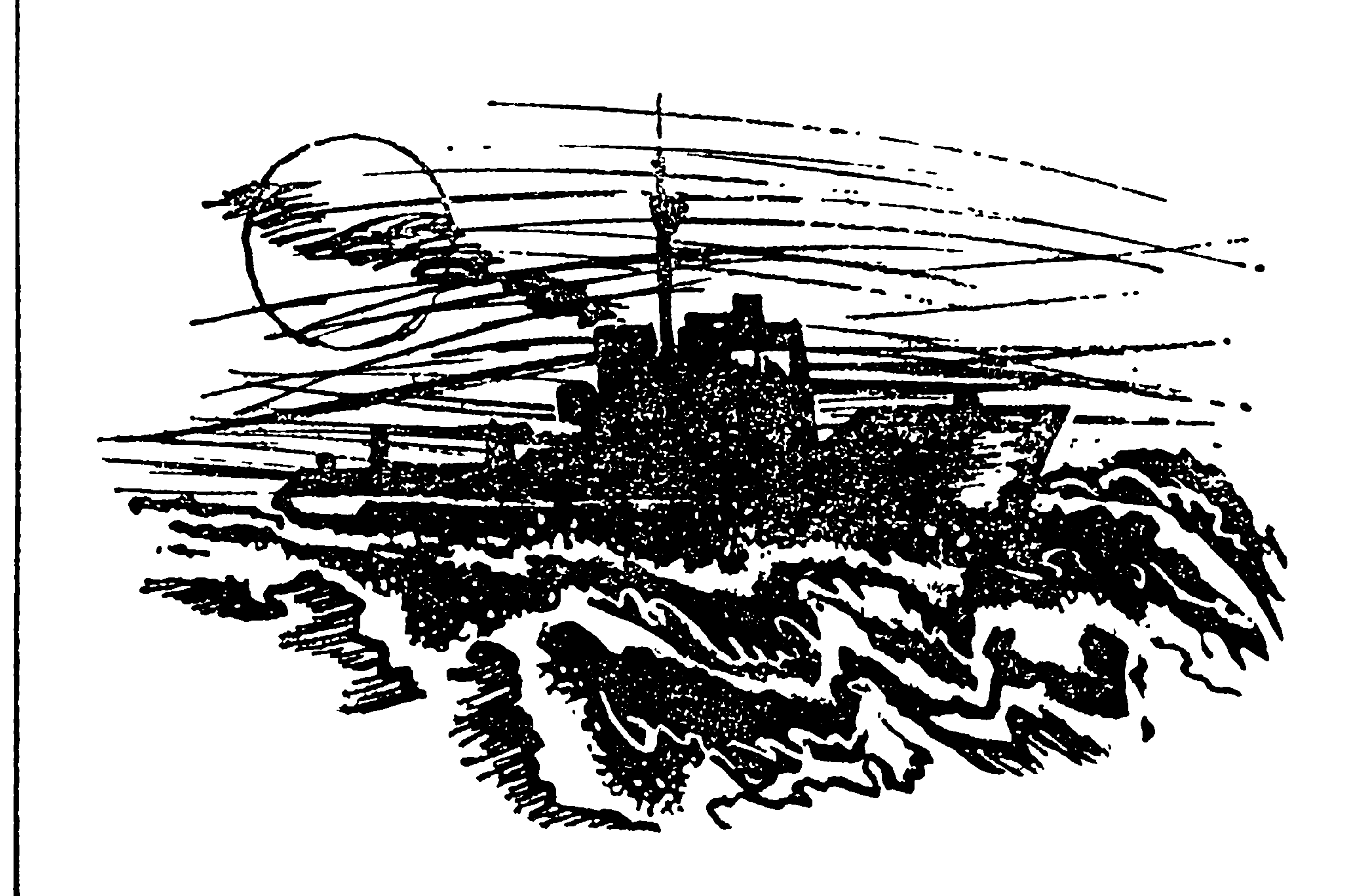
Пускай сойдет потом со мною
В ту твердь,
На коей мы стоим,

Все обретенное душою,
Венцом служившее моим.

Безмерный мир
Не обескровлю,
Земле — щепоть на обиход...
Под голубою вечной кровлей
Неистощим жизневорот.

Сойду в безадресные нети,
Всесущим назовусь:
Земля...
Благодарю за жребий этот,
Благодарю, судьба моя!





Анатолий СОБОЛЕВ

ШТОРМОВОЙ ПЕЛЕНГ

Повесть



Где-то далеко-далеко, в туманных пространствах северной Атлантики, еще только наметились невидимые глазу, никому еще не ведомые изменения в природе, которые приведут к рождению циклона. Ураган будет срывать крыши с домов, ломать вековые деревья, опрокидывать опоры электрических передач, выбрасывать на прибрежные камни корабли. Путь его будет сопровождаться беспрерывными сигналами бедствия: «SOS», «SOS», «SOS»... Три точки, три тире, три точки, три тире...

Никто не мог знать, что этот неуловимый сдвиг в природе приведет к необратимому сдвигу в жизни людей в их судьбах и поступках.

Где-то там, в океане, еще сгущалась, копилась не знающая преград и удержу бездушная сила, а здесь, в зеленом портовом городе с уцелевшими в войну средневековыми краснокирпичными фортами и башнями, стояло тихое солнечное утро и ничто не предвещало беды.

Порт жил своей обычной жизнью.

Гавань была заставлена судами разного тоннажа и назначения. Здесь были и обшарпанные, поржавевшие, только что вернувшиеся с моря траулеры, производственные рефрижераторы, мелкие подсобные суденышки и большие солидно-грузные базы, возвышающиеся над всем многообразием судов. Два маленьких портовых буксирчика с громкими именами «Богатырь» и «Илья Муромец» разворачивали на выход в канал, соединяющий порт с морем, красивую, огромную, сверкающую свежепокрашенными бортами тунцеловную базу «Янтарный луч». Над спокойной водой гавани гремели усиленные динамиком команды лоцмана.

Морской спасательный буксир «Посейдон» стоял у причала ремонтных мастерских. Вспыхивали искры электросварки, стучали молотки, скрипели блоки. Палуба была завалена обрезками металла, обрывками троса, замазана скользким машинным маслом и красными пятнами сурика. Валялись заляпанные мазутом доски, горбыли, куски грязной ветоши. Утратив красивый стройный вид, буксир представлял собою теперь развороченный муравейник, где толкутся будто бы в беспорядке муравьи-матросы. На самом же деле все шло как и положено при ремонтах, и каждый знал свое дело.

К борту буксира подъехала грузовая машина, из кабины выскочил боцман Гайдабура, жилистый, подвижный, в засаленной мичманке и распахнутом ватнике поверх

старой выцветшей тельняшки. Он проворно взбежал по трапу на судно, пошарил глазами по разгромленной палубе и, увидев на корме водолазов, поспешил к ним.

— Семеныч, — слегка запыхавшимся тонким голосом обратился он к Грибанову, плотному, грузному старшему водолазу, — дай твоих орлов буксир привезти.

— Не могу, — ответил Григорий Семенович, возвышаясь могучей и непоколебимой скалой рядом с тощим боцманом. — Не положено.

— Ну чего им сделается? — просительно сказал боцман, изобразив на морщинистом лице заискивающую улыбку. — Людей у меня не хватает, а тут буксир дают, новенький, привезти со склада надо. В кои-то веки выпросил. Прямо с завода. В смазке еще. А?

— Водолазу по уставу водолазной службы не положено заниматься всякими погрузками-разгрузками, — неторопливо пояснил Грибанов.

— Да они у тебя как жеребцы! Застоялись. Им это вместо разминки. А мои замотались. Рук не хватает. А?

— Не положено, — спокойно повторил старший водолаз.

— «Не положено», «не положено»! — фальцетом воскликнул боцман. — А нам положено? Все своими граблями! — Он показал запачканные мазутом руки.

— Лафа этим водолазам, — сказал появившийся на корме матрос Смурага, коренастый крепыш с наглыми глазами и длинными бакенбардами. — Живут же люди! Пупок с места стронут, если двадцать кило поднимут.

— У нас «груза» только тридцать два, — хмуро заметил Грибанов. — Тебя в скафандр затолкнуть — штаны мокрые станут.

— Все клеят свои рубашки, — хмыкнул Смурага, — в клапанах ковыряются, будто в космос собираются.

— Пошел бы ты отсюда, — предложил Грибанов.

Смурага независимо засвистел и привалился спиной к фальшборту.

— А все же матросы глядят и думают — лежебоки вы, — недовольно сказал боцман.

— Если ума на другое не хватает, пусть думают, — спокойно ответил Грибанов. — Каждый делает свое. На разгрузку водолазов не дам.

— Ну, запомню я, Семеныч! — пообещал боцман.

— Запоминай.

Боцман покачал головой и вдруг вспылил на Смурагу:

— А ты чего тут прохлаждаешься? А ну давай в машину! Где Курилов, где Боболов? Давай всех в машину!

— Ишаки мы, что ли? — огрызнулся Смурага. — Все мы да мы. Нам тоже не положено ишачить сверх меры!

Боцман споткнулся о растянутую на палубе якорь-цепь и закричал:

— Разбросали тут! Почему цепь валяется? Я приказал убрать. Разгильдяи!

— Что, я один буду пупок рвать? — возразил матрос.— Тут впятером не утащить.

— Где Боболов, где Курилов?

— Вон ваш Курилов. — Смурага кивнул на матроса, который не спеша спускался по скоб-трапу с пеленгаторного мостика.

— Опять спишь на ходу! — обрушился боцман на матроса. — А ну в машину!

Грибанов с усмешкой смотрел вслед разъяренному боцману.

— За работу, ребятки, — сказал он молодым водолазам Веригину и Шебалкину.

В дверь водолазного поста был виден причал, где уже на ходу садились в машину матросы.

Веригин и Шебалкин облачили Григория Семеновича в скафандр.

Грибанов спускался по трапу, привычно чувствуя, как давит на плечи тяжесть, как тянет вниз скафандр. По мере того как он погружался в воду, становилось легче, вес исчезал: сначала полегчали ноги, потом туловище, а когда по иллюминатору полоснула мутная вода, скафандр стал как поплавок — воздух, наполнивший его, придал плавучесть и легкость.

Грибанов поплыл вдоль борта, ему помогал Веригин, подтаскивая сверху за шланг-сигнал. В шлемовых иллюминаторах плескалась фиолетовая от мазутной пленки волна. У кормы он ухватился за подкильный канат, заведенный с обоих бортов и пропущенный под днищем судна. Нажимая на золотник в шлеме и стравливая из скафандра лишний воздух, стал погружаться в воду.

Вода была мутной, видимость плохая, но все же солнечный свет пробивал грязную поверхность гавани и работать было можно.

Григорий Семенович добрался до винта. Осмотрел погнутые и зазубренные лопасти. Винт, конечно, надо менять. В доке замену сделали бы за несколько часов, а им

работать суток пять — Григорий Семенович накидывал лишнее время на неопытность своих водолазов. Ремонт некапитальный, поэтому на капитана жмут, чтоб побыстрее закруглялся и выходил в море. «Ураган» получил две пробоины и ползет в док зализывать раны. На промысле каждый день что-нибудь да случается, кому-нибудь да нужна помощь.

— Подтащи-ка меня на нос! — приказал он.

— Есть, — ответил Шебалкин по телефону.

Шланг-сигнал натянулся. Григорий Семенович медленно двигался вдоль судна, внимательно осматривая обросшие ракушками и зелеными бородами водорослей днище и корпус буксира. Все в общем-то нормально, если не считать вмятины с левого борта.

Осмотрев подводную часть судна, Григорий Семенович приказал вытаскивать его наверх. Он плыл к трапу, разглядывая близкое дно. Оно было захламлено, как городская свалка.

Торчали обрывки ржавых тросов и какие-то искореженные железяки, блестели консервные банки, валялись рыбацкие драные сапоги-бахилы, внахлест лежали цепи, листы железа, судовые фонари, колесные покрышки от автомашин, плетеные кранцы, обрубки шпал и горбылей, мотки проволоки, доски и даже велосипед, почти целый, не то брошенный, не то уроненный в воду. А уж про бутылки и говорить нечего. Где только не спускался он под воду, на разных широтах и меридианах, всюду встречал бутылки на дне, разных форм и емкости. Если бы он был собирателем, то у него была бы самая большая и самая диковинная коллекция бутылок.

Мимо обросших водорослями черных свай причала Григорий Семенович всплыл и полез на трап. И сразу же почувствовал, как тяжесть навалилась на плечи. Он с трудом поднялся по трапу.

С него сняли шлем, он с жадностью вдохнул теплый воздух, настоянный на запахах земли, порта и воды. Всякий раз, возвращаясь из подводного мрака, он с радостью ощущал на мокрых от пота щеках солнце, налетавший ветерок и не мог надышаться чистым вольным воздухом вместо шлангового, пахнущего резиной, сыростью и железом. Сколько лет выходил он из воды, сколько раз высвобождали его из скафандра, и все равно каждый раз его охватывала радость возвращения. Каждый раз вместе с водолазными доспехами снималось с него и душевное

напряжение, будто возвращался он благополучно из разведки и теперь мог облегченно перевести дух.

Пока Веригин и Шебалкин снимали с него гру́за и манишку, отстегивали галоши, стаскивали водолазную рубаху, Григорий Семенович глядел на порт, залитый вечерним солнцем, на траулеры у причалов, на портальные высокие краны, без устали опускавшие длинные шеи в трюмы, на грузовые машины, шныряющие по причалам, на матросов, занятых своим делом на палубах, на докеров, окончивших рабочий день и идущих к проходной, — все было родным и близким.

Нет, человек никогда не привыкнет к морскому дну. Он родился на земле, и милее земли ему нет ничего. Порт, полный стука, бряка, лязга, заполошных звонков кранов, гудков машин, ругани докеров после черной воды и придонного холода кажется лучшим местом в мире...

* * *

Капитана Чигринова подвез в порт на служебной машине Иванников, разговор с ним оставил неприятный осадок. «Как у вас с ремонтом?» — спросил Иванников. «Не от меня зависит», — сухо ответил Чигринов. «Ну не скажите, — улыбнулся Иванников. — Капитан не последняя спица в колесе. Не мне вам объяснять, что на промысле нужны спасатели». — «Не понимаю, — вспыхнул Чигринов, — почему вопрос задан мне? Не лучше ли с ним обратиться к начальству мастерских?» — «Берите пример с капитана Щербаня. — Все так же снисходительно улыбаясь, Иванников кивнул на вишневую «Волгу», за рулем которой сидел Щербань. Он легко обогнал их, помахал рукой. — Щербань из ремонта всегда выходит раньше срока. Умеет контактировать с начальством ремонтных мастерских».

По тону, по улыбке Иванникова было не понять — не то советует, как надо действовать, не то иронизирует, осуждая такой метод.

Чигринов знал, что такое «контактировать». Но он не хотел действовать в обход положенных правил. Что положено — то положено. Ему претило, когда капитаны выколачивали, выпрашивали, выжимали, будто находились не у себя в порту, а бог знает где, ремонт будто бы их сумасбродная прихоть.

«Алексей Петрович, все же когда можно надеяться на

готовность вашего буксира?» — гнул свою линию Иванников. «Если ремонтники не подведут, то, думаю, через полмесяца». — «Если... Думаю... — Иванников убрал улыбку. — Нельзя ли поконкретнее?» — «По графику — двадцать пятого июня». — «Мы просим вас, Алексей Петрович, ускорить ремонт. Привлеките команду, объясните матросам. Люди поймут, если им объяснить».

Тон начальства был вежливо-приказным.

Люди поймут — это верно. Вот ремонтники понять не могут! То у них сварщика нет, то материала! И почему-то за все эти безобразия должен отвечать капитан. Вот разобрали главный двигатель, а прокладок нет. Старший механик еще и на берег не сходил — день и ночь в машине, вся команда работает. Но все равно в срок в море не выйти.

Чигринов, перебирая на столе ведомости на ремонт, вспомнил вежливый тон Иванникова, его неторопливые жесты, усталость в глазах. Говорят, на других он покрикивает, но с Чигриновым всегда вежлив, хотя за этой вежливостью чувствуется холодок. Когда-то Иванников был у него старпомом. Но однажды стал рассказывать, как участвовал в штурме Кенигсберга, не зная, что Чигринов брал этот город. Задав два-три вопроса, Чигринов понял, что Иванников, мягко говоря, приукрашивает свою биографию. Тогда они с ним поняли друг друга, и с той поры в молочно-белых глазах Иванникова всегда угадывалось затаенное недоброжелательство.

В дверь постучали.

— Да, — откликнулся Чигринов.

Широкое лицо Грибанова слегка распарено, поредевшие седые волосы влажны и аккуратно причесаны.

— Прибыл, — по-военному доложил он.

Чигринов подождал, пока Григорий Семенович грузно опустится на диванчик.

— Осмотрел?

Григорий Семенович кивнул.

— Ну что?

— Думаю, сами сможем. И днище надо бы пошкрябать. Обросли.

— Давай, — согласился Чигринов. — Еще с полмесяца стоять будем. Успеешь?

— Вполне.

Вошел старпом Вольнов, молодой, высокий, чернобровый, как и капитан, подтянутый человек. Они походили

друг на друга, только один с сильной проседью, другой — без единого белого волоска.

— Прибыла машина с буксирным канатом, — доложил он. — У боцмана людей не хватает.

«Гайдабура накляузничал», — усмехнулся Грибанов.

Старпом смотрел на капитана.

— Водолазов не трогать, — приказал капитан.

— Боцманская команда умучилась, — хмуро пояснил старпом. — Все на ней.

— Каждый занимается своим делом, Константин Николаевич, — сказал капитан. — Где старший механик?

— Поршни повез на ремзавод.

— Как вернется — сразу ко мне.

— Хорошо, — кивнул старпом.

— Как сегодня график? Выполнен?

Чигринов еще утром уехал на экзамены в мореходку, теперь уже кончался рабочий день, и он хотел знать, что сделано за день.

— В общем, да, — ответил старпом, — если не считать, что брашпиль так и не собрали.

— Скажите старшему механику, пусть выделит из своих мотористов в помощь.

— У них и так работы по горло.

— Знаю. Но за ремонтниками — глаз да глаз. Сейчас не проверим, в море будем ремонтировать.

Старпом тоже знал, что за ремонтниками нужен строгий надзор, могут тяп-ляп сделать, а потом в море самим придется переделывать.

— Дед закричит.

Старпом назвал старшего механика по-морскому дедом.

— Пусть кричит. Вот водолазы нам подарок делают. — Чигринов кивнул на Грибанова. — Сами винт сменят и ракушки собьют.

Вольнов криво улыбнулся: подарочек! Значит, срок ремонта сократится, а вместе с ним сократится и пребывание на берегу. Кому как, но в его планы это совсем не входило.

Грибанов понял его и сказал, будто оправдываясь:

— Хочу своих парней потренировать. Не все мне менять винты, надо и им приучаться.

«Черт бы тебя побрал с твоей приучкой! — мысленно проклял его старпом. — Теперь и на неделю не выскочишь отдохнуть!»

— Не одобряете? — усмехнулся Чигринов.

— Одобряю, — не сумев скрыть своего недовольства, ответил Вольнов и опять подумал: «Этому старому хрену на берегу уже неинтересно, а у капитана интерес на судне, в медпункте. Хоть бы команду свою пожалели».

И вдруг решился:

— Хотел просить у вас недельку. К брату съездить. Женится.

Чигринов молчал.

«Откажет», — безнадежно подумал старпом.

— Где он живет? — спросил Чигринов.

— В Черняховске.

Капитан помедлил.

— Трое суток, Константин Николаевич. Больше не могу. Начальство требует ускорить ремонт. Так что не обессудьте.

— И на этом спасибо, — поблагодарил Вольнов.

Он знал, что, пока будет гулять на свадьбе, его обязанности возьмет на себя капитан. А у капитана и своих дел по горло. Он был все ж благодарен мастеру — старпом мысленно назвал капитана на международном языке мастером, потому что был глубоко убежден: Чигринов стоит этого высокого звания. А вот водолаз подгадил изрядно. Все надеялись, что когда их поставят в док, то хоть несколько дней погуляют на берегу. С доком всегда тянучка. Надо же чего придумал: самим винт снимать. Хрыч старый!..

— Когда свадьба? — спросил капитан.

— В пятницу регистрация. Свадебный день, — пояснил старпом. — Во всех городах так.

— Сегодня среда, — капитан взглянул на календарь. — В пятницу можете на судно не являться. Придете в понедельник с утра. А завтра займитесь палубными работами. И скажите боцману, пусть начинает покраску мачт.

— Слушаюсь.

— Все. Рабочий день окончен. Кто у вас на вахте?

— Шипкарев, — ответил Вольнов.

— Когда придет ночная смена, пусть проверит их работу.

«До чего похожи друг на друга! — не в первый раз уже подумал Григорий Семенович. — И ростом, и манерой держаться, и на слова скупы. Можно подумать — братья. Старпом подражает капитану во всем, даже походкой, даже фуражку носит прямо, надвинув козырек на глаза».

Капитан Чигринов был всегда застегнут на все пуговицы, всегда подтянут и готов к действию. Он терпеть не мог расхлябанности ни в своей одежде, ни в одежде подчиненных. Ему больше подходило командовать военным кораблем, чем гражданским судном. И эта его собранность, четкость в приказаниях и распоряжениях, почти военная дисциплина, введенная им на спасателе, вольно или невольно отражалась и на поведении штурманского состава.

Вольнов ушел, Чигринов спросил:

— Когда начнешь?

— Могу завтра. Винт нужен.

— Винт завтра будет.

Проводив Григория Семеновича, Чигринов позвонил в судовой медпункт. Никто не ответил. «Где ж она?» — удивился Чигринов. Он отказался идти ужинать в кают-компанию и сел пить чай у себя в каюте. Заварив чай и ожидая, пока он настоится, Чигринов смотрел в иллюминатор на вечереющее небо. Только теперь, освободившись от ремонтных хлопот, он вспомнил о сыне.

«Да, выкинул парень номер! Своеправный парень растет. А вытянулся-то как! Модно подстрижен. С гитарой, поди, ходит?»

Перед глазами стояло искаженное обидой лицо сына и его ненавидящий взгляд. Этот чужой, полный непримиримости и непрощения взгляд смутил Чигринова и не давал ему весь день покоя.

Утром, на экзаменах в мореходной школе, он увидел не мальчишку, каким помнил сына, а юношу с пробивающимися усиками и очень похожего на него. Он давно не видел Славку, уже два года, с тех пор, как ушел из семьи.

Опоздав к началу экзаменов, Чигринов вошел в аудиторию, когда Славка отвечал на третий вопрос по билету — про узлы, стропы и такелаж. По лицу экзаменаторов было видно, что они довольны ответом, и начальник мореходной школы уже потянулся за зачеткой, когда капитан Щербань предложил Славке завязать двойной беседочный узел. И тот не смог. Он завязал что-то непонятное, какой-то гордиев узел. Тогда Чигринов, желая выручить сына, спросил, как он будет развязывать такой узел. «Разрублю!» — зло крикнул Славка, бросил узел и выбежал из аудитории. Начальник мореходки, Павел Антонович, друг Чигринова, приказал Славке: «Курсант Чигринов, вернись!» Но Славка хлопнул дверью, и в аудитории насту-

пила неловкая тишина. Капитан Щербань попросил начальника школы послать Славку на его судно. «Я научу его вязать узлы». Председатель экзаменационной комиссии Иванников сказал: «Вопрос о распределении курсантов будет решаться позднее. Сейчас идут экзамены». На сердце Чигринова остался неприятный осадок, он впервые задал себе вопрос: «Почему я так долго не видел сына?»

Надя, конечно, не стала бы препятствовать его встречам с сыновьями. В этом он был уверен. Она не принадлежит к тем женщинам, которые в мстительной злобе обливают бывших мужей грязью, сваливая всю вину на них, запрещают детям встречаться с отцами. Дело в том, что он сам не стремился к этим встречам, не хотел деланно-веселых улыбок, фальшиво-бодрых слов, которые пришлось бы говорить, — все это было бы лживо и унизительно. Роль бодрячка-папаши, который покинул семью и еще пытается сохранить о себе прекрасные воспоминания, не для него. В море, в длительных рейсах не раз испытывал тоску по своим сорванцам, давал себе зарок после рейса зайти навестить их. И не заходил. На берегу капитанских хлопот тоже по горло. Но если быть откровенным перед собой, то он прятался за эти хлопоты и с облегчением уходил опять в море, обещая себе в следующий раз обязательно забежать к мальчишкам.

Дома, в своей семье, капитан обычно появляется как гость, побудет дней пятнадцать-двадцать и снова в рейс на несколько месяцев. Так идут годы, десятилетия. Если матрос может списаться на берег и начать нормальную человеческую жизнь, то капитан прикован своей профессией к судну, к морю. Настоящим домом для него становится судно, где он проводит основную часть своей жизни. Семье на берегу он оставляет денежный аттестат, посылает радиограммы, его встречают, когда он возвращается с моря. Но если любовь, на которой в молодости держалась семья, ушла, а дружбы, духовного родства за эти годы не возникло, моряцкая семья распадается.

О Надежде Чигринов знал, что она любит его до сих пор. Но она все время была далеко, а рядом — из рейса в рейс, из месяца в месяц — находилась другая женщина. И он не стал обманывать жену, как это делают другие капитаны. Он ушел из семьи.

Чигринов затянулся сигаретой, посмотрел в иллюминатор на вечернее чистое небо, обещающее на завтра хоро-

шую погоду, и подумал, что, пока стоит погода, надо красить мачты и надстройку.

Он еще раз позвонил Анне, телефон не ответил. «Где же она? Может, медикаменты получает? Или в облздравотдел уехала? Но рабочий день окончен».

Наливая в стакан крепкий, густо-коричневый чай, он опять вспомнил сына и внезапно решил: «Надо взять его к себе на спасатель».

* * *

В кухне, украшенной огромным засушенным омаром с красными мощными клешнями, когда-то привезенным отцом из рейса, десятилетний Юрка читал «Морского волчонка». Он переживал приключения мальчишки, который в трюме плыл через океан, переживал и завидовал. Как хорошо было раньше! Раз! — и забрался на судно ночью, когда все спят, или днем, когда все отвернулись. А теперь вот даже и в порт не попадешь, в воротах стоят милиционеры, а у судовых трапов — вахтенные. Юрка ходил с матерью в порт, она отпустила его погулять, так его сразу сцапали на причале и отвели в диспетчерскую. Нет, совсем другие времена настали! Неинтересные! Шагу ступить не дадут. То ли дело раньше!

Юрка вздохнул, глянул на часы и испуганно ахнул. Давно пора было прийти брату, и он, конечно, будет допытываться, ел Юрка или нет. Он быстро налил в тарелку холодного супа, приготовленного матерью еще вчера, перед дежурством, поболтал в нем ложкой и опять вылил в кастрюлю; отломил кусок хлеба, накрошил на столе, пусть думает — обедал. Тарелку и ложку он сунул в раковину под кран, но мыть не стал; вытащил из холодильника банку клубничного варенья, самого любимого, и снова засел за книжку.

Юрка был далеко в океане, когда вдруг услышал над ухом:

— Опять варенье лопаешь!

Он поднял глаза и едва не подавился — перед ним стоял бледный, с насупленными бровями брат. Как он вошел в квартиру, Юрка не слышал.

— Слава, ты экзамен сдал? — решил было он увильнуть от ответа.

— Все на сладком живешь! — раздраженно сказал Славка. — Суп ел?

— Ел.

Юрка показал на грязную тарелку в раковине как на вещественное доказательство. Славка подозрительно поглядел на плутоватую рожицу брата и пощупал кастрюлю на плите.

— Почему холодная?

— А я суп холодный люблю, — не моргнув глазом, соврал Юрка.

Славка еще раз с подозрением поглядел на братишку — от этой продувной бестии всего можно ожидать. Мать велела следить за ним, чтобы он ел как все нормальные люди, а он только и живет на варенье да на мороженом. Вон уже полбанки слопал, а банку мать открыла только вчера.

Славка отобрал у Юрки варенье, закрыл крышкой и приказал: «Принимайся за уборку!» — пошел к себе в комнату выложить шпаргалки, которые на всякий случай, как и все, заготовил на экзамен, только воспользоваться не пришлось.

Юрка, оставшись в кухне один, быстро — ложка за ложкой — черпал варенье и отправлял в рот. Славка вернулся в кухню и застал братишку за разбоем.

— Не налопался?

Юрка в ответ что-то промычал.

Славка взял братишку за плечи, развернул спиной к себе и поддал коленом. Выпроводив неслуха, он закрыл банку, но передумал, открыл и полез в нее ложкой.

— А са-ам! — обиженно протянул Юрка. Он торчал в дверях и завистливо смотрел на брата.

— Не вякай. — Славка отставил банку. — Принимайся за уборку. Объявляется большой аврал.

Но не успели они заняться уборкой квартиры, как раздался звонок в прихожей, и Юрка побежал открывать.

— Путь в морские волки начинается со швабры и помойного ведра! — изрек Мишка Петеньков, заметив ведро и тряпку. — Не робей, юнга.

Мишка был в яркой ковбойке, завязанной узлом на животе, и в умопомрачительных джинсах с наклейками. Широкий ремень с большой надраенной бляхой был усыпан блестящими заклепками, а на белобрысой голове чудом держалась лихо заломленная «мореходка». Только по этой «мореходке» да по якорю на бляхе и можно было предположить какое-то отношение его к морю. А так —

не то мексиканец, не то испанец. Когда он делал шаг, колокольчики на джинсах звенели.

— Последний раз по-вольному прошвырнуться, — пояснил он, поняв недоуменный взгляд Славки.

В руках Мишка держал обувную коробку, из которой торчала антенна. В коробке был транзистор со сломанным футляром. Денег на новый футляр у Мишки не хватало, а коробки он выпрашивал в универмаге «Маяк», в отделе обуви.

Славка неласково смотрел на друга, ему не хотелось сейчас никого видеть.

— Что было, что было, Славка-а! — закатил глаза Петеньков. — Девятый вал! Двенадцать баллов!

— Плевать мне на двенадцать баллов! — оборвал его Славка.

— Вот я и говорю — плевать! — охотно согласился Мишка и тут же деловито доложил: — Трояк тебе вкатили. Из уважения к заслугам твоих предков. Это что — клубничное? Обожаю клубничное.

Петеньков, не дожидаясь приглашения, зачерпнул ложку варенья и отправил в рот, блаженно зажмурился.

— Много есть сладкого вредно, диабет наживешь, — не вытерпел Юрка. Он торчал в дверях и ревниво смотрел, как уничтожается варенье.

Славка усмехнулся и опять выдворил братишку из кухни.

— Давай занимайся уборкой. Сам-то хоть сдал? — спросил у Петенькова.

— Чуть волной не накрыло, — с трагической ноткой сообщил Мишка и, облизав, отложил ложку. — Капитан Щербань кинул спасательный круг. — Он восхищенно крутнул головой и воскликнул: — Вот классный кэп! Таких поискать! Спасенье надо обмочить. Бери гитару.

— Не пойду, — отказался Славка. У него хоть и отлегло на душе после сообщения Петенькова («трояк» не беда, главное — в море путь открыт), но встреча с отцом лежала тяжелым грузом на сердце, и идти веселиться ему не хотелось.

— Да ты что! — удивленно выкатил и без того большие голубые глаза Петеньков. — Морской закон! Экзамены столкнули, уходим в моря. И еще за то, что Щербань берет тебя к себе.

— Ври! — Славка замер, радостно пораженный.

— Просоленное слово морского волка! — торжественно

поклялся Петеньков. — Сам слышал: после экзаменов Щербань просил Душу-Павлушу направить тебя к нему. Давай собирайся. Пойдем расстреляем время. Все маримана покатили в бар «У ворот» балдеж устраивать. И нам велено там быть. А юнга пусть доведет палубу до блеска. Адмирал Нельсон тоже начинал с этого, — успокоил он Юрку, снисходительно похлопав его по плечу.

* * *

Из вишневой «Волги» Анна Сергеевна смотрела на освещенную фонарями улицу, на фасады старинных домов, на островерхие краснокирпичные крыши с затейливыми башенками и шпилями. Она несколько лет жила в этом красивом зеленом городе, но все еще не могла привыкнуть к нему. Все в море да в море. А когда возвращается из рейса, на судового врача сваливается масса береговых дел: отчет о санитарном состоянии судна и качестве продуктов, о лечении экипажа в рейсе и помощи спасенным. Приходится заполнять десятки бумаг. Не успеешь опомниться — снова в море.

И так все годы, с той поры, как приехала она сюда после института, после гибели мужа.

Он был штурманом на траулере Севастопольской базы. Познакомились они в Москве на вечере танцев в мединституте, где она училась на первом курсе. Он ехал в отпуск в Горький, и школьный товарищ — студент затащил его к ним на вечер. Он так и не доехал до дома и весь отпуск, весь июнь, пока она сдавала экзамены, проторчал в Москве, каждый день встречая ее у дверей института.

Лето она провела в ослепительно-прекрасном Севастополе. Белые здания, синее море, солнце, фрукты, радостная пестрая толпа отдыхающих, его траулер, стоящий в ремонте, душные южные ночи, купание в ночном теплом море.

Осенью, на втором курсе, она стала вдовой. И потянулись долгие тусклые годы.

Окончив институт, она сама попросилась в этот город, подальше от тех мест, где была счастливой. И когда в облздравотделе предложили стать судовым врачом, неожиданно для себя согласилась, хотя и боялась моря.

Прошло несколько лет. На многих судах ходила она, прежде чем попала на «Посейдон». В первом же рейсе она почувствовала, как потянуло ее к строгому и немного-

словному капитану. Чигринов разительно отличался от ее первого мужа. Он был из другого поколения, из тех, кто прошел войну. Она скрывала свое чувство, противилась ему, гнала от себя, пока вдруг не обнаружила, что Чигринов тоже любит ее...

Она видела свое лицо, отраженное в стекле машины, видела гладкую прическу крашенных в рыжий цвет волос, короткие темные брови, прямой нос и подведенные помадой полные губы. Лицо было уже не первой молодости, однако Анна Сергеевна принимала это неизбежное в жизни любой женщины увядание спокойно, без панического страха. Большие очки в модной оправе придавали ее лицу строгость, делали похожей на неулыбчивую учительницу.

Из радиоприемника тихо лилась незнакомая мелодия. Анна Сергеевна курила сигарету, глядела на свое отражение в стекле и думала о том, что вот и прошли молодые годы. Сегодня почему-то было особенно грустно, и она никак не могла понять почему. Эта внезапно нахлынувшая тоска погнала ее в город, она долго бродила по улицам, пока не подкатил к тротуару на «Волге» капитан Щербань. С улыбкой открыл дверцу. «Смотрю и глазам не верю — красивая женщина и грустит в одиночестве!» Он катал ее по городу и все острил, рассказывал смешные анекдоты. Он был в ударе: снова вывел свое судно на первое место в базе, выполнив полугодовой план досрочно. За час они объездили весь город, а потом подкатили к милиции, куда забрали его новых матросов.

— Салажата, — усмехнулся Щербань. — Пристали в парке к моей буфетчице. Милиция их и загребла.

Когда задержанные вышли из отделения милиции, Анна Сергеевна указала на длинного, чуть сутуловатого паренька.

— Это не Чигринова сын?

Щербань включил зажигание.

— Он самый.

— Какой большой, — растерянно произнесла Анна Сергеевна, не спуская глаз с юноши.

— Акселерация. — Щербань слушал работу мотора. — Сейчас они все такие длинные.

— Похож, — тихо сказала Анна Сергеевна, и на губах ее появилась задумчиво-грустная улыбка.

— Я попросил его к себе. — Щербань тронул «Волгу» и, проезжая мимо девушки, одиноко стоящей возле мили-

ции, сказал в опущенное окно: — Тамара, завтра в девятнадцать ноль-ноль отход.

— Я знаю, — смущенно улыбаясь, ответила девушка.

— Какая славная девушка! — сказала Анна Сергеевна.

— Плохих не держим, — улыбнулся Щербань и похвалил: — Хорошая буфетчица. Ну, теперь куда?

— В порт.

На большой скорости Щербань погнал «Волгу» по ночным затихшим улицам, мимо зоопарка с каменными зверями над входом, мимо опустевшего стадиона, мимо театра с уже погашенными огнями и выключенным фонтаном. Свернули на красивый, весь в каштанах Гвардейский проспект, ведущий к Вечному огню на могиле гвардейцев, павших за этот город.

Подставив лицо встречному потоку теплого воздуха, бьющему в открытое окно, Анна Сергеевна не слушала, что говорил Щербань. Она думала о Славке. Он был из той жизни Алексея, которую она не знала, но которая всегда интересовала ее. И хотя Алексей не захлопывал перед нею дверь в свою прошлую жизнь, но был скуп на слова, и тот мир, те годы любимого человека оставались для нее таинственны и недоступны.

Вскоре открылся ночной порт. В черной воде отражались, взблескивали сотни судовых огней. В небе, подсвеченном электрическим заревом, чернели длинные стрелы портальных кранов и крестовины судовых мачт. У причалов тесно, борт к борту, в два-три корпуса, чернея квадратами окон высоких белых рубок, дремали суда разных видов и назначений.

Поблагодарив у проходной Щербаня, Анна Сергеевна пошла по притихшему порту. И теперь, оказавшись в привычной обстановке, она вдруг поняла, что томило ее целый день. Утром, когда Алексей поехал на экзамены в мореходную школу, она подумала о его встрече с сыном. Ее беспокоила эта встреча. Кто она Алексею? Не жена, во всяком случае. Двойственность, неопределенность... Она представляла, что о ней говорят матросы «Посейдона»...

Раздался длинный требовательный звонок. Анна Сергеевна подняла глаза. Над головой висела связка бочек, а из кабины портального крана грозил кулаком молодой крановщик. Она не заметила, что шагает по рельсам.

Разгружался рефрижератор «Балтийская слава». Освещенный прожекторами, белый борт судна высоко возвышался над причалом. На железнодорожном пути стояли

вагоны-холодильники, куда докеры в желтых касках вкатывали бочки с рыбой.

Пахло рыбой, морем, краской свежеокрашенных бортов, мокрым железом и нефтью. Этот сложный запах порта давно стал родным, и Анна Сергеевна успокоилась, будто пришла к родному крыльцу.

Через два судна от «Балтийской славы» стоял красавец траулер «Катунь». Стройный, весь устремленный вперед, он больше походил на военный корабль, чем на рыболовный траулер. Он готовился выйти в море. На причале стояла маленькая группа провожающих. Женщины махали, что-то кричали, им отвечали с борта. На левом крыле мостика стоял высокий носатый капитан в фуражке, лихо сдвинутой набекрень. На груди его в свете причальных огней искрилась золотая звездочка.

Анна Сергеевна постояла возле притихших женщин, подумала, что ее никто никогда не провожал в рейс. Единственный близкий человек был всегда с ней на борту. И опять она подумала о том, что что-то изменилось в их отношениях, что-то произошло. Анна Сергеевна была счастлива два этих года. Неужели наступает похмелье?

«Катунь» была уже на середине гавани и самым малым ходом двигалась к каналу на выход из порта. Три протяжных гудка встряхнули ночную тишину, и от этих прощальных гудков в душе возникло ощущение сиротливости.

— Ну вот и все, — вздохнула рядом женщина. — Опять на полгода.

Проводы кончились, причал опустел.

Через два судна был виден черный корпус «Посейдона», его ярко-оранжевая, освещенная прожектором надстройка. На палубе вспыхивали искры электросварки. Иллюминаторы капитанской каюты светились. У Анны Сергеевны радостно дрогнуло сердце, и она прибавила шагу, сразу забыв о своих переживаниях.

* * *

Утром на плацу мореходной школы торжественно замер строй парадно одетых курсантов. Здесь же, на плацу, был весь преподавательский состав. Черные парадные тужурки капитанов сверкали золотыми шевронами.

Начальник школы зачитывал приказ:

— «...Для прохождения морской практики курсанты направляются на промысловые суда управления рыбной промышленности...»

В длинном ряду курсантских фамилий прозвучали и фамилии друзей.

— «...Курсанты Гурешидзе и Садыков на тунцеловную базу «Солнечный луч».

Гурешидзе и Садыков перемигнулись, очень довольные, что попали на одно из лучших судов.

— «...курсант Петеньков на СРТМ-9043 «Кайра».

Не веря своему счастью, Мишка пораженно округлил глаза, толкнув локтем рядом стоящего Славку, радостно шепнул:

— Вместе будем.

Славка тоже обрадовался. Быть вместе с другом на одном судне — разве не удача!

И вдруг как гром с ясного неба:

— «...курсант Чигринов на спасательный буксир «Посейдон».

Славка побледнел.

Зачитывались фамилии, в строю курсантов раздавались то радостные, то тяжелые вздохи. Как могло случиться, что его назначают на «Посейдон»? Щербань вчера сам сказал: «Мой рулевой». Нет, тут какая-то ошибка.

Начальник школы поздравил курсантов с окончанием экзаменов и распустил строй. Славка пошел за объяснением. Петеньков, сопровождая друга до дверей кабинета, втолковывал:

— Машинистки перепутали, когда печатали. А Душа-Павлуша разве упомнит всех, кого куда.

В большом кабинете, где одну стену занимала огромная карта мира, на которой маленькими бумажными корабликами были отмечены места рыболовного промысла, Славка с порога брякнул:

— Я же на «Кайру» был назначен!

— Эт-то еще что такое? — Павел Антонович недовольно поднял брови. Он сидел за столом и подписывал какие-то бумаги.

— Не хочу на «Посейдон», я же на «Кайру» был назначен! — с отчаянием повторил Славка.

— Что значит «не хочу»! Ты что, дома с матерью разговариваешь?

— Только, пожалуйста, без нравоучений, дядя Паша.— Славка иронически усмехнулся.

— Я тебе не дядя Паша сейчас, а начальник школы! — повысил голос Павел Антонович и астматически задышал. — Ясно?

— Ясно, — хмыкнул Славка. Все курсанты знали, как трудно дается Душе-Павлуше строгость, потому-то курсанты и зовут его Душа-Павлуша, а уж Славка-то и подавно знал это и упрямо повторял: — Пошлите на «Кайру». Капитан Щербань мне сам сказал, что я буду у него рулевым.

Старчески расплывшееся лицо Павла Антоновича стало суше, холоднее. И Славка понял: нет никакой ошибки в списках, машинистки напечатали все правильно.

— Пошлите хоть куда, — упавшим голосом сказал он. — С ребятами чтоб вместе. Они вон в загранку идут.

Он был согласен на любое судно, лишь бы не на «Посейдон».

Павел Антонович вгляделся в расстроенное лицо Славки и заговорил не так уж строго:

— Прежде чем смотреть страны и океаны, надо научиться стоять на палубе. И чтоб коленки не дрожали. Еще не умеет вязать морских узлов, а уже подавай ему Канарские острова и Африку с Америкой.

У Славки запрыгали от обиды губы. Павел Антонович уже другим голосом, шумно дыша, подбирал слова.

— На спасателе ты пройдешь настоящую морскую практику, — сказал ему начальник школы. — Там работают самые смелые и опытные люди. И капитан «Посейдона», как тебе известно, знаменитый капитан.

— Не хочу я к вашему знаменитому капитану! — закричал Славка. — Не хочу!

— Ну вот что! «Хочу — не хочу»! Слова эти забудь! Ты — курсант. Практику будешь проходить на «Посейдоне»! Все!

Славка выскочил из кабинета.

Расстроенный начальник школы встал из-за стола. Он любил Славку как родного сына. Старый холостяк привязался к сыну своего друга. Славка вырос у него на глазах. Павел Антонович все знал, все понимал и болел за всех их: и за Алексея, и за Надежду, и за Славку, и за пострелёнка Юрку. Когда сегодня утром позвонил Алексей, попросил направить Славку к нему на спасатель, он с радостью согласился, надеясь, что в море между отцом и сыном наступит понимание и примирение. Такая хорошая была семья! И вдруг все рухнуло. Анну Сергеевну

Павел Антонович не винил. Он хорошо знал и уважал врача «Посейдона». И все же... Ах, черт побери, как все запутано в жизни!

* * *

— Ну вот что! «Хочу — не хочу!» Слова эти забудь! — строго сказал Славка. — Не с матерью разговариваешь. Принимайся за уборку.

— Все я да я, — противился Юрка. — А са-ам?

— Привыкай к морскому порядку. Ты теперь за старшего в доме. Я ухожу в море, — заявил Славка и почувствовал, как вырос в собственных глазах, как радостным жаром обдало сердце при словах «ухожу в море».

— В море уходишь? На каком судне? — раздался голос матери из прихожей. Ни Славка, ни Юрка не слышали за спором, как она открыла дверь в квартиру.

Надежда Васильевна была далеко не молода. Но седые пряди в черных, гладко зачесанных назад и собранных в тяжелый узел на затылке волосах не старили ее. Теперь даже молоденькие девчонки носят седые парики. Правда, если присмотреться внимательно, то можно было обнаружить и начавшие отвисать щеки, и увядшую кожу на шее, которую она искусно скрывала повязанной косынкой.

— Ох и устала я, мальчики! — пожаловалась она сыновьям и села, не раздеваясь, на диван, обессиленно прикрыла глаза и вытянула ноги. — Такое сумасшедшее дежурство было.

Последние дни в порту были напряженными: пошла «большая рыба». Суда возвращаются с полными трюмами, причалов не хватает, в порту толкучка, ругань, крики. Капитаны требуют немедленной разгрузки, чтобы побыстрее уйти в море, пока густые косяки жируют в недалеких квадратах. Одному нужна соль, другому топливо, третьему питьевая вода. Но в первую очередь всем нужны причалы, причалы, причалы... И всех надо разместить, всех надо обеспечить, и все это на диспетчере: с него требуют, ему грозят, его просят, умоляют, ругают. Голова кругом. Надежда Васильевна пришла вот домой, а в ушах все еще голоса капитанов, штурманов, начальника порта...

— Так на каком судне идешь, моряк? — спросила она, выкладывая из авоськи продукты на стол. — На рефрижераторе, на траулере?

— На спасателе, — ответил Славка.

Она перестала разбирать продукты и взглянула на сына.

Славка хмурил брови. Брови у него были отцовские, вразлет.

Юрка тем временем распотрошил авоську и вытащил кулек, который сразу же приметил, едва мать внесла продукты.

— Карамельки мои! — пропел он, запуская руку в конфеты.

Мать слегка стукнула его по руке.

— Опять за сладкое. Аппетит перебьешь. — Медленно разворачивая пакет с фаршем, спросила: — Когда приказано быть на судне?

— Через два дня, — ответил Славка.

— Ну что ж... — задумчиво произнесла она и, словно отрешаясь от всего горестного, уже другим тоном закончила: — Будем стряпать, мальчики.

В их доме был культ пельменей. Алексей, родом с Алтая, привил любовь к этому знаменитому блюду сибиряков и ей, уроженке Гомельщины, и сыновьям. Стряпали вчетвером, всей семьей, и часы, когда ее мужчины, подвязавшись фартуками и полотенцами и перепачкавшись мукой, делали пельмени, были для нее самыми счастливыми. Когда отец возвращался из рейса и был на берегу полмесяца-месяц, такое торжественное приготовление пельменей было частым. На пельмени приходили друзья-моряки, и весь вечер шел разговор о море, о кораблях, о рыбе, о странах, где приходилось бывать. Каких только рассказов не было! Пели песни, морские, нынешние, и те, давние, военные. Бывало шумно и весело. Мальчишек не угонишь спать — готовы слушать рассказы капитанов до утра... Потом появилась эта женщина, и Алексей перестал приходить домой. Но каждый раз она замешивала тесто на четверых, ожидая возвращения отца своих детей, и его порцию готовых пельменей не варила дня два, держа их в холодильнике.

И сегодня они стряпали втроем. Мать раскатывала сочни, а сыновья лепили пельмени. Надежда Васильевна и Славка думали об одном и том же, а Юрка болтал о собаках и все подводил разговор к покупке щенка. У него давно была такая мечта.

Славка поглядывал на расстроенное лицо матери и понимал, что его уход в море — огорчение для нее и новая тревога. Желая утешить, сказал:

— Все ходят в море — и ничего. Ты не думай.

— Я не об этом, — ответила мать, продолжая раскаты-

вать тесто. — Веди себя там хорошо. Не груби, — сказала мать.

— Что я, маленький?

— Я не об этом.

— Все понял, — недовольно сказал Славка. — Я к нему не напрашивался. Это все дядя Паша. Да еще лекцию прочитал.

— Тебе не мешает слушать старших.

— Все учат! — воскликнул Славка. — Куда ни повернись — наставник. Прямо массовое движение наставников! Я уже вырос из пеленок, у меня рост — метр восемьдесят. У меня свой ум есть.

— Если он у тебя есть, то ты должен понять, что я сутки отдежурила и страшно устала. — И, внимательно посмотрев на сына, с удивленной растерянностью повторила: — Метр восемьдесят. Боже мой! Вымахал. Выше отца. Только ветер у тебя гуляет на этой высоте. Опять в милицию попал, и опять за драку.

— Не было никакой драки ни тогда, ни сейчас, — буркнул Славка.

— Вот отец возьмется за тебя в море, — сказала она и подумала, что хорошо, если сын пойдет в первый рейс с отцом. Алексей последит за ним.

А Славка подумал о том, как все же не повезло ему!

Душа-Павлуша уперся — не сдвинешь. Добрый-добрый, а тут как камень. Все, что угодно, ожидал он, но что пошлют к отцу — не ожидал. И как вести себя с ним? Просто не замечать его? Он — капитан, где-то там, в рубке, а Славка — матрос, на палубе. И все. Не замечать. Но ведь там будет и ЭТА женщина! Славку даже в пот кинуло, когда он вспомнил рыжую красивую женщину. Что же делать?..

Давно были сварены пельмени, и дымящаяся тарелка с ними стояла на столе. Юрка, примостившись на коленях на стуле, уплетал за обе щеки.

В комнате на тахте, закрыв глаза, лежала бледная мать, а расстроенный Славка стоял над ней. Он только что принес мокрое холодное полотенце, и мать крепко-накрепко стянула им голову. Приступ начался внезапно, как всегда. Когда настигали эти мучительные головные боли, она сутками лежала не поднимаясь, и никакие лекарства не помогали. Она просто отлеживалась и потом вставала бледная, опухшая, обессиленная, ходила медленно, покачиваясь как пьяная.

— Ты не болей, — говорил Славка, сам понимая, что от его слов матери легче не станет, — а то Юрка совсем без надзора останется.

— Что поделаешь теперь, — болезненно морщась от каждого произнесенного слова, отозвалась мать. — Все вы у меня становитесь моряками, все уходите.

Славка еще больше насупился и брякнул то, что давно созрело в его душе:

— Сходила бы тогда в партком или на Совет капитанов. Ему бы вломили по первое число.

Мать открыла глаза и долгим изучающим взглядом посмотрела на сына.

— Партком, Совет капитанов, — горько усмехнулась она. — Это глупые женщины ходят по парткомам.

«Разве можно насильно заставить человека любить! Тут никакой партком не поможет, никакой Совет капитанов. Наивный сын не понимает этого».

Она знала, как пришел в партком Алексей и объявил, что уходит из семьи. «Наказывайте». Знала, как не поверили ему сначала, потом растерялись — ведь один из лучших капитанов, представлен к ордену! Секретарь парткома, земляк Алексея, пришел в крайнее возбуждение. «Ты чо, паря, белены объелся?» — «Наказывайте», — повторил Алексей. «Ты хоть объясни толком». Просили, ругали, грозили. Решили подождать, положиться на мудрость народной пословицы: «Перемелется — мука будет».

Только перемелется ли эта мука? Кто может ответить?

— И что ты его все время защищаешь? — зло спросил Славка. — Он поступил как... как подлец, а ты его защищаешь.

— Не смей так говорить, — твердо сказала мать и с трудом поднялась.

— Подлец! — закричал Славка. — И она тоже, эта!..

Мать ударила сына по щеке.

— Ты что! — Славка ошарашенно захлопал глазами.

— Не имеешь права так говорить о нем, — тихо сказала Надежда Васильевна. — И... о ней тоже.

— Пельмени остыли. Чего вы? — спросил Юрка, появляясь в дверях.

— И пельмени опять ему оставила! — закричал Славка. — В холодильник засунула! Я видел!

— Замолчи! — приказала мать.

Славка оттолкнул братишку, выскочил из комнаты, хлопнул входной дверью. Загремели шаги по лестнице.

Мать заплакала. Юрка, увидев слезы, тоже распустил губы, готовый зареветь, и прошептал:

— Пельмени совсем остыли.

— Ешь, ешь, я потом. У меня голова болит.

Она легла на тахту. Закрыла глаза. Мучительная тяжесть сдавила затылок. Она знала, что у сына отчуждение к отцу, и считала это своей виной. Надо было все же убедить его, что отец человек честный. Алексей в самом деле не кривил, не изворачивался, как это делают другие мужчины. Он всегда был правдив. Надежда Васильевна лишь сожалела, что Алексей не приходит к детям.

Надежда Васильевна вспомнила далекие годы своей послевоенной юности, когда встретила гвардии старшего лейтенанта Алешу Чигринова. Тогда, после победы, она осталась в этом городе. Да и некуда было возвращаться. Гомель был разрушен, дом ее сгорел, отец погиб в партизанах, мать замучили немцы. И одинокой штабной радистке, совсем тогда еще девчонке, было все равно где жить. А здесь, в порту, требовались радисты. Алеша лежал в госпитале под Кенигсбергом и по воскресеньям, когда стал «ходячим», приезжал на танцы. После демобилизации он тоже пошел работать в порт. Потом учился в мореходке, а она бегала к нему на свидания. Когда однажды на танцплощадке он спросил: «Пойдешь за меня?» — у нее брызнули слезы, и она долго не могла ответить. Алеша нахмурился, он терпеть не мог слез, и она, перепугавшись, что он передумает на ней жениться, поспешно спросила: «А когда?»

После войны было голодно, холодно, город был разрушен, ютились они в комнатушке в полуподвале. Но она была счастлива, не замечала, что плохо одета, плохо обута, что в комнатенке, где помещались лишь кровать да маленький колченогий столик, было угарно от железной печки и оконце над головой едва пропускало свет...

Много лет не было детей.

А когда появился первенец, Алеша уже был капитаном, и жизнь давно вошла в спокойное русло, с достатком, с хорошей квартирой, с верными друзьями...

Надежда Васильевна с нежной радостью вспомнила, как прямо из роддома со Славкой на руках она приехала в порт встречать Алексея с моря. И он растерянно и неумело держал сверток с ребенком, топтался на причале, не зная, что делать, а моряки его сейнера улыбались, поздравляли своего капитана с сыном. Павел — Душа-Павлуша,

который тоже пришел встречать друга, хлопал его по спине и говорил: «Ну, Алексей, теперь на море будет династия капитанов Чигриновых». И не было счастливее ее в тот ветреный и дождливый день...

Боже мой, неужели все ушло? Куда? Почему? Какая совсем другая жизнь наступила!

* * *

Дни стояли солнечные, теплые.

Но где-то в северной Атлантике уже зарождался циклон, который потом будет иметь кодовое название, какое-нибудь женское имя, звучное, нежное, и войдет в справочные таблицы, в энциклопедию бед морских; его будут долго помнить, изучать его путь, оценивать причиненные им разрушения, передавать рассказы моряков, видевших этот яростный разгул стихии и чудом оставшихся в живых.

А пока об этом никто не догадывался, еще не было штормового предупреждения, еще синоптики и не подозревали, какой сюрприз готовит им природа, и спокойно давали прогноз о ясной погоде без осадков и ветра.

И порт жил своей обычной жизнью.

У причалов стояли под разгрузкой избитые морем траулеры и осадистые крупнотоннажные, полные добытой в океане рыбы, плавбазы; звонили портальные краны, подходили длинные составы вагонов-холодильников, свистели маневровые паровозики, гудели машины; матросы окатывали водой из шлангов палубы. Солнце отблескивало на поверхности залива, дробилось на мелкой волне, вспыхивало ослепительными бликами.

«Посейдон» стоял у дальнего причала. Матросы покрывали черным лаком корпус судна, якорные цепи, кнехты, лебедки; красили в оранжевый цвет мачты, шлюпки, всю надстройку. Постепенно спасательный буксир принимал свой обычный вид.

В большом помещении на корме расположился водолазный пост со всем своим снаряжением: баллонами сжатого воздуха, медными шлемами, прорезиненными рубахами, свинцовыми грузами, воздушными шлангами, телефоном и галошами на свинцовой подошве.

Грибанов разбирал клапан-золотник в медном шлеме, а Веригин и Шебалкин заклеивали потертые места водолазных рубах.

Дверь поста была открыта, и, когда Славка проходил мимо, Григорий Семенович окликнул его:

— Ну как, моряк, привыкаешь?

— Привыкаю, дядя Гриша.

— А чего хмурый? На спасателе только и практика. Это тебе не какой-нибудь туристский лайнер с оркестром в ресторане.

— Мне об этом уже говорили, — скривился Славка.

— Ну-ну, — Григорий Семенович внимательно посмотрел на юношу. — Ремонт, конечно, дело нудное. Вот выйдем в море, повеселей будет.

— Чигринов, я тебя куда послал! — окликнул Славку боцман Гайдабура. Жилистый, подвижный, он держал в руках металлическую свайку для сращивания стальных тросов.

— Иду, иду, — недовольно ответил Славка.

— Он идет! Полюбуйтесь на него! — обратился боцман к водолазам. — Ты ползешь как камбала, а не идешь. Так ты и в шторм будешь шевелиться?

Славка не ответил, а Гайдабура, наставительно подняв в зарубцованных шрамах и ссадинах обрубок указательного пальца, сказал:

— Если мы будем ползать, как ты, все суда в море потонут. Мы — скорая морская помощь. Вьюном вертеться надо, чтоб палуба под ногами дымилась. Ясно?

— Ясно, — с насмешливым видом ответил Славка.

— Раз ясно, иди выполняй приказ.

Боцман присел на комингс — железный порог, снял видавшую виды фуражку и вытер вспотевший, прорубленный глубокими морщинами лоб. Сквозь редкие волосы на макушке просвечивала лысинка. Пригладив волосы и помолчав в раздумье, он доверительно пожаловался:

— Что-то поясница у меня сегодня ноет. Шторм чует.

— На берег спишешься — синоптиком станешь, — улыбнулся Грибанов. — Или лектором в обществе «Знание». Вон какую лекцию закатил курсанту.

— Шутки шуткуешь, Семеныч, — вздохнул боцман. — Я берега боюсь, как черт ладана.

— Время подходит — не открестишься.

Боцман и водолаз разительно отличались друг от друга: один — нескладный, тощий, с длинным лицом и длинной кадыкастой шеей, другой — плотный, коренастый, с головой, вросшей в налитые силой плечи. И в то же время, как ни странно, они были схожи. Оба прокалены солнцем, про-

дублены ветрами всех широт, просолены волнами морей-океанов, в обоих чувствовалась уверенность и знание своего дела. И теперь, когда они разговаривали, было видно, что они давным-давно спаяны единой судьбой, давно знают друг о друге все, как могут знать только люди, немало лет проплававшие вместе.

— Ну, испортил ты мне настроение. — Гайдабура сморщил и без того морщинистое лицо и признался: — Я берега и вправду боюсь. Всю жизнь на воде. По всем морям-океанам плавал, везде побывал. Вот только в Сандуны не сподобился. Ты бывал?

— Нет, — усмехнулся Григорий Семенович. Он давно знал заветную мечту боцмана — побывать в Сандуновских банях в Москве.

Маялся боцман ревматизмом, любил попариться, выгнать простуду.

— Говорят, лежишь, паришься, а тебе пиво подносят, раки, соленые бублики. Войдешь стариком, выйдешь — хоть женись. Сказка! — Гайдабура мечтательно прищурил глаза. — Так вот проживешь век и ничего не увидишь. — И вдруг заорал: — Посильней наноси удар! Посильней!

— Я не плотник, — огрызнулся Славка. Он рубил на корме бревно-коротыш для пластыря.

— Матрос на спасателе — особый матрос, — опять сел на своего «конька» Гайдабура. — Он и слесарь, и сварщик, и плотник. Мы — спасатели, мы все должны уметь.

Славка в сердцах так ахнул по бревну, что брызнули щепки.

— Попридержи удар! — вскочил Гайдабура. — Ты мне так весь материал изведешь.

— То посильней, то придержи. — Славка всадил топор в бревно и сказал усмехаясь: — Рубите сами, а я посмотрю.

— Ты как разговариваешь? — поразился Гайдабура. — Я тебе кто?

— Никто. — Славка вразвалочку пошел с кормы.

— Ну не-ет, — протянул боцман, растерянно глядя вслед Славке. — Нет. С этим акселератом я инфаркт схлопочу. Всего три дня на судне, а у меня уже сердце перебои дает. Что мне с ним делать?

— Наказать, — сердито ответил Григорий Семенович.

— «Наказать»! Он же капитанский сын.

— Плохо ты думаешь о своем капитане.

— Плохо я не думаю, но дело тут тонкое...

По судовой радиотрансляции раздался голос старпома:

— Курсанту Чигринову зайти в рубку!

Когда Славка поднялся в рулевую рубку, отец встретил его строгим взглядом.

— Если ты думаешь, что тебе все будет прощаться, то глубоко ошибаешься! Кто тебе позволил так вести себя на судне? Почему грубишь боцману?

Славка молча смотрел себе под ноги.

За эти дни Славка старался не попадать отцу на глаза. И теперь впервые они стояли лицом к лицу.

— Я к тебе не напрашивался, — буркнул Славка.

Алексей Петрович видел, как сын всеми силами старается сохранить независимость, показать, что выслушивает отца только в силу необходимости: капитан дает разнос — матрос должен слушать. Перед ним стоял насупленный угловатый юноша с длинными руками и тонкой шеей; над губой, однако, уже пробивался первый пушок.

— Учти, — предупредил отец, — я все равно тебя не спишу. Не надейся. В море пойдешь только на «Посейдоне». А за непослушание боцману будешь наказан. Боцманом же. Все! Иди!

— Константин Николаевич, — обратился Чигринов к старпому, — проследите, чтобы боцман наказал курсанта Чигринова.

* * *

Капитан Чигринов стоял возле открытого иллюминатора и курил. Он любил эти часы позднего вечера, когда работы на судах прекращались, стихал грохот, порт пустел. Хотя жизнь на причалах не прекращалась.

Капитан думал, что вот ремонт, слава богу, кончается и скоро в море, опять за настоящую работу, без которой он уже и не мыслил себя и по которой стосковался. Водолазы сменили винт, механики отремонтировали двигатель, осталось кое-что по мелочам.

Сегодня в коридоре управления Чигринов встретился с Иванниковым, и тот, полуобняв его за плечи, как бы в шутку спросил: «Ну как, не надоела еще земля? Не тянет в море?» Будто на берегу для капитанов курорт! Сам был в этой шкуре, должен бы помнить. «Между прочим, я два года не был в отпуске», — сказал Чигринов. «Всего-то! — воскликнул Иванников. — Ну, вам ли сетовать, Алексей Петрович! (В этом был намек на Анну?) Сейчас пойдете

на юг, в тропики. Вернетесь с бронзовым загаром. Будут думать, что были в Сочи».

Все-таки капитаны начинают говорить на разных языках, если один из них бросил якорь на берегу, а другой болтается в море. В отпуске капитаны не бывают по нескольку лет: все некогда. И море, которое когда-то манило романтикой, давно стало для них работой — обыденной, трудной и опасной.

Нет, он не клял судьбу. Он любил море, любил капитанскую работу, и, если бы ему предложили начать жизнь сначала, он снова выбрал бы море.

Он заболел им еще в детстве, после того, как посмотрел «Мы из Кронштадта». Фильм потряс его. Он бредил матросами и страстно возмечтал раздобыть тельняшку. Но в далекой алтайской деревеньке тельняшку днем с огнем было не сыскать, а до моря лежали тысячи и тысячи верст.

Когда началась война, мечта о море овладела им с еще большей силой. Думалось — попадет во флот, но угодил в пехоту и стал полковым разведчиком. Всю войну пролазил по тылам противника и уж никак не думал, что судьба все же приведет его к морю.

Впервые увидел он море, когда с боем взяли старинную морскую крепость на берегу Балтики. Тогда, как только кончился бой, он оказался на плоском песчаном берегу, и море поразило его беспрерывным движением мелких серых волн. Небо было бесцветным и приплюснутым. Он почему-то думал, что море всегда синее и радостное, а небо над ним высокое и солнечное. Низкая песчаная коса была завалена трупами лошадей и солдат — немецких и наших — и горелым металлоломом: танками, самоходками, орудиями. От смрада нечем было дышать. Но он долго смотрел на пологие мутные волны, все набегающие и набегающие откуда-то из глубины серого дождливого пространства, и никак не мог осознать, что вот это и есть знаменитая Балтика, которую он так хотел видеть еще с детства.

После госпиталя, демобилизовавшись, он пошел работать в порт грузчиком.

Странна человеческая судьба: то с боем брал вот этот порт, то теперь работает здесь и живет. Был и матросом на маленьком буксирчике, и учился на курсах рулевых, потом, когда походил по морям, порыбачил, окончил высшее мореходное училище, стал штурманом и довольно

быстро дошел до капитана. Несколько лет ходил на СРТ, потом на траулере. Однажды вызвали в отдел кадров и предложили буксир-спасатель. Он согласился. И вот уже несколько лет на «Посейдоне»...

Кто-то легонько скребся в дверь. «Посейдон просится», — подумал Чигринов про судового песика, которого притащил на борт матрос Боболов, подобрав на улице.

Открыв дверь, Алексей Петрович остолбенел: в дверях, смущенно улыбаясь, стоял Юрка.

— Ты как здесь? Что-нибудь случилось?

— Возьми меня с собой, — попросил Юрка.

— В море? Маленьким нельзя. Вот выучишься, подрастешь — пожалуйста. Обязательно возьму.

— А Славку так берешь!

— Как ты прошел в порт? Почему тебя пропустили на проходной?

Юрка отвел глаза.

«В дыру какую-нибудь пролез», — подумал отец.

— Что ж ты раньше не приходил? — спросил он.

Юрка смутился:

— Слава не велел.

— Теперь приходи. Мы еще постоим в ремонте.

Он позвонил Анне в медпункт.

— У меня гость.

— Я знаю, видела.

В ее голосе он уловил скрытое волнение.

— Ты придешь?

Она немного помолчала.

— Я думаю, вам лучше побыть одним. Ты сделай так, чтобы ему было хорошо. Чаем напои, угости конфетами.

Они пили чай. Юрка рассказывал о доме, школе, о мальчишках со двора.

— А мама, кстати, знает, что ты у меня?

Юрка опустил глаза.

— Э-э, парень! Ночь на дворе! Она же с ума сойдет!

— Я у тебя останусь, — попросился Юрка, — до утра только.

— Нет, нет. Ушел и ничего не сказал? Так нельзя.

Юрка понял, что отца не уговоришь, и опустил голову. Смешной хохолок на его макушке вздрагивал.

Чигринов вызвал дежурную машину и отвез его домой.

Окна квартиры на втором этаже светились.

— Вот видишь, — отец показал на окна. — Мама ждет, волнуется. А ты без спроса бегаешь.

Юрка обиженно сопел. Отец поцеловал его.

— Давай, парень, беги.

Алексей Петрович отпустил машину и пошел пешком по ночной улице мимо центрального рынка и пожарной части, расположенной в старинном здании с ажурными башенками на крыше. Он вышел к Верхнему озеру. Тускло отсвечивали фонарные огни в спокойной воде, на противоположном берегу чернела приземистая зубчатая средневековая башня. Облокотившись на холодный парапет, Алексей Петрович курил, смотрел на черные зубцы башни. Разбередил ему душу Юрка. Что-то не так в его жизни. Последнее время все чаще овладевала им непонятная тоска. Но о .чем? О доме? О детях? А может быть, об ушедших годах? Как ни бодрись, а исполнилось пятьдесят. Полвека! А давно ли вот здесь, на этом месте, он палил из пистолета в затянутое гарью небо, а на этой вот башне вился флаг Победы над городом-крепостью! Тогда ему было двадцать. Он остался жив и радовался этому. Пил свои законные фронтовые сто граммов, но часто и сверх того — что удавалось раздобыть бедовому старшине Гришке Грибанову.

Да, о старости думают старые. Хотя, признаться, старым себя он не считает и не чувствует, просто хорошо понимает значение цифры «пятьдесят», понимает, что до цифры «шестьдесят» может и не дотянуть. Все чаще и чаще узнает он — уходят из жизни раньше времени бывшие фронтовики. Он тоже принадлежит к этому великому и трагическому поколению, и отпущенное судьбой время на исходе.

Мимо прошли двое. Обнявшись, они о чем-то затаенно-счатливо шептались, незрячие ко всему вокруг, занятые и заполненные только собой. Паренек чем-то напоминал Славку. Алексей Петрович вдруг подумал, что, может быть, и Славка уже ходит вот так. И от догадки почему-то стало неприятно. «Неужели ходит?» — поразился он своей мысли и растерянно посмотрел вслед влюбленной парочке.

Алексей Петрович закурил новую сигарету, усмехнулся своим мыслям о старости и пошел через ночной город в порт. Когда он вышел на площадь перед новой гостиницей, расположенной на холме, и увидел внизу уличные огни, уходящие параллельными рядами светлых точек в ночную мглу, он вздрогнул и на миг остановился. Эти светящиеся пунктиры показались ему пулевыми трассами, перехлестнувшими ночной город. Прочно в нем сидела война.

* * *

Мощный поток тропического тепла, сопровождающий Гольфстрим, вторгся в северные широты и столкнулся с фронтом арктического воздуха. Исполинские воздушные армады схлестнулись в титанической борьбе. Сухой, морозно-прозрачный воздух Гренландии устремился вниз, в зону низкого давления, но ему навстречу встал стеной восходящий ток дождевого, пахнущего парными джунглями тропического воздуха. Насыщенные брызгами и клочьями пены, порывистые шквалы обрушились на океан.

И океан взревел.

На огромных туманных просторах северной Атлантики возник циклон ураганной силы.

Упали барометры, упала температура, в мачтах и радиоантеннах застигнутых врасплох судов засвистел ветер. Промысловые суда кинулись от него врассыпную.

Но здесь, в порту, еще было тихо.

На «Посейдоне» заканчивались последние ремонтные работы. В каюте капитана сидели старпом Вольнов и старший водолаз Грибанов.

— Практически ремонт закончен, остались покрасочные работы, — официальным тоном докладывал Вольнов. — Я думаю, можно докладывать начальству о готовности.

Чигринов кивнул:

— Давно торопят.

Он только что вернулся с базы, где получил выговор от Иванникова за опоздание с ремонтом, хотя плановый срок еще и не истек. Начальника базы увезли на операцию, заместитель его находился в отпуске, и Иванников теперь исполнял обязанности сразу трех — начальника базы, зама и свою, главного капитана. Един в трех лицах.

— Как водолазы? — спросил капитан.

— Готовы, — ответил Григорий Семенович.

— Ну что ж, значит, в море выйдем досрочно, если механики не подведут, — уточнил Чигринов. — Как они там? Где стармех?

— Они разобрали водоотливные помпы, — ответил Вольнов. — Но я знаю, машина готова.

— Команде объявить благодарность за отличную работу, — распорядился Чигринов. — Подготовьте список на премию. В первую очередь водолазов.

Старпом ушел, стал подниматься и Грибанов, тяжело вылезая из-за стола.

— Посиди, чаю попьем, — удержал его Чигринов.

— Чаю можно, — согласился Грибанов.

— Снял бы. — Чигринов кивнул на толстый водолазный свитер.

— Знобит что-то, — ответил Григорий Семенович. — То в жар, то в холод бросает. Погода изменится. Давление прыгает.

— Тебе, Гриша, из водолазов надо уходить, — сказал Чигринов.

— Ты, как Галя моя, — усмехнулся Григорий Семенович. — Всю шею перепилила: «Когда ты забросишь свой шлем?»

— И правильно делает.

— И ты тоже! Я же теперь не глубоководник. Кессонку не получу.

Когда-то Грибанов был глубоководным асом, в водолазной книжке у него было написано: «Водолаз предельных глубин». Теперь это преданье старины глубокой. А тогда, после войны, сразу же из разведчиков пошел он в водолазы. «Риск — мое дело. Привык за войну», — объявил он фронтовому командиру свое столь необычное решение. Чигринов пожелал ему доброго пути, и старшина укатил на Черное море, в водолазную школу. Дороги их разошлись, как они думали, навсегда. Но через несколько лет бывший лихой разведчик Грибанов появился в этих местах уже водолазным асом. Чигринов к тому времени стал штурманом. А еще через несколько лет, когда здоровье водолаза стало сдавать и на большие глубины было запрещено ходить, судьба свела их на одном судне, и с той поры они не расставались.

Буфетчик принес чай.

Прихлебывая горячий чай, капитан сказал:

— С сердцем шутки плохи.

— Да уж какие шутки, — согласился водолаз. — Анна Сергеевна глаз с меня не спускает. Схожу с тобой последний рейс — и на пенсию.

— Ну, на пенсию рано. Нам только по полсотни. На берегу можно работать.

Помолчали.

— Я тоже скоро сдам «Посейдон», — неожиданно сказал Чигринов.

Водолаз удивленно посмотрел на капитана.

— Устал, — ответил Чигринов. — Уходить пора.

— И мне плохо, Леша, — признался Григорий Семенович. — На душе тягостно. Предчувствие какое-то.

— Ну, это уж мистика! — Чигринов поморщился. — Коньячку не хочешь для бодрости?

— Нельзя, — вздохнул Григорий Семенович.

Чигринов держал стакан с горячим чаем без подстаканника, обжигал пальцы, но из рук не выпускал. «Фронтовая привычка греть руки кипяточком», — подумал Григорий Семенович, вспомнив, как в окопах солдаты грели пальцы алюминиевыми кружками с кипятком.

— Помнишь, из госпиталя в самоволку бегали на танцы? В кальсонах, в халатах. Убежим, а там уже Надька ждет, принарядится. Для тебя старалась.

Чигринов удивленно посмотрел на друга.

— Видал ее сегодня утром, — сказал Григорий Семенович. — Сразу-то и не признал. Изменилась. Я тебе не судья, конечно. Только жалко вас всех: и тебя и Надю. Славка вон какой вымахал.

— Не признает он меня, — с горечью сказал Чигринов.

— А за что он тебя признавать должен? Ты с ними два года не живешь.

— Грубит.

— Да он за грубостью-то, я полагаю, стыд свой за тебя скрывает.

— Ладно, хватит на эту тему! — обрубил Чигринов.

В дверь постучали.

— Да! — резко откликнулся капитан.

Вошел радист, молоденький паренек, и положил на стол изобарную карту погоды.

— Штормовое предупреждение, Алексей Петрович. Обещают ураган. С норд-веста идет циклон. Район промысла уже захвачен. Суда прекратили работу и легли носом на волну.

Капитан поднял телефонную трубку.

— Старпома... Константин Николаевич, получено штормовое предупреждение, приведите буксир в готовность.

— Мы же на ремонте, Алексей Петрович!

— Приведите буксир в готовность!

— Будет исполнено, — ответил старший помощник.

— Ну, спасибо за чай. — Григорий Семенович поднялся с диванчика. — А ты позови его, поговори.

— Кого? — не понял Чигринов.

— Да Славку. Только не ори на него.

— Я сказал: хватит на эту тему!

— Может быть, и хватит, — согласился водолаз. — Только скажу я тебе еще пару слов. Стал ты, Леша, совсем другим. По тому ли азимуту идешь?

Чигринов побледнел. Григорий Семенович знал — это признак гнева.

— Ладно, капитан. Пошел я.

— Сходи к врачу, — приказал Чигринов. — Иначе велю положить в больницу и в рейс не возьму.

— Шторм надвигается, капитан, — усмехнулся водолаз. — Какой тут лазарет! Сейчас успевай «SOS» ловить.

Они расстались, недовольные друг другом.

В иллюминатор виден был залив, порт, в котором шла обычная работа, суда, стоящие у причалов, гладкая вода, чистое голубое небо. Ничто пока не предвещало перемен, только на западе, далеко-далеко, чуть-чуть сгущалось, и капитан знал, что эта едва различимая темная полоска на горизонте скоро займет все небо и море заревет.

Раздался звонок, Чигринов поднял трубку.

— Алексей Петрович, диспетчер порта просит вас в рубку, — доложил вахтенный штурман.

— Иду.

В рубке капитан взял трубку радиотелефона.

— Капитан Чигринов слушает.

— Капитану спасательного буксира «Посейдон» Чигринову. В квадрате...

Едва Алексей Петрович услышал казенный голос диспетчера, он понял, что в море стряслась беда. Готов ли «Посейдон» выйти в рейс? Утром доложили — осталась одна покраска. Но в море можно и без косметики.

— ...Терпит бедствие СРТМ-9043 «Кайра», — продолжал бесстрастный голос диспетчера. — Судно имеет пробоину ниже ватерлинии, затоплены трюма́ и машина. Немедленно выйти в море и оказать помощь.

— Вас понял, — ответил Чигринов. — Приступаю к исполнению.

Он глянул в окно рубки — в заливе гладь и тишь.

— Старпома ко мне, — приказал он вахтенному штурману.

Через полчаса судно отвалило от причала.

— Лево три! — приказал капитан.

— Есть лево три! — ответил рулевой и повернул штурвал на три градуса левее.

Между «Посейдоном» и причалом медленно ширилось водное пространство.

Вахтенный штурман Шинкарев трижды потянул привод гудка. Прощаясь с портом, трижды негромко крикнул «Посейдон». Никто из судов ему не ответил, только девушка, стоявшая на причале, помахала рукой.

* * *

Вызванный ураганом штормовой прилив затопил низкие берега Балтики, вздыбил мелкое море.

Квадрат, в котором шла «Кайра», был еще далек от эпицентра циклона, но море уже начинало штормить. Пронизывающий ветер гнал рваные тучи, высеивал мелкий колючий дождь. Порывы ветра срезали верхушки волн, превращая пену в мелкую холодную пыль.

Ветер дул в корму, подгонял, захлестывал палубу брызгами. «Кайра» клевала носом, и серый размытый горизонт то оказывался выше головы, то уходил под ноги.

Капитан Щербань в белом тонком свитере, с биноклем на груди, прочно стоял перед лобовым окном рубки. Судно возвращалось после короткого рейса с полными трюмами мороженой рыбы. В порту их ждали как победителей.

На руле нес вахту курсант Петеньков.

Щербань сразу же сделал его рулевым. У Щербаня был свой метод: он ставил курсанта на рабочее место, не ожидая, пока тот привыкнет и осмотрится. Он считал: чтобы научить человека плавать, надо столкнуть его в воду.

Петеньков очень старался и готов был стоять на штурвале не только четырехчасовую вахту, но и все сутки подряд. Ему нравилось ощущать в ладонях отшлифованный многими руками штурвал, чувствовать, как судно подчиняется малейшему движению его пальцев, как умная лошадь хорошему наезднику. В такие часы он представлял себя капитаном.

Сбылась мечта Мишки — он в море. Началась самостоятельная взрослая жизнь. После рейса он принесет матери первую получку, пусть Таньке и Димке купит обновки. Матери же он сам подыщет что-нибудь хорошее в подарок. Приятно было сознавать себя взрослым человеком, работником, кормильцем. Теперь матери будет полегче. Она тащит на своем горбу троих: обуть-одеть, напоить-накормить... Но теперь все! Теперь по-другому будет...

— На курсе? — спросил капитан.

— На курсе сто девяносто! — взглянув на компас, доложил Петеньков.

— Право пять!

— Есть право пять!

Теперь волна стала бить в корму наискосок, сталкивая «Кайру» с курса. Петеньков вспотел от напряжения, постоянно подворачивая штурвал, чтобы удержать судно на заданном курсе. Спину ломило, а до конца вахты был еще целый час.

Ничего, он станет настоящим моряком. Придет время, он будет, как Щербань, носить белый свитер и бинокль на груди. У него будет такая же шелковистая рыжеватая бородка, подстриженная «по-норвежски», и дорогая сигара во рту. Петеньков был влюблен в капитана.

За две недели, что они пробыли в море, Щербань показал, каким должен быть настоящий капитан. Он не знал покоя ни днем, ни ночью. Когда бы Мишка ни заступал на вахту, капитан всегда был в рубке. Склонившись над фишлупой, Щербань внимательно следил за показаниями самописца, отмечающего скопления рыбы. Щербань гонялся за косяками и первым настигал их. Оседлав косяк, он не слезал с него, пока не брал жирный куш, потом оставлял его другим капитанам и опять гнался за новым...

Впереди по ходу «Кайры» показалась мачта. Она то скрывалась в волнах, то обнажалась тонкой черной спичкой.

— Что это такое? — спросил молодой матрос Козобродов, второй рулевой, который выполнял сейчас обязанности впередсмотрящего.

— Сухогруз, — недовольно ответил щуплый, похожий на мальчишку старпом. — Переломился на волне два месяца назад.

— Чей?

— Под флагом Панамы ходил.

— Прекратить базар на руле! — приказал Щербань. Не отрывая глаз от бинокля, он тоже всматривался в мачту. — Право десять!

— Есть право десять!

— Десять, сказал, а не пятнадцать! — повысил голос Щербань. — Не рыскать!

Петеньков поразился. Капитан абсолютно точно назвал цифру, именно на пятнадцать градусов отклонилось судно от курса.

— Есть не рыскать! — по-петушиному звонко откликнулся Петеньков и, чтобы удержать судно на заданном курсе, крутнул штурвал в обратную сторону.

Судно опять рыскнуло, Щербаня качнуло.

— Черт знает что! — Капитан возмущенно повернул голову к Петенькову. — Ты что, на мотоцикле по пересеченной местности гонишь?

— Есть не рыскать!

Но «Кайру» мотало из стороны в сторону, и Петеньков никак не мог взнуздать ее и заставить идти точно по курсу.

В рубку поднялась буфетчица Тамара.

— Кофе готов, Игорь Сергеевич.

Щербань положил бинокль в специальный ящик-футляр и, твердо ступая по палубе, направился к трапу.

Петеньков загляделся на Тамару.

— Рулевой, не ловите ворон. Точнее держите курс! — раздался недовольный голос старпома.

Щербань усмехнулся: старпом хоть и похож на мальчишку, но этих малолеток умеет держать в руках.

— На курсе Большая банка, — напомнил капитану старпом.

— Знаю. — Щербань поморщился: он не любил, когда ему указывали.

— Будем менять курс?

— Нет, — твердо ответил Щербань.

— Здесь опасное место, сильное течение, — насупился старпом. Он походил сейчас на взъерошенного мальчишку, который хочет настоять на своем.

— Лоцию я знаю не хуже вас, Валерий Павлович, — усмехнулся Щербань. — Сделайте счисление, уточните курс. Мы проскочим по самой кромке.

Он знал, что идет на риск, но он любил рисковать. «Чтоб не прокисала кровь в жилах», — смеялся Щербань, когда его спрашивали, зачем он это делает. За ним утвердилась слава отчаянного и везучего капитана, и он не переставал верить в свою счастливую звезду. И у него нет времени петлять по курсу. Завтра в десять ноль-ноль он будет у причала, как обещал. Капитан Щербань не бросается словами!

Не задерживаясь больше, Щербань сбежал по трапу вниз.

Каюта капитана была увешана цветными фотографиями Монтевидео, Сингапура, Рио-де-Жанейро, Кейптауна,

Гибралтара. Между ними висели раскрашенные африканские маски.

Это было единственное место на судне, где Щербань чувствовал себя самим собою, любил понежиться, выкурить дорогую сигару, прихлебывая из маленькой изящной чашечки крепкий кофе. Здесь он любил помечтать о времени, когда у него будет не эта тесная конура, а роскошная каюта на белоснежном пассажирском лайнере. Нарядная отдыхающая публика, плавательные бассейны, рестораны, бары, концертный зал и джаз. Чистота, белизна и сверкающая медь, синее море и пальмы на горизонте, а не эта вечно серая дождливая Балтика.

Неожиданно звякнул «телеграф». Щербань вскочил с дивана, схватил телефонную трубку:

— В рубке, почему «стоп-машина»?

Лицо Щербаня стало белым.

— Отклонились от курса на полторы мили?

Он кинулся из каюты.

...Козобродов первым увидел белые буруны прямо по носу судна, глаза его расширились.

— Мель! Впереди мель! — сорвавшимся голосом крикнул он.

— Лево на борт! — скомандовал Щербань, вбегая в рубку.

Петеньков лихорадочно переложил штурвал влево.

Но было поздно.

Судно с полного хода врезалось в отмель. Сильный удар сбил всех с ног. Петеньков повис на штурвале и задохнулся от боли в груди.

— Аварийная тревога! — вскакивая, приказал Щербань. — Осмотреть судовые помещения, топливные и питьевые танки!

Старпом нажал кнопку сигнала аварийной тревоги. По «Кайре» разнеслись леденящие душу звонки.

Команды Щербаня были четки и тверды. Нет, он не потерял головы. Он проклинал себя, что не учел течения. Видимо, сейчас, перед штормом, оно стало сильнее обычного. Но заниматься самобичеванием не было времени, надо было действовать...

Судно накренилось на правый борт, волны били в бок, брызги долетали до стекол рубки. Ветер усиливался.

Щербань с тревогой подумал о штормовом предупреждении. Как бы его тут не прихватило!

Бледный, запыхавшийся старпом поднялся в рубку и доложил:

— Поступление забортной воды в дифферентный, балластный и топливные танки. В носовой части правого борта ниже ватерлинии пробоина. В первый трюм поступает вода.

Щербань, слушая доклад, думал: «Справимся сами. Лишь бы не прихватил шторм».

— Задраить иллюминаторы и горловины!

— Я уже распорядился, — сказал старпом и, приблизив лицо, добавил: — Положение серьезное, Игорь Сергеевич, надо сообщить на базу.

— Не поднимайте паники, — сквозь зубы процедил Щербань. — Мы сами в состоянии снять судно с мели. Что там с машиной? Почему нет доклада? Валерий Петрович, идите наблюдайте за поступлением воды.

Вцепившись в металлический поручень так, что побелели пальцы, Щербань скомандовал:

— Полный назад! Право руль!

Вахтенный штурман перевел ручку телеграфа на «полный назад», Петеньков крутнул штурвал вправо, но судно осталось на месте.

— Малый вперед! Лево руль!

Штурман и Петеньков четко выполнили приказания.

В рубке стояла напряженная тишина, нарушаемая лишь командами капитана да развеселой песенкой, льющейся из невыключенного радиоприемника.

Капитан Щербань пытался раскачать судно, гонял двигатель на разных режимах. Он стащит, черт побери, «Кайру» с этой проклятой банки! Стащит!

— Полный назад! Прямо руль!

Капитан вспотел, будто на себе тащил судно. Надо сдвинуть «Кайру»! Надо! Вперед — назад! Вперед — назад!

В рубку поднялся старпом.

— Игорь Сергеевич, мы набрали много воды и вряд ли справимся сами. Я думаю, надо позвать на помощь.

— Капитан Щербань никогда еще не подавал «SOS»! — зло оскалил зубы Щербань.

— Я приказал подготовить средства спасения, — доложил старпом.

— Вы что, струсили? — резко повернулся к нему капитан. Он был в бешенстве.

— К чему эти слова? — Старпом сдвинул брови и нахохлился, как обиженный мальчик. — Подготовить плавсредства входит в мои обязанности.

— Приказа на спуск не будет! — отрубил Щербань. — Мы сами слезем с этой проклятой банки! — И вдруг сорвался на истеричный крик: — Да выключите к черту это радио!

Козобродов кинулся в радиорубку.

— Разгрузить первый трюм! Рыбу за борт! — приказал Щербань. — Добраться до пробоины, заделать ее! Всю команду в трюм!

* * *

Матросы разгружали носовой трюм. Десятки тонн рыбы летели за борт.

— Шевелись! Шевелись! — подгонял матросов Щербань.

Поняв, что усилием двигателя «Кайру» не стащить с камней, он спустился в трюм, чтобы возглавить спасательные работы.

Матросы стояли цепью по колена в воде и перебрасывали друг другу тяжелые пакеты с рыбой. Сверху, в проем люка, бил луч прожектора, выхватывая из темноты трюма белые мокрые лица, лихорадочно блестевшие глаза, слипшиеся волосы, надсадно дышащие рты. Размоченная картонная тара плавала в жирно сверкающей черной воде, растоптанное рыбное филе превратилось в кашу.

— Быстрей! Быстрей! — торопил Щербань. Белый свитер его резко выделялся среди черной одежды матросов.

Петеньков работал в общей цепи. Он хватал короба из воды и с натугой кидал их Козобродову. Ногти были сорваны до крови, одеревеневшие пальцы уже не чувствовали холода воды. Его шатало, он еле держался на ногах.

Крен «Кайры» увеличивался. Возле переборки рухнула стена коробов.

— Переворачивает!

Истеричный крик Козобродова резанул по нервам. Петенькову тоже захотелось кричать, карабкаться по скобтрапу из трюма на палубу — там казалось безопаснее, чем здесь, в тесном трюме, где вода доходила уже до колен.

— Заткнись, идиот! — прикрикнул кто-то.

Матросы выбирались из завала, ругались сквозь зубы. Кто-то испуганно крикнул:

— Капитана завалило!

Щербаня ударило по голове тяжелым коробом и оглушило. К нему бросились на помощь. Петеньков подставил плечо, чувствуя, как капитан навалился на него всей тяжестью.

У Щербаня кружилась голова, в глазах плыли круги, из рассеченного лба капала кровь.

— Продолжать работу! — с придыханием выговорил он, размазывая рукой кровь по лицу.

Внезапно погас свет.

— Свет! Свет дайте! — испуганно закричало несколько голосов.

В кромешной темноте положение показалось еще безнадежней, и страх охватил людей.

— Спокойно! Без паники! — раздался сверху высокий голос старпома.

Он спустился в трюм, слабый лучик ручного фонарика зашарил по лицам, замер на окровавленном лице Щербаня.

— Что с вами? — встревоженно спросил старпом.

— Валерий Павлович, — с трудом выговорил Щербань, — прикажите стармеху перекачать топливо в танки левого борта. — Что он там — спит? Выровнять крен!

— Ведите капитана в каюту! — приказал старпом. — Оказать медицинскую помощь!

В каюте Тамара делала Щербаню перевязку. Ей помогал мокрый Петеньков. Щербань, стиснув зубы, еле сдерживал стоны.

— Сейчас, сейчас, потерпите, — торопливо шептала Тамара. Она боялась причинить боль, бинт путался в ее руках.

— Ну чего ты возишься! — зашипел Щербань.

— Сейчас, сейчас...

Наконец она забинтовала рану. На марле проступило большое кровавое пятно.

— Дайте закурить, — попросил Щербань, откидываясь на спинку дивана.

Петеньков достал сигару из шкатулки на столе. Трясущимися руками он никак не мог зажечь спичку. Щербань отобрал у него коробок, прикурил, несколько раз глубоко затянулся, с каждой затяжкой возвращая себе силы.

— А ну возьми себя в руки! — приказал он матросу.— Чего трясешься?

В каюту вошел старпом.

— Что в трюме? — встретил его Щербань.

— Пробоина четыре метра в длину и полметра в ширину. Вода прибывает.

— Сколько прибыло? — В голосе капитана почувствовался накал. — Когда вы научитесь грамотно докладывать?

— Вода поднялась ещё на десять сантиметров. Проникает во второй трюм. От удара разошелся сварной шов в районе первого танка. В днище, видимо, есть еще пробоина или трещина — вода прибывает очень быстро, — доложил старпом и тихо добавил: — Я заготовил радиограмму о помощи. Разрешите выйти в эфир?

— Кто вас просил? — растягивая слова, спросил Щербань.

— Я счел нужным проявить инициативу.

— Инициативу на моем судне могу проявлять только я! — холодно отчеканил Щербань и сорвался на крик: — Только я один!

Опять погас свет.

— Что такое? — грозно спросил Щербань.

Старпом включил ручной фонарик. Раздался телефонный звонок. Капитан взял трубку.

— В машине вода! — тревожно доложил старший механик. — Идет по паёлам от второго трюма.

— Включите аварийный свет! В трюме работают люди! — приказал Щербань старшему механику.

В каюте неуверенно затеплились плафоны.

— Я настоятельно предлагаю дать радиограмму о помощи, — повторил старпом. — Больше тянуть нельзя.

Щербань молчал.

Плафоны мигнули и погасли. Опять зазвонил телефон. Старпом включил фонарик.

— Дайте трубку, — прохрипел Щербань.

Петеньков подал. Старший механик доложил:

— Вода заливает двигатель.

Фонарик старпома вырвал из тьмы осунувшееся лицо капитана.

— Подпишите радиограмму о помощи, — старпом протянул ему листок.

— Пошли отсюда вон, — сквозь зубы сказал Щербань Тамаре и Петенькову.

* * *

«Посейдон» резал волны, брызги долетали до рубки и черными ручьями стекали по красным от заката стеклам. Качало все сильней. От ударов волн ухало, вздрагивало железо под ногами. Капитан Чигринов молча смотрел, как быстро меняется, мрачнеет море, как все плотнее спускаются фиолетовые сумерки, затягивая багровый горизонт дымной пеленой. Без крика, черные на кровавом закатном небе, летели навстречу чайки, летели косо, спешили к берегу. И этот молчаливый изломанный полет вселял в сердце тревогу.

Не впервой Чигринов шел на помощь. Сколько раз спасал он людей, корабли — и наши и иностранные, сколько раз рисковал собой и своими людьми! То, что было непозволительно другим, было его обязанностью, его долгом. При семи баллах на море прекращаются работы, суда ложатся носом на волну и ждут, пока утихнет шторм, а он идет в самое пекло, чтобы оказать помощь пострадавшим.

Эта работа была сродни разведке.

Тогда, в тылу врага, надо было принимать мгновенные решения, судя по сложившимся обстоятельствам, и теперь, при спасении судна, каждый раз приходилось ориентироваться на месте, вкладывая в единственно правильное решение весь опыт спасателя, всю смекалку и хладнокровие. Каждый раз, спеша на помощь, он не ведал заранее, как будет действовать, но твердо знал одно: надо спасти. Он чувствовал себя сильнее, собраннее, готовым к решительным действиям, когда опасность была рядом, когда риск тревожным холодком покалывал в груди.

Глядя на помрачневшее море, на сизо-багровый, тающий в дождевой мгле закат, Чигринов с тревогой думал: «Успеть бы до циклона».

Он прошел в маленькую радиорубку.

— Ну что?

— Просят помощи, — ответил радист. Плотно прижимая наушники, он напряженно вслушивался в хаос эфира.

— Это не новость. Передай — пусть держатся. — Чигринов взглянул на часы. — Будем у них через час.

Радист удивленно посмотрел на капитана:

— Не успеем. Двадцать миль и встречная волна.

— Знаю. Передай — через час. Это их ободрит.

Капитан спустился к себе в каюту. Он знал, что ходу до «Кайры» самое малое два часа — волна била в нос, силь-

но снижала скорость буксира. Лишь бы успеть до циклона. Сейчас они — циклон и судно — идут навстречу друг другу, и расстояние между ними стремительно сокращается. Когда сойдутся, «Посейдону» придется туго.

Капитан взял телефонную трубку, подождал, пока в рубке ответил вахтенный штурман.

— Позовите ко мне курсанта Чигринова, только не по трансляции.

— Будет исполнено, — ответили из рубки.

— И пусть принесут чаю, печенья и конфет.

В иллюминатор было видно, как иссиня-черными красками густело море; по небу неслись низкие тучи с фиолетово-красными подпалинами. Горизонт померк, и туда, в самую черноту, спешил «Посейдон». Буксир сильно качало — море уже начинало гулять. «Успеть бы», — снова подумал капитан.

Раздался стук в дверь.

— Да, да, — поспешно отозвался Алексей Петрович и неприятно поразился своей поспешности.

В дверях появился хмурый Славка.

— Проходи, проходи, — улыбнулся Алексей Петрович и снова поймал себя на том, что говорит заискивающе и, недовольный собою, внутренне одернул себя.

— По вашему приказанию прибыл, — доложил Славка.

— Вроде и не служил, а докладываешь как на боевом корабле, — пошутил Алексей Петрович.

Славка молча смотрел в угол, во всей фигуре его чувствовалось напряжение, он пытался скрыть это независимым видом. Мол, приказано матросу явиться к капитану, он и явился.

Буфетчик внес поднос со свежим чаем, конфеты в вазочке, печенье, расставил все на столе.

— Что, так и будешь стоять? — спросил Алексей Петрович и подумал: «А вымахал-то. Выше меня, пожалуй».

Славка присел на краешек дивана.

Прежде он много раз бывал в этой каюте, когда отец возвращался из рейса, и они втроем — мать, Юрка и он — встречали его. Пока отец оформлял судовые бумаги, пока уходил то в рубку, то на палубу, они дожидались его, чтобы всем вместе сесть за стол. Они знали, что отец еще не скоро попадет домой, поэтому ужинали у него в каюте. Мать приносила что-нибудь домашнее, чаще всего пельмени. А он угощал их фруктами, припасенными где-нибудь в южном порту.

Теперь каюта казалась чужой.

Алексей Петрович разлил чай по стаканам.

— Держи в руках — выплеснет, — посоветовал он, когда стакан поехал по столу. — Ну как, привыкаешь?

— Все задают мне этот вопрос, — усмехнулся Славка. — До чего однообразно думают люди.

Алексей Петрович посмотрел на сына, но на выпад решил не отвечать.

— Шторм надвигается. Не робеешь?

Славка пожал плечами: мол, подумаешь.

— В общем-то, конечно: ничего страшного. Обычное дело для моряка. Практика у тебя здесь будет хорошая, зря время не пропадет.

Славка молчал.

— Что случилось? — спросил отец, увидев забинтованный палец.

— Да так.

— Может, тебя из боцманской команды перевести в рубку, рулевым?

Славка впервые поднял глаза на отца и покачал головой:

— Нет, не хочу.

— Работать на палубе в шторм нужна сноровка, — пояснил Алексей Петрович. — Да и боцман у нас с характером.

— Нет, не надо, — повторил Славка.

— Ну не надо так не надо.

Втайне Алексей Петрович был доволен, что сын не ищет места полегче.

— Пей чай. Конфеты твои любимые.

По губам Славки скользнула усмешка.

— Не мои — Юркины.

Алексей Петрович порозовел. Как это он забыл, кто из них любит карамельки! Конечно же, Юркины, он — сластена.

— Как он там? — спросил Алексей Петрович. — Балуется, нет? Учителя жалуются?

— Балуется. — Славка потеплел. Но он тут же спохватился и холодно добавил: — Но учителя не жалуются.

— Держишь в руках?

— Мама держит, — сказал Славка.

Наступило молчание. От вибрации корпуса звякала ложечка в стакане.

— Как она? — тихо спросил Алексей Петрович.

— Она работает в порту, — с вызовом ответил Славка, давая понять, что отец мог бы позвонить в диспетчерскую и справиться обо всем сам.

Без стука вошла Анна Сергеевна. Увидев Славку, остановилась в дверях.

Наступила неловкая заминка.

— Я пойду. — Славка встал с дивана. Лицо его побледнело.

— Попей чаю.

— Что вы, товарищ капитан! К вам пришли...

— Иди, — процедил Алексей Петрович.

Отвернувшись к иллюминатору, он принялся нервно разминать сигарету. Анна Сергеевна подошла к нему и положила руку на плечо.

— Не расстраивайся.

— Разговор не получился. — Алексей Петрович щелкнул зажигалкой и прикурил. — Хамит.

— Ты много куришь.

— Я говорю, разговор не состоялся, — раздраженно повторил Алексей Петрович.

Анна Сергеевна медленно убрала руку с его плеча.

— Я говорила тебе — ты всегда будешь мучиться, — тихо сказала она.

В дверь постучали, вошел старший механик. Это был угрюмый человек средних лет, в засаленной спецовке. Чигринов терпеть не мог людей в неопрятной одежде. Стармех вытирал ветошью руки и отводил глаза в сторону (эту привычку отводить глаза Чигринов тоже не переносил в людях).

— Алексей Петрович, надо сбросить обороты. Машина задыхается.

Чигринов был удивлен просьбой.

— Юрий Михайлович, нас ждут.

— Они не дождутся, если мы запорем машину.

Чигринов с неприязнью посмотрел на старшего механика. Надо бы списать его с судна, вечно он просит пощадить машину. Ему машина дороже людей. Чигринов вспомнил, что в прошлом рейсе давал себе зарок списать стармеха, но тут настал ремонт, а уж лучше, чем Юрий Михайлович, никто не знает двигатели и никто так не отремонтирует машину, как он. Да и положено: сначала отремонтируй, а потом уходи. В отделе кадров руками замахали, когда он заикнулся, что надо бы сменить ему стармеха, — все механики в море или в отпуске, острая

нехватка их, и пусть говорит спасибо, что у него на судне прекрасный механик. Знающий-то знающий, это верно, но вечная с ним морока, появляется в самый напряженный момент и просит пощадить машину.

Раздался звонок, Чигринов поднял трубку. Радист тревожно сообщил:

— Просят поторопиться! У них заливает жилые помещения!

— Их заливает! — сдерживая раздражение, будто в этом виноват стармех, сказал Чигринов. — Прибавьте обороты!

— Мы идем на пределе, — упрямо повторил старший механик. — Больше нельзя. Я не могу поручиться за машину.

— Грош вам цена, если вы не можете поручиться за машину! Вы только что отремонтировали ее.

— Вы же знаете, у нас не было ходовых испытаний. И прошу не повышать на меня голос. — Старший механик побледнел и еще судорожнее стал вытирать ветошью руки. — А цену нам определяют на берегу.

— Цену определяет море! — отчеканил Чигринов. — На берегу вы больше увлекаетесь питейными заведениями, чем машиной.

— Кто чем увлекается... — тихо сказал старший механик.

Анна Сергеевна покраснела.

Чигринов приказал:

— Переходите на аварийный ход!

— Под вашу ответственность, — заявил старший механик.

— Под мою, — резко бросил Чигринов. — А вас прошу принять к сведению, что вы исполняете обязанности старшего механика только до конца рейса.

— Я давно мечтал списаться, — с вызовом ответил старший механик.

Когда он вышел, в каюте наступило тягостное молчание. Еще слышнее стали ухающие удары в борт. Корпус буксира содрогался.

— Ты слишком строг, — нарушила молчание Анна Сергеевна. — Несправедливо строг.

— Меня меньше всего волнует, строг я или не строг. Сейчас мне надо успеть прийти на помощь. И прошу тебя, Анна... — Он досадливо поморщился.

— Хорошо, — кивнула она.

Алексей Петрович вдруг с сожалеющей усмешкой произнес:

— А ведь я позвал его, чтобы поздравить с днем рождения. Ему сегодня шестнадцать.

— Да-а? — удивленно произнесла Анна Сергеевна.

Зазвонил телефон. Радист, задыхаясь от волнения, прокричал:

— Они покидают судно!

Чигринов положил трубку и подумал, что радисту надо сделать выговор за панику.

— Они покидают судно, — повторил он.

Анна Сергеевна побледнела и сжала на груди руки.

* * *

Шторм обрушился на них.

Черные водяные холмы с гладкими спинами и острыми вспененными гребнями возникали из тьмы и обрушивали свирепые удары на «Кайру». Судно все больше и больше кренилось на правый борт.

Матросы в спасательных жилетах толпились на покатой палубе, прячась от волн за надстройкой.

Капитан Щербань медлил, хотя давно было ясно — «Кайру» не спасти. Но он никак не мог побороть себя и приказать экипажу покинуть судно, понимая, что эта команда станет гибелью, крахом капитана Щербаня!

Козобродов с искаженным лицом отталкивал матросов и рвался первым сесть в шлюпку.

— Назад! — приказал в мегафон Щербань.

Он стоял на мостике. Ему было плохо видно в темноте, но по движению на палубе он понял: еще немного, и начнется самое страшное на море — паника.

— Без команды не садиться! — перекрывая вой и свист ветра, гремел над палубой усиленный мегафоном голос Щербаня.

Раздался выстрел, мерцающий красный свет ракеты осветил палубу.

— Без паники! Спокойно!

Петеньков почувствовал, что голос капитана отрезвил матросов, они стали приходить в себя.

Старпом, схватив Козобродова за плечи, потряс его:

— Опомнись! Не поднимай панику, мерзавец!

Казалось — двое мальчишек сцепились в драке.

В мегафон раздался спокойный и твердый голос капитана:

— Занять места в шлюпках!

Посадка прошла организованно. Шлюпка под командованием старпома была спущена на воду и сразу же исчезла в водяном мраке. В другую вскакивали последние матросы.

— Игорь Сергеевич! — кричал боцман. — Быстрей!

Капитан Щербань молча отдавал шлюпочный тормоз.

— Что вы делаете? — закричал боцман, поняв, на что решился капитан.

— Я с вами! — Тамара успела выскочить из шлюпки на палубу.

— Всем покинуть судно! — в бешенстве заорал Щербань.

Но было уже поздно.

Спущенная с тормоза шлюпка быстро опустилась на талях за борт, ее подхватила волна, высоко вскинула и швырнула в ночную мглу.

Щербань и Тамара, уцепившись за шлюпбалку, напряженно смотрели в ревущее ночное море, поглотившее шлюпки.

Волны обрушивались на беспомощную «Кайру», у борта вспенивались белые злые буруны, по лицу хлестали холодные и тяжелые, как дробь, брызги.

Шторм набирал силу.

* * *

Ночной горизонт был забит водяной пылью и низкими плотными облаками. Изредка сквозь разрывы туч пробивался холодный блеск луны, на миг освещал идущие встречным курсом черные водяные холмы.

«Посейдон» бешено качало.

В тесной рулевой рубке, заполненной аппаратурой и приборами, нельзя было шагу ступить, чтобы не удариться о железо. И все, кто нес вахту, стояли, ухватившись за что-нибудь. Рулевой вцепился в штурвал, еле удерживая судно на заданном курсе. У лобового окна, держась за поручни, стоял вахтенный штурман Шинкарев и не спускал глаз с моря.

За окнами была непроглядная мгла, иногда свет луны слабо освещал вздыбленный нос «Посейдона» и серые, косо летящие над судном брызги.

В рубке, как и положено ночью, было темно. Только слабо подсвечивался компас и тахометр да на панелях пожарной сигнализации и ходовых огней тускло горели маленькие разноцветные лампочки. Все, кто стоял на вахте, хранили напряженное молчание.

Капитан Чигринов, широко расставив ноги, припал к тубусу локатора и прощупывал радаром ночное море. Крепко прижимая лоб к холодной резине, он думал: «Они должны быть где-то здесь». Тоненький лучик-радиус, обегая окружность темного экрана, как бы в подтверждение его мысли, вырвал из тьмы зернышко, вспыхнувшее фосфоресцирующим зеленоватым светом. Это была «Кайра».

Чигринов засек деление шкалы и громко объявил:

— До них две мили! Гудок!

Вахтенный штурман Шинкарев нажал кнопку тифона, и мощный рев буксира вырвался на простор.

— Ракеты! — приказал Чигринов. — Прожектора!

С мостика одну за другой посылали ракеты. Вспыхивая, они озаряли волны красными тревожными всполохами и тут же гасли, смятые ветром. Обшаривая черные водяные бугры, грозно набегающие из тьмы, рубили ночное пространство лучи прожекторов.

— Шлюпка! — завопил Шинкарев. — С левого борта!

Чигринов выскочил на левое крыло мостика. Холодные брызги хлестнули по лицу. Он не успел схватиться за поручни, ветер сбил его с ног. Задыхаясь, Чигринов поднялся на ноги и увидел, как огромный черный вал подбросил шлюпку на гребень. Освещенная прожектором «Посейдона», она ярким оранжевым пятном выделялась среди мрачных водяных холмов.

Удерживая открытую дверь в рубку, Чигринов приказал:

— Объявить тревогу «Человек за бортом»!

Дверь вырвало из рук, захлопнуло с яростной силой так, что от удара застонало железо, но Шинкарев уже прокричал по радиотрансляции:

— Тревога! Человек за бортом! Человек за бортом! С левого борта! С левого борта!

Штурман не отрывал пальца от кнопки колоколов громкого боя.

По судну неслись тревожные сигналы колоколов громкого боя.

Матросы выскакивали на левый борт.

Шлюпка то взлетала выше «Посейдона», то проваливалась в кипящую пучину. И каждый думал с замиранием сердца: «Все! Конец!» И тут же, под радостный облегченный вздох, шлюпка вновь выныривала из волн и возносилась на следующий водяной холм, чтобы опять исчезнуть через секунду.

Все понимали, какую опасность представлял сейчас для шлюпки сам «Посейдон». Ее могло вдребезги разбить о борт буксира.

— Лево на борт! Прикрой их корпусом! — приказал капитан рулевому. — Вахтенный, засеките время!

Начались спасательные работы, теперь каждая минута должна быть зафиксирована.

«Посейдон» сделал маневр и прикрыл шлюпку от ветра и накатной волны. С буксира в шлюпку полетел бросательный конец. Тонкий капроновый канат схватили несколько рук и быстро зацепили на носу шлюпки.

— Бросай! Чего стоишь! — крикнул боцман Боболову.

Боболов и Славка сбросили за борт штормтрап. За него мертвой хваткой уцепилось несколько человек. Штормтрап хлестало волной о борт «Посейдона», вместе с ним било о железо и людей.

— Не все сразу! — орал боцман, силясь перекричать ветер. — По одному! По одному, орлы-цыплята!

По штормтрапу карабкались, ползли люди. И как только голова человека показывалась над фальшбортом, его хватали за ворот, за плечи и втаскивали на палубу. Люди с «Кайры» были измучены, лица их в луче прожектора синюшно белели. Очутившись на палубе, они не верили своему спасению, что-то бессвязно, со всхлипом бормотали, озирались лихорадочно блестевшими глазами.

Шлюпку с размаху било о борт «Посейдона». Козобродов закаменел, впаяв пальцы в планшир. Петеньков колотил его по пальцам, стараясь отодрать их от борта. Наконец, отчаявшись, ударил Козобродова в лицо и заорал:

— Отцепись, идиот!

Ничего не понимающего со страха матроса старпом тянул за плечи к штормтрапу.

Наконец его удалось отодрать от планшира.

— Держите! — крикнул боцман и бросил канат с двойным беседочным узлом.

Петеньков и старпом накинули Козобродову через голову под мышки узел.

— Вирай! — скомандовал боцман, и матросы дружно выдернули обезумевшего Козобродова на палубу «Посейдона».

В шлюпке остались Петеньков и старпом.

— Эй, парни, не дремайте! — торопил их боцман, отплевываясь от брызг.

Волна выдернула крепление на шлюпке, на мгновение отбросила ее от «Посейдона» и тут же с размаху ударила о борт. Шлюпка развалилась.

Петеньков и старпом повисли на штормтрапе. Старпом медленно поднимался выше, а Петеньков, оседлав балясину, боялся сдвинуться с места. Он болтался на конце трапа, и его нещадно колотило о борт.

Славка с ужасом глядел на друга, не зная, как ему помочь. Боцман, не спуская с языка черта и бога, лихорадочно сдергивал с Козобродова двойной беседочный узел. Матросы схватили старпома за плечи и перевалили через фальшборт. Он обессиленно лежал на палубе и, задыхаясь, хрипел:

— Матрос там, матрос!

Внизу то скрывалось под водой, то вновь маячило белое лицо Петенькова. Силы его кончались.

Вырвав у боцмана из рук двойной беседочный узел, вниз по штормтрапу скользнул Боболов.

Матросы на палубе замерли.

Боболов накинул на Петенькова узел, уцепился и сам. Их тут же обоих накрыло волной.

— Вирай! — закричал боцман.

— Ну, ты молодец! — боцман хлопнул Боболова по плечу.

Тяжело дыша, Боболов едва стоял на ногах, но усмешка скривила ему губы:

— Машину хочу купить. За этого чувака премия полагается.

— Тьфу, баламут! — ожесточенно плюнул боцман. — Нашел время языком чесать.

Славка обнимал друга. У Петенькова по лицу текла кровь, ноги подкашивались, и он криво оседал на палубу. Славка подхватил его под мышки.

— Что ты, Мишка, что ты?

— Шлюпка! Еще шлюпка! — закричали матросы.

К «Посейдону» подходила вторая шлюпка.

* * *

Матросы с «Кайры», потрясенные пережитым, медленно приходили в себя. Анна Сергеевна и буфетчик оказывали помощь пострадавшим. Анна Сергеевна перевязывала, а буфетчик давал каждому по мензурке спирта.

Петенькову перебинтовали голову и в кровь ободранные руки. Славка повел друга к себе в каюту.

В ярко освещенном, тихом, теплом и оттого удивительно приятном после открытой палубы коридоре их догнал Боболов и сообщил:

— Всех вытащили! Надо переодеться в сухое.

Хватаясь за поручни, вдоль переборок коридора навстречу шел боцман, мокрый с головы до ног. Штормовка его блестела.

— Живы, орлы-цыплята? — заулыбался он и подмигнул. И вдруг замер, повел носом. — Спиртиком баловались?

— Врач выдает. Всем, кто участвовал в героическом спасении, — не моргнув глазом, соврал Боболов.

— Да? — радостно удивился боцман. — Я тоже купался. Пойду, может, даст.

Боболов постоял и тоже пошел за боцманом.

В каюте Славка, стащив с Петенькова мокрую одежду, растирал его полотенцем.

— Т-три с-сильней.

В каюту ввалился Боболов.

— Не вышел номер, — с сожалением сообщил он. — И боцман не получил. Говорят, спирт только для спасенных.

Хватаясь за койку, чтобы не упасть, Боболов стянул через голову мокрую тельняшку.

— У меня каждый раз осечка, — говорил он, яростно натирая полотенцем крепкое мускулистое тело. — Тонул я раз в Атлантике — японец нашу сэртэшку пропорол в тумане. Гляжу, авоська плывет с двумя бутылками коньяку. Глазам не поверил. Ну, думаю, пропадать, так уж с коньяком! Хвать авоську! А тут и шлюпка меня подобрала. Всех нас на траулер — свои спасали, япошка-гад удрал. Доктор спирту по мензурке выдает, вот как сейчас, для согрева. Я отказался. Думаю: «Коньяк есть, благородный напиток, чего я спиртягу глушить буду!» Только хозяин на те бутылочки отыскался, старпом наш. Пришлось

отдать. Я к доктору назад. «Спиртику бы», — говорю. А он мне: «Ожил?» — «Ожил», — говорю. А он: «Ну и прекрасно, без спирта теперь обойдешься».

Боболов натянул сухую тельняшку, блаженно повел широкими плечами.

— Ну вот, опять жить можно.

В каюту вошла Анна Сергеевна.

— Ну, как вы здесь? — спросила она.

— Трясет вот человека, — ответил Боболов. — Надо бы чего-нибудь согревающего, а то простуду схватит.

Анна Сергеевна улыбнулась.

— Это нервное. Сходите в столовую, выпейте горячего чаю. Или в душевую.

Славка отводил глаза. Он не знал, как вести себя с этой женщиной.

— Если почувствуешь себя хуже, приходи в медпункт, — сказала Анна Сергеевна Петенькову. — А на ночь я дам снотворное.

* * *

Пепельно-черное море дымилось. Вздыбленные волны непрерывно шли в атаку на поверженное судно. «Кайра» содрогалась и скрежетала днищем по камням. Порою в каюту проникал зыбкий лунный свет и тускло высвечивал черные африканские маски на переборке.

Измученный Щербань лежал на коротком диванчике. Стиснув зубы, он думал о том, что фортуна впервые отвернулась от него. В свои тридцать четыре года он уже шесть лет был капитаном. Он любил море и не собирался ему изменять. Но теперь все было кончено.

Решив остаться на «Кайре», он хотел поступить как поступали настоящие капитаны. Подав команду: «Занять места в шлюпках!» — он сам подписал себе приговор. Но теперь он попал в нелепое, ущемляющее его достоинство положение.

Щербань с неприязнью посмотрел в угол, где тихо сидела Тамара. Спутала ему все карты, идиотка. Навязала ответственность за нее!

— Зачем ты это сделала? — раздраженно спросил Щербань.

— Я не могла иначе, — извиняющимся голосом призналась она.

— Девчонка! Ты понимаешь, что ты натворила?

Тамара молчала.

— Начиталась романтических книг про синее море и белый пароход! Капитан и она, любящая и верная.

— Зачем вы так? — Голос ее задрожал от обиды. Она понимала, как трудно ему сейчас, и хотела помочь, облегчить его участь. Выпрыгнув из шлюпки, она решила разделить его участь.

— Прости, — устало сказал Щербань. — Но все это зря.

— Почему? — робко спросила Тамара.

— Потому что... за все надо платить, — с тоской произнес Щербань, думая о своем, и застонал от нестерпимой душевной боли. — А за сказку вдвойне.

Вся жизнь его была сказкой, красивой сказкой, в которой он был прекрасным современным царевичем и все делалось вокруг по щучьему велению. Горька расплата за бездумный шаг по жизни. Все эти годы он делал карьеру, поднимаясь вверх, радовался, а на самом деле, оказывается, скользил вниз. Этого не замечал ни он, ни другие. Где та грань, от которой начинается обратный отсчет жизни? Когда у человека начинается то, что неизбежно приведет его к краху? «Знал бы где упасть — соломки подостлал». Где то место и где та соломка?

Щербань сжал зубы, бессильный теперь что-либо изменить в своей судьбе.

Как все зыбко, эфемерно, ненадежно в жизни: все спешим, торопимся куда-то, суетимся, желаем быть на виду, жаждем наград, популярности, славы... И вдруг приходит минута, когда наступает прозрение — все было напрасным, мелочным, суетливым, недостойным человеческой сущности.

Щербань думал о себе.

Это был крах. Все полетело к черту! И карьера, и судьба, и жизнь. Когда он решил остаться на судне, он решил умереть. Не быть капитаном — не жить. Нет, он не боялся ответственности, он боялся позора. Да, он сжигал мосты. Но прыжок этой девчонки все изменил. И его поступок приобрел сентиментальную окраску, мелодраматический оттенок. Внутренне приготовившись к последней минуте и отрешившись от всего, он вдруг из-за этой идиотки попал в дурацкое положение...

В слабом свете луны беззвучным издевательским смехом корчились черные африканские маски...

«Посейдон» тяжело взбирался на очередной водяной холм, переваливал гребень и ухал носом вниз. Винт оголялся и бешено вращался вхолостую. Корпус судна лихорадочно дрожал, и палуба вибрировала.

В затемненной рубке было относительно тихо, но грохот моря и надсадный вой винта доносились и сюда.

Рулевой с трудом удерживал судно на курсе. Матросы сменялись каждый час — в такую погоду люди на штурвале выматывались за час, как на тяжелых погрузочных работах.

В радиорубке радист принимал «Навип» — навигационное предупреждение. Его передавали для всех морей и океанов. Где-то за тысячи миль отсюда, в Индийском океане, при полном штиле напоролся на рифы танкер и выпустил в океан десятки тонн нефти; где-то на севере затерло льдами траулер, а на экваторе столкнулись два судна, одно из них загорелось; где-то на оконечности Африки потух маяк, а на подходе к Гибралтару обнаружен какой-то неопознанный плавающий предмет и мореплавателям надлежит соблюдать осторожность; ледовый патруль предупреждал, что от Гренландии спускаются к югу айсберги и могут появиться на оживленной дороге между Европой и Америкой...

В радиорубку вошел Чигринов.

— Молчат, — ответил радист, понимая, что беспокоит капитана.

Все попытки связаться с «Кайрой» кончались неудачей, судно не отвечало. «Что у них там? — с беспокойством думал Чигринов. — Рация не работает? Щербань ранен. А эта девушка? Могла бы выйти на связь и сообщить, как у них там дела!»

— Слушайте внимательно! — приказал Чигринов. — И если свяжетесь, сообщите, что идем на помощь. Скоро будем.

— Хорошо, — кивнул радист.

И снова начал вслушиваться. В эфире, до отказа забитом воем, свистом, обрывками иностранной речи, трескучими электрическими разрядами, от которых болели барабанные перепонки, настойчиво пробивалась тревожная морзянка — кто-то сообщал, что потерял рулевое управление и его несет на скалы Норвегии. Это было очень далеко от «Посейдона», а тут, совсем рядом, молчала «Кайра». Может, уже некому отвечать?

В рулевой рубке у локатора, крепко держась за поручни, стоял старпом Вольнов.

— До них полторы мили, — доложил он капитану, когда Чигринов вернулся от радиста.

Чигринов спросил:

— Эхолот?

— Глубина сорок метров! — доложил вахтенный штурман Шинкарев.

Так. Значит, глубина, теперь будет стремительно убывать. Мель не круглая тарелка, чтобы знать, где ее край. Она далеко расползлась в море песчаными языками. Через какую-нибудь сотню метров можно и самим сесть на мель.

— Наблюдать за эхограммой! — приказал Чигринов.

Бумажная лента ползла через валик, и самописец наносил черную изломанную линию. Глубина убывала.

Чигринов озабоченно смотрел на освещенную палубу, где боцман с матросами наращивал запасной буксирный трос. Среди матросов на палубе был и Славка. «Нет, он все же молодец, — подумал капитан. — Действует, как положено матросу».

Все эти дни, как только Славка появился на «Посейдоне», Алексея Петровича мучило сознание, что сын намеренно не откликается на его попытки сближения. Несостоявшийся разговор в каюте показал, что с ним будет трудно найти общий язык. Вспомнились слова Григория: «А за что он тебя должен любить? Ты два года как ушел от них». Мучило и то, что в отношениях с Анной вкралась какая-то неловкость, какой-то холодок, стало почему-то стыдно встречаться с ней, зная, что здесь, на судне, находится сын. Она это почувствовала и отдалилась...

— Алексей Петрович, РДО. — Радист подал телеграмму.

Чигринов прочитал:

«Аварийная тчк с/б «Посейдон» тчк Чигринову тчк Три пункта тчк Обязываю обеспечить спасение капитана Щербаня члена экипажа «Кайры» Корольковой зпт оказать необходимую медпомощь тчк Обязываю принять все меры спасения судна зпт взять на буксир доставить порт тчк Обязываю каждый час информировать ходе спасательных работ тчк Иванников тчк».

Чигринов усмехнулся: «Обязываю, обязываю, обязываю». Если что случится, эта радиограмма — документ. В командах сегодня недостатка не будет. Как можно

командовать за сотни миль от событий, давать какие-то указания! Ведь это просто видимость участия, видимость работы. Все это, как говорится, на пожарный случай. Спасут — заслуга начальства, не спасут — вина капитана. Радиограммы, как документы, потом лягут на стол следственной комиссии.

Полчаса назад он доложил на берег, что спас команду «Кайры» и что капитан Щербань с буфетчицей остались на гибнущем судне. Теперь его обязывают спасти их. Будто он этого не знает без Иванникова!

Чигринов перевел глаза на море. Его беспокоило наступившее затишье. По опыту он знал, что такое спокойствие опасно — море готовится к решительной атаке. Хорошо еще циклон где-то заблудился и пока не настиг их. Надо до него успеть снять капитана Щербаня с судна. «Вот тоже герой нашелся! — с иронией подумал Чигринов. — Восстановил старые капитанские традиции, вспомнил архаическую романтику. Идиотизм какой-то!»

Как умудрился Щербань посадить судно на мель? Судя по карте, он хотел сократить путь. Но ведь это вопиющая безграмотность. Как он мог допустить? Что-то тут не так. Не полез бы он, закрыв глаза, на эти камни. Что-то заставило его это сделать. Но что? И старпом его мнется, не договаривает. Видимо, боится ненароком усугубить вину капитана.

Широкая ложбина, образовавшаяся между черными водяными валами, куда как раз входил «Посейдон», приковала взгляд капитана. Эта гладкая, холодно сверкающая в огнях прожекторов поверхность таила в глубине зловещую силу, которая вот-вот обрушится на судно. Вот уже побежала водяная поземка, срываемая порывами ветра с горбатого надвигающегося холма.

— Всем покинуть палубу! — приказал капитан по радиотрансляции. Голос его заглох в налетевшем шквале ветра.

— Полундра! — крикнул Гайдабура.

Матросы бросились прятаться за надстройку. Палуба исчезла под водяным валом. Огромный, поблескивающий в лучах прожекторов холм чудовищной тяжестью придавил «Посейдон», вмял его в море. Тонны воды перекатились по палубе. Буксир ухнул в бездну, задрожал, захрустел шпангоутами. На мгновенье Чигринову показалось, что судно не вынесет огромной тяжести водяного вала и уже не выберется на поверхность.

Медленно, страшно медленно, дрожа от напряжения, задыхаясь машиной, «Посейдон» выкарабкался на гребень исполинского холма. Судно дрожало, как дрожит лошадь, вытаскивая груженую телегу на крутую гору.

Потом был еще вал. Потом еще...

Славка, застигнутый вместе с матросами на палубе, спрятался между лебедкой и редуктором и выбирал момент проскочить в надстройку. «Бежать? Не бежать?»

Вспененная стена черной воды сшибла его и поволокла по палубе. Он судорожно махал руками, ища хоть соломинку, чтобы удержаться, испуганно закричал, но рот тотчас грубо заткнуло холодной, соленой водой. Он все же зацепился за что-то, кажется, за стойку рынды, но его тащило, выворачивало руки. Кто-то оторвал его руки от железа и поволок по палубе, стал беспощадно бить о кнехты, скобы, о стальной буксир и какую-то цепь. Славка забарахтался из последних сил и, задыхаясь, понял, что сейчас его выбросит за борт. Вдруг он почувствовал, как чьи-то руки схватили его за шиворот и, выдернув из волны, сунули в щель между брашпилем и редуктором.

— Глаза на затылке иметь надо! — услышал он голос боцмана.

Судорожно хватая воздух, Славка вцепился в брашпиль, стараясь удержаться на уходящей из-под ног скользкой палубе.

Капитан Чигринов все это видел. Когда вал прокатился над палубой и «Посейдон» стряхнул последние струи, Чигринов расслабленно провел рукой по лицу и осевшим голосом спросил по радиотрансляции:

— Боцман, все целы?

Гайдабура окинул взглядом палубу и крикнул:

— Все живы, нет?

В ответ молчание.

— Смурага! — повысил голос боцман.

— Да здесь я, здесь, — раздалось из-за редуктора, куда волной втиснуло матросов. Смурага кряхтел, вылезая.

— Чего молчишь?

— Зашибло малость.

— До свадьбы заживет, — обнадежил боцман, с тревогой глядя на море — что оно там еще готовит?

Матросы вылезали кто откуда, потирали ушибленные места, отряхивались, чертыхались, с опаской глядели на море — не идет ли новый вал?

— Курилов! Курилов, где ты? — орал боцман, силясь перекричать ветер.

— Т-тут, — недовольно отозвался рядом матрос. — Чего орать-то.

— На тебя не орать, тебя матом крыть надо! — обрадовался боцман. — Опять спишь на ходу?

— Т-тут уснешь, — заикаясь ответил матрос. — П-помяло всего.

— Ничего, тебе полезно, — успокоил его боцман. — Вместо массажа, чтобы курдюк не развивался. Боболов! Боболов! — повысил голос боцман. — Боболов, так твою растак! Кто видел этого разгильдяя?

— Он последним бежал за мной, — сказал Смурага.

— Осмотреться! — приказал боцман. — Быстренько, ребятки, быстренько, родные!

Боболова нашли за лебедкой. Он лежал без сознания.

— Живой? — с тревогой спросил боцман.

— Вроде живой, — ответил Смурага. — Дышит.

— В лазарет! — приказал боцман. — Бегом!

Матросы понесли Боболова в санчасть.

— В рубашке родился, — кивнул вслед Курилов. — Как его не смыло!

— У нас одного на «Козероге» смыло, а потом обратно на борт закинуло, — сказал Смурага.

— Ты когда-нибудь рот закроешь! — вскипел боцман. — Работать!

— У самого рот не закрывается, а на других орет, — обиделся Смурага.

— Ему по штату положено, — откликнулся Курилов, прикрываясь от ветра. — Что за боцман, если глотка не луженая?

— Боцман! — раздался требовательный голос капитана. — Как люди? Почему молчите?

Гайдабура кинулся к динамику:

— Все живы! Боболова стукнуло малость. В лазарет понесли.

— Надеть страховочные пояса! — приказал капитан.

* * *

Боболов лежал в каюте один, расслабился, чего не позволял себе на глазах у других, и не сдерживал стона — боль ломила голову. «Сотрясение, поди, заработал, — по-

думал Боболов. — Заставь дурака богу молиться — он и лоб расшибет».

Когда судно поднималось на волну, ему становилось легче, но когда судно падало вниз, боль сдавливала голову. «Разжижились мозги, что ли, у меня?», — подумал он, устраивая голову поудобнее на подушке. Нет, пора с морем завязывать — пропади оно пропадом! — пора осесть на берегу и жить как живут-поживают все нормальные люди. Какого черта носит его по морям! Из своих двадцати шести лет он уже девять проболтался по волнам. Не окончив школы, ушел матросом на сейнер. Сначала был рыбаком, как и отец, но, сходив несколько рейсов, заскучал. Рыба да рыба, шкерка, разгрузка, погрузка — никакого просвета, молоти да молоти! Нанялся в морагентство перегонять суда. Походил, посмотрел страны, но там малый заработок. Пошел в спасатели — денежно и интересно. Не прокиснешь. И вот уж третий рейс он на «Посейдоне». Команда ничего, а кэп классный, таких поискать...

В каюте было тихо, уютно, и блаженно-расслабленное тело отдыхало. Но в голове стояла боль: она то приливала горячей ртутью, то отпускала. Постепенно он приноровился, держал голову руками на весу и от этого было полегче.

Он задернул шторку сбоку и оказался в маленьком уютном мирке, ограниченном сверху Славкиной койкой, с одного боку — шторкой, с другого — переборкой, на которой была приклеена фотография девушки. Мирок этот был освещен теплым матовым светом коечной лампочки над головой. «Вернемся — женюсь», — подумал Боболов, глядя на улыбку девушки.

За бортом ревело море, и на палубе творилось черт знает что, а он лежал в тепле и блаженствовал. Попытался придремнуть, но не получилось.

Судно качало как на качелях. Когда оно летело вниз, холодок подсасывал под ложечкой. Боболов скорее умер бы, чем признался, что болтанку переносит с трудом. Но он пересиливал себя и никогда не показывал, что страдает во время шторма. Если кто-нибудь узнал бы об этом, несказанно удивился.

Нет, бросит он к черту эти моря! Хватит с него! На берегу не пропадет. Подастся куда-нибудь в ансамбль. На гитаре он виртуоз. Боболов усмехнулся, представив себя с гитарой на эстраде ресторана.

Судно резко качнуло, и боль в голове опять накатила горячей волной.

Стиснув зубы, он сдержал стон, подумал: «Ну, достается ребятам!» На душе почему-то стало нехорошо, стыдно. Он тут в тепле разнеживается, а они там уродуются...

* * *

Освещенную прожекторами «Посейдона» беспомощную «Кайру» терзали волны. Капитан Чигринов не опускал бинокля. Нос «Кайры» ушел в воду по самую палубу, видать, полный трюм набрали. Крен на правый борт градусов тридцать. И сидит, по всей видимости, на камнях прочно. Надо высаживать аварийную группу, заделывать пробоину, откачивать воду и уж потом стаскивать с камней.

«Посейдон» подошел к «Кайре» на расстояние выброса линя. Прожектор вырвал из тьмы фигурку, одиноко стоящую возле надстройки. Капитан всмотрелся — Тамара.

— Приготовить линь к броску! — приказал Чигринов старпому и вышел из рубки на мостик.

На нос «Посейдона», увертываясь от волн, пробежал вахтенный штурман Шинкарев с линевым пистолетом, похожим на ракетницу. Он присел за фальшборт и выстрелил. Ветер отнес тонкий капроновый канат в сторону, линь упал в воду.

— Стрелять точнее! — крикнул он штурману в мегафон.

У них не было времени на пристрелку. «Посейдон» уже разворачивало на волне.

Шинкарев, опять увертываясь от волн, хлеставших по палубе, побежал на корму.

Чигринов вернулся в рубку, отстранил рулевого и сам встал за штурвал. Сейчас, в опасной близости от «Кайры», наступал самый ответственный момент. В такие минуты Чигринов сам становился за руль.

Стреляли еще несколько раз, но ветер относил линь в сторону.

— Спустить шлюпку! — приказал капитан Вольнову. — Вы — старший.

Из радиорубки выглянул радист.

— Алексей Петрович, берег требует доложить обстановку.

Чигринов чертыхнулся. Удивительная способность у берега — запрашивать обстановку в самый неподходящий момент.

— У нас нет времени на разговоры, — резко ответил он.

Чигринов держал судно лагом к волне, чтобы дать возможность спустить шлюпку с подветренной стороны.

Шлюпка наполнялась матросами, одетыми в оранжевые спасательные жилеты. Жесткие, тяжелые, они мешали морякам работать и двигаться. Матросы не любили эти жилеты, делавшие их неуклюжими и малоподвижными. Среди матросов был и Славка. Боцман взял его в аварийную группу.

Вольнов увидел, что в шлюпку садится Анна Сергеевна.

— А вы куда? Прошу покинуть шлюпку! — приказал старпом.

— Вы забыли, что я врач, а на «Кайре» раненый, — отчеканила Анна Сергеевна.

* * *

Надежда Васильевна включила селектор и услышала ответный позывной «Посейдона». Стараясь побороть волнение, она спокойным голосом сказала:

— Капитан Чигринов, доложите обстановку!

— Спустили шлюпку, чтобы высадить аварийную группу на «Кайру», — донесло сквозь помехи эфира голос Алексея. Далекий родной голос слабо пробивался сквозь свист, вой, обрывки иностранной речи и тревожные точки-тире морзянки. — Я уже докладывал: команда «Кайры» у нас на борту. На «Кайре» остались капитан судна и буфетчица. Все.

— Есть пострадавшие? — спросила Надежда Васильевна.

— Ничего серьезного. Всем оказана медицинская помощь.

В голосе его Надежда Васильевна уловила раздражение и поняла почему. Он уже сообщил обо всем в радиограмме на имя Иванникова, и теперь его заставляют повторять то же самое. Но Иванников требует постоянной связи с «Посейдоном».

— Как чувствует себя команда?

Надежде Васильевне хотелось спросить о сыне, но нарушать официальный режим связи категорически запрещалось инструкцией.

— Команда выполняет свои прямые обязанности. — Голос Алексея глох, пропадал и вдруг опять возникал совсем рядом. — Все в порядке. Со всеми все в порядке.

Надежда Васильевна поняла этот подчеркивающий тон: со Славкой ничего не случилось.

— Спасибо. Вопросов больше нет. Продолжайте выполнять операцию.

— До связи.

Далеко в бушующем море Алексей положил трубку радиотелефона, и в наушниках остался только треск и свист эфира. Надежда Васильевна сняла наушники и услышала привычный разноголосый шум диспетчерской. Девушки-операторы разговаривали с судами в море и в порту.

Надежда Васильевна позвонила Иванникову на базу и доложила о разговоре с капитаном Чигриновым.

— Выходите на связь с «Посейдоном» каждый час, — приказал Иванников.

Надежда Васильевна подумала, что Иванников не уйдет из кабинета, пока не станет ясен результат спасательных работ.

Раздался суховато-официальный, без эмоций, спокойный и твердый голос Нины. Она работала на дальней связи.

— Всем судам, находящимся в Балтийском море! Всем судам, находящимся в Балтийском море! Штормовое предупреждение! Штормовое предупреждение! С норд-вест по направлению зюйд-ост движется циклон. Сила ветра — ураганная. Повторяем...

Надежда Васильевна взглянула на карту — направление циклона было на квадрат, где находились «Кайра» и «Посейдон». Тяжело придется им там. Успели бы справиться со спасением до циклона. Хорошо, если бы успели!

* * *

— Давай, давай, орлы-цыплята! — хрипел боцман, удерживая в руках тяжелый канат.

Падая, оскользаясь на наклонной палубе, матросы с трудом просунули в носовой клюз буксирный канат и закрепили на кнехтах. «Кайра» была взята на буксир.

— Ну вот! — выдохнул боцман. — Теперь святая душа на костылях!

Он расслабленно прислонился к надстройке с подветренной стороны. Славка чувствовал, как от усталости у него подкашиваются ноги.

— Ну как, терпишь? — спросил боцман, обтирая ладонью мокрое лицо.

— Терплю, — ответил Славка, прикрываясь воротником бушлата от ветра и брызг.

— Терпи, матрос, капитаном станешь.

Рев ветра и грохот волн оглушали. Сквозь летучую стену брызг пробивался луч прожектора «Посейдона»...

В каюте капитана Анна Сергеевна перевязывала Щербаня. Тамара светила ей фонариком. Анну Сергеевну не удивил поступок девушки, женским чутьем она безошибочно определила: здесь любовь.

В каюту вошел мокрый Вольнов.

— Игорь Сергеевич, прошу вас в шлюпку. Приказ с берега — покинуть судно. — Вольнов снял с вешалки штормовку Щербаня, давая понять, что он выполнит приказ. — Прошу вас.

Преодолевая боль, Щербань молча поднялся с диванчика...

Спускать Щербаня в шлюпку помогали Анна Сергеевна и Славка.

— Буксир! — вдруг закричал боцман. — Полундра!

Трос натянулся до предела, пряди его лопались одна за другой и веером лохматились вокруг стального стержня.

Анна Сергеевна втолкнула остолбеневшего Славку в дверь надстройки.

Трос лопнул и со страшной силой хлестнул по палубе, высекая искры. Железо загудело. Стеганув по штормтрапу, трос срезал его, как бритвой. Подхваченную волной шлюпку кинуло от борта.

Когда Анна Сергеевна и Славка выглянули из двери, шлюпки возле «Кайры» не было.

Прожектора «Посейдона» шарили по волнам, но не могли пробить ревущую мглу штормового моря. Тусклые пятна света бессильно глохли в водяной пыли.

— Сигнал! — приказал Чигринов.

«Посейдон» взревел.

Стиснув сигарету в зубах, Чигринов ждал. Обстановка

усложнилась. Капитан пытался предугадать, что предпримет старпом: останется на «Кайре» или вернется.

Время тянулось томительно долго. Чигринов вздрогнул, когда Шинкарев обрадованно заорал:

— Шлюпка!

Освещенная прожекторами шлюпка подходила к борту.

Чигринов вышел на крыло мостика. Он увидел Щербаня и девушку, у него отлегло от сердца — спасли.

Хватаясь за поручни трапа, к капитану поднялся старпом.

— Алексей Петрович, на «Кайре» остались врач и ваш сын.

— Как... остались? — переспросил Чигринов.

— Не успели сойти в шлюпку. Нас отбросило волной. Лопнувшим буксиром срезало штормтрап и шлюпочные концы. Мы потеряли «Кайру». Вас мы нашли только по прожектору и гудку.

— Немедленно приготовить шлюпку к спуску! — приказал Чигринов. — Я сам пойду!

За кормой раздался глухой удар, корпус спасателя вздрогнул. Тотчас зазвенел телефон.

— Заклинило винт, — доложил старший механик.

Вахтенный штурман Шинкарев предположил:

— Наверное, трал намотали!

«Да, море в последние годы превращено в помойную яму, — подумал Чигринов. — Лишь бы не стальной трос. С капроновым справиться можно быстрее...»

— Водолазов! — приказал Чигринов.

«Посейдон» уже разворачивало на волне.

В водолазном посту Веригин и Шебалкин торопливо облачали Григория Семеновича в скафандр. По команде Грибанова «Раз, два — хоп!» — они одновременно рванули с боков тугой резиновый фланец, растянули его, и Григорий Семенович втиснулся в узкий ворот водолазной рубахи.

Чигринов вошел к водолазам, быстро захлопнул дверь от набежавшей волны.

— Идешь?

Григорий Семенович кивнул. Они посмотрели друг другу в глаза. «Я не имею права посылать тебя», — хотел сказать Чигринов, но не сказал, понимая, что этими словами он будет как бы оправдываться перед другом. Оба понимали, что только мастерство и опыт старого водолаза могут спасти «Посейдон».

— Смотри там, Гриша, — попросил Чигринов.

Григорий Семенович снова молча кивнул.

Зазвонил телефон.

— Алексей Петрович, берег вызывает, — доложил радист.

— Обождут, — недовольно ответил Чигринов и положил трубку.

Когда на Григория Семеновича надели шлем и дали воздух, когда Шебалкин стал заворачивать передний иллюминатор, Чигринов сказал:

— Ну, ни пуха...

— К черту, — коротко бросил водолаз.

Грибанов приказал надеть на себя двойные грузá, одни на плечи, другие на пояс. Кроме того, он взял в руки пару чугунных бобенцов от трала. Как только волна подойдет к борту и поднимется до палубы, он кинется в нее «солдатиком», так он в детстве прыгал в речку. Надо угадать момент, когда волна начнет отходить от борта, тогда она оттащит его от судна, иначе разобьет о борт. Он уйдет на глубину и только там бросит бобенцы и по ходовому концу доберется до винта.

В скафандре было жарко. Воздух по шлангу шел слабо, но увеличивать подачу было нельзя. Протерев лбом отпотевший передний иллюминатор в шлеме, Грибанов стоял у фальшборта и ждал подхода волны. Веригин крепко держал его за шланг-сигнал.

Григорий Семенович увидел, что гребень волны поднялся до палубы. Он шагнул в открытую дверцу фальшборта и, нажав на золотник в шлеме, ухнул вниз. Он знал, что вслед за ним Веригин сбросит кольца шланг-сигнала, чтобы дать ему возможность уйти на спасительную глубину — подальше от борта.

Он летел вниз, чувствуя, как закладывает уши, как обжимает водой скафандр. Волна подхватила его, как поплавок, и потащила от борта. Надо успеть уйти на глубину, чтобы следующий бросок волны кинул его не на борт, а под днище судна, к винту.

С чугунными бобенцами в руках Григорий Семенович стремительно падал вниз. На глубине было тише, спокойней, но он знал, что все еще находится во власти волны. Его дернуло за пояс, он понял, что рассчитанные метры шланг-сигнала вытравлены и что теперь он должен ждать обратного движения волны, которая понесет его к «Посейдону». И если он не ушел на достаточную глубину,

волной его ударит о борт и иллюминаторы в шлеме хрупнут, как тонкие льдинки.

Дышать было тяжело, грудь без защитного слоя воздуха в скафандре сжимало. Но Григорий Семенович не давал команды прибавить воздуха.

Он почувствовал, что его потащило назад, и еще сильнее нажал на золотник, вытравливая из скафандра остатки воздуха. С болью в ушах и в груди, он стал проваливаться еще глубже. Новый рывок шланг-сигнала дал ему понять, что он уже под судном и самое опасное позади. Григорий Семенович разжал руки и выпустил бобенцы.

— Подбирай помалу, — приказал он.

— Есть! — тотчас же ответил по телефону Шебалкин.

Поднимаясь в кромешной тьме выше, он знал, что Веригин сейчас перенес шланг-сигнал на корму и должен подвести его к ходовому концу.

Григорий Семенович ударился шлемом о днище судна. «Так, — удовлетворенно сказал он сам себе. — Все в порядке». Он поднял руку и сразу же поймал ходовой конец. «Удачно». Перебирая руками, стал подтягиваться к винту. Нащупав шершавое, изъеденное морем перо руля, сказал:

— На месте.

— Понял, — ответил Шебалкин.

— Дай воздуха побольше, — попросил Григорий Семенович. Пора было отдышаться и провентилировать легкие.

— Даю.

В шлеме зашипело сильнее.

— Хорош, — сказал Григорий Семенович, жадно вдыхая холодный, пахнущий резиной воздух. От груди отлегло.

Отдышавшись, он сказал:

— Ну, подавайте лампу!

В каюте Чигринова на диване лежал Щербань.

— Выпейте, — просила Тамара, предлагая ему чашку кофе. — Я сама заварила. Как вы любите. Двойной.

Вошел Чигринов. Грязный бинт с кровавым подтеком на голове Щербаня, хлопочущая над ним девушка — все это напомнило ему прифронтовые санбаты, где раненым оказывали первую помощь.

Доставая сигареты из стола, Чигринов спросил:
— Почему не подавали «SOS»?
— Думал, справлюсь сам, — с усталой безразличностью ответил Щербань.
— Не об этом ты думал, — с раздражением сказал Чигринов. — Думал, как бы не уронить свой престиж.
— Вас много сейчас найдется, кому захочется ударить. Бей, бей лежачего! — Щербань скривил губы.
Чигринову стало неприятно, что он не ко времени затеял этот разговор.
— Бить тебя я не собираюсь...
Его прервал телефонный звонок.
— Алексей Петрович, вас требует берег, — сказал радист.
— Иду, — недовольно ответил Чигринов. «Опять этот берег! Не сидится им там!»
В коридоре его перехватил боцман.
— Алексей Петрович, это я виноват, — плачущим голосом сказал он. — Казните.
— В чем дело? Что такое?
— Буксир я старый завел. Пожалел новый. Со склада, в смазке еще.
Чигринов молча глядел на сутулые плечи боцмана, на повинно опущенную голову и думал с горечью, что, может быть, и есть в этом признании какая-то доля вины. Но не это главное.
— Не наговаривайте на себя. Буксир мог лопнуть и новый.
— Нет, я, — стоял на своем боцман и покаянно вздыхал. — Жадность моя.
— Идите, боцман, занимайтесь своим делом, — недовольно приказал Чигринов и подумал: «Но если кто виноват во всем, так это Щербань. Но тот не покается».

— Доложите обстановку, — сказала Надежда Васильевна, услышав голос мужа.
— С «Кайры» сняли капитана и буфетчицу. Лопнул заведенный буксир. Подойти к судну пока не можем — намотали на винт. Видимо, плавучий трал. Спустили водолаза. На «Кайре» остались наш врач и... один матрос.
В голосе мужа ей почудилась какая-то заминка.
— Немедленно примите меры для спасения!

— Именно это я и собираюсь сделать, — ответил Чигринов.

— А как Слава?

— Вопрос носит личный характер.

Она представила, как он нахмурил брови.

— Фамилия матроса, который остался с доктором на «Кайре»?

Алексей ответил не сразу.

— Петров. — И тут же раздраженно сказал: — Разговор прекращаю.

Надежда Васильевна медленно сняла наушники, чувствуя, как похолодело в груди от гибельного предчувствия.

— Света, добудь мне судовую роль «Посейдона», — глухо попросила она помощницу. — Есть у них матрос Петров?

— Хорошо, Надежда Васильевна, — ответила девушка, догадываясь, что там, в море, произошло что-то касающееся Надежды Васильевны.

— Диспетчер! Диспетчер! — раздался в селекторе резкий голос. — Говорит «Южная звезда». Когда нам становиться на седьмой причал, брать питьевую воду?

— Через полчаса.

— Да вы что! — возмутилась «Южная звезда». — У нас через шесть часов выход в море, а мы без воды!

Все хлопочут о лучшем причале, о соли, о воде. «Что-то случилось с сыном...» Надежда Васильевна была уверена в этом, подсказывало материнское чутье.

Она заметила Светлану, они встретились глазами.

— Что, Света?

— В судовой роли «Посейдона» нет матроса по фамилии Петров, — тихо ответила девушка.

— Так я и знала.

— Диспетчер! Диспетчер! — надрывалась «Южная звезда». — Я буду жаловаться! Немедленно ставьте нас на седьмой при...

Светлана щелкнула рычажком, и голос «Южной звезды» оборвался. И тотчас раздался резкий телефонный звонок.

— Выходили на связь с «Посейдоном»? — строго спросил Иванников. — Почему не докладываете?

— Извините, — ответила Надежда Васильевна. — Докладываю...

* * *

В тесной радиорубке «Кайры» Славка, подсвечивая ручным фонариком, пытался включить рацию. Он сидел перед металлическим ящиком со множеством рычажков, потухших лампочек, переключателей, непонятных кодовых цифр и стучал ключом Морзе. Рация не подавала признаков жизни. «Молчит, как гроб!» — в отчаянии думал Славка, смущаясь присутствием Анны Сергеевны. Она была здесь же, в радиорубке, и ждала, чем кончатся попытки включить рацию.

Славка впервые пожалел, что никогда не интересовался ни приемниками, ни транзисторами. Сюда бы Мишку Петенькова, тот бы сразу разобрался во всех этих рычажках — у него нюх ко всяким схемам, усилителям, полупроводникам, диодам и триодам. Он в мореходке вечно пропадал у радистов. Если бы знать, что так вот получится, Славка тоже поинтересовался бы радиоделом.

Корпус судна содрогался, будто по нему колотили огромной кувалдой. Анна Сергеевна куталась в куртку, засунув озябшие руки в карманы. Славка сидел в кресле радиста и, стиснув зубы, пытался оживить рацию.

«Бедный мальчик, его-то за что!» — думала Анна Сергеевна.

Как нелепо все! Неужели это и есть конец? Неужели ей суждено повторить судьбу своего погибшего мужа? Она вспомнила, как много лет назад провожала его в последний рейс. Он стоял на мостике траулера, в штурманской форме, освещенный ослепительным севастопольским солнцем, и улыбался. Она была на причале в толпе провожающих, махала рукой. Удушливо пахло цветущей акацией. И этот запах для нее с тех пор стал запахом беды.

— Не пойму, как она работает, — признался Славка.

— Что же делать? — с отчаянием спросила Анна Сергеевна.

— Ждать!

— Да, да, — согласилась Анна Сергеевна, со страхом прислушиваясь к тому, что творилось за бортом.

Они еще не знали, что «Посейдон» сам попал в бедственное положение и ничем не может им помочь. Они думали, что с минуты на минуту высадится аварийная группа и на «Кайре» зазвучат голоса матросов. Но в сердце уже прокрадывалась тревога и предчувствие, что остались они среди бушующего моря одни.

* * *

— Нас относит все дальше, — сказал Вольнов, когда в рубку поднялся капитан.

— Шлюпка готова? — спросил Чигринов.

— Готова. Но хочу напомнить: капитан не имеет права оставлять судно, потерявшее управление и ход. Разрешите, пойду я.

— Благодарю за освежение моей памяти, — усмехнулся Чигринов. — А вы... уже сходили один раз.

Лучик — радиус локатора вырвал из тьмы экрана слабо тлеющую зеленую точку. Капитан определил по шкале расстояние до «Кайры» и поразился — их отнесло на полмили. Какое сильное течение! И ветер...

Из радиорубки выскочил радист.

— Алексей Петрович, циклон повернул на нас!

— Когда он будет здесь?

— Через час. Скорость ветра ураганная.

«Мальчишка еще, боится», — подумал Чигринов и спросил старпома:

— Где мы находимся?

— Нас несет на Южную косу Большой банки.

«Та-ак. — Чигринов восстановил в памяти карту. — Как только «Посейдон» пронесет от Северной до Южной косы, так выбросит на мель».

— Разрешите заметить, — сказал Вольнов. — Спускать шлюпку в такой обстановке — безумие.

Чигринов и сам понимал, что решение его было необдуманным. Когда он отдавал приказ приготовить шлюпку к спуску, в нем говорило сердце, но не разум. Шлюпка не сможет преодолеть расстояние до «Кайры». Да и какую помощь они могут оказать? Вместо двоих на гибель будут обречены еще несколько человек.

— Да, Константин Николаевич, вы правы, — глухо произнес Чигринов. — Прикажите отменить спуск шлюпки.

Чигринов отвернулся, плечи его ссутулились, и сразу стало заметно, что он уже не молод.

Старпом, вахтенный штурман и рулевой с жалостью глядели на капитана.

— Будем надеяться... — сказал Вольнов.

— Прошу без лишних слов! — оборвал его Чигринов.

Там, в ревущей тьме, остались два самых близких и дорогих ему человека, и он ничем не может им помочь.

Он не имеет права ради них рисковать другими. Сейчас главное: дать ход «Посейдону».

...В водолазном посту было сухо, тепло, ярко светили плафоны.

— Ну что там? — спросил капитан.

— Намотали трал, — ответил Шебалкин.

Чигринов взял у Шебалкина один наушник и микрофон.

— Гриша, нас тащит на банку. Подходит циклон. В запасе максимум час.

— Понял, — ответил Григорий Семенович. — Намотали втугую. Надо резать.

— Может, рвануть лебедкой?

— Рано. Тут еще кусок стального троса.

— Торопись.

— Разве Грибанов подводил когда-нибудь, товарищ гвардии старший лейтенант?

У Чигринова дрогнуло сердце, когда он услышал свое фронтовое звание. Он отдал наушник Шебалкину и подумал: «Нет, старшина Грибанов никогда не подводил. Но успеет ли он сейчас?»

Грибанов понимал не хуже капитана, что сейчас все зависит от него, только от него. Надо было успеть!

Подсвечивая подводной лампой, Григорий Семенович внимательно осматривал намотанный трал, отыскивая место послабее. Трал был так спрессован вокруг ступицы винта, что лопасти едва виднелись из этого плотного капронового кокона. Затянуло всей мощью двигателя в тысячу семьсот лошадиных сил.

«Рвать пока нельзя. Резать пилой — сутки. Газорезкой? Капрон будет плавиться и превратится в монолит. Что же делать? И все же газорезкой. Надо прожечь дыру, зацепить крюком лебедки и рвануть! Но сначала надо перепилить трос».

Григорий Семенович приладился и начал пилить. Как знал, что пилка по металлу понадобится и сразу же, еще наверху, велел привязать ее шкертиком к руке.

Водолаза мотало вместе с буксиром то вверх, то вниз. Чтобы не сорвало с подкильного конца, надо было в скафандре держать мало воздуха. Григорий Семенович хорошо понимал, что от нехватки воздуха скоро наступит кислородное голодание, закружится голова, заболит сердце, но иного выхода не было.

Пропустив подкильный конец под мышку левой руки и

повиснув на нем, упираясь одной ногой в лопасти винта и все время соскальзывая с нее, Григорий Семенович пилил, чувствуя, как с каждым движением руки пилка все глубже вгрызается в трос. Подводная лампа тускло освещала место работы, порою ее свет пропадал вовсе — болтающиеся концы трала заслоняли лампу. «Ничего, — подбадривал себя Григорий Семенович, чувствуя, что в шлеме уже душно, что соленый пот заливает лицо, выедает глаза. — Ничего. Не впервой». Он продолжал перепиливать прядь за прядью, и когда наколол стальной проволокой палец, обрадовался. Значит, дело идет!

Руки мерзли, плохо слушались, но Григорий Семенович специально надел водолазную рубаху без рукавиц, чтобы лучше было работать на ощупь, и теперь, в ледяной воде, пальцы закоченели, плохо держали пилку.

Не давая себе передышки, он пилил и пилил.

— Припухать будем, пока водомуты размотают винт, — сказал Смурага, приваливаясь к переборке.

Матросы завели подкильный конец, на котором теперь держался под водой Грибанов, и отдыхали, ожидая приказаний. В коридоре было тихо, светили плафоны, железная дверь заслоняла их от ветра и волн. Вместе с другими матросами с «Кайры» был и Петеньков. Он отказался сидеть в каюте и занял Славкино место в боцманской группе.

— Нет, в рыбаках все же лучше, — убежденно произнес Смурага. — Там если штормяга застал, то, как говорится: деньги — жене, убытки — стране, а сам — носом на волну и дуйся в «козла», пока не стихнет.

Матросы молчали. Смурага немного подождал и снова начал:

— Я вот на «Катуни» ходил. Заколачивали за рейс по три тысячи на пай. Молотили, правда, восемь часов через восемь, но зато с деньгами. А тут того и гляди пошлешь радиограмму: прощай, мама!

— Чего ж ушел? — спросил боцман. — И заколачивал бы.

— Да выгнали его, — спекшимися от внутреннего жара губами усмехнулся Боболов.

С забинтованной головой он все же вернулся на свое место в боцманской команде. Его подташнивало, боль в голове не утихала, зябко нахохлившись, он сидел на красном пожарном ящике с песком.

— Кого выгнали? — задиристо повысил голос Смурага. — Ты в мои документы заглядывал?

— Ты к нам-то чего подался? Думал, тут полегче и денег побольше? Тебе в Морагентство идти надо, суда перегонять. Там свою вахту отстоял и загорай — никаких тебе погрузок, никаких разгрузок, и спасать никого не надо. Шлепай потихоньку вокруг шарика.

— Везде хорошо, где нас нет, — вздохнул боцман. — Им тоже достается. По восемь-девять месяцев дома не бывают. Тоже не малина.

Примостившись рядом с Боболовым на пожарном ящике, Гайдабура переобувался.

— А что, правду говорят, будто ваш капитан застрелиться хотел? — вдруг спросил кто-то Петенькова.

Петеньков пожал плечами. Он вспомнил, как яростно работал Щербань в трюме на разгрузке, как усмирил панику и отдал стопор последней шлюпки.

— С бабой остался — чего стреляться! — хмыкнул Смурага.

— Ну что ты за человек! — вскипел Гайдабура. — Самого бы тебя туда, на его место.

Раскуривая подмокшую сигарету, он хмуро заявил:

— Ударит ураган — закусим горе луковицей.

— Минорные нотки прорезались, маэстро, — сказал Боболов.

— Только дурак может спокойно относиться к опасности. — Боцман сердито взглянул на матроса. — Тут целое кладбище, на этой банке. Как говорится: пронеси и помилуй.

— А ты помолись Николке морскому, — сказал Смурага. — Чего его, старого хрена, даром таскать с собой?

У боцмана в каюте висела маленькая иконка Николы морского, покровителя и защитника моряков. Передавался этот талисман от отца к сыну — все Гайдабуры были моряками.

— Не твое это дело, — нахмурился боцман.

— Как не мое? — удивился Смурага. — А кто должен перевоспитывать таких дремучих? Изживать родимые пятна капитализма. А религия — это опиум для народа. В наше-то время и вдруг — иконка! Откуда такая темнота?

Вместо боцмана ответил Боболов.

— Ты, светлый и прозрачный, попридержи-ка язык! — сквозь зубы сказал он.

Смурага, хоть и ухмыльнулся, но замолчал.

Матросы, обессиленно привалившись к переборкам, одновременно качались то в одну сторону, то в другую — буксир валило с борта на борт. Любимец команды песик Посейдон, черный, лохматый, с белым кончиком хвоста, скользил на кренах по гладкому мокрому линолеуму коридора. Он ластился к людям, искал у них помощи, тоскливо и жалобно поскуливал.

— Сейчас надо винт разматывать и рвать когти, пока циклон не застукал, — снова начал Смурага, будто с кем-то споря.

— А люди на «Кайре»?

Смурага усмехнулся.

— Кэп, конечно, ради своей... не пожалеет других.

— Ты эти ухмылки брось! — недовольно буркнул боцман. — Там у него сын.

— Вот я и говорю. Своя рубашка ближе к телу. А уж без рубашки...

— А ну, хватит! — приказал боцман. — Разговорился!

Наступило молчание. Неожиданно громко и резко прозвучала по трансляции команда старпома:

— Боцман, отдать правый носовой!

Все вздрогнули.

— Во, пожалуйста! Что я говорил? — злорадно хмыкнул Смурага..— Милости просим к столу!

— Все на бак! — приказал боцман и первым шагнул в открытую дверь на палубу. В лицо ему ударило ветром и острыми холодными брызгами.

Капитан Чигринов не отрывался от локатора. На маленьком темном экране зеленым зернышком светилась «Кайра». Они удалялись от нее. Шкала локатора показывала уже полторы мили. Как они там? Что у них? Каждый раз, когда лучик-радиус обегал темный экран, Чигринов, затаив дыхание, ждал, покажется ли светящаяся точка. И когда лучик все же вырывал зеленую точку, Чигринов переводил дух: «Кайра» еще на плаву. Успеть бы! Успеть!

Эхограф показал глубину всего двадцать три метра! Отдали якорь. Может, удастся удержать «Посейдон», дать возможность Грибанову размотать трал.

«Ничего, — сказал сам себе Чигринов. — Бывало и хуже».

Два года назад в северной Атлантике они обледенели. Такелаж, рангоут, антенны, палуба покрылись глыбами тяжелого льда. Судно дало такую осадку, что едва не черпало воду. У самых ног дымился серый океан, крен на правый борт был десять градусов и осадка угрожающе увеличивалась. Маломальская зыбь — и был бы конец! Команда работала, как в атаке, на пределе сил. У боцмана от усталости был сердечный приступ. Но выбрались же. И сейчас выберемся. Надо выбраться!

— Якорь не держит! — доложил вахтенный штурман.

Чигринов оторвался от локатора, взглянул на бледное лицо Шинкарева.

— Возьмите себя в руки, штурман!

— Простите, Алексей Петрович.

— Как там у водолазов?

— Режут.

«Поторопите», — хотел сказал Чигринов, но промолчал. Зачем? Гриша сделает все, что возможно, и без понуканий.

— Алексей Петрович, вас вызывает берег, — выглянул из радиорубки радист.

«Неужели прошел только час? — Чигринов взглянул на часы. — Да, час. Как медленно тянется время!»

— Отдать второй якорь! — приказал Чигринов и пошел в рубку.

— Доложите обстановку, — донесся далекий, едва различимый голос Надежды.

— Разматываем винт. Отдали два якоря.

— Как далеко от вас мель?

— Рядом.

— Вам нужна помощь?

— Помощь нужна «Кайре», — резко ответил он.

— К вам идут два судна.

— Где они?

Надежда Васильевна назвала квадраты, и Чигринов быстро подсчитал, что помощь слишком далека и пробьется только часов через пять-шесть.

— Предлагают свою помощь иностранцы, они гораздо ближе, — сказала Надежда Васильевна и опять назвала квадраты.

Да, эти ближе, но все равно вряд ли успеют.

— Справимся без них.

— Хорошо. Еще один вопрос... — Голос Надежды Васильевны на мгновение исчез в шуме эфира, и он услы-

шал только окончание фразы: — ...нет в судовой роли матроса по фамилии Петров.

Чигринов понял, что она разгадала его обман.

— Что можете сообщить о них? — настойчиво повторила Надежда.

— Видим в локатор, — отозвался он. — «Кайра» на плаву, и это главное. До связи.

Чигринов снял наушники и передал их радисту.

Теперь все зависело от Григория. Надо было ждать! Чигринов всегда чувствовал себя беспомощным в такие часы.

Он прошел в рубку. На темном экране локатора «Кайра» вспыхивала зеленым зернышком и медленно угасала, чтобы вспыхнуть вновь.

«Держитесь, — шептал Чигринов, — держитесь». Он ничем не мог им помочь. «И ты держись, старина, — сказал он «Посейдону». Он всегда разговаривал с буксиром как с живым существом, как с другом. — Помнишь, как попали мы с тобой во льды у Лабрадора? Помнишь, как трещали твои ребра-шпангоуты, когда сжало тебя льдами? Но ты выстоял. И матросы тоже. Двенадцать часов в ледяной воде заделывали они пробоины в твоих боках. И ты своим ходом пришел в Галифакс. Собралась толпа в порту, не верили, что ты сам пришел, что ты на плаву. По всем писаным и неписаным законам должен был ты утонуть. Но ты выстоял тогда. Выдержи и теперь. Прошу тебя».

Чигринов вновь припал к локатору. Радиус-лучик обежал окружность экрана и снова высветлил зеленое зернышко «Кайры».

«Несладко им там, несладко! Лишь бы духом не пали. Ну, Анна — морячка, а вот Славка... Скорей бы добраться до них!» Но что я могу? «Посейдон» беспомощен. Черт побери, как сковал его трал! Стреножил, как коня на лугу...»

— Нас не держит, — тихо доложил старпом. — Якоря скользят.

Чигринов предполагал это. Здесь каменистый грунт.

— Вижу, — спокойно ответил он. — Плавсредства для спасения экипажа подготовлены?

— Да, — кивнул Вольнов.

— Что будем делать? — спросил старпом, возвращая Чигринова к мысли о скользящих по грунту якорях.

— Ждать! — ответил Чигринов, нетерпеливо прикуривая сигарету.

Старпом знал: спокойствие капитану дается нелегко. Но рядом с ним было надежно. Ясность его решений, молниеносная реакция в сложной обстановке, простота и четкость приказов нравились старпому. Чигринов был из тех капитанов, которые могут «пройти под своим собственным буксиром». Так говорят, когда спасатель тащит на буксире спасенное судно и, сделав разворот на сто восемьдесят градусов, успеет поднырнуть под свой собственный трос. Высшая похвала для моряка. Чигринов был достоин ее.

Докурив сигарету, Чигринов спустился к себе в каюту, где в тяжелой задумчивости перед бутылкой коньяка сидел Щербань.

Когда вошел Чигринов, гость угрюмо усмехнулся:

— Посамовольничал я, ты уж прости. Нашел у тебя в холодильнике.

— Если поможет... — кивнул Чигринов, понимая его состояние.

Чигринов, как и все капитаны, имел у себя коньяк, так называемый «представительский» запас спиртного для лоцманов, для гостей в иностранном порту, для начальства. Сам в рейсе он никогда не пил.

— Невыносимо болит голова, — сказал Щербань и, помолчав, признался: — И душа тоже.

Чигринов включил электрическую бритву и стал тщательно полировать щеки. Щербань наблюдал за ним.

— Чего это ты? — спросил он.

Чигринов понял, что он имел в виду.

— Успокойся, тонуть не собираюсь. Бреюсь потому, что капитан должен быть примером для команды. Да и щетина за ночь выросла.

Щербань откинулся на спинку дивана.

— Напугал до смерти, — признался он.

Чигринов понимал, что Щербань, пережив смерть, на которую сам себя обрекал, теперь будет вздрагивать от каждого стука в дверь.

— Слушай, что заставило тебя идти этим курсом? Ты же отлично знал, что здесь Большая банка и течение.

— Знал.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, что фортуна повернулась ко мне задом, — усмехнулся Щербань. — Я должен был в десять утра прибыть в порт.

— Ах вот оно что!

— Да, я дал слово, что буду в десять! Еще не было случая, чтобы капитан Щербань не сдержал своего слова!

Чигринов взглянул на судовые часы на переборке. Было без пяти минут четыре.

— Оркестр, речи!.. — Чигринов знал, что Щербань любит шумиху вокруг себя.

— Да, оркестр, речи! Я не имел права опаздывать! Не имел права подвести людей, которые мне верят, которые сделали меня первым капитаном флота!

— Не устраивай истерики, первый капитан флота! — оборвал его Чигринов и поморщился. Щербань, конечно, моряк неплохой, хотя он, Чигринов, и не разделял всеобщего восхищения.

— Я должен был прийти, — повторил Щербань. — Чтобы база перевыполнила план, чтобы все — слышишь! — все получили премии! Чтобы база опять попала на областную доску Почета, чтобы наше управление рыбной промышленности выполнило план и в третий раз удержало переходящее знамя! Вот зачем шел я этим курсом!

Все это Щербань выпалил единым духом и тяжело, будто под невидимым грузом, опустив плечи, смолк. Он вспыхнул, сгорел и сник.

«Готовится, — подумал Чигринов, укладывая бритву в футляр. — Готовится к защите на берегу, а придется ему там нелегко».

Все, что сказал Щербань, Чигринову было хорошо известно. Ради того, чтобы доложить в срок (а лучше всего и раньше срока) победную реляцию о выполнении плана — месячного, квартального, годового, — капитанов заваливают приказами, распоряжениями, указаниями. Кровь из носу, но план чтоб был! Чигринов сам прошел сквозь это, когда командовал траулером.

— План, премия, знамя, — раздумчиво сказал Чигринов, натягивая теплый свитер. — «Победителей не судят». Но тебя будут судить.

— За что? — спросил Щербань. — За то, что я хотел сделать лучше?

— За нарушение правил судовождения и безопасности мореплавания, — пояснил Чигринов.

— Да, теперь меня защищать никто не будет, — согласился Щербань и налил рюмку.

Чигринов надел на свитер куртку и почувствовал себя вновь свежим, сильным, готовым к действию.

Щербань выпил, подождал, пока горячий глоток проник в желудок и по телу пошла приятная теплота, и устало сказал:

— А ведь я — ваш продукт. Это вы меня вырастили таким.

— Кто мы?

— Все вы! — пояснил Щербань.

— Вон как ты заговорил! — медленно произнес Чигринов.

«Пижон! Рвался к славе, к наградам, а теперь обвиняет других. Никто тебя не выращивал. Ты сам захотел вырасти таким. И вырос. Не пеняй на других, не ищи виноватых».

— Тебе хорошо говорить. Ты — спасатель, у тебя нет плана. Тебе не скажут: «Спаси столько-то судов, столько-то людей».

— План, конечно, выполнять надо, но зачем для этого сажать на мель судно?

— Ладно, мы говорим на разных языках. — Бесцветный, равнодушный голос Щербаня поразил Чигринова. — Я один за все в ответе. Давай выпьем за мою погибель.

Лицо Щербаня было серо, как грязный бинт. Он постарел, осунулся. «Неужели за эту ночь?» — подумал Чигринов.

— Брось, не устраивай панихиду.

— Тогда чтоб Славка твой и... она остались живы, — тихо сказал Щербань.

— За них выпью, — согласился Чигринов.

В каюту вошел мокрый Вольнов, с удивлением посмотрел на капитанов с рюмками в руках.

— Лопнула якорь-цепь левого якоря, — доложил он.

— Вытрави до жвака-галса, — сказал Щербань старпому, будто был на своем судне. — Своим весом держать будет.

«Нет, он все же настоящий капитан», — подумал Чигринов и приказал:

— Вытравите якорь-цепь и приготовьте запасной.

Чигринов выпил и быстро вышел из каюты. Щербань остался один. Он встал, подошел к зеркалу, долго смотрел на свое отражение, на помятое серое лицо с провалами глаз.

— А изломало тебя, — вслух сказал он.

Урагану, вторгшемуся на побережье Европы, преградила путь зона высокого давления. Злобно огрызаясь, он повернул назад в Атлантику. Одряхлевший, истративший силы, циклон приближался к своей кончине. Но взбаламученная Балтика еще штормила.

«Кайру» по-прежнему било волнами, хотя грохот становился тише.

С фонариком в руке Славка обходил судно пустынными коридорами. Освещая себе узкую дорожку, он скользил по мокрому линолеуму. Удары волн гулким эхом отдавались в безлюдных накрененных коридорах.

Славка добрался до первого трюма, по скоб-трапу спустился до воды. Луч фонарика вырвал из тьмы обрывки раскисшей картонной тары, доски, серебро рыбьей чешуи и черную жирную воду. Тяжелая, холодно отблескивающая вода лениво колыхалась от ударов снаружи и лизала переборки, будто пробуя их прочность.

Час назад Славка сделал гвоздем черту на переборке и теперь видел, что отметка скрылась под водой. Крен становился все опаснее. Славка вылез из трюма и снова пошел по коридору. Споткнулся об опрокинутую помпу, зашиб ногу, сморщился от боли и, присев на помпу, почувствовал ее мертвую стылость. И от этого холода, от темноты, от беспомощного содрогания корпуса под ударами волн, стало еще тоскливее и страшнее. Ныло все перетруженное тело, болели руки, болел бок, который он зашиб, когда его тащило волной по палубе «Посейдона». От мокрой одежды знобило, и холод пробирался до костей.

«Что же они там! Почему отец не идет на помощь? Что случилось? Вода прибывает. Уже залиты носовой трюм, машинное отделение и половина кают».

Славка с тоской вспомнил надежный «Посейдон». Теперь он отдал бы все, лишь бы оказаться среди своих матросов: возле неунывающего Боболова и злого насмешника Смураги, увидеть монументального, как памятник, Веригина, застенчивого Шебалкина или сонного Курилова...

В каюте капитана на крохотном диванчике, упираясь ногами в переборку, лежала Анна Сергеевна. Ее знобило. Простудилась она еще на берегу, крепилась, глотала лекарства, но теперь вот, в самый неподходящий момент, организм сдал.

Когда Анна Сергеевна устало прикрывала глаза, тотчас откуда-то выплывал подмосковный лес, яркий солнечный

день, и они с Алексеем идут по тропинке к березовой роще. Сквозь деревья виднеется ресторан, в котором они только что были, и графский дворец, куда они идут. И она, как девчонка, обмирает оттого, что Алексей твердо держит в руке ее холодные от волнения пальцы. Шум в вершинах деревьев все нарастает и нарастает, удары приближающейся грозы становятся все сильнее и сильнее, раскаты грома гулко давят землю...

Анна Сергеевна открывает глаза, возвращаясь из забытья. Измученная, она задремала и теперь не сразу понимает, почему вокруг тьма и что это так страшно грохочет рядом. Прислушиваясь к шторму, она беззащитно сжимается в комочек и, чувствуя, как все сильнее ее знобит, с тоской вспоминает то раннее лето, теперь такое непостижимо далекое. Два года назад, после длительного и тяжелого рейса в северных широтах, она получила отпуск и поехала в Крым. Поехала, втайне радуясь, что в том же санатории будет и капитан. В поезде они встретились. И пока сидели в вагоне-ресторане, а мимо окон проносились кипенно-белые цветущие яблоневые сады, из которых красными пятнами резко выступали черепичные крыши домов, она рассказывала про Подмосковье. И так расхваливала родные места, что капитан усмехнулся с легкой иронией и сказал: «Хоть бы глазком взглянуть, что это за рай такой». — «Могу показать», — ответила она, холодея от мысли, что вот сейчас, может быть, решается ее судьба.

С Белорусского вокзала, вместо того чтобы ехать на Курский и пересаживаться в поезд, идущий на юг, они в такси поехали в Архангельское к ее матери.

Удары волн пушечной канонадой прогремели вдоль борта и вернули ее из тех счастливых дней в темную холодную каюту. Но она заставила себя отрешиться от этой каюты, от этих ударов и мысленно снова ушла туда, в теплое лето...

В первый же день их застал в лесу веселый июньский ливень. И они побежали. И хотя она с детства знала все тропинки и дорожки вокруг дворца и в лесных графских угодьях, они все же заблудились. Где-то рядом, за деревьями гудели автобусы, там проходило шоссе, но они никак не могли выбиться на дорогу и бежали под проливным дождем по высокой траве, по каким-то лопухам, напоролись на заросли малинника. Модная длинная юбка мешала ей, цеплялась за кустарники, холодно прилипала

к коленям. Они остановились под густой елью, и она призналась, что не знает, куда идти. «Если бы вы были у меня штурманом, в следующий рейс я бы вас не взял», — улыбнулся Чигринов и, сняв с себя форменную куртку, накинул ей на плечи, а сам остался в тонкой белой рубашке. Она испугалась, что он простудится, и просила его тоже прикрыться курткой, ее хватит на двоих. Под курткой он стал целовать ее мокрые щеки, мокрые ресницы...

Вместо одного дня они провели у ее матери пол-отпуска. Она была счастлива, а мать все вздыхала, спрашивающе глядела на дочь, а когда выспросила все о нем, с горьким сожалением сказала: «Что ж, не смогла найти неженатого-то?» — «Не искала», — счастливо ответила она. «Ну, дай-то бог! — вздохнула мать. — Я тебе, конечно, не указ. Только гляди, дочка, как бы его обратно к детям не потянуло — родная кровь. Тогда как?..»

В каюту вошел Славка. Луч фонарика пошарил по переборкам, высветил африканские страшилища, метнулся в сторону и остановился на ее лице.

— Вода больше не прибывает, — ответил Славка на ее спрашивающий взгляд.

Анна Сергеевна сделала вид, что поверила, и сказала:

— И море вроде потише стало.

Славка прислушался, что творилось за бортом, и понял, что она тоже хочет успокоить его. Хотя ветер вроде бы действительно стал слабее.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Спасибо, ничего. Трясет только. — И, стараясь скрыть тревогу в голосе, спросила: — Почему они не идут? Потеряли нас?

Она сказала то, о чем все время думал и он.

— У них локаторы. Потерять они не могут.

— Да, да, — согласилась она. — Он должен нас найти.

Славке стало неприятно, что она упомянула отца. В каюте наступило неловкое молчание.

— Есть хотите? — спросил в темноте Славка. Он выключил фонарик, берег батарейки.

Есть она не хотела.

— Вот... я принес, — неуверенно сказал Славка. — Согреетесь. Давайте налью. Я кружку принес. В столовой взял.

— Налей, — согласилась она.

В темноте послышался стук горлышка бутылки о кружку.

Она выпила, обожгла горло, на миг задохнулась. «Ром, кажется, — подумала она. — Конечно, капитан Щербань должен пить гавайский ром и курить кубинские сигары».

Анна Сергеевна почувствовала, как тепло, разлившееся по телу, расходится по рукам и ногам. Стало действительно теплее.

— Хлеб вот здесь, с маслом, — сказал Славка. — И мясо. Холодное, правда.

— Нет, Слава, не хочу.

У Анны Сергеевны потеплело на сердце от Славкиных забот. Хороший мальчик! Ершист, грубоват, но это от застенчивости.

Впервые она позавидовала Надежде Васильевне. Сама она никогда не имела детей и только сейчас по-настоящему поняла, как это плохо. Анна Сергеевна редко думала о Надежде Васильевне. Но сейчас она думала о том, как тяжело матери там, на берегу. Она должна знать, что случилось с сыном, капитан обязан докладывать на берег обо всем.

— А я поем, — сказал Славка.

— Поешь, конечно, поешь. Может, и выпьешь? Согреешься.

— Нет, не хочу.

— Ну и правильно, — одобрила она и прикурила мятую отсыревшую сигарету.

В каюте приятно запахло дымом.

Славка услышал, как она закашлялась.

— Там постель, — сказал он. — Одеяла есть. Давайте я вас накрою.

— Накрой, — согласилась она.

Славка на ощупь прошел в спальню капитана, принес одеяло.

— Зачем вам здесь лежать? Идите туда, там удобнее.

— Нет, — отказалась Анна Сергеевна. — Я лучше тут.

Славка накрыл ее одеялом.

— Еще одно одеяло есть, — сказал он.

— Ты сам накройся. Замерз, наверное?

— Есть немного, — сознался Славка.

* * *

Повиснув на подкильном конце, Грибанов пилил и пилил стальной трос. Главное сейчас — одолеть этот про-

клятый трос. Григорий Семенович тяжело дышал. Левая рука, которой он держался за канат, онемела. Канат постоянно дергало — «Посейдон» то подскакивал на волне, то ухал вниз.

— Петя, дай-ка воздуху побольше.

Шебалкин повернул вентиль баллона со сжатым воздухом и увеличил подачу. В шлеме загудело. Воздушная струя ударила в щиток и, обтекая лицо, приятно холодила щеки. Григорий Семенович, на минуту прекратив пилить, жадно хватал ртом пресный, пахнущий резиной воздух. Невыносимо болело сердце. Сейчас бы валидол под язык и полежать на диванчике.

Григорий Семенович нашарил трос, определил, что несколько прядей уже перепилено — проволочные каболки остро топорщились. Еще немного, и можно рвать лебедкой.

«Ну, начнем...» И снова, держа одеревеневшими пальцами пилку и чувствуя, как вода проникает в слабую манжету водолазной рубахи и что свитер уже мокрый до плеча, Григорий Семенович начал пилить. Каждое движение рукой болью отдавалось в груди. «Успеть бы...» — мелькнула мысль.

Дело все же двигалось, ощупав подпиленный трос, Григорий Семенович сказал:

— Петя, приготовьте крюк.

— Крюк готов, Григорий Семенович, — отозвался Шебалкин.

— Добро. Как там у вас?

— Утихло слегка.

— Утихло — значит, ударит, — пробормотал Грибанов.

— Что вы сказали? — переспросил Шебалкин.

— Спускай... крюк, — с трудом ответил Григорий Семенович. От острой боли потемнело в глазах, заломило левую руку.

«Ничего, ничего, — подбадривал себя старый водолаз. — Это потому, что приходится держаться. Вот и затекла. Надо было беседку сделать, сидел бы как король на именинах, пилил бы обеими руками. Ладно, шут с ней, с болью. Поболит-поболит, да перестанет. Не впервой». Но боль не отпускала. «Успеть бы...» — опять подумал Григорий Семенович и потянул за выброску, на которой должны были спустить крюк с тросом от лебедки...

Он ощупал надпиленный трос, подцепил его крюком и приказал:

— Вира!

Трос натянулся.

По подкильному концу Григорий Семенович перебрался на безопасное расстояние и ждал, когда лопнет надпиленный трос. Боль в груди усиливалась, тяжело спускалась вниз по руке, и рука немела, становилась чужой.

— Воздуху дай, Петя.

— Даю.

Шебалкин увеличил подачу воздуха. Григорий Семенович жадно задышал. Он чувствовал, как деревенеют щеки и мертвеют губы, чужой становилась вся левая половина тела. «Ничего, ничего, — успокаивал он себя. — Осталось немного. В аптечке есть нитроглицерин».

Трос лопнул. Это Григорий Семенович понял по чокающему звуку разрыва и глухому удару крюка по корпусу судна. «Ну, теперь дело пойдет!» Он стал перебираться по ходовому концу к винту. Каждое движение отдавалось в груди, в спине, но он, стиснув зубы, зацепил крюк за трал.

С каждым рывком все больше оголялись лопасти винта. Раздергать трал на ступице винта, а там крутнуть машиной — и остатки разлохмаченного трала соскочат сами.

— Петя, ты про воздух не забывай. Там у тебя давление в баллонах падает.

— Нет, Григорий Семенович, — удивленно ответил Шебалкин. — Давление нормальное. Я не забываю.

Григорий Семенович понимал — воздуху не хватает потому, что начинается приступ. Он всегда так начинается, удушьем. «Успеть бы».

— Открой-ка на полный, а то у меня тут как в тропиках.

Шебалкин открыл вентиль на полный, и Григорий Семенович, с силой нажав головой на золотник в шлеме, дал себе передышку; закрыв глаза, вентилировал скафандр и легкие.

— Как вы там, Григорий Семенович? — спросил Шебалкин.

— Все в порядке. Давай крюк.

— Через десять минут нас выбросит на мель, — тихо произнес Вольнов и показал на линию эхолота.

Глубина стремительно падала. Чигринов уже отдал приказ приготовить шлюпки, спасательные плотики и надеть спасательные жилеты. Но панику поднимать раньше времени не стоит. Он подумал, что сейчас чем-то похож на Щербаня — тот тоже не звал на помощь, надеясь справиться.

Оставались считанные минуты. Чигринов шел на риск, до последнего мгновения разрешая водолазу оставаться под водой. Теперь эти мгновения были выбраны.

— Поднять водолаза! — приказал он.

— Он просит еще три минуты, — доложил вахтенный штурман.

— У нас нет трех минут. Немедленно поднять наверх!

В это мгновение «Посейдон» содрогнулся от подводного удара.

— Мель! — вскричал вахтенный штурман.

— Водолаза наверх! — высоким от напряжения голосом приказал Чигринов.

...Почувствовав удар, от которого содрогнулось судно, Григорий Семенович понял: «Посейдон» бьет о камни. Темнота стала еще гуще, значит, рядом дно, поднялся ил, песок. «Хорошо еще носом, а не кормой, — подумал старый водолаз. — Есть несколько минут в запасе».

— Выходите наверх! — закричал Шебалкин, и Григорий Семенович почувствовал, как потянули его за шланг-сигнал.

— Погоди, зацеплю, — задыхаясь от боли, сказал Григорий Семенович.

Он собрал последние силы, чтобы зацепить крюк за остатки трала на ступице винта. Крюк вдруг стал неимоверно тяжел, обрывал руки. Григорий Семенович едва удерживал его.

«Посейдон» опять вздрогнул всем корпусом, как от боли, и эта боль отдалась в груди старого водолаза. Он знал, что сейчас нельзя шевелиться, сейчас надо затаиться и переждать, пока утихнет боль, рассосется.

— Григорий Семенович, выходите! — испуганно кричал Шебалкин.

— Воздуху, — еле слышно попросил Григорий Семенович. И снова боль точно раскаленная стрела прожгла грудь, вонзилась в левую лопатку. И все же он зацепил крюк за кусок трала на ступице винта.

— Вира крюк! — прохрипел он.

Жестокая боль хлынула в него, как в пробоину...

— Водолаза подняли, — доложил вахтенный штурман.

Чигринов взял трубку телефона и сказал в машину:

— Юрий Михайлович, а ну крутните!

— Крутнем, — ответил старый механик.

Это был последний шанс.

Наступила минута тяжелого ожидания.

Старший механик пустил машину. За кормой послышался удар.

«Посейдон» вздрогнул и двинулся вперед.

— Лево на борт! — отдал приказание Чигринов.

— Есть лево на борт! — с радостной дрожью в голосе повторил рулевой.

— Ура-а! — закричали матросы на палубе.

— Ну разгильдяи! — ласково сказал боцман. — Кто из вас родился в рубашке?

— Я, конечно, маэстро, — хмыкнул Боболов. — Меня ждет загс. Приглашаю всех на свадьбу. А вы, маэстро, будете посаженым отцом.

Боцман радостно покрутил головой. Не-ет, с этими парнями не заскучаешь!

Чигринов велел старпому осмотреть судно и проверить на течь все отсеки.

— Вахтенный, курс на «Кайру»! — приказал капитан. Взяв трубку телефона, включил машинное отделение: — Юрий Михайлович, дайте аварийный ход!

Теперь он не даст им погибнуть, теперь у него развязаны руки. Еще полчаса, и «Посейдон» подойдет к «Кайре». Еще полчаса, и все кончится.

Чигринов взглянул на море. В тусклом рассвете оно еще ярилось, но сила была уже не та, злоба утихла. «Нам везет, — подумал капитан. — Нам сильно везет». На миг он расслабился, почувствовал, как ноет от усталости все тело, но тут же взял себя в руки. «Нет, рано еще успокаиваться. Рано!»

* * *

Тьма сменилась рассветом. В каюте неясно, будто из тумана, проступали предметы.

Анну Сергеевну не переставал бить озноб.

— Они потеряли нас? — уже в который раз спросила она.

— Потерять не могут, — упрямо твердил Славка.

Он догадался, что с «Посейдоном» что-то случилось, иначе отец давно бы пришел на помощь.

Да, море оказалось совсем не таким, каким он представлял его на берегу. Славка вспомнил, как совсем недавно по-дурацки орал: «Мы в море родились — умрем на море», не вникая в смысл слов. И хотя отец не раз рассказывал, как тяжело бывает в шторм, как опасен океан, Славка только теперь понял, насколько опасна профессия его отца. «Кто в море не бывал — тот и горя не видал».

Лицо Анны Сергеевны неясно белело в серой мгле. Она тихо лежала, думая о чем-то своем, а когда опять спросила, что же не идет к ним «Посейдон», Славка снова ответил, что придут.

— Ты весь в отца, — произнесла Анна Сергеевна.

В слабом ее голосе Славка уловил такую нежность к отцу, что уже не находил в себе той ненависти и непримиримости, которую всегда испытывал к этой женщине.

Африканские маски все четче вырисовывались на переборках. Каюта была сильно накренена, но крен теперь пугал меньше, чем ночью. Славка вдруг обнаружил, что не слышит скрежета днища о камни — значит, сила волн ослабла.

— Вы слышите? — спросил он. — Тише стало.

Близкий гудок заставил ее поднять голову.

Славка вскочил и кинулся к иллюминатору.

— Идут! — закричал он. — Я говорил — придут! Я говорил!..

В серой водянистой мгле на палубу «Кайры» высаживались матросы во главе с капитаном Чигриновым.

— Закрепить буксир! — приказал он.

Матросы принялись заводить буксирный трос.

Чигринов крепко обнял выскочившего на палубу сына. Славка на миг припал к груди отца.

— Ну-ну! — Чигринов скупо потрепал его по волосам. — Возьми себя в руки!

Увидев, что отец оглядывается, Славка кивнул на капитанскую каюту:

— Там.

Матросы заводили буксир. Тяжелый трос таскал их за собою, вырывался из рук, люди скользили по мокрой палубе.

Ветер сек брызгами лицо, оставляя на губах соленый привкус. Наклонную палубу длинными языками лизала вода, топорщилась от порывов ветра белой щетиной, и

казалось, что полчища белых ежей или еще каких-то зверьков, злобно взъерошив белые загривки, шли на приступ.

— Жив, орел-цыпленок! — Гайдабура стиснул Славку в могучих лапищах. — Я же говорил: есть в тебе моряцкая закваска!

— Вы все говорили наоборот, — уточнил Боболов. Он был бледен, бинт на голове намок, но в глазах светилась обычная веселая насмешка. Он ободряюще хлопнул Славку по плечу.

На палубе полным ходом шли спасательные работы. Боцман опять покрикивал, приказывал, поторапливал. Матросы заводили пластырь под пробоину, весело соединяли толстые гофрированные секции, составляя длинный отсасывающий шланг. В трюм опустили заборники, на полную мощь заработала водоотливная помпа, и шланг ожил, зашевелился, как огромная змея, высасывая из трюма воду.

А на «Посейдоне» умирал Григорий Семенович Грибанов.

Когда с него стащили скафандр, он попросил, чтобы его уложили здесь, в посту, на сухих водолазных рубахах. Шебалкин свернул телогрейку и подложил ему под голову.

Григорий Семенович увидел испуганные лица водолазов и тихо сказал:

— Без паники, без паники...

Он лежал в забытьи, закрыв глаза и стиснув зубы, чтобы не стонать.

— Там... в аптечке... нитроглицерин... — проговорил он.

Шебалкин нашел стеклянную трубочку с белыми таблетками. Григорий Семенович положил маленькую сладковатую таблеточку под язык.

— Врача бы, — сказал Веригин.

— Врач на «Кайре». И капитан там, — прошептал бледный Шебалкин.

— Старпому надо сказать.

— Не отрывайте людей от дела, — едва слышно сказал Григорий Семенович. — Как там с «Кайрой»?

— Высадились, — ответил Веригин. — Капитан пошел туда.

— Вот и добро.

Говорить было трудно. Занемела вся левая половина груди. Отвечая на жалостливый взгляд Шебалкина, он сказал через силу:

— Ничего. Обойдется.

Но он знал, что на этот раз не обойдется. И не надо мешать другим исполнять свои обязанности.

Он то впадал в забытье, то приходил в сознание. Тяжесть давила грудь, как давит на большой глубине вода, когда в скафандре нет воздуха. Задыхаясь, он крикнул: «Дайте воздуху!» Но никто не услышал его крика — он лишь беззвучно пошевелил губами.

«Кайра» была взята на буксир, пробоина заделана, и теперь можно было отдохнуть, выпить чаю и, если удастся, то и вздремнуть.

Из каюты Чигринова вышел капитан Щербань, чтобы переправиться к себе на «Кайру». «Хочу до порта дойти на своем судне, — сказал он. — Пока... на своем». — «Иди, — согласился Чигринов. — Я прикажу переправить тебя». Простились они сухо.

Чигринов позвонил буфетчику:

— Принесите чаю. Покрепче и погорячее.

Болела голова от бессонницы, от напряжения, от пережитого, от всего, что обрушилось на него в эту ночь. Чигринов вспомнил Анну. Когда он увидел ее на «Кайре», обессиленную, измученную, у него сжалось сердце. «Если бы ты знал, что мы тут пережили! Если бы ты только знал!» — шептала она, и слезы текли по ее почерневшим щекам. «Вас было здесь двое, дорогих мне людей», — сказал он. «Надо, чтобы вы не стыдились друг друга», — сказала она. Тогда ему некогда было вникать в смысл ее слов, надо было спасать «Кайру». Но теперь, восстанавливая в памяти разговор, он вдруг понял, что слова эти сказаны неспроста. Почему она так сказала?

Вошел Вольнов. Он был бледен и переминался у двери.

— У нас на борту... У нас на борту... мертвый.

— Что-о? — Чигринов не узнал своего голоса. — Кто?

— Григорий Семенович.

...Матросы скорбно стояли возле водолазного поста. Они молча расступились, пропуская капитана. Шагнув в дверь, Чигринов встретился с глазами Анны.

— Константин Николаевич, — распорядился он, — сообщите на берег о смерти Грибанова.

— Есть, — тихо ответил старпом.

Чигринов осторожно накрыл тело друга одеялом. Как плащ-палаткой.

— Уйдите, — попросил он.

Его оставили возле друга одного.

Чигринову вспоминался не пожилой, грузный водолаз, который теперь неподвижно лежал под серым байковым одеялом, а молодой отчаянный разведчик Гришка Грибанов. Сколько раз слышали они приказ: «Награды и документы сдать! Получить НЗ! Задача такая-то». И уходили в разведку. Сколько раз попадали в сложнейшие ситуации и выбирались живыми, когда, казалось, выхода уже нет...

В водолазный пост вошел старпом.

— Алексей Петрович, вас просит в рубку капитан «Кайры».

— Что ему? — недовольно спросил Чигринов.

— Просит.

Выходя из поста, Чигринов наткнулся на Славку. Он стоял возле двери водолазного помещения.

— Ты что?

— Так, — смущенно ответил Славка, прикрываясь от ветра воротником бушлата.

Но отец все понял.

— Иди отдыхай, — сказал он. — Потом поговорим.

Ветер был еще сильный. Низкое пепельное небо неслось, моросило мелкими каплями. Было мокро, неуютно. Поднимаясь в рубку по наружному трапу, Чигринов увидел на горизонте приплюснутую мутно-серую полоску берега, а над ней чистый голубой клочок неба. Часа через три они притащат «Кайру» к входу в канал. Там надо будет укоротить буксирный трос, чтобы «Кайра» не рыскала за кормой. Идти по каналу с ней будет трудно.

Чигринов вошел в рубку, взял трубку радиотелефона.

— Воду откачали, — раздался голос Щербаня. — Могу идти самостоятельным ходом. Примите буксир.

Чигринову было понятно желание Щербаня прийти в порт самостоятельно.

— Принять буксир! — приказал он вахтенному штурману.

Чигринов увидел Славку, который вместе с матросами боцманской команды принимал буксир с «Кайры». Мыс-

ленно Чигринов похвалил сына. Не ушел на отдых, не спрятался от работы, хотя никто бы его и не осудил после всего перенесенного им за ночь.

— Константин Николаевич, — сказал Чигринов старпому. — Когда примете с «Кайры» буксир, зайдите ко мне в каюту.

Чигринов спустился к себе.

Он знал, что ждет его на берегу. Несколько лет назад он сам сменил капитана «Посейдона», которого сняли с корабля, обвинив в нарушении техники безопасности. Капитан спас людей и судно, но потерял двух своих матросов. Но ведь работа спасателя — сплошной риск!

«Да, — говорил себе Чигринов, — спускать водолаза под воду я не имел права. Но какие небесные силы спасли бы «Посейдон», а затем и «Кайру»? Гриша все понимал. Понимал, на что́ шел».

Чигринов курил сигарету за сигаретой.

Комиссию по расследованию возглавит, конечно, Иванников.

В дверь постучали.

— Да, да, — откликнулся Чигринов.

Вошел Вольнов. Он был бледен, с усталой чернотой под глазами, но тщательно выбрит, подтянут и готов к действию. И это сразу отметил Чигринов и остался доволен своим старпомом.

— Константин Николаевич, я вызвал вас, чтобы спросить — готовы ли вы принять судно? — сухо произнес Чигринов.

Старпом с понимающим сожалением смотрел на Чигринова. Лицо капитана осунулось, почернело, на впалых щеках глубоко прорубились морщины. Перед ним стоял седой, постаревший за ночь человек.

— Что вы молчите? Готовы или нет? — нетерпеливо переспросил Чигринов.

— Надеюсь, что до этого не дойдет.

— Дойдет... Так как?

— Я готов принять судно, — ответил Вольнов, и это понравилось Чигринову. Хорошо, что старпом не проявляет излишней щепетильности, не ударяется в ложную скромность.

— Я не сомневался в этом, — ободряюще улыбнулся Чигринов. — В управлении буду отстаивать вашу кандидатуру. Лучшей не вижу.

— Благодарю. — сдержанным кивком поблагодарил Вольнов.

— Но я должен высказать вам свое замечание, — голос Чигринова снова стал жестким. — Бросив «Кайру», сделав поспешный вывод, что судно нельзя спасти, вы допустили безграмотность спасателя. Простите за высокий штиль, но спасатель борется до конца, вкладывая в спасение все свое умение, мужество и решимость. А главное — там оставались люди. Это непростительно, Константин Николаевич. Пусть случай с «Кайрой» будет вам памятным уроком.

Лицо старпома медленно наливалось кровью. На скулах вспухли желваки. «Самолюбив, — подумал Чигринов. — Ну что ж, капитан и должен быть самолюбивым». Он отвернулся к иллюминатору, давая старпому время прийти в себя.

Ветер утихал, белая пена с волн исчезла, и под серым, набухшим влагой и отяжелевшими тучами утренним небом, открывался низкий далекий горизонт. «Посейдон» еще сильно качало, но волны были уже не так круты и мощны, и только изредка перехлестывали через борт. Шипя и облизывая железо, растекались прозрачной пленкой по палубе.

В дверь постучали.

— Войдите, — разрешил Чигринов.

Вошел старший механик.

— Я принес заявление об уходе, — хмуро сказал он, глядя куда-то в угол. Стармех по-прежнему был в засаленной спецовке. Побледневшее за ночь лицо было нездорово одутловатым, под красными от бессонницы глазами набрякли мешки.

— Подождали бы до берега, уже рукой подать, — недовольно сказал Чигринов, сухостью давая понять, что механик не ко времени затеял все это дело. Обращаясь к старпому, посоветовал: — Константин Николаевич, советую не отпускать Юрия Михайловича. Лучшего механика не найдете.

Старший механик переводил взгляд то на капитана, то на старпома и наконец, поняв все, сказал:

— Ухожу не потому, что не поладил с капитаном, да и чего уж теперь... — Он не договорил и сожалеюще взглянул на Чигринова. Сейчас вся команда смотрела на него так, и это бесило Чигринова — будто хоронят заживо. —

Сын у меня, подросток. Совсем от рук отбился. Жена не справляется. Надо на берегу побыть.

Чигринов смотрел в припухшее лицо старшего механика и вдруг подумал: «Ведь у него, наверное, с почками не в порядке. Все время отечное лицо». И поймал себя на мысли, что о механике как о человеке знает мало.

Раздался телефонный звонок, Чигринов поднял трубку.

— Алексей Петрович, — сказал радист, — берег просит.

«Ну что еще! — поморщился Чигринов. — Совсем же рядом. Часа через два подойдем к каналу...»

— Капитан Чигринов, — раздался в наушниках официальный голос Надежды. Он удивился — она все еще на дежурстве. Ей давно пора смениться. Но тут же понял, что сейчас она передаст какой-то приказ. — Немедленно измените курс. В квадрате сто тридцать восемь горит английский транспорт.

Ветер давил на стекле брызги, они расплющивались и стекали серебристыми ручейками. Море гнало серые взбаламученные штормом волны.

«Посейдон» и «Кайра» расходились встречным курсом.

Только что передали на борт «Кайры» тело старого водолаза, и Чигринов хмуро смотрел на судно, взявшее курс в порт. Он видел на капитанском мостике такого же хмурого Щербаня.

Чигринов нажал кнопку тифона, и мощный гудок спасателя трижды разорвал тишину. «Посейдон» прощался с Григорием Семеновичем Грибановым.

На палубе, обнажив головы, стояли матросы. Среди них был и Славка. У него появилось жесткое выражение лица, глаза потеряли беспечный блеск и приобрели холодноватый, как у отца, оттенок.

Голубой клочок неба на горизонте снова затянуло низкими серыми облаками, мелкий холодный дождь усилился.

Чувство одиночества и потерянности на миг охватило Чигринова, но он тут же подавил в себе это чувство и твердым голосом приказал старпому:

— Приготовьте буксир к тушению пожара!



ПОЭЗИЯ

Михаил ЛЬВОВ

ГЛАЗА ОТВАГИ

* * *

Не от волшебника и не от мага
Все-таки наша зависит судьба.
Самое честное средство — отвага.
Самое верное дело — борьба.
Гордость и честь мою тронуть
посмейте —
Рыцарь седой — так я мыслю
себя —
Выйду на свой поединок последний,
А за спиной — моя жизнь и
и бессмертье:
Родина. Лирика. Дом и семья.

* * *

Глаза отваги,
Они особенны:
Горят, как стяги,
Бедой не сломаны.
Увидит недруг
(Когда — не с тыла):
Таится в недрах
Какая сила!
Таится вера

В свое призвание!
У офицера —
Так видно — звание.
Глаза поэта —
Борца и воина!
Из них Победа
Глядит по-своему.

* * *

Валентину Сорокину

Перед сонмом сонных и дряблых
И ласкающих свой живот
Не иссякло безумство храбрых —
Ослепительно в нас живет.
На такие зовет поступки,
Что сверкали бы, как Казбек.
И вершины берем и уступы,
Нам не нужен даже разбег.
Славь безумство храбрых, покуда
Не пришел твой конечный час.
Не при нас началось это чудо
И окончится не при нас...

* * *

Отвага нас сопровождает
До самых высших степеней.
Отвага враз освобождает
От переходных ступеней.
Рывок — и твой рекорд законный,
Прыжок — и ты влетел в седло,
И смотришь — мир не заоконный,
Ты видишь, добрый витязь конный,
Свой мир российский, свой исконный
(С годами заново искомый),
Где по-есенински светло!

* * *

Я хочу заявить о российстве своем,
Чем живем, как живем, почему мы поем —

Если даже один, а не только вдвоем,
А не только когда мы в походы идем.
А учились мы как? Черный хлеб и гроши.
Все равно — были сказочно так хороши.
Были очень богаты богатством души.
Время прошлое, память, перевороши!
От древнейших времен и до новых времен
Наша чудо-душа не сдавалась в ремонт.
Всходит в каждом ее горделивый цветок,
Удивляющий запад, и юг, и восток.
Мы наследники чуда — российской души,
И поэтому песни и пой и пиши!
Ходят песни друзей от души до души,
Как с напитком медовым когда-то ковши.

* * *

С противником, таким бессовестным,
С душою подлой и бессолнечной —
Он сжег бы все, на чем стоим, —
Полемизирую бессонницей
И всем пыланием своим, —
Всей жизнью, всеми убежденьями —
Я на него иду на «ты» —
И всеми в жизни подтвержденьями
Великой нашей Правоты.
Мы в поединке не дуэльном
(Я и подобный бой провел) —
Всю душу, как в бою смертельном,
Все, все я в действие привел!

* * *

Только слабых в тупик загоняют.
Любят битву
бойцы
спроста ль?..
Их бои — лишь бои! — закаляют
И оттачивают, как сталь.
Шесть десятков уже за спиною —
На себя удивляюсь сам:
Все иду на подлость войною,

Уподобясь юным бойцам.
Ах ты, юность моя уральская!
Ах ты, молодость на броне!
Жизнь подарена мне не райская,
А железная — как на войне.
Я не продал, не выдал, не предал
Ни одной из своих присяг.
От погибших друзей полпредом
Я живу — при седых волосах.
И работаю, и воюю,
Как они повелели мне.
Не обманываю, не ворую —
Все по-честному, как на войне.

* * *

Невероятность, необъятность
Вот этой жизни, данной мне,
Дорог и сроков — необратность,
Необратимость, невозвратность,
Извечный рост ее в цене;
Ее добро, а также худо
И обязательность ее!..
Как удивительное чудо,
Я принял это бытие.
Придет беда — куда деваться, —
Но и ее перепою.
Благодарить и удивляться
Доныне не перестаю.
И каждый день — а то и ночью —
В моей душе, во мне, в крови
Дрожит, звенит и движет строчки
Признательность моей любви.

КРУГЛОСУТОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Как мало сроков нам дано —
Лет в шестьдесят весь уложись...
Я перешел уже давно
На круглосуточную жизнь.
А должен ты пройти века

Все — в этот самый краткий век.
Бессмертным стать наверняка:
Обидно уходить, как снег.
А от меня и до тебя —
Как от руки
　　　　　　　и до руки.
Ог бытия
　　　　　　до бытия
Есть ли надежнее мостки?
Уж раз
　　　　такое
　　　　　　　нам далось —
Лишь раз! —
　　　　　　　такое удалось,
Уж раз
　　　　родиться повезло
«Негарантийности» назло;
Уж раз
　　　　явили нас в сей мир —
На удивление ему —
На труд,
　　　　на песни
　　　　　　　　и на пир,
Не для скольженья по нему,
А чтоб продолжить
　　　　　　　　　жизнь саму, —
То одержимо и живи
И исступленно
　　　　　　　ей служи,
Не распыляя дни свои.
Не зря
　　　　и голову сложи...



НАВСТРЕЧУ XI ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ НА КУБЕ

Евгений АНТОШКИН

ПОД НЕБОМ КУБЫ

* * *

Молодежному отряду
мачетерос имени
XI Всемирного фестиваля
молодежи и студентов

Как вы, рубщики тростника,
Потрудились в то жаркое лето?..
Словно молнии,
В ваших руках
И сверкали
И пели мачете.

Я к такой жаре не привык,
Солнце в тропиках всходит высоко...
Под ударом ложится тростник,
Исходя белоснежным соком.

Взял мачете —
И бросило в жар.
А кубинец —
Искусник великий:
За ударом —
Еще удар...
— Научи и меня,
Энрике!

Может, все же
Подручным возьмешь,
Где в горячем порыве едином
Нынче трудится молодежь
Знаменитой централи Сандино.

Я увидеть все это был рад...
И гляжу я из дальней дали,
Как идет молодежный отряд
Под эмблемою фестиваля.

ВЕЧЕРНЯЯ ГАВАНА

Мне полюбились улочки Гаваны,
Когда вечерний свет едва дрожит
И над притихшей далью океана
Печать ночного таинства лежит.

Пока заря угаснуть не успела,
Хотел бы я хоть раз еще пройти
По площади Антонио Масео
И улицей великого Марти.

Ко сну легко отходит шумный город,
Вновь в парках воцарилась тишина.
Из темных волн
Над крепостью Эль Морро
Восходит снова южная луна.

И в этом иллюзорном полусвете
Вот-вот, казалось,
Ночь сойдет уже...
Но вдруг зажгутся тысячи созвездий
Ночных ее высотных этажей.

И город от огней помолодеет,
Весь остров белым светом озарит,
Где сердце обнаженное Фиделя
Бессонным светлым факелом горит.

* * *

Вдали от гомона столиц,
Перелетев моря и страны,

Я слышу щебет певчих птиц,
Призывный голос океана.

В моем краю сейчас зима,
А здесь цветы под небом Кубы.
Здесь цвет небес сведет с ума.
И, как во сне,
Немеют губы.

Я б не поверил никогда
В закаты эти и восходы,
Когда бы не пришел сюда,
На это пиршество природы.

Здесь у меня полно друзей,
Их край мой северный волнует:
И наш калужский соловей,
И снег,
Когда зима лютует...

Всю ночь не сплю,
Хоть ночь темна,
И время медленно так льется.
Звезда присела у окна,
Она здесь
Северной зовется.

И, может, в этот самый миг
И ты за ней следишь тревожно.
И взгляд твой
Вдруг меня достиг.
Ты шепчешь:
— Будь поосторожней!

Ночь странных шорохов полна,
Глаза смыкаются устало.
Лишь океанская волна
Еще призывней застучала.

В ней то мольба,
А то гроза —
Всю душу за ночь истерзает.
Как будто хочет что сказать,
А языка пока не знает.

И я к тебе сквозь ночь
Спешу,
К тебе,
Пленительной и нежной,
Как этот волн полночный шум,
Как этот вечный гул мятежный.

* * *

Блестит роса.
И солнце снова в срок
То лилию разбудит,
То петунью.
Еще не распустившийся цветок
Манит уже к себе
Пчелу-летунью.

И в зарослях сухого тростника,
Над свежей пашней
И над южным лугом
Как бы течет незримая река —
От влаги задыхается округа.

Хотя б один укромный уголок...
Лишь океана профиль вечно синий.
И кажется,
Что ты насквозь промок,
Хотя дождя и не было в помине.

Как будто у вселенной на плечах
Плывет Земля
С восхода до заката.
И, словно на железных обручах,
Ворочается огненный экватор.

* * *

Хотя звучит и странно,
Но все же наяву
Я гостем иностранным
В чужом краю живу.

Экзотикой любуюсь,
Ловлю чужую речь,

Чтоб в памяти любую
Подробность уберечь.

Когда ж опять,
Усталый,
Один я остаюсь, —
Своею пятипалой
За карандаш берусь...

В окне заголубело.
И снова вижу я:
Там,
За метелью белой,
Лежит земля моя.

А здесь —
В огнях Гавана —
Мне долго не уснуть.
И волны океана
Всю ночь стучатся в грудь.

ВМЕСТО ПИСЬМА

То в облаке косматом,
То сквозь полдневный зной
Летит Земля крылато —
Наш круглый шар земной.

Вперед иди,
К примеру,
И путь твой приведет,
Где друг Рауль Риверо
Под пальмами живет.

За дальним расстояньем
Стоит на берегу,
Где южных звезд сиянье
И океана гул.

Глядит он удивленно,
Собравшись тоже в путь,
Чтоб с острова зеленого
В такую даль шагнуть.

Маршрут вперед намечен.
И нам легко идти,
Ведь наше место встречи
Всего на полпути.

И с этой доброй верой
Мы обойдем весь свет...
— Мой друг,
Рауль Риверо,
Привет тебе!
— Привет!..

ВСТРЕЧА С НИКОЛАСОМ ГИЛЬЕНОМ

Словно в самом центре вселенной,
Гостем в солнечной стороне
С Николасом сижу Гильеном, —
Говорим о моей стране.

Век стремительного прогресса,
Наших помыслов,
Наших дел.
Он глядел на меня с интересом,
С восхищением я глядел.
С этим чувством, давно знакомым,
Мы — как братья, одна семья,
Говорим:
— В СССР я как дома!..
— Здесь, на Кубе,
Как дома я.

Ни к чему тут
В любви признанья,
Если встретились с братом брат.
Сдвинув время и расстоянья,
Седовласый мудрец мулат
Преподал мне любви науку:
— Нашей дружбе
Века гореть! —
И в кулак он сжимает руку,

Шепчет:
— Родина или смерть!

Волевые и скулы
И губы,
Глаз безмерна его глубина...
И встает предо мною Куба,
Куба — огненная страна.

СИБОНЕЙ

Любой кубинец знает это место —
Живую память тех июльских дней:
Заросшие хребты Сьерра-Маэстра,
Предгорную усадьбу Сибоней.

Мне с гордостью поведал Коронадо,
Что прошагал по всем дорогам он —
От штурма неприступных стен Монкады
До огненных цепей Плайя-Хирон.

Сверяя жизнь с революционным шагом,
Он сообщить был
С гордостью мне рад,
Что для него
Гавана и Сантьяго,
Как для меня —
Москва и Ленинград.

И потому сердечны так объятья.
В его руке
Лежит моя рука.
И наших верных рук рукопожатье —
Как мост через моря,
Через века.

Гавана — Москва

Валентин МАШКИН

ЧИЛИЙСКАЯ ПОВЕСТЬ



Эта повесть не документальная. Еще не пришла пора назвать подлинные имена героев борьбы против военно-фашистской хунты, еще нельзя рассказать о тех или иных действительно имевших место событиях.

«Чилийская повесть» не претендует на то, чтобы дать целостную картину движения Сопротивления. Это как бы фрагмент большой и сложной картины. Но он дает верное представление о ярком, героическом явлении, имя которому — борьба моего народа с фашизмом.

Автор — советский журналист, хорошо знающий Латинскую Америку, живший там не один год. Он сумел создать правдивые образы людей моей родины, правдиво показать жизнь моей страны после «черного сентября» 1973 года.

Хосе Мигель ВАРАС,
чилийский журналист и писатель



...Я убежден, что семена, которые мы посеяли в благородном сознании тысяч и тысяч чилийцев, нельзя будет вытравить окончательно.

Из последнего выступления Сальвадора Альенде

I

Его руки лежали на баранке спокойно, без напряжения.

Каждую пятницу Артур Кроуфорд уезжал с женою и сыном в курортный поселок Мехильонес, что в шестидесяти километрах от Антофагасты. Там они снимали номер всегда в одной и той же маленькой гостинице.

— Ах, черт! — Артур нажал на тормоз и погасил скорость.

— В чем дело? — раздраженно спросила Эдит.

— Высматриваю, когда машин будет поменьше. Чтобы развернуться.

— Да что случилось?

— Оставил рукопись в оффисе.

Семилетний Джо изобразил на своей мордашке неодобрение, скопировав выражение лица матери.

— О боже мой, — вздохнула Эдит. — Может быть, хоть этот уик-энд проведешь с нами, а не со своей рукописью?

Но Артур, не отвечая, уже разворачивал машину.

По субботам, воскресеньям и вечерами он работал над детективной повестью. Он исхитрялся и в присутственное время, в оффисе, поработать над рукописью — в отсутствии шефа. Сегодня шеф носился где-то поздния, и Артур посидел за машинкой, наслаждаясь своими выдумками, которые, цепляясь одна за другую, складывались в довольно-таки замысловатую историю. Рукопись он забыл на письменном столе.

Смеркалось, когда Кроуфорд вывел машину на улицу Сукре, проехав почти весь город из конца в конец.

— Останови, пожалуйста, — попросила Эдит. — Возьмем с собой пирожные.

Кондитерская, расположенная в квартале от оффиса, славилась качеством своих изделий.

— Вот и отлично! — Кроуфорд был доволен, что жена нашла занятие. — Пока ты будешь покупать пирожные, я схожу за рукописью. Я быстро. А если замешкаюсь, подождешь меня в машине.

По садовой дорожке Артур прошел к одноэтажному особняку. Темноту сада слегка разжижал проникавший с улицы свет фонарей. В окнах света не было.

В вестибюле Артур потянулся было к выключателю, но передумал: скоро начало комендантского часа, ни к чему тревожить патрульных, хорошо знающих, что в это позднее время помещение информационной службы США обычно пустует.

Да и зачем ему свет? В своей конторе он мог бы передвигаться с завязанными глазами.

Кроуфорд миновал вестибюль, пересек просторный зал, где стояли телетайп и ротатор, и вошел в свой кабинет. Прежде чем зажечь настольную лампу, он задернул шторы.

Рукописи на столе не было. Сколько можно говорить! Чертова Мерседес! Убираешь помещение, все бумаги оставляй на месте! Куда она ухитрилась засунуть рукопись?

Артур принялся выдвигать ящики стола. Может быть, в шкафу? Он растворил металлические створки. Фу-у, вот она, голубушка! Кроуфорд бережно уложил рукопись в плоский чемоданчик, прихваченный из машины, и погасил настольную лампу.

Он уже сделал шаг к двери, как вдруг в соседнем зале послышался шум. Словно стул упал. И тут же кто-то вполголоса прикрикнул: «Тише ты!» Голос женский. «Надо зажечь свет», — произнес мужской голос. «Сначала давай задвинем все шторы на окнах», — ответила девушка. Говорили они по-испански.

Грабители? Но что здесь грабить?

Не будучи человеком храброго десятка, Артур не стал вламываться в зал, чтобы застать неизвестных на месте преступления. Нет, он тихонечко поставил стул на письменный стол, залез и сквозь стеклянный верх стены заглянул в зал.

Их было четверо — трое парней и девушка. Они стояли возле ротатора.

— Его и разбирать не надо, так поднимем, — сказала девушка. — Бумагу и цинковые листы тоже прихватим.

Она обернулась. Ее взгляд скользнул по стеклянной перегородке, и Артур, отпрянув в испуге, загрохотал со своей наблюдательной вышки.

За стеной раздался девичий голос:

— Спрячьте оружие. Вы что — сдурели? Надо уходить. Быстро!

Поднимаясь с пола, Артур услышал скороговорку удаляющихся шагов. Под окнами взревел автомобильный мотор.

Погасив свет, зажженный странными налетчиками, Артур отодвинул штору на окне. По подъездной аллее к воротам мчался фургон. Ворота были закрыты. Когда их распахнули (это сделала девушка, выскочившая из машины), уличный фонарь высветил на боковой стенке фургона надпись: «Прачечная и химчистка». И ниже — «Философия». Ну и название дал хозяин своему заведению!

Кроуфорд осмотрел замок на двери и разглядел несколько царапин на светлом металле. Похоже, язычок замка отжали ножом.

Эдит, как и следовало ожидать, встретила Артура сердито.

— Где это тебя угораздило? — спросила она, заметив, что муж припадает на ногу.

— В саду, впотьмах.

Кроуфорд не стал ей ничего рассказывать.

Ничего не узнал о случившемся и шеф конторы Роджер Мэдоуз.

На взгляд Артура Кроуфорда, его шеф был непомерно деловит. Постоянно пребывая в состоянии какой-то лихорадочной активности, он брал работу даже на дом и потом жаловался, что заботы дня нередко прогоняют его сон.

Перед отъездом Кроуфорда из Вашингтона сослуживцы выложили ему всю подноготную шефа.

Мэдоуза, выпускника Гарвардского университета, в свое время охотно взяли в Центральное разведывательное управление. Однако по прошествии месяца выяснилось, что новый сотрудник непроходимо глуп и для работы в штаб-квартире разведки полностью непригоден. Тогда его послали на оперативную работу за границу — сотрудником посольства в одной из африканских стран. Но и там вскоре обнаружилось, что новый оперативник вместо того, чтобы устанавливать контакты с оппозиционерами, принялся составлять самодельное подобие справочника «Кто есть кто». Картотека — вещь сама по себе не лишенная смысла. Но какой в ней толк, если вся ра-

бота с оппозицией ограничивается «каталогированием». «Бумажная душа!» — поняло начальство и перекинуло Роджера Мэдоуза на работу в Информационное агентство.

После военного переворота в Чили Мэдоуза отрядили в Антофагасту. Рассудили так: Антофагаста не Сантьяго, справится.

В Антофагасте Мэдоуз предался любимому занятию — составлению картотеки, изучал каждое видное в городе лицо в анатомическом, так сказать, разрезе: жизненный путь со всеми ухабами, рытвинами и колдобинами, сильные и слабые стороны характера, пороки явные и тайные.

Главным исполнителем был Артур Кроуфорд.

Открыв путеводитель по Антофагасте и найдя раздел «Прачечные и химчистки», Артур удовлетворенно хмыкнул: заведение со смешным названием «Философия» находилось на торговой улице Прат.

Рабочий день между тем подошел к концу.

Прат, где находится «Философия», почти у самого моря, всего за квартал от набережной.

У площади Христофора Колумба Кроуфорд завернул к улице Прат. На угловом здании, трехэтажном, старинном, с окнами, забранными решетками, он увидел вывеску: «Философия. Стирка и чистка за 24 часа».

В кафе напротив он заказал стакан чаю.

Всю площадь Колумба занимал сквер. До переворота здесь иногда играл военный оркестр, но сейчас тут малолюдно, тихо. Какой-то пожилой, хорошо одетый мужчина читал газету. Молоденькая мамаша торопливо катила по дорожке детскую коляску.

Кроуфорд не упускал из виду вход в «Философию».

— Что за странная фантазия назвать прачечную «Философией»? — Артур показал глазами официанту на заведение напротив.

Официант усмехнулся:

— Рассказывают такую историю. Хозяин из крестьян, разбогател, получив неожиданно наследство от какого-то дальнего родственника. Тут же перебрался в город, купил вот эту прачечную. Рассказывают, когда он осматривал заведение, то поразился видом сложных машин и пробормотал: «Прямо не прачечная, а философия какая-то».

За полчаса никто из «Философии» не вышел и никто

туда не вошел. Артур понял, что заведение обслуживает клиентов на дому.

Но вот к подъезду подкатил голубой автофургон. Не тот ли?

Нет. Машина быстро загрузилась и уехала...

Еще через полчаса подкатил другой фургон. Артур узнал рыжего водителя. Парень вылез из кабины, распахнул задние дверцы фургона и легко взвалил на плечи узел с бельем.

Пока он таскал узлы в прачечную, Кроуфорд расплатился, вышел из кафе и неторопливо закурил сигарету.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он рыжему.

— Я спешу. — И парень взялся за дверцу.

— Ага, испугались... — кивнул Артур. — Понять вас можно.

Рыжий выпустил ручку дверцы:

— Испугался? Чего бы это?

— А не испугались, отчего бы тогда и не поговорить? Тем более разговор-то минутный.

Шофер дернул плечом:

— Слушаю.

— Давайте пройдем.

В сквере они уселись на скамейке. Кроуфорд повернулся к парню.

— В пятницу вечером я видел вас в нашем оффисе. Вас и ваших друзей.

Движением руки он остановил парня, хотевшего что-то сказать.

— Я никому ничего не говорил о том, что видел. И никому не скажу. Я разыскал вас, чтобы сказать: вам нужен ротатор? — берите! Берите и запчасти — они в ящике по правую сторону от входа. Берите. От меня никто ничего не узнает. И еще одно. Справа от ротатора шкаф. Там картотека. Довольно любопытная. Вас могут заинтересовать сведения о некоторых здешних офицерах. Вот ключ от шкафа.

Парень недружелюбно прищурился.

— Что-то вы путаете, сеньор. Я вас не знаю. Да и вы меня вряд ли когда видели. Разве что сдавали когда-нибудь свое белье.

Он встал.

— О чем вы тут говорите, я не понимаю. Да и понимать не хочу. Прощайте, сеньор.

На другой день Кроуфорд снова приехал к «Философии» и несколько часов провел за столиком кафе. К прачечной подъезжали фургоны. Но рыжего парня не было видно.

Ближе к восьми Артур зашел в «Философию».

Еще не старая, но сильно увядшая женщина пересчитывала мужские сорочки.

— Добрый день, — поздоровался Кроуфорд. — Я хочу поговорить с одним вашим шофером. Забыл, как его зовут... Рыжий такой.

— А-а, Фабио Кайседо. Он уволился сегодня. Еще утром.

— Уволился?

— Да, сеньор. Уволился.

Можно бы, конечно, пройти к хозяину и узнать домашний адрес парня. Но Кроуфорд, поколебавшись, отказался от этой мысли. Раз ему не доверяют, он умывает руки.

В комнате — двое. Маленький толстяк с воспаленными глазами, лет тридцати, и человек постарше — сутулый, болезненно худой.

Толстяк облокотился на стол, подперев голову рукой. Его собеседник, разливая чай, сказал:

— Ты наша служба безопасности, вот и решай.

Матовый стеклянный шар под потолком освещает небогатую обстановку гостиной: диван, круглый стол, несколько стульев. На стене большая литография, изображающая Христа в мученическом венце. На противоположной стене две майоликовые балеринки, устремленные в танце навстречу друг другу.

Толстяк усмехается, берет чашку и отхлебывает.

— Ты ведь не только ответственный за работу среди молодежи. Ты еще и отец Эулалии.

Посещение Кроуфордом прачечной, где работал Фабио Кайседо, встревожило подпольщиков. А что, если американец успел разглядеть лица ребят? Да, Фабио уволился, затем ушел из дома и укрылся у друзей в другом районе города, ему запретили встречаться с товарищами. Но достаточно ли этих предосторожностей? Не лучше ли четверке комсомольцев вообще исчезнуть из Антофагасты?

— То, что Эулалия моя дочь, к делу не относится, — ответил Марселино толстяку. Ответ прозвучал чуть-чуть сердито.

Агустин Солано — так звали толстяка — пожал плечами:

— Ладно. Давай тогда сделаем вот что: пусть ребята пока остаются в городе, но... — он поднял вверх ладонь, — но никаких встреч между собой! Никаких контактов с другими подпольщиками! И никакого участия в делах подполья! Окончательно вопрос с ребятами решится, когда мы выясним, что это за мистер Кроуфорд.

— Тебе виднее, — суховато обронил Марселино. Однако он рад такому решению, ему не хотелось расставаться с дочерью.

— Еще чаю? — предложил Марселино.

Солано покачал головой:

— Пойду.

— Погоди. Вчера вечером приехал курьер из Сантьяго. Рассказывает: у нас, в Антофагасте, появился Хентиль Райо. Слышал о таком?

— Хентиль Райо? Постой, это не тот ли тип, что был замешан в убийстве Суховича?

— Он самый. По сведениям из Сантьяго, он объявился у нас в городе под другим именем. А под каким — неизвестно. Этот молодчик — провокатор.

Убийство Эдмундо Переса Суховича, бывшего вице-президента республики, взволновало когда-то всю страну. Это случилось 8 июня 1971 года. На Суховича напали вооруженные автоматами парни. Один из них — черные усики, красивое мужественное лицо — нажал на гашетку. Полиции стало известно имя убийцы — Рональд Ривера Кальдерон. Вскоре Рональд и его брат Артуро погибли в перестрелке с полицейскими. Удалось узнать имя еще одного участника покушения. Им оказался некий Хентиль Райо, отставной сержант, прошедший когда-то подготовку в американском военном училище в зоне Панамского канала. И вот Хентиль Райо бесследно исчез. Сухович был видным христианским демократом. Коммунисты понимали: цель этого провокационного убийства — отвратить демохристиан от Народного единства. Убийцы и не подозревали, кто стоит за их спиной.

— Значит, говоришь, ЦРУ приложило руку к убийству Суховича... — задумчиво протянул Агустин Солано. — А братья Кальдерон? Что же, и они работали на ЦРУ?

— Эти — несмышленыши. Верили, что индивидуальный террор — лучший двигатель революции. Им каза-

лось, что революция при Народном единстве развивается слишком медленно.

— Жаль ребят. Погибли ни за что. А что еще известно о Хентиле Райо?

— Больше, к сожалению, ничего. Известно лишь, что с недавних пор обретается где-то здесь, у нас в городе.

Солано встает и прощается.

Оставшись один, Марселино подходит к окну. По улице проезжает армейский «джип», набитый солдатами. Город словно захвачен неприятельскими войсками...

Хайме Васкер — корреспондент столичной газеты «Меркурио», приехал в Антофагасту всего два месяца назад, но уже знал здесь всех и вся. Солано относился к столичному журналисту двояко — тот и нравился ему, и чем-то отталкивал. Нравился легким характером, избытком сил. А отталкивал... Может быть, циничным взглядом на жизнь?

Сегодняшний разговор двух журналистов сначала крутился вокруг малозначащих тем: регата, предстоящая премьера балета с участием выпускников здешнего хореографического училища...

— Кстати, — вспомнил Солано, — что за птицы эти парни из американской информационной службы, Роджер Мэдоуз и Артур Кроуфорд? Я хорошо знаю многих здешних американцев, а с этими и парой слов не перекинулся. На пресс-конференциях, на приемах и банкетах — заметил? — они держатся особняком.

— Да, парни необщительные. Мэдоуз весь в делах своей конторы и своей семьи: он многодетный папаша. А Кроуфорд, говорят, дни и ночи строчит детективный роман.

— Один, значит, службист, а другой писатель? — недоверчиво улыбнулся Солано. — Ты хочешь сказать, что они не связаны с ЦРУ?

— Отчего же? — спокойно ответил Васкер. — Мэдоуз состоит в штатах ЦРУ. Точнее сказать — числится. Но проку от него никакого, дурак набитый. А Кроуфорд, по-моему, не из ЦРУ, а скорее — наоборот.

— Что значит наоборот?

— Наоборот в том смысле, что долгое время он сам находился под наблюдением. В конце шестидесятых годов он напечатал детектив, в котором выставил в невы-

годном свете агентов ФБР. Эдгар Гувер ему этого не простил. Кроуфорда обвинили в связи с коммунистами, поперли из газеты. Бедняга остался не у дел. А журналист, рассказывают, крупный... Потом все-таки выкарабкался, получил возможность вернуться в прессу. Но уже не дипломатическим обозревателем, а репортером. В конце прошлого года устроился в Информационное агентство помощником Мэдоуза. Должность незначительная, но на большее ему рассчитывать не приходится.

— Выпьем за наше проклятое ремесло — за журналистику, — сказал Солано, поднимая фужер с вином.

— Решил, значит, рискнуть? — как бы подвел черту под разговором Марселино.

— Риск есть, но, по-моему, невелик, — сказал Агустин Солано. — По моим сведениям, этот Кроуфорд с ЦРУ не связан. Стало быть, помогать нашим фашистам ему нет никакого резона. Да и вообще он, судя по рассказам, человек порядочный. А ротатор нам нужен, сам знаешь. Пора наконец наладить подпольную типографию.

— А засады быть не может?

— Не может, — сказал Агустин. — Особняк информационной службы мы держим под постоянным наблюдением. После пяти он остается пустым. В прачечную «Философия», где работал Фабио Кайседо, больше никто не наведывался — это тоже проверено. Вывод ясен: Кроуфорд молчит о нашем неудачном набеге.

— Все-таки надо бы обсудить на заседании горкома, предпринимать ли новую попытку.

— Со всеми, кроме тебя, я уже переговорил. Все согласны. — Затем Агустин добавил: — Зови дочь. Я объясню Эулалии, как предстоит действовать. А уж она потом расскажет остальным.

— Эулалия! — позвал отец.

Натурщица, задорно подбоченившись, стояла на столе. Студия — вытянутая узкая комната. Когда-то здесь был крохотный магазинчик. Открываешь дверь и прямо с тротуара попадаешь в комнату.

Без стука вошла Эулалия.

— Привет!

Натурщица, не меняя позы, улыбнулась.

— Проходи, присаживайся, — сказал Антонио Хиль, поправляя очки. — Мы заканчиваем.

Эулалиа уселась в глубокое кресло, бросив взгляд на часы. Художник понял: гостья торопится. Он встал:

— На сегодня хватит!

Подав руку натурщице, он помог ей спрыгнуть со стола.

— Приму-ка я душ, — сказала девушка, накидывая халат. — Жара — сил нет.

Она прошла в душевую — отгороженный закуток в углу. Послышался шум воды.

— Никак не могла к тебе дозвониться, — сказала Эулалиа. — Что у тебя с телефоном?

— Испорчен. А что случилось? Почему ты здесь? Ведь был приказ прервать все контакты.

— Отменяется! Завтра в пять мы все встречаемся у тебя — и на операцию!

— Здорово! — воскликнул Антонио. — А на чем поедем?

— Будет на чем, не беспокойся.

Эулалиа поднялась.

— До завтра, Антонио. До свидания, Нильда! — уже с порога крикнула она натурщице. Но та не ответила — не слышала.

Первым пришел Эдуардо. Антонио обнял друга.

— Как я рад, что мы опять все вместе!

Студия Хиля уже несколько месяцев была постоянным местом встреч четверки ребят из комсомольской ячейки. Солано прозвал их «мушкетерами».

Вскоре явился Фабио Кайседо. Последней присоединилась к друзьям Эулалиа.

— Ровно пять, — сказала она. — Пора!

— Грузовик я оставил на углу, — сказал Фабио. — Я пойду первым.

По одному они выбираются на улицу и ныряют в кузов крытого грузовика.

На улице Сукре, как всегда, малолюдно. Напротив особняка информационной службы мотоциклист копается в моторе. Он поднимает голову, всматривается в приближающийся грузовик, быстро садится на мотоцикл и отъезжает. Это сигнал, что особняк пуст, все спокойно.

Ворота особняка отперты и чуть приоткрыты — работа отъехавшего мотоциклиста.

Фабио остается только распахнуть их, затем он вновь садится за баранку и въезжает в сад. По аллее грузовик подкатывает к широкому одноэтажному дому.

Из кузова на землю соскакивают ребята.

— Подгони-ка грузовик к окну, — шепотом распоряжается Эулалиа.

— Зачем?

— Потом объясню!

Эдуардо возится с замком входной двери. «Готово», — одними губами произносит он.

Через вестибюль все проходят в зал, где ротатор. Парни поднимают тяжелую машину, волокут ее к выходу. Эулалиа прихватывает пакеты с цинковками. Через четверть часа все уложено в кузов грузовика.

— Эдуардо, — обращается Эулалиа, — посмотри-ка замок этого шкафа. Сможешь открыть?

Тот щелкает по замку:

— За одну минуту.

Девушка подходит к окну и распахивает створки.

— Сделаем так. Пока Эдуардо отпирает замок, мы подождем его в грузовике. Если вдруг сработает сигнализация, ты, Эдуардо, прыгай в окно — и к нам в машину! Мы будем ждать тебя со включенным мотором.

Так вот зачем нужно было подгонять грузовик к самому окну! Фабио восхищенно смотрит на девушку.

Несколько тревожных минут. Но вот в окне показывается Эдуардо и весело машет рукой — все в порядке! Еще четверть часа, и картотека — любимое детище мистера Роджера Мэдоуза — перекочевывает в машину подпольщиков.

Грузовик выезжает за ворота.

II

Артур Кроуфорд скучал — ему претили дипломатические приемы, эти ярмарки дешевого тщеславия для дам и аукционы дешевых политических новостей для мужчин. Он стоял у окна, спиной к залу. Отсюда, со второго этажа флигеля, было видно, как по аллее подкатывали машины. Швейцар открывал дверцу, гость проходил в вестибюль, где его встречали хозяева — американский консул с женой.

К Артуру подошла Эдит.

— Кондиционер гудит, как бормашина, — проворчала она, обращаясь к мужу. — Пройдем в сад, а?

В саду на газоне были расставлены столики на разлапистых металлических ножках и стулья с ажурными сиденьями. Сновали официанты, медленно прохаживались гости.

— Добрый вечер, — приветливо поздоровался с четой Кроуфордов грузный коротышка в светлом пиджаке в широкую клетку. Пиджак модный, но слишком яркий для дипломатического раута, требующего большей строгости в одежде. Артур присмотрелся, кто это столь невзыскателен к своему внешнему виду? А, репортер из «Ла Портады», Солано. Журналисты из местных не утруждают себя соблюдением этикета.

Агустин Солано потягивал через соломинку коктейль и незаметно присматривался к Артуру. Американец прямо-таки засыпает от скуки. Видно, не нравится ему здесь. Похоже, хороший парень.

— Здравствуйте, Агустин!

Это подошел знакомый журналист с городской военной радиостанции. С ним господин в черном вечернем костюме.

— Знакомьтесь, — сказал журналист. — Агустин Солано, репортер.

— Очень приятно, наслышан о вас. — Офицер протянул руку. — Майор Хесус Наваррете.

— Рад знакомству. — Агустин пожал протянутую року. — Майор, я вижу, предпочитает цивильное платье?

— Сеньор Наваррете — начальник городского отдела НРУ *, — сообщил военный журналист.

— Значит, вы, сеньор, в отставке? — спросил Солано.

— Нет, я остался на действительной службе. Просто у нас не принято ходить в мундирах.

— Как мило — организация только создана, а уже появились свои традиции, — вежливо заметил Солано. — Что, много хлопот с марксистами?

— Хватает. Слава богу, что листовки хоть не здешней фабрикации. Наверняка доставлены из Сантьяго.

— Почему вы так думаете? — заинтересовался Солано.

---

* НРУ — Национальное разведывательное управление. Употребляется также испанская аббревиатура названия чилийской тайной полиции ДИНА. В 1977 году эта охранка была переименована в Национальный информационный центр.

— В них не затрагиваются местные темы, —снисходительно пояснил Наваррете.

«Скоро будут затрагиваться. И твои безобразия тоже помянем, — подумал Агустин. — Сдается мне, он ничего не знает об исчезновении ротатора из оффиса Мэдоуза. Почему? Неужели Мэдоуз промолчал и ничего не сообщил властям?» ...Впрочем, как сообщить о пропаже ротатора и умолчать о картотеке с компрометирующими данными не только на оппозицию, но и на «отцов города»?

А Хесуса Наваррете понесло: он негодовал на козни «международного коммунизма» и захлебывался от восторга, живописуя «очистительную миссию вооруженных сил». К сожалению, еще не все прониклись сознанием необходимости исполнения гражданского долга. У них в НРУ, например, никак не могут найти канцеляриста. Конечно, не составило бы труда назначить на эту должность кого-нибудь из сержантов, но они нужны совсем для других дел.

— Я знаю человека, который вам нужен, — сказал Агустин. — Он мечтает послужить родине в нашей славной армии или в корпусе карабинеров. А тут — НРУ! Да он одуреет от счастья.

— Кто же это?

— Один рабочий. Но человек грамотный.

— Рабочий? Превосходно! Рад слышать, что представитель рабочего класса так горячо поддерживает наше святое дело.

«Бедняга Марселино, — подумал Агустин. — Каково-то ему там придется?»

Оркестр, разместившийся на открытой эстраде, сменил джазовые мелодии на куэку — чилийский народный танец.

Консул поманил официанта, взял у него рюмку и, встретившись взглядом с Хесусом Наваррете, поднял ее, как бы приветствуя майора. В ответ Наваррете повторил этот жест и с поднятой рюмкой направился к хозяину. За ним поплелся военный журналист. Солано остался в одиночестве. Он еще потолкался среди журналистов и уехал с приема.

Сняв с тележки глубокую корзину, из который свешивается рыбий хвост, Эдуардо поставил ее на голову и направился к двери.

— Откройте! — стучит он в толстое дверное стекло носком ботинка.

Дверь распахивается. Эдуардо сияет как летнее солнце.

— Привез! — говорит он и опускает корзину па пол.

— Вива! — кричит Антонио Хиль.

Ему откликаются Эулалиа и Фабио Кайседо.

Молодые люди сгрудились вокруг Эдуардо. Поднатужившись, он вынимает из корзины тяжелую рыбину. Под рыбиной большой тюк, обернутый в парусину.

— А ну-ка подняли! — говорит Фабио. Вместе с Антонио он извлекает тюк из корзины. Эулалиа откидывает парусину: туго перевязанные стопки листовок.

— «Черный список палачей», — читает девушка.

В листовке фамилии офицеров местного гарнизона, опозоривших себя участием в пытках после сентябрьского переворота. Сведения достоверные: из картотеки Роджера Мэдоуза.

— Здорово! — говорит Эулалиа. — А здесь о чем? — Она берет листовку из другой пачки.

— Здесь — о международной солидарности с пашим движением Сопротивления. Сведения взяты из передач Московского радио на испанском языке, — отвечает Эдуардо.

— Здорово! — повторяет Эулалиа и говорит: — Ребята! Листовки распространим сегодня же.

— Весь город гудит. Только и разговоров, что о «черном списке палачей»! Офицерье напугано. Такая реклама им не нужна.

Солано доволен, его маленькие глазки смеются.

Подпольную типографию оборудовали в подвале маленького двухкомнатного домика па рабочей окраине. Вокруг домика — крошечный садик, окруженный высокой деревянной оградой.

Иногда в домике за забором появлялся кто-нибудь из членов горкома, приносил текст новой листовки.

Марселино, и без того болезненно худой, осунулся еще больше. Он уже полторы недели работает в канцелярии НРУ. Много страшного видит он там.

Агустин задумчиво смотрит па товарища.

— Как ты полагаешь, смог бы ты спабдить меня, ну и парочку моих помощников удостоверениями сотрудников НРУ?

— Задумал что-нибудь? — спрашивает Марселино.

— Пока нет. Но такие удостоверения могут пригодиться.

— Ладно, будут тебе удостоверения.

Майор Наваррете, заложив руки за спину, стоял у окна и наблюдал, как его помощник, лейтенант Андраде, играет на дворе с собакой.

Высокий, грузный, он тяжелым шагом подошел к письменному столу и нажал кнопку селектора:

— Зайдите ко мне!

Вместо секретарши в дверном проеме возникла сутулая фигура Марселино.

— Я вызывал секретаршу, — раздраженно сказал майор.

— Она уволилась. Лейтенант распорядился, чтобы я исполнял ее обязанности.

«Так, и эта. Вторая за неделю». Майор понимал, что его учреждение не для кисейных барышень.

— Позовите лейтенанта, — распорядился Наваррете.

Клементе Андраде был мал ростом, но плотен и походил на тупоносый артиллерийский снаряд.

— Мой майор?.. — протянул он с вопросительной интонацией, появившись в кабинете.

— Вы собирались представить мне новых сотрудников. Давайте.

— Слушаюсь!

Первым лейтенант представил сизоносого человечка со слезящимися глазами. «Алкоголик», — сразу же определил майор. Сизоносого сменил пышущий здоровьем субъект. «Шизофреник», — решил Наваррете, послушав его вдохновенную речь о том, что страна наводнена русскими и кубинцами, надевшими личину чилийцев.

В отличие от первых двух третий новичок был немногословен. Коротко отвечая на вопросы, он то и дело проводил языком по пересыхающим губам. Взгляд его поминутно ускользал в сторону. «Наркоман», — подумал Наваррете. И молча махнул рукой — ступайте!

— На какой помойке вы подобрали этот сброд? — спросил майор лейтенанта.

Клементе Андраде чуть заметно пожал плечами.

— Люди как люди.

— Не забудьте позвонить в казармы пехотного полка. Пусть передадут нам задержанных во время облавы. Пора

бы армейцам привыкнуть, что все арестованные должны профильтровываться у нас.

Лейтенант вышел.

Немного погодя послышался отчаянный женский крик. Майор, начавший просматривать донесения осведомителей, отложил бумаги в сторону. Женщина вскрикнула опять. Наваррете провел ладонью по лбу и поднялся, с шумом отодвинув кресло. В приемной, проходя мимо Марселино, он сказал:

— Если мне будут звонить — вернусь через полчаса.

Толчком ладони майор распахнул дверь в конце коридора. Клементе Андраде, бросив взгляд на начальника, продолжал прикручивать веревками распятую на столе женщину. Ему помогал сизоносый.

— Проверил электроды? — сквозь зубы пробормотал Андраде.

— Отставить, — тихо сказал Наваррете. Он не мог оторвать глаз от женщины.

Агустин дописал последнюю строчку и посмотрел на часы — надо поторапливаться.

За минувшие дни он оповестил товарищей из других партий Народного единства, что в городе объявился Хентиль Райо, провокатор, приложивший руку к убийству Эдмундо Переса Суховича.

Коалиция Народного единства, до переворота правившая страной, сохранилась и в подполье. Контакты между партиями поддерживались специально выделенными для этого людьми. В компартии таким человеком был Солано. Сегодня ему предстояло встретиться с товарищем из Движения Народного единства.

Встреча с Серхио Артигасом должна была состояться в кафедральном соборе (третья скамья от входа, в левом ряду).

Агустин загнал машину на платную стоянку. В церкви стоял сумрак. Солнечный свет в оконных витражах дробился на цветные полосы и пятна. На условленном месте сидел мужчина, облокотившись на спинку скамьи. Это был вовсе не Артигас!

«Серхио арестован», — шепнул мужчина.

Солано сделал вид, что не слышит. Он продолжал смотреть прямо перед собой. Черт побери, ведь существует же пароль!

— Простите, ваша фамилия не Лопес? — догадался наконец незадачливый подпольщик из МАПУ.

— Я похож на какого-то Лопеса? — это был отзыв.

Взволнованным шепотом мужчина стал рассказывать, что Серхио Артигаса арестовали во время облавы и держат в казармах пехотного полка.

Солано слушал, а сам искоса разглядывал своего собеседника. Странный субъект. Элегантный пиджак надет прямо на майку, украшенную изображением кокосовой пальмы. Лицо холеное, барское и одновременно детски-простодушное, открытое.

Агустин спросил:

— Мы не встречались с вами до переворота?

— Вряд ли, — ответил тот. — Я недавно переехал из Сантьяго.

У Агустина пропала охота говорить о Хентиле Райо, провокаторе. А ведь для этого он, собственно, и договаривался о встрече с Серхио Артигасом!

— Мне нужно увидеться с секретарем горкома вашей партии, — сказал он. — Передайте ему — я жду его на этом же месте завтра, в это же время.

Спокойствие, с которым Агустин выслушал известие об аресте Серхио Артигаса, было кажущимся. Жаль, до боли жаль товарища. И тревожно было: а вдруг он заговорит, не выдержав пыток? А Серхио знал многое. Надлежит незамедлительно принять меры, которые полностью исключили бы — заговори вдруг Артигас — цепную реакцию провалов. Первая из таких мер — переход на нелегальное положение всех членов «группы связей». Им надо оставить работу и сменить адреса. Но самому ему что делать? Репортер Агустин Солано человек в городе заметный. Простая смена адреса не поможет ему укрыться от ищеек майора Наваррете. Неужели придется покинуть Антофагасту? Неужели нет другого выхода? А что, если?..

И Солано, успевший отъехать от кафедрального собора в сторону «Ла-Портады», вдруг развернулся и вновь выехал на улицу Сан-Мартина.

Из потайного места он вытащил ворох удостоверений личности. С трех из них на Агустина смотрел он сам — только фамилии были указаны разные. На остальных фотографии отсутствовали — приклеивай любую.

Он выбрал для себя удостоверение Альба Гойи. На фо-

тографии он был с усиками и бакенбардами, которых сроду не носил.

Антонио и Эдуардо заявились вместе. Агустин отобрал у них фотографии и вклеил в удостоверения.

— Возьмите. Это на всякий случай. Надеюсь, что сегодня показывать их не придется.

Эдуардо присвистнул:

— Вот это да! Удостоверение сотрудника НРУ!

— Пора, ребята. Поехали! И возьмите-ка еще вот это. — Он протянул им пистолеты. — Стрелять умеете? Ну и прекрасно.

Старенький «рено» проскочил центр с многоэтажными зданиями, миновал зеленую аристократическую окраину. Потянулась бесплодная равнина. Минут через двадцать свернули с шоссе на проселок. На горизонте стали прорисовываться контуры домов, длинных бараков. Это показался давным-давно заброшенный поселок добытчиков селитры.

Солапо кружил на машине между домами, напряженно всматриваясь.

— Здесь, кажется, — пробормотал он наконец.

Отперев ключом навесной замок на воротах, он налег на створки плечом. Ворота отворились, пронзительно взвизгнув петлями.

Посреди широкого, замусоренного хламом двора стоял армейский цвета хаки «джип».

Солапо приблизился к «джипу», провел пальцем по дверце. Палец почернел от грязи.

— Ну-ка, ребята, за дело! Ведро у меня в багажнике, колодец вон там, в углу.

Пока соскабливали и отмывали с машины грязь, парни спорили, кому садиться за руль.

— Зря спорите, поведу я. — И Солапо сел за руль. — Ну, залезайте.

По дороге он объяснил, что предстоит им сделать в городе.

Когда показалась Антофагаста, Агустин, остановившись, достал из своего чемоданчика накладные бакенбарды и усики. В городе он кратчайшей дорогой вывел машину на улицу генерала Веласкеса. Целый квартал этой улицы занимают казармы пехотного полка.

«Джип» резко затормозил у главного входа в казармы. Агустин вылез из машины и сунул часовому удостоверение.

— Национальное разведывательное управление. Вызовите дежурного.

Часовой нажал кнопку звонка.

Вошедшему лейтенанту Агустин сказал:

— Проводите меня к полковнику Редлеру.

Парни в «джипе» развалились с самым независимым видом.

Рассматривая удостоверение Альбы Гойи, дородный полковник недовольно шевелил толстыми губами.

— Ведь от вас уже звонили... — заговорил Редлер, но Солано перебил его:

— Да, звонили. Вы обещали, что арестованных нам передадут завтра. Ситуация переменилась. Есть подозрение, что задержанные имеют прямое отношение к одному делу, которое расследует майор Наваррете. Очень важно сегодня же допросить задержанных.

Редлер забарабанил пальцами по столу.

— Хорошо. Дать вам солдат для охраны этой сволочи?

— Благодарю вас, не надо. У меня с собой двое охранников.

Привели арестованных. Их было двое: Серхио Артигас и высокая красивая женщина лет сорока.

Солано поднялся.

— Благодарю вас, полковник. До свидания. Рад был познакомиться.

Конвойный распахнул дверь.

Когда «джип» завернул за угол мрачного здания казармы, Солано с улыбкой повернулся к Артигасу, зажатому на заднем сиденье между ребятами:

— Ну, здравствуй, старина!

Студия служила Антонио Хилю и жильем. После освобождения Серхио Артигаса и Алисии Буэнавентуры студия стала обиталищем двух мужчин и одной женщины. Матрац достался, конечно, гостье. Мужчины устроили себе ложе на полу.

Вечером того дня, когда Серхио и Алисиа были освобождены, четверка комсомольцев и Агустин Солано устроили праздничный ужин. Эулалиа принесла бутылку «Святой Риты», у Антонио нашлось полбутылки «Кончи».

Серхио и Алисиа рассказали ребятам, как их задержали во время облавы.

Серхио в тот день встретился с приехавшим из столицы связным, который передал ему последние инструкции

центрального руководства, вручил портфель с листовками. Встреча проходила в зоологическом саду. Расставшись с курьером, Артигас отправился к себе. Он шел, взволнованный встречей и услышанными новостями. Приятна была и тяжесть портфеля, оттягивающего руку.

Вдруг — облава! Улица оказалась зажатой между солдатскими шеренгами. Документы у Серхио были в порядке, но — портфель!

Завернув в подъезд трехэтажного дома, Серхио помчался вверх по лестнице. В конце лестничной клетки должен быть люк, ведущий на крышу. Не станут же солдаты обшаривать крыши!

Последняя лестничная площадка утопала в полумгле: свет с трудом пробивался сквозь щели в фанерном щите, которым было заделано окно. Артигас не сразу заметил, что на крышке люка замок. Он поставил портфель в уголок и опрометью кинулся вниз по лестнице. Поздно!

— Открывайте! Проверка документов! — раздались в лестничном пролете голоса солдат.

Серхио остановился на втором этаже.

— Документы!

Сержант вчитывался в удостоверение, беззвучно шевеля губами.

— Смотри-ка, портфель! — послышалось сверху.

— Погляди, что в нем. Только осторожно.

— Я могу идти? — спросил Серхио.

— Стой на месте, — ответил сержант, вслушиваясь в доносившийся сверху разговор.

— Вот так я и оказался в казармах пехотного полка, — закончил свой рассказ Серхио Артигас.

Во время облавы схватили человек двадцать. К вечеру всех задержанных после проверки вытолкали из казарм, оставив только Серхио и Алисию.

До «черного сентября» семьдесят третьего года Алисиа Буэнавентура, бывшая учительница, социалистка, была мэром маленького городка Мариа-Элена. Ей удалось избежать ареста в день переворота, она перебралась в Антофагасту. Появляться на улице было опасно — она знала, что значится в списке разыскиваемых. Товарищи по партии достали ей документы, но все же посоветовали: «Уезжай в Сантьяго, подальше от наших краев. В большом городе затеряться легче». К сожалению, скрыться ей не удалось.

— Ну, друзья, по домам? — предложил Агустин.

— Как, уже? — Эулалиа взглянула на часы.

Агустин уходил последним. Он спросил Артигаса:

— Слушай, что за тип явился сегодня на встречу со мной? Пабло Монтеро... знаешь ты такого?

— Он из Сантьяго. Это единственное, что мне о нем известно.

— Странно — откуда в МАПУ так быстро узнали о твоем аресте?

— Да ты что? — Серхио даже приподнялся с табурета. — Подозреваешь моих товарищей?

— Зачем же? Просто я говорю, что все это странно.

— Ничего странного! Среди задержанных в облаве был один из наших. Его отпустили, и он дал знать товарищам о моем аресте.

На другой день Агустин Солано отправился на встречу с секретарем городской организации МАПУ. В кафедральном соборе было сумрачно. Солано сощурился — но нет, намеченная скамья была пуста, Блас еще не приходил.

Чья-то рука опустилась ему на плечо. Он обернулся — Блас.

Они молча прошли по проходу между рядами скамей.

— Я рад тебя видеть, старина, — сказал Блас. — Всегда рад. Но наш связник теперь Пабло Монтеро. Артигас арестован.

— Артигас на свободе. В надежном месте.

Потом Агустин спросил:

— Скажи-ка, что за человек ваш новый связник?

Блас усмехнулся, покачал головой.

— Бдительность!

Пабло Монтеро, по его словам, скрылся из Сантьяго, опасаясь ареста. Человек он довольно состоятельный: в столице содержал небольшой ресторан. В Антофагасте он приобрел китайский ресторанчик «Гонконг». Кроме того, крупную сумму денег он передал в партийную кассу. Монтеро уже давно порвал со своей семьей по идейным соображениям. Отец у него крупный промышленник и, как говорит сам Монтеро, заядлый реакционер. С подпольной организацией парень связался через своих друзей, местных жителей, участвующих в движении Сопротивления.

— Он что, и в Сантьяго принадлежал к вашей партии?

— Нет, к какой-то левацкой группировке.

— Хорошенькое приобретение!

— А в чем, собственно, дело? Может, ты объяснишь, чем он тебе не показался?

Солано стал рассказывать о Хентиле Райо, агенте НРУ и ЦРУ, объявившемся в Антофагасте.

— Беда в том, — заключил он, — что никто не знает, как он выглядит, этот собачий сын! Теперь ты понимаешь?

— Ну, это ты брось, — отрезал Блас. — Пабло Монтеро человек честный. Это... это по всему видно!

— Я не утверждаю, что Пабло Монтеро и Хентиль Райо — одно и то же лицо. Но, согласись, подозрение он вызывает. Уж больно быстро он установил контакт с подпольем в чужом городе!

— Да я же говорил тебе, у него здесь старые друзья...

— Все равно его надо проверить.

— Как?

— Это я устрою. Не серчай, дружище. Поверь, я буду только рад, если окажусь не прав. А пока все же придется отстранить Монтеро от дел.

— Но, позволь, давай рассуждать логически: если Монтеро провокатор, то ведь и нам с тобой нужно устраняться от дел. Он знает и тебя и меня...

— Давай рассуждать логически, — спокойно предложил Агустин. — В чем задача провокатора? Внедриться. Если сейчас начнутся провалы — кого в первую очередь заподозрят? Новичка. Делай вывод: месяца два, а уж месяц-то точно мы с тобой можем быть спокойны. Но осторожность придется удвоить. Настоятельно тебя прошу — своих людей у себя дома не принимай, встречайся с ними где-нибудь на конспиративной квартире. И следи, чтобы не притащить туда «хвост».

— Слушаюсь, мой генерал!

Блас шуткой постарался прикрыть досаду.

Встреча была назначена на площади Колумба у «Английских часов». Артуру Кроуфорду не пришлось долго ждать. Он едва успел выкурить сигарету, как к его машине впритык пристроился обшарпанный «рено».

Широкие поля шляпы наполовину закрывали лицо водителя «рено». В плотной фигуре этого человека было что-то знакомое. За его спиной, на заднем сиденье, разместились двое: мужчина и женщина.

Эти двое вышли и направились к Кроуфорду. Пере-

гнувшись через спинку сиденья, Артур открыл перед ними заднюю дверцу своего «форда».

— Добрый день.

В окошко с приспущенным стеклом бил упругий ветерок. Но Артуру было жарко — от волнения. Сочинитель детективных романов, герои которых люди хладнокровные, решительные, сам был не храброго десятка и знал за собой этот изъян.

На предельной скорости «форд» вывернул на Бальмаседу.

Ехавшее впереди такси неожиданно замедлило ход. Артур слишком поздно нажал на тормоз. «Форд» стукнулся о задний бампер такси.

В зеркальце Артур увидел, как напряглись лица его пассажиров. Он и сам похолодел. Сейчас нагрянет дорожная полиция, начнут проверять документы!

Он остановил машину, выскочил и бросился к разъяренному таксисту.

— Во сколько встанет ремонт? — спросил он его на ломаном испанском языке. — Говори быстро, я заплачу. Обойдемся без протокола.

Таксист помедлил, потом усмешливо назвал несуразно высокую сумму. Кроуфорд выхватил бумажник и отсчитал деньги.

— На! И давай отъезжай. Видишь, мы загородили дорогу.

— А вы молодчина! — улыбнулась Артуру пассажирка, когда они снова тронулись в путь. — Не растерялись.

Артур и сам не ожидал от себя такой прыти. Подстегнутый страхом, он действовал с непривычной для него решительностью и быстротой.

Они объехали отель «Антофагаста» и увидели двухэтажное строение яхт-клуба.

В воротах, сбросив скорость, Артур показал служителю свой членский билет.

На внутренней стоянке виднелось с десяток машин. Зеленый «форд» встал в ряд с другими.

— Пойдемте, — сказал Артур.

Все направились к причалу, безлюдному в этот час. Дремавший на скамье старик сторож встал и, льстиво улыбаясь американцу, спросил:

— Опять собрались на остров Чимбу, сеньор Кроуфорд? Может быть, хотите прихватить с собой дюжину-другую пива? В наш бар привезли свежее.

— Да, на Чимбу... Пива? Ну что ж, принеси ящик. Только не копайся!

— Я мигом! — встрепенулся старик и заковылял к клубному бару.

— Зачем вам понадобилось пиво? — спросил Артигас. — Теряем время.

Он заметно нервничал.

— Я отослал сторожа, чтобы он не мельтешился, пока мы будем усаживаться. Еще подумает, что мы торопимся выйти в море!

Алисиа вторично одарила Артура улыбкой.

— Рассаживайтесь, господа. — Кроуфорд повел рукой в сторону трапа, перекинутого на катер. Буэнавентура и Артигас прошли в каюту.

Показался сторож с ящиком пива на плече.

— Я сам отнесу, — сказал Артур, принимая ящик.

Получив чаевые, сторож рассыпался в благодарностях и пожелал хорошего отдыха.

Затарахтев мотором, катер отошел от причала.

Суть операции, в которой Артуру Кроуфорду была отведена заглавная роль, заключалась в том, чтобы обеспечить побег из страны Алисии Буэнавентуры и Серхио Артигаса. Им, объявленным в розыске, оставаться в Чили было опасно.

Покинуть страну можно разными путями. Например, укрыться в иностранном посольстве или перейти границу в Андах. Но можно бежать и морем. Плохо лишь, что суда перед выходом тщательно проверяются таможенниками, да и на территорию порта посторонним попасть совсем непросто. Другое дело яхт-клуб. Члены клуба — люди состоятельные, пользующиеся уважением и доверием властей. У них разрешения на выход в море. Яхты избавлены от досмотра.

Так Агустин пришел к мысли воспользоваться услугами Артура Кроуфорда. Американец, когда Фабио Кайседо разыскал его в Мехильонесе, без колебаний согласился выполнить просьбу подпольщиков.

III

Ногой ударив дверь, в студию ввалился Эдуардо с большой корзиной в руках.

— Ну, ребята, налетайте! Свежий номер!

Фабио Кайседо достал со дна корзины несколько тяжелых пачек, перевязанных бечевкой.

— Дай-ка мне одну, — попросила Эулалиа.

«Унидад антифасиста» («Антифашистское единство») была отпечатана на ротаторе в подпольной типографии. К июлю семьдесят четвертого года в стране выходило несколько подпольных газет Народного единства. Социалистическая партия издавала «Чиспу» («Искру»), МАПУ — «Венсеремос!» («Мы победим!»).

— «Передавай этот экземпляр из рук в руки, принимая соответствующие меры предосторожности», — прочла Эулалиа призыв, набранный крупным шрифтом по низу газетной страницы. — А это что? Смотрите, ребята, здесь рассказывается о книге Федорова «Подпольный обком действует». А заканчивается статья так: «Постарайтесь достать эту книгу. Прочтите ее и сделайте соответствующие выводы. Подумайте над тем, какие методы борьбы советских подпольщиков применимы в наших условиях».

— Я читал, — сказал Фабио Кайседо. — Еще до переворота. И охотно прочел бы снова. Но где достанешь? Из библиотек она изъята.

— Достанем, — сказал Антонио Хиль. — У одного моего приятеля она, по-моему, есть.

— Вот и отлично, — заключила Эулалиа. — Все ее прочтем, а потом устроим обсуждение.

Эдуардо распечатал еще одну пачку и веером рассыпал газеты по столу.

— Идите сюда, — позвал он. — Смотрите, это первый номер нашей комсомольской газеты.

Все сгрудились вокруг стола.

— «Ли-бе-ра-сьон», — прочитал Антонио. — Хорошее название.

— Могу вас обрадовать, — сказал Агустин. — Не исключено, что в скором времени мы добудем коротковолновый радиопередатчик.

Здесь, на улице, близкой к порту, «Тихая пристань» была единственным приличным заведением. Столики и стойка сверкали чистотой. Уличные девицы сюда не допускались.

Кроуфорд устроился на мягком, обитом кожей табурете. Неторопливо потягивая сквозь соломинку приятно хо-

лодящий джин-тоник, посматривал в окно. На улице развлечений не иссякал поток прохожих.

Что за чертовски знакомая фигура? Мимо окна, по другой стороне улицы, своей странной походкой, выворачивая колени на сторону и как бы подпрыгивая, торопливо шел Роджер Мэдоуз. Что ему понадобилось в этом районе дешевых и, по большей части, весьма сомнительных заведений? Мэдоуз остановился, закурил и, как показалось Кроуфорду, зорко огляделся. Через минуту Артур увидел спину своего начальника, исчезнувшую в дверном проеме бара «Версаль». Кроуфорду доводилось захаживать в эту грязную дыру. Невероятно — примерный семьянин Роджер Мэдоуз в роли искателя приключений!

Впрочем, так ли уж хорошо он знает своего начальника? Артур вспомнил вчерашний разговор с сослуживцем, приехавшим из Сантьяго. На вопрос, как ему тут живется, Артур высказался в том смысле, что нелегко, мол, работать под началом дурака. «Не такой уж он дурак, — с какой-то запинкой отозвался столичный гость. — Точнее сказать, он совсем не дурак, хотя и прикидывается. Мэдоуз, если хотите знать, — это человек в маске. Даже многим его коллегам это неизвестно. В курсе дела лишь руководство ЦРУ. Знаменитые картотеки Мэдоуза — просто маскировка».

Между тем за окном возникла еще одна знакомая фигура. Хесус Наваррете, шеф НРУ, шмыгнул в ту же дверь, за которой исчез Роджер Мэдоуз. Сегодня «Версаль» положительно пользовался успехом.

Кроуфорд усмехнулся, представив, как сконфузятся Наваррете и Мэдоуз, столкнувшись в столь неподобающем месте.

«А может быть, это не такая уж случайность — их встреча здесь?» — подумал вдруг Кроуфорд.

На всякий случай он решил рассказать об увиденном Фабио Кайседе — через этого парня он поддерживал теперь постоянный контакт с подпольщиками.

Слегка обрюзгшее, но все еще красивое лицо Хесуса Наваррете оставалось непроницаемо спокойным, когда он отрывал голову от бумаг и смотрел на обнаженного по пояс молодого человека, подвешенного за запястья рук к крюку, вбитому в потолок.

В комнату вошел Марселино.

— Начальник гарнизона просит вас к телефону, господин майор!

Наваррете отодвинул в сторону папку с делом допрашиваемого.

— Ну ладно, на сегодня хватит, — сказал он.

Клементе Андраде спросил:

— Может быть, разрешите продолжить допрос без вас?

Марселино, ссутулившись сильнее обычного, глядел на юношу, от боли потерявшего сознание. Он узнал его: парнишка из «Левого революционного движения». Они признают единственный метод борьбы — террор. И вот результат — их почти всех уже перебили или выловили.

— Хотите продолжить? — Наваррете повел плечом. — Продолжайте.

Марселино предупредительно распахнул дверь и вслед за шефом вышел в коридор. Наваррете направился в свой кабинет. Ареко зашел в канцелярию — он всегда заглядывал туда, стараясь поддерживать приятельские отношения с Дагоберто Браво, делопроизводителем.

Браво пошел навстречу Ареко с распростертыми руками:

— Марселино, старина! Рад тебя видеть!

Они обнялись и, как положено, похлопали друг друга по спине, не размыкая дружеского объятия.

— Вчера узнал, — сказал Браво, — из столицы недавно прислали агента. Сеньору Наваррете прибавится работы.

Марселино понял, что речь идет о Хентиле Райо.

— Наверное, это его я видел на днях в кабинете шефа, — сказал он. — Высокий такой, блондинчик?

Браво расхохотался с чувством превосходства над приятелем.

— Дорогой Марселино, видеть его ты никак не мог. Его и майор-то в глаза не видел!

Ареко удивился:

— Как так?

— А вот так. Тот выходит напрямик на резидента ЦРУ, и только на него. А уж тот контактируется потом с нашим майором.

— Что-то больно сложно.

— Не очень. Но парень должен быть крайне осторожен... Никто здесь и не подозревает, что он из себя представляет.

— Никто? Даже ты?

— Представь себе, даже я!

Марселино махнул рукой:

— Сказать по правде, меня больше интересует, как сыграют сегодня армейские футболисты с этими недотепами из корпуса карабинеров.

И он с жаром заговорил о достоинствах и недостатках двух местных любительских команд.

Так под какой же личиной скрывается Хентиль Райо?

Агустин снова перебирал в уме условия задачи, которую предстояло решить. Их было два, этих условий. Провокатором мог быть лишь тот, кто приехал в Антофагасту в конце мая — начале июня и кто стремится всеми силами принять участие в движении Сопротивления.

Таких, в общем-то, было немало. Последние два месяца по распоряжению Солано новичков держали подальше от дел подпольной организации. Тем не менее любой из них мог считать, что он «начал внедряться в подполье». И все же по-настоящему подозрителен был один лишь Пабло Монтеро.

Бласу, когда тот появился в студии, Агустин сказал:

— На нашу просьбу выяснить, что за субъект этот Монтеро, и Монтеро ли это, ответа из Сантьяго нет.

— Я получил ответ.

Блас вынул из кармана две фотографии и протянул их Агустину.

— Вот это Пабло в своем «Гонконге». А это он же, но уже в Сантьяго, в тамошнем его ресторане. Так что сомнений нет — Пабло Монтеро есть действительно Пабло Монтеро, а никакой не Хентиль Райо. Кстати, вчера он вернулся из столицы — ездил получать наследство — и знаешь, что первым делом сделал? — передал в партийную кассу значительную часть унаследованных денег! Так что перестань, подозрительность у тебя становится манией. И не забывай, что именно Пабло раздобыл сведения о спрятанной радиостанции. В общем, вот что — мы решили подключить его к операции.

Радиостанция принадлежала небольшой ультралевой группе, полностью разгромленной после переворота. Монтеро узнал о тайнике от Хайме Васкера, корреспондента «Меркурио». А тот — от родственников арестованных членов группы.

— Васкеру о наших планах — ни слова! — предупредил Агустин Солано.

Въехав на территорию заброшенного рудника, Фабио Кайседо поставил свой крытый грузовик возле края серо-желтого песчаного откоса. Вокруг — ни души.

— Замажь номер грязью, — сказал Солано.

— Осторожничаешь, — заметил Фабио, но приказание выполнил — подцепил щепочкой из лужи грязи и мазнул по номерному знаку.

Эулалиа, Антонио и Эдуардо оглядывались по сторонам. Закатное солнце, тонущее в океане, заливало развалины багровым светом.

— Красотища! — Пабло Монтеро весело посмотрел на ребят, он радовался, что его взяли на операцию.

— Говорите потише. А еще лучше — помолчите, — сухо сказал Солано.

— Молчу! Молчу! — откликнулся Монтеро.

Солано достал из портфеля два свертка черной материи и пригоршню гвоздей.

— Дай-ка молоток, — попросил он Фабио и стал приколачивать материю сначала к одному борту грузовика, потом к другому. Фабио молча помогал ему.

— Видишь ли, — сказал Солано, — когда мы поедем обратно, мы ведь повезем не рыбу, а радиостанцию. Так лучше, чтобы никто не останавливал нас по дороге. А к усопшим даже солдаты сохранили почтение.

Забив последний гвоздь, Солано оборотился к своим товарищам:

— Пошли! Эулалиа, останься у машины.

Электрический фонарик, который он держал в руке, осветил захламленный пол и отсыревшие каменные стены длинного коридора.

В небольшом помещении, служившем прежде, как видно, кладовкой, громоздились поломанные ящики. Желтый круг света лег на ящики в правом углу.

— Этот угол надо расчистить, — сказал Солано.

Все молча принялись за дело. Скоро под завалом обнаружилась оцинкованная крышка люка. Агустин взялся за изъеденное ржавчиной кольцо и потянул, крышка приподнялась, но Солано не удержал ее.

— Пусти-ка, — отстранил его Эдуардо и сильным рывком поднял крышку.

Солано потрогал ногой верхнюю ступеньку деревянной лестницы и осторожно начал спускаться.

— Солдаты! — вдруг услышал он крик Эулалии.

Агустин метнулся наверх.

— Приготовить оружие! — крикнул он.

Ребята сгрудились у выхода. Эулалиа выглядывала наружу.

— Где Пабло? — спросил Агустин.

Эулалиа мотнула головой в сторону улицы:

— Убежал!

Послышался выстрел. Еще один.

Солано тронул Эулалию за плечо:

— Отойди от двери!

Укрывшись за кузовом грузовика, Пабло стрелял по армейскому «джипу», который мчался по длинной улице.

Солано выстрелил, целясь в водителя. Попал! «Джип» вильнул к обрыву и замер, чуть не сорвавшись под откос.

— За мной! — приказал Агустин.

Они выбежали на улицу. Стреляя на бегу, Солано крикнул Монтеро:

— Живо в кузов!

Но тот лишь усмехнулся и, подавшись вперед, вновь принялся палить. Вдруг он сделал шаг назад, покачнулся, упал навзничь.

Эулалиа склонилась над ним.

— Убит! — сказала она Агустину.

Солано поднял тщедушное тело убитого и передал его ребятам в кузов.

— Плакать, Эулалиа, будешь потом. Садись в кузов, скажи Фабио — пусть трогает.

Грузовик развернулся и загромыхал по улице, «джип» устремился вслед за ним.

— Не выйдет, господа... не выйдет! — приговаривал Солано, стреляя по шинам. Тряска мешала прицелиться как следует. Но он все же попал. «Джип» кинуло в сторону, и он сорвался с обрыва, перевернувшись несколько раз.

Ребята радостно загалдели, а Солано грустно посмотрел на Пабло Монтеро. Все же он был несправедлив к этому странному человеку! Он одернул на убитом задравшуюся полу элегантного пиджака и внезапно увидел, как по бледному лицу Монтеро прошла судорога. Жив?

Агустин скинул с себя рубашку и разорвал ее на несколько полос.

— Помоги мне! — обратился он к Антонио.

В городе Солано спросил Фабио Кайседо:

— Знаешь, где живет доктор Ордоньоа? Знаешь? Ну и отлично. Мы оставим на его попечение нашего Пабло. Это наш товарищ, он укроет у себя Монтеро и выходит его.

Сон долго не шел к Агустину: почему же провалилась операция? Случайность или это предательство? Пабло Монтеро кровью снял с себя все подозрения. А Хайме Васкер? Но если это он сообщил властям, то почему не было засады? Почему машина с солдатами нагрянула, когда до завершения операции оставалось каких-нибудь четверть часа? «Нет, — решил Солано, — встреча с солдатами случайность. Васкер не провокатор».

А жаль, что не удалось завладеть радиостанцией! Радио легче входит в любой дом, чем листовка или подпольная газета. А это так важно сейчас — поднимать людей на борьбу, разоблачать наглое вранье официальной пропаганды.

Роджер Мэдоуз был вне себя. Идиоты! Сорвать операцию по внедрению агента в подполье!

Высокий, нескладный, шеф городского отделения информационного агентства торопился в «Версаль». Кроуфорд удивился бы, узнай он, зачем его шеф направляется в это заведение не самой лучшей репутации.

Мэдоуз вошел в «Версаль», брезгливо скривив рот. Белевшее над стойкой лицо бармена качнулось навстречу.

— Вас ждут.

Бармен открыл ключом дверку в боковой стене заведения.

В нос ударил запах несвежего белья. Мэдоуза передернуло. «Только подонку Хесусу Наваррете могла прийти в голову такая дикая идея — использовать бордель для конспиративных встреч!»

Роджер Мэдоуз поднялся на второй этаж и трижды постучал в первую из вереницы обшарпанных дверей. Дверь распахнулась, Наваррете сделал приглашающий жест рукой.

Сухо кивнув, Мэдоуз с места в карьер потребовал от него объяснений по поводу налета солдат на подпольщиков, добывавших радиостанцию в развалинах заброшенного рудника Уанчака.

— Вы сорвали важнейшую операцию!

— Это была чистая случайность, — оправдывался шеф

НРУ. — Патрульные из пехотного полка наткнулись на подпольщиков ненароком...

Сначала послышался подземный гул, потом вздрогнула земля под ногами. Полетели оконные стекла. Улицу заволокли клубы пыли.

Эулалиа, которой оставалось сделать несколько шагов до скамейки, где ее ждал связной из-за границы, остановилась, схватившись рукой за шершавый ствол дерева. Связной с докторским чемоданчиком в руке вскочил, встревоженно глядя по сторонам.

Подземный гул утихал. Медленно оседала пыль. Эулалиа подошла к скамейке.

— Вы здесь не видели ребенка лет трех? — Это была условная фраза.

— Мальчика? Он пробежал вон туда. — Связной махнул рукой в сторону бульвара.

Девушка уселась на скамью. Связной поместился рядом.

— А я, признаться, струхнул, — сказал он.

— Мы к землетрясениям привыкли. Но разве в Боливии не так? — Эулалиа знала, что курьер прибыл утренним поездом из Ла-Паса.

Внешне он ничем не отличался от чилийца, только вот произношение странное.

— Да, в Боливии тоже бывают землетрясения.

Он взял стоявший рядом с ним чемоданчик и протянул его девушке.

— Тяжелый! — удивилась она.

— Скажешь товарищам: десятая часть для Антофагасты, а остальное надо переправить в Сантьяго.

Эулалиа кивнула и, в свою очередь, протянула курьеру небольшой дорожный саквояж:

— Здесь материалы о концлагерях, о пытках. Постарайтесь там, чтобы все это стало широко известно.

Мимо них проехало такси, в окошке мелькнуло мясистое лицо Хайме Васкера.

— Пора! — Девушка поднялась и протянула связному руку.

Агустин Солано принял из рук девушки чемоданчик, щелкнул замком и заглянул внутрь.

— Вот она, овеществленная международная солидарность!

— Кстати, о деньгах, — сказала Эулалиа, — вчера Хайме Васкер намекнул, что мог бы пожертвовать на нужды Сопротивления довольно крупную сумму из своих, как он выразился, сбережений. Я, конечно, опять ответила, что он обращается не по адресу.

— Правильно. Хотя деньги мы у него, наверное, все-таки возьмем. Попозже. Когда лучше приглядимся.

— Неприятный он тип, — поморщилась девушка. — Какая-то свиная отбивная в костюме.

Агустин хмыкнул.

— Он же к тебе в женихи не набивается.

Девушка вспомнила, как в окошке такси мелькнуло лицо корреспондента «Меркурио», когда они с курьером из-за границы сидели на бульваре.

— А вот с этого тебе и следовало бы начать разговор! — озлился вдруг Агустин. — Конспираторы! Учишь вас, учишь... Надеюсь, ты, по крайней мере, сообразила, что пора заканчивать встречу, когда заметила Васкера?

— Я тут же простилась с курьером, — обиделась она. — За кого ты меня принимаешь, за сопливую девчонку?

Об этом разговоре они вспомнили поздно вечером, когда вернулся с работы Марселино.

— Хорошо, что ты здесь, — с порога начал он, увидев Агустина.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось. Несколько часов назад в НРУ был доставлен боливиец, прибывший из-за границы и якобы встретившийся с кем-то из подпольщиков.

Эулалиа охнула.

— Ничего с ним не случится, дочка. Его и пальцем не тронут. Он оказался служащим филиала американской компании. В Чили приехал по делам фирмы. Наши господа офицеры, сама понимаешь, не станут связываться с таким человеком. Помытарят вежливыми допросами и отпустят на все четыре стороны.

— Неужели?.. — задумчиво протянула Эулалиа, глядя на Агустина.

— Хайме Васкер, ты хочешь сказать? — спросил тот.

Девушка кивнула.

Марселино перевел взгляд с дочери на своего старого товарища.

— При чем тут этот хлюст? — спросил он.

Эулалиа рассказала.

— Кто из наших знал, что он курьер? — спросил Марселино.

— Я и Агустин, — ответила Эулалиа.

Солано задумчиво похлопывал ладонью по столу:

— Мог ли кто-нибудь из знакомых Эулалии, кроме Хайме Васкера, видеть их вместе? Нет? Ты внимательно следила за улицей? Тогда еще один вопрос. Почему арестовали лишь одного курьера?

—.Эулалию арестовывать нет резона, — сказал Марселино. — Ведь Васкер — если, конечно, именно он провокатор, — через нее надеется втереться к нам в доверие.

— Ну вот ты и отмучился, Марселино. Подходит к концу твоя служба в охранке. И тебе и Эулалии пора исчезнуть из Антофагасты. В Сантьяго.

— Тебе — тоже, — быстро ответила девушка. — Васкер видел нас вместе с тобой. Если он подозревает меня, значит, может подозревать и тебя. К тому же майор Наваррете взял отца на работу по твоей рекомендации.

— Она права, — поддержал ее Марселино.

— Как мне покинуть город, — отозвался Солано, — не разобравшись с Васкером до конца.

— А может, Васкер и Хентиль Райо... — начал Марселино.

Солано кивнул.

— Эта мысль мне тоже приходила в голову. В конце концов, товарищи из Сантьяго могли и ошибиться, полагая, что Райо объявился в Антофагасте где-то в мае. Он мог приехать в город и раньше. А раз так, я не удивлюсь, если им окажется наш распрекрасный Васкер.

«Версаль» открывался только в полдень, но в начале двенадцатого, когда Агустин подошел к бару, дверь заведения уже была распахнута настежь. Пахло свежими опилками, по каменному полу шваркала мокрая тряпка: «Версаль» отмывался от минувшей ночи.

Толстая женщина с болезненно раздутыми ногами разогнулась и, опершись на палку с мокрой тряпкой, уставилась на Агустина. Не обращая на нее внимания, он прошел к стойке, где перетирал стаканчики немолодой мужчина с лицом запухшим и изжелта-бледным.

— Закрыто! — отсыревшим голосом просипел бармен.

Солано молча показал ему удостоверение сотрудника НРУ. Бармен сдвинул в сторону стаканчики, а полотенце повесил себе на шею. Агустин извлек из внутреннего кар-

мана пиджака три фотографии — Мэдоуза, Наваррете и ХаймеВаскера. Бармен поспешно закивал: да, этих господ он хорошо знает, бывают они нечасто. Чаще всего Хесус, вот этот (он показал на майора Наваррете) и этот (на Мэдоуза). Хесус встречается с янки, а тот вот с этим типом (бармен ткнул пальцем в фотографию Васкера). Нет, втроем они никогда не бывали. Зачем? Разве они не?.. — И бармен пухлыми пальцами пошевелил вопросительно и недоуменно.

Солано оставил его недоумение неразрешенным. Он лишь наказал ему помалкивать о разговоре.

Со слов Марселино Агустин знал, что Хентиль Райо выходит на связь непосредственно с резидентом ЦРУ, а уж тот потом с Хесусом Наваррете, шефом НРУ. Рассказ бармена не оставлял сомнений: Мэдоуз — резидент, Васкер — Хентиль Райо.

Бронзовый дверной молоток стукнул раз и другой по крытой пластиком двери с визитной карточкой в металлической рамке: «Хайме Васкер, корреспондент газеты «Меркурио».

— Какой гость! — воскликнул журналист, широким жестом приглашая Агустина.

— Зашел позавидовать, как живут столичные коллеги, — улыбаясь, сказал Солано.

— Завидовать нечему. Садись, — пригласил Васкер и снял с полки бутылку.

Агустин прикрыл стаканчик ладонью:

— Нет, мне кока-колу, если есть. Я за рулем.

Он незаметно опустил руку в карман, пальцы его сжимали холодную рукоятку пистолета...

Уезжать решили сегодня же. По телефону заказали билеты на самолет.

В аэропорт Марселино и Эулалиа отправились на такси.

Агустина Солано они увидели уже на летном поле, когда шли к самолету. Он, конечно, сделал вид, что с ними незнаком.

Он шел, помахивая своими короткими руками, в которых не было ни портфеля, ни свертка. Шел и громко насвистывал «Спящую Антофагасту».

●

Василий ЗАХАРЧЕНКО

ОДНО СОЛНЦЕ НА ВСЕХ

«...Прекрасный мир на плечах лежит, как на граните»

За правду —
поднимались на костры.
Петле
за волю
подставляли шею.
За честь и совесть —
шли под топоры.
Я сам могу на плаху —
за идею!
Но потому
зовемся мы людьми
И солнце наше
потому в зените,
Что этот страшный
и прекрасный мир
На их плечах лежит,
как на граните.

«Кайман Барбудос» — «Бородатый крокодил» — так называется молодежный журнал литературы и искусства, выпускаемый Национальным комитетом Союза молодых коммунистов Кубы.

В свое время молодые защитники революции дали обет не брить бороды до победного дня. «Барбудос» — так звали людей, приносивших освобождение селам и деревням Кубы. Но почему «кайман»? Поэты называли Кубу «зеленой ящерицей», «жемчужным крокодилом»: сверху этот остров действительно несколько похож на яркую рептилию с голубыми глазами. Отсюда и пришло название журнала — задиристое, молодежное, полностью соответствующее его назначению.

Франциско Нова — директор «Бородатого крокодила» — человек темпераментный и понимающий шутку, с улыбкой говорил мне:

Окончание. Начало в № 5—6.

— Мы не новорожденные. Мы живем уже несколько лет, и, пожалуй, ни одно из учреждений Кубы не отражает сегодня так ярко все течения и настроения в искусстве, как наше. Ведь журнал опирается на знаменитую бригаду имени братьев Саис. А руководитель редакции нашего журнала Освальдо Наварро возглавляет эту бригаду, которой удалось стать центром движения молодых литераторов и художников Кубы.

Я вглядываюсь в тонкие черты лица Освальдо, который сидит передо мною. Красивый парень. Чуть застенчивая улыбка и грустноватые глаза. У этого человека нелегкая биография, и она похожа на судьбы многих других поэтов и прозаиков Кубы. Его родители — рубщики тростника, мачетерос. Он и сам с шести лет уже выходил в поле, помогал взрослым. Когда грянула революция, ему было тринадцать лет. В то время он работал учеником парикмахера и сразу решил вступить в народную милицию. Но чтобы стать «милисиано», нужно иметь поручителей, а их не было. Родители никогда бы не дали ему разрешения: «Мы всю жизнь жили тихо, а ты хочешь идти в самое пекло?» Необходимый документ дал дядя Рамон, парикмахер.

В шестнадцать лет с оружием в руках Освальдо принимал участие в операции на Плайя-Хирон. Потом он пришел в университет и учился так же самоотверженно, как воевал. Сегодня Освальдо Наварро — автор многих книг и лауреат многих литературных премий. Вот одно из его стихотворений:

Для того чтобы песню сложить,
Для того чтоб свершить все мечты,
Для того чтобы точное слово найти,
Для того чтоб в борьбе победить,
Для того чтоб любовью ответить
на чувство глубокое,
Для того чтобы, словно наездник,
пришпорить историю.
Для того чтоб не сгинуть бесследно,
без отзвука, —
Вот для чего мне дарована жизнь.

— Почему вы называете себя бригадой? — спрашиваю я Освальдо.

— Это символ, — отвечает он. — Бригада может быть военной, она может быть и рабочей. Молодые писатели хотели подчеркнуть этим словом близость к жизни, к ее трудностям.

— А кто такие братья Саис?

— Их было двое — девятнадцатилетний Луис и Серхио, которому было всего лишь семнадцать лет, когда их обоих зверски убили. Это были юные герои революции, участники «Движения 26 июля», молодые поэты. Они распространяли свои стихи как

листовки, призывающие к борьбе с кровавым диктатором Батистой. В ноябре 1956 года правительство закрыло Гаванский университет, где учился старший из братьев, Луис, и он вернулся в свой городок Сан-Хуан-и-Мартинес. Именно там два отчаянных брата организовали первую в городе народную милицию. Это было неслыханно, невероятно в условиях диктатуры Батисты! Правительство немедленно приказывает уничтожить крамолу, и 13 августа 1957 года братьев убили на улице их родного города...

В память об этих самоотверженных поэтах-героях и была названа бригада, объединившая молодых писателей и художников. Она питает лучшими своими кадрами писательскую организацию, продолжая оставаться зачинщиком и «возмутителем спокойствия» в комсомольской среде.

С огромным интересом я встречаюсь с этими боевыми ребятами, неутомимая энергия которых просто поражает. Организация объединяет свыше пятисот молодых творческих работников Кубы, ее органом и является «Бородатый крокодил», выходящий ежемесячно тиражом 30 000 экземпляров. В состав редакционной коллегии журнала входят выдающиеся писатели Кубы — Николас Гильен, член Центрального Комитета Компартии Кубы Феликс Пита, а также Родригес Рехино Педросо и Луис Суардиас, имена которых известны всем кубинцам.

Мы встретились в редакции журнала с писателями и художниками. Ребята читали свои стихи, показывали совместные издания, репродукции своих картин.

Негр с усиками и острой бородкой — Хесус Коскаусе. Когда-то он был сапожником, продавал газеты. Сегодня он один из организаторов бригады, его книги и песни широко известны на Кубе. Поэт, получивший несколько премий на конкурсах литературы, он очень остро чувствует действительность, хорошо знает жизнь, насущные потребности трудящихся людей.

Карлос Марти, председатель отдела литературы бригады. Лауреат премии Союза писателей Кубы.

Омар Гонсалес, прозаик и поэт. Он возглавляет литературное отделение провинции Гавана.

Офицер вооруженных сил Хосе Эрнандес. Он служит в ракетных частях и одновременно учится на юриста. Его книга рассказов «Следы дороги» повествует о борьбе против бандитов и контрреволюции.

На встрече присутствуют и художники — члены бригады. Вот ставший уже знаменитым Эдуардо Рока — художник и гравер, преподаватель Национальной школы искусств. Товарищи

дали ему, ориентируясь на цвет его кожи, смешное и необидное прозвище Шоколадка.

— Он — надежда нашего изобразительного искусства, — говорили мне в Национальной школе.

Организатор бригады в районе Марианэо Рафаэль Панека, прекрасный график, участник многих конкурсов. Тоже негр.

С нами беседует недавно приехавший из Анголы Эмилио Фернандес де ла Вега.

— Привез новые работы из Африки, — рассказывает Эмилио. — Они сейчас на выставке солидарности с Анголой.

Тоненькая и грациозная преподавательница истории искусств из Национальной школы Беатрис Васкес.

Между нами идет оживленный разговор. Нас расспрашивают об искусстве в Советском Союзе. Мы же интересуемся жизнью этой непривычной для нас творческой организации. Оказывается, она объединяет не только писателей и художников. При бригаде возникла группа драматургов, которая, в свою очередь, организовала секцию театра. Многие подумывают о присоединении молодых деятелей кино и балета. Что же касается музыки — почти во всех провинциях уже созданы музыкальные секции бригады.

— Мы растем в общении с народом, — говорит Эдуардо Рока. — Читаем наши стихи в народе до их опубликования, участвуем в работе «литературных цехов» — это объединения любителей литературы. И если когда-то тиражи наших книг не превышали одной тысячи, сегодня для поэтической книги стал обычным тираж в 20 тысяч. Мы не отвергаем старое. Напротив, мы с особым уважением относимся к работам старшего поколения — Гильена в поэзии и Кабрера в живописи.

Беседа продолжалась довольно долго. Прочитаны стихи, выяснены все вопросы, но нам не хочется расставаться, и мы с радостью принимаем предложение всей компанией поехать на только что открывшуюся выставку солидарности художников Кубы с народом Анголы. Она тоже организована участниками бригады, и ее создатели сопровождают нас.

— Профессионализм для нас не самоцель, — говорит художник Алексис Абреу. — Я, например, продолжаю работать техником-строителем, а Йоланда Сантамария — инспектор начальных школ. Ведь мы не только работники искусства, мы — граждане свободной Кубы. И чтобы создать полотна, достойные нашего народа, мы должны сами трудиться.

Нельсон Домингес — один из самых популярных художников Кубы.

— Если говорить о главной теме творчества молодых сегодня, — рассказывает художник, — это современность Кубы. На полотнах — рабочие сегодняшних предприятий, кубинские крестьяне, солдаты революции. Нам очень хочется передать тот новый дух республики, который родился вместе с новой жизнью. Вот почему мы рисуем заводы и электростанции, автострады и водохранилища — все, что подарила нам новая жизнь. Что же касается формы — здесь мы полностью свободны. А поскольку искусство наше возникло на основе многих национальных искусств — не удивляйтесь пестроте и красочности выставки. Здесь — влияние испанской, африканской и индейской культур.

В разговор вступает Эдуардо Рока.

— Выставка солидарности с Анголой не случайное дело. И не только потому, что прадеды многих из нас были коренными африканцами. Нас роднит с Анголой единство идей, общность борьбы. Мы с оружием в руках завоевывали свою историю — и они сейчас делают то же самое...

Да, эти ребята с успехом продолжают творческий труд своих предшественников. Недаром на протяжении многих лет передовые художники Кубы боролись за создание самобытного, национального искусства, боролись против «цивильного» стиля ввозимого из-за моря искусства колониальных времен. Их называли «бунтарями» — Виктора Мануэля, Эдуардо Авела, Карлоса Энрикеса. В эту группу входил ставший теперь всемирно известным Рене Портокарреро, который до революции работал чистильщиком сапог, но, несмотря на чудовищную нищету, не бросал кисти. Сегодня в пятнадцати музеях мира демонстрируются работы этого выдающегося художника.

События революции отразил на своих полотнах Сервандо Кабрера Морено. Его герои — люди труда.

Говоря о замечательных художниках старшего поколения, нельзя не вспомнить о выдающихся писателях острова Свободы. И конечно, в первую очередь — о Николасе Гильене.

Неоднократно встречался я с ним в Москве на съездах писателей и на конгрессах защитников мира. Николас Гильен — член ЦК Коммунистической партии Кубы, президент Союза писателей и деятелей культуры. Он лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Пожалуй, сегодня это один из самых известнейших поэтов в мире.

Он тонко чувствует веяния времени, очень точно определяет место художника в непрекращающейся битве за свободу и правду. Вот его политическое и литературное кредо:

«Одно из самых трудных сражений — и одновременно одно из самых прекрасных — предстоит выиграть объединенными

усилиями нам, кубинским писателям и художникам. Это сражение за создание социалистической культуры, культуры на благо человека. Она вручит простому человеку все то, в чем ему отказывала колониальная власть в XIX веке, все то, что накопила для себя элита господствующего класса прежнего общества.

Культура, которую нам предстоит создать, должна выразить наш характер и только нам присущий дух. Она научит нас угадывать в корнях, которые кроются в глубинах земли, стремительность и нежность ветвей, достигающих облаков. Она будет изменять наш облик, который был изуродован слепой империалистической системой, основанной на ненависти человека к человеку. Такая культура принесет нам полное освобождение, она вдохновит нас, одарит нас хлебом и розами, заставив забыть все прежние сомнения и страхи».

Мы встречаемся с выдающимся поэтом Латинской Америки в элегантной вилле, которая передана Союзу писателей в первые же дни революции. За чашкой исключительно крепкого гаванского кофе идет неторопливый разговор, прерываемый веселыми анекдотами и пословицами, которые очень любит великий кубинец.

— Вы хотите, чтобы я перевел вам свои стихи? — смеется Николас. — Но перевод как женщина: если он красивый — то неверный, а если верный — то некрасивый. Это, конечно, шутка, но с переводом у нас и вправду сложновато. Недаром говорится, что на Кубе два времени года. Имеются в виду два значения слова «эстасьон». В одном случае это слово переводится как «время года», в другом — как «автобусная станция». Это опять шутка, но уже серьезная, — смеется Гильен. Он отхлебывает глоток кофе и становится совсем строгим. — Вся моя поэзия была и будет посвящена Кубе. Только что я закончил книгу для детей среднего возраста. Это лирика — поэмы и стихи. А вот книжка «По Антильскому морю бродит бумажный кораблик» включает в себя загадки, пословицы, песенки и диалоги. Вся книга написана в национальном ритме танца «Сон». Если хотите, вот несколько шутливых детских загадок из этой книги:

Тысяча солдатиков
Вместе идут на войну.
И все они бросают копья,
Вонзающиеся в землю.

Это о дожде.

Может быть, вам покажется странным,
Но этот нескладный человек
Все бьется головой о стену,
И ему ничуточку не больно.

Это, сами понимаете, молоток, — улыбается Гильен. — Может быть, по-русски это не звучит, но нашим ребятам, во всяком случае, нравится... Впрочем, довольно говорить о себе. Теперь у нас на Кубе очень много молодых интересных поэтов. Я рад за них. Вообще с поэзией у нас в стране неплохо. Слово теперь за прозой. Я убежден: революция дала такой толчок литературе, что надо ждать новых выдающихся произведений. Честное слово, скоро они будут!

Яростные, как торнадо

На пустыре любого городка Кубы, на гаванских сквериках всегда можно увидеть группу ребятишек, играющих в бейсбол. Та же неуемная страсть, что и у наших дворовых футболистов.

У маленьких кубинцев — настоящие кожаные щитки для защиты от тяжелого, из литой резины, мяча. Красочные шлемы и перчатка-ловушка на левую руку. Пусть все сделано самими игроками, но все — по форме, как у больших...

Соревнование «больших» я видел в Гаване на стадионе «Латиноамерикано», специально построенном для любимой игры кубинцев — бейсбола. Зеленая площадка размечена в виде распахнутого веера. Точно отмечены места расположения игроков. Все линии сведены в одну точку — туда, где с тяжелой битой стоит игрок, бьющий по мячу. Обычно это самый сильный из членов команды. За ним стоит второй игрок. Он весь покрыт защитными кожаными щитками. На голове пластмассовая каска. На лице прочная сетка. В левой руке сложная ловушка — причудливое сочетание кожаной перчатки с миниатюрным ковшом экскаватора. Специальные наколенники, особая обувь.

Сзади, почти вплотную за ним, своеобразный оруженосец с большим и мягким, как спинка кресла, щитом. Он подстраховывает возможные промахи своего товарища.

Тяжелый литой мяч, отскакивая от стремительной биты, летит в поле. Здесь его ловят игроки. Поймав мяч, игрок изо всех сил кидает его в закованного щитками обладателя ловушки. Тяжелый мяч летит как камень, пущенный катапультой. И если ловящий промахнется — ему несдобровать.

Традиционно красочна форма игроков, расположившихся по полю в строгом порядке. На голове каскетка с козырьком. Разноцветные майки с короткими рукавами и замысловатыми эмблемами спортивных клубов. Светлые брючки до колен, в обтяжку, и какие-то странные гетры-носки. Они доходят до колен, а снизу заканчиваются длинными — сантиметров 30 — штрип-

ками. На ногах специальные ботинки с острыми пластинками на подошвах: бросив мяч в ловящего, игрок должен пробежать довольно большое расстояние — здесь нужна особая обувь.

Непосвященный, я с трудом понимаю сложный ход этой игры, слегка, правда, напоминающей русскую лапту...

Сегодня на стадионе «Латиноамерикано» играют знаменитые команды: «Ориенте» — они в белом, и «Индустриалес» — в черном.

По тому, как реагирует до предела заполненный болельщиками стадион, по тому, как ревут и содрогаются трибуны, а свист перемежается с топотом бесчисленных ног, видно, что игра ответственная, исход ее важен для обеих команд и, уж конечно, для болельщиков.

Почти как у нас на хоккее.

Говоря откровенно, как старый болельщик хоккея, я вижу больше свободы и динамики, больше стремительности на белоснежном льду, чем здесь на траве.

Но, видимо, каждому свое. Удары гиганта с палицей публика встречает аплодисментами. Глухой звук мяча, попавшего в ловушку, вызывает неистовый восторг.

— Еще бы, ну-ка поймай летящий метеорит! — восторженно кричит мне сосед, большой знаток этой азартной игры.

Осведомленность соседа очень помогает мне. Немедленно я узнаю, что каждая провинция Кубы имеет свою команду, и только для Гаваны сделано исключение — у нее две команды: «Индустриалес» и «Гавана». Именно эти команды занимают два первых места в стране. За ними «Ориенте», «Камагуэй», «Лас-Вильяс», «Пинар-дель-Рио» и, наконец, «Матансас».

От своего соседа я узнаю, что бейсбол самый любимый спорт не только Кубы, но и всей Латинской Америки. Но, что интересно, на латиноамериканском чемпионате по бейсболу сборная Кубы заняла первое место. На втором — Соединенные Штаты...

— Не думайте, что это случайно, — с гордостью говорит собеседник. — На Центральноамериканских играх мы тоже заняли первое место. За нами — Мексика и Пуэрто-Рико.

Когда в перерыве рядом со мною проходят известнейшие чемпионы, я узнаю об этом только благодаря комментариям собеседника, и гляжу на них с уважением. Надо же с таким достоинством выигрывать — как будто ничего не произошло. Сколько спокойствия и выдержки на лицах. Надо же с таким благородством проигрывать — лица игроков «Ориенте» тоже невозмутимы.

Еще одна страсть кубинцев — родео. Это не только спорт, это праздник — с шутками, солнечными улыбками красавиц, сме-

лыми выдумками клоунов. Это удивительное представление длится часами. Родео — это бескровное состязание человека с животным. Это не испанская коррида, во время которой матадор под крики распаленной толпы должен заколоть шпагой обезумевшее, но практически беззащитное животное. Нет, здесь никого не убивают. Но родео дает возможность полюбоваться силой и ловкостью молодых парней и девушек, принимающих участие в этом подлинно национальном празднике.

Родео открывает национальная амазонка. Ее выбирают на весь год. Самую ловкую всадницу, самую красивую девушку, в которой сочетаются сила и красота. Нам повезло — родео открывала знаменитая Мерседес Барджоло.

Мерседес — стройная, длинноногая красавица в кокетливых сапожках с высокими каблучками. Черная бархатная широкополая шляпа оттеняет ее лицо и белизну зубов, открытых обаятельной улыбкой. На ней клетчатая ковбойка — национальная одежда отважных всадников-пастухов Южной Америки. Глядишь и невольно думаешь: такая и вправду «коня на скаку остановит»...

Обязанность Мерседес — открывать на протяжении года все родео республики. И делает она это с непередаваемым обаянием и грацией.

Вот она на белом коне с кубинским знаменем в руках. Пятиконечная звезда на красном треугольнике, бело-голубые волны развевающегося флага.

Национальная амазонка в окружении подруг. Деревенские девушки ловко и кокетливо сидят на быстроногих конях.

Стройная и сложная мозаика конной перестройки во время парада. Парни-ковбои рядом с элегантными амазонками. Непрерывная смена ритмов и геометрически правильных конфигураций. Официальный парад заканчивается. Перед гордым строем амазонок медленно проходят черные, бронзовые и смуглые ковбои, отвешивая почтительный поклон красавицам.

Вот здесь и начинается главное.

На зеленое поле галопом вылетает молодой бычок. Ковбой должен на полном скаку набросить на шею бычка лассо и остановить его. Бычок не знает, чего от него хотят. Он, например, может вдруг повернуть обратно. И тогда всадник под насмешливый гул толпы проскакивает мимо, теряя самое главное — драгоценные секунды. Ведь поймать животное нужно за самое короткое время!

Но вот упругое лассо захлестнуло шею бычка. Всадник срывается с седла и быстро связывает ноги поверженного животного. Деревенский стадион неистовствует. В небо летят шляпы.

Машут платками, газетами, бьют в металлические тарелки, трубят в трубы или просто громко кричат в честь победителя.

Второе упражнение посложней. И бычки не те — это уже трехлетки, они более опытны и осторожны. Вот он вылетел из загона. С обеих сторон к нему пристраиваются два всадника. Один из них отваливает в сторону, и тогда второй на сумасшедшем аллюре словно выстреливает себя из седла и летит по воздуху. У него на голове для страховки мотоциклетный шлем из пластмассы. Он должен почти на лету схватить животное за рога, повалить его и мгновенно связать ему ноги. Бык летит со скоростью курьерского поезда. Его рога пригнуты к земле. А ну, промахнешься... Что тогда?

Но нет... Товарищи не подведут. Вот именно здесь и необходимы всадники-клоуны. Их задача — не только развлекать публику, откалывая номера, за смешной небрежностью которых скрывается, кстати, подлинное мастерство. Они обязаны отвлечь разъяренного бычка от распростертого на земле ковбоя, если тот промахнулся. И делают они это с большим умением и непосредственностью — не подумаешь даже, что все математически точно рассчитано.

Но все идет удачно. Взмыленный бычок лежит на траве. Торжествующий победитель мгновенно завязывает сыромятный ремень на его ногах. Придирчивое жюри отсчитывает секунды.

Тут меня поневоле охватывает радостное чувство. Как хорошо, что все живы, и как хорошо, что победитель тут же развязывает ноги животному, как бы смягчая позор его поражения. Как хорошо, что эта демонстрация молодой, неуемной силы сочетается с неподдельным, естественным благородством.

И только смешная надпись на спине клоуна «Мама, это я...» вновь возвращает нас в мир улыбок и деликатной подначки.

А теперь главный номер родео — скачка на диком быке.

Это надо видеть. Лишь небольшой обрывок веревки опоясывает шею животного. У быков гривы нет, за что-то же надо держаться? Одной рукою всадник стискивает веревку, а другой балансирует, непроизвольно разрубая ладонью раскаленный тропический воздух.

Я никогда и не предполагал, что бык столь агрессивен к седоку. Он выделывает такие броски, что кажется порою, вот-вот начнет ходить на одних передних ногах.

Участь всадника известна — он все равно окажется на земле. Во всей истории родео не бывало, чтобы кто-то мог до конца удержаться на потной спине разгневанного животного. Все дело в секундах... Сколько времени он продержится: три секунды

или тринадцать? Побеждает тот, кто продержится дольше остальных.

Сколько глаз наблюдает за всадником! И особенно вон те, черные как ночь глубокие глаза, взволнованно следящие из-под густых ресниц за любимым человеком...

Адовы скачки... Рев толпы... Радость победы и неловкость поражения...

Празднество заканчивается опять вольтижировкой амазонок вокруг пустых бочек из-под горючего, расставленных по зелени деревенского стадиона. И опять думается: какая же все-таки красота заключена в родео! В нем — прелесть победы не только над распаленным животным, но и, главное, над собственным страхом и неловкостью.

Бейсбол и родео — национальные виды спорта на Кубе. О них многое известно, ими, в общем-то, никого уже не удивишь. Но что поражает сегодня весь мир — это успехи молодой республики в классических, олимпийских видах спорта.

Здесь тоже взрыв — неожиданный взрыв успеха. Над этим ломают голову крупнейшие специалисты спорта, пытаясь разгадать, в чем секрет достижений кубинских спортсменов. А секрета, по существу, и нет. Освобожденный народ нашел достойное применение своим страстям и увлечениям. Отсюда и спортивные успехи.

Олимпийский чемпион, боксер тяжелого веса Теофило Стивенсон в период пребывания Леонида Ильича Брежнева на Кубе от имени кубинских спортсменов передал ему горящий факел. Лучшие спортсмены республики пронесли этот огонь по всему трагическому и прекрасному пути патриотов, штурмовавших казарму Монкада, подчеркнув тем самым живую связь кубинского спорта с победой революции.

Я видел, как побеждал на ринге этот чернокожий атлет: сколько было в нем спокойствия и достоинства. Но я видел и то, как он терпел поражения. Спокойствие и достоинство не оставляли его.

— Когда в четырнадцатилетнем возрасте, — рассказывает он, — я начал заниматься боксом, я не был очень сильным, и это даже хорошо. Настоящий боец не должен рассчитывать только на силу. Он должен овладеть секретами тактики, тайнами техники. Он должен обладать остротой взгляда и остротой ума, чтобы суметь отразить напор более сильного противника, должен уметь скрыть подступающую порой слабость. Ну а сила, она все равно придет с годами, как пришла ко мне.

Какие символические слова. Ведь именно так отстаивала свою свободу и независимость борющаяся Куба. У нее еще не было

достаточно силы в первые годы своего существования. Но она сумела тонко и четко рассчитать свою тактику с тем, чтобы оградить в десятки раз более сильного противника. А сейчас в мускулах страны зреет и нарастает новая мощь подлинного бойца.

На аэродроме мы встретились с мировым рекордсменом, штангистом Роберто Уррутиа. Этот удивительно пропорционально сложенный легковес поразил нас своей живостью и приветливостью. Чемпион Панамериканских игр, он учится сегодня в спортивной школе на последнем, четвертом, курсе. В будущем году он намеревается поступить в университет — мечтает стать металлургом.

Тренер чемпиона, Рамон Мариель, рассказал о нем маленькую и поучительную историю. В прошлом году на ответственных соревнованиях Роберто шел на взятие мирового рекорда. Он уже поднял вес на вытянутых руках, осталось зафиксировать штангу. Но вдруг у Роберто подкосились ноги, и он упал на колени перед зрителями, продолжая держать штангу на вытянутых руках. Зрительный зал неистовствовал. Болельщики уже не сомневались, что присутствуют при рождении нового мирового рекорда. А Роберто, стоя на коленях, со слезами на глазах повторял: «Ну что я могу сделать... Ну что я могу сделать...»

Через несколько дней он все-таки установил в рывке новый мировой рекорд!

В просторных холлах гостиницы «Гавана Либре» мы встретились с гордостью Кубы — лучшими ее спортсменами. Конечно, мы не ставили своей целью разгадать тайну фантастического успеха наших друзей. Нам просто хотелось посмотреть в лицо этим смелым и мужественным людям. Перед нами сидели очаровательные в своей застенчивости Маргарита Родригес — чемпионка по рапире, Хосе Рамо — чемпион по вольной борьбе, Роберто Манендес — прославленный велосипедист, Эктор Родригес — чемпион по дзю-до, и темный мулат Франсиско Рейносо — капитан футбольной команды Кубы.

Секретарь Олимпийского комитета Хосе Инорис рассказывает нам о становлении кубинского спорта. Иногда его дополняет представитель руководства сборных команд страны Анхель Канисарес и сотрудник отдела спортивной работы Национального комитета СМКК Освальдо Эрнандес. Краткое содержание беседы свелось к следующему. До революции национальный спорт в стране был полностью парализован. Потому перед спортивными работниками была поставлена трудная задача — развитие массового спорта, а не спортивных увлечений привилегиро-

ванного меньшинства. Когда через несколько лет после победы революции был создан Институт спорта, физической культуры и отдыха, дело пошло на лад. Появились первые спортивные ассоциации и федерации. И люди стали увлеченно заниматься спортом. Народ хлынул на стадионы — на Кубе туда вход бесплатный. Люди заполнили спортивные площадки — здесь опытные инструкторы помогали освоить любой вид спорта.

И в 1962 году кубинские спортсмены приняли участие в Центральноамериканских играх на Ямайке. Успехи были скромными. Но уже через четыре года кубинские спортсмены смело разрывают блокаду спортивных организаций США и выступают в играх в Пуэрто-Рико. Здесь Куба одерживает командную победу среди 19 стран-участниц.

— Это было неожиданно для всех и радостно для нас, — замечает Хосе Инорис.

Победу Куба повторила в 1970 году в Панаме, а в 1974 году — в Сан-Доминго.

Тот же качественный скачок отразился и в результатах Панамериканских игр. Они проходили с интервалом в четыре года последовательно в США, Бразилии, Канаде, Колумбии, Мексике. Успехи свободной Кубы диаметрально изменили положение в спорте всего западного полушария. Теперь США не всегда могут демонстрировать свое превосходство. А это важно не только для Кубы, но и для других стран Америки.

— Мы высоко ценим, — говорит Анхель Канисарес, — ту огромную помощь, которую оказали нам тренеры, приехавшие на Кубу из социалистических стран, и, конечно, в первую очередь из Советского Союза. Их работа сразу сказалась на результатах. На Олимпиаде в Токио наш спринтер Энрике Фигерола получил серебряную медаль. А через четыре года в Мексике мы уже получили не одну, а четыре серебряные медали — за бокс и эстафеты. Последующие Олимпийские игры принесли нам еще более значительные успехи. Наша команда заняла четырнадцатое место в 1972 году, опередив такое «спортивное» государство, как Франция. Сегодня мы хорошо выступаем по многим видам спорта: боксу, легкой атлетике, баскетболу, волейболу, дзю-до, стрельбе, фехтованию.

Нам хотелось бы особо поблагодарить наших советских тренеров: Игоря Червоненко — бокс, Леонида Щербакова — легкая атлетика, Игоря Исакова — фехтование, Сергея Рыбалко — борьба и Алексея Борисова — велогонки. Передайте им большое спасибо. Они дали первый толчок в развитии кубинского спорта. И мы не подведем наших учителей.

«Куба, как ты красива, Куба!»

Поет Анхела Гонсалес. Она сидит на стуле лицом к свету и поет задушевным, по-детски нежным голосом.

А за окном беснуется, грохочет могучий тропический ливень. Пальмовые листья под одержимым душем дождя склоняются вниз. Вода бежит по листьям, по стволам, крупные капли дождя танцуют на дорожках.

Как здорово сказал об этом дожде Владимир Маяковский, застигнутый тропическим ливнем в Гаване: «Полил дождь, никогда не виданный мной тропический дождина. Что такое дождь? Это воздух с прослойкой воды. Дождь тропический — это сплошная вода с прослойкой воздуха».

А Анхела поет нам — советским гостям, приехавшим на предприятие по производству овощей и фруктов в район Аригуанбо. Нет, она не профессиональная певица, эта смуглая красавица. По профессии она статистик сельскохозяйственного предприятия, выпускающего фрукты и овощи. Она поет потому, что не может не петь. И голос, вдохновенный и чистый, говорит об искренности ее чувств:

Приди в мой дом.
Ты видишь, как я жду тебя.
Ты знаешь, только раз один
Душа отдается песне.
Ты слышишь — как я жду тебя.
Ведь только раз один
Душа отдается тебе.

— Это старинная кубинская песня, — тихо шепчет мне на ухо председатель предприятия Магдалено Семчевбертрай. — Ее вы часто можете услышать в нашем краю. Обычно эту песню поют девушки своим любимым.

И Магдалено начинает тихо подпевать, подстраиваясь под ненавязчивый, легкий аккомпанемент гитары.

Но вот меняется песня. Новая мелодия — строже, четче, и слова этой песни адресованы уже не одному человеку, а всему народу:

Куба, как ты красива, Куба!
Кто посмел говорить,
Что не красива ты?
Пройди по этой земле,
Посмотри на звезды над головой,
Посмотри в это небо,
На горы взгляни —

Где ты видел красивее?..
Куба, как ты красива, Куба,
Кто защищает тебя,
Тот не может тебя не любить.

Магдалено вновь склоняется ко мне:

— У нас каждый знает эту песню. Так поют о родине только сегодня. И слова эти невозможно забыть нигде на чужбине...

И вновь звучит голос Анхелы. Я гляжу на ее тонкий силуэт, раскачивающийся в такт с удивительной мелодией, и думаю о том, какая сила скрыта в этой песне. Не нужно ни слов, ни пояснений. Это поет нежная и суровая душа женщины Кубы. Поет для любимого, поет для родины. Пусть беснуется непогода. Так же бесновались и враги республики. Но женщины Кубы сумели пронести сквозь бури свою чистоту и нежность.

Кто она, эта Анхела Гонсалес? Экономист, счетовод сельскохозяйственного коллектива. Кто учил ее петь? Да никто. Она сама пришла к песне. Она — частица страны. Маленький кусочек ее поразительной природы. И, пожалуй, еще одно — Анхела член коллектива тружеников, создающих здесь новую жизнь.

Рассказывает Оскар Мартин — первый секретарь СМКК Ариуанбо.

— Мы с вами в центре сельскохозяйственного района, который славится на всю Кубу фруктами. Здесь растут известные вам бананы и апельсины, ананасы и лимоны. Зреют здесь и другие фрукты, о которых вы знаете, пожалуй, лишь понаслышке. Гуайаба — плод с удивительно яркой, красивой корочкой. Мамей — фрукт словно в коричневом чехле, сочный, с малинового цвета мякотью, обладающий удивительным запахом. Наконец, авокадо — он славится на весь земной шар своим неповторимым вкусом. Последнее время мы разводим в районе совершенно новое для нас растение — клубнику. Ее завезли на Кубу сравнительно недавно, и она всем пришлась по вкусу.

— Кто же работает на вашем предприятии?

— Ученики четырех школ района — в каждой свыше пятисот человек. Это большая сила, ведь ребята ежедневно выходят в поле. Ну, и кроме того, сотня рабочих. Наше предприятие неплохо механизировано. За последнее время мы получили шестьдесят три колесных трактора из Советского Союза.

Мы беседуем тихо, чтобы не помешать Анхеле. Гитарист с чер-

ными как маслины глазами сосредоточенно касается струн. Он не играет — он почти священнодействует, как и все гитаристы на Кубе.

Нигде не видел я такого уважительного отношения к инструменту, как здесь. И когда вспоминаешь порой затасканную гитару в туристском походе и небрежные пальцы юнца, который под бойкий речитатив может извлечь из нее лишь пару нераскрывшихся звуков, становится обидно за инструмент. Гитара на Кубе — это друг и товарищ. Это частица души народной.

Поет Анхела Гонсалес, и я вспоминаю прекрасных женщин Кубы, с которыми успел встретиться за недолгие дни пребывания на острове.

Я вспоминаю Аду Отеро, руководителя отдела пропаганды города Нуэв Херона. Она рассказывала о том, как совсем еще девочкой принимала участие в кампании по ликвидации неграмотности.

— Я сама из Гаваны. Я просила направить меня в самые отдаленные места, где вообще никогда не было школ. И вот я, сама школьница, попала в крестьянскую семью, где жила и работала вместе с хозяевами. Мне, городской девушке, было трудно и непривычно работать в поле. Только вечерами и ночью учила я грамоте всю семью, четырех человек, ставших мне родными: отца, мать и двух ребят. Учебники, карандаши и бумагу я привезла с собой.

Пожилой отец научился читать довольно быстро. С его женой было потруднее — ей не давалось письмо. Руки, привыкшие к тяжелому труду, никак не могли держать карандаш и выводить буквы и цифры. Но я горжусь тем, что и они, простые крестьяне, все-таки научились читать и писать за восемь месяцев нашей совместной жизни.

Мне было всего лишь одиннадцать лет, — продолжает Ада, — но я учила этих пожилых людей, как одеваться, как разговаривать, как вести себя на людях и дома. Их дети с исключительным вниманием не только выслушивали меня, но и делали то, что я им советовала. Теперь я с глубочайшей благодарностью вспоминаю суровую честность моих учеников, которые во многом стали моими учителями на всю жизнь...

Вот судьба еще одной женщины. Ее зовут Роса Елена Симон. Ей тридцать два года. Сегодня это средний возраст кубинских ученых. А она — кандидат наук.

В свои годы Роса сделала очень много. Несколько лет она занималась диагностикой мало изученной болезни — африканской

лихорадки у животных. Ей удалось открыть причины болезни и наметить пути излечения. Недавно Роса награждена за свои успехи почетной медалью. Она не только руководит исследованиями в области сельского хозяйства в Национальном центре научных исследований, но и является председателем научного совета.

С Мерседес Барджоло, о которой уже упоминалось, судьба свела меня на крохотном деревенском стадионе.

— Я очень люблю лошадей и скачки, — говорит она. — Но, пожалуй, еще больше привлекает меня работа с детьми. Отец недоволен, что я все свободное время отдаю родео, но я чувствую, что втайне он гордится мною. Если он только может — обязательно примчится на любое родео, где я выступаю.

У Мерседес смуглое обаятельное лицо, живой взгляд. На голове — экзотическая широкополая шляпа, на сапожках шпоры — такие, какие носят только в Латинской Америке.

Трагично сложилась судьба еще одной моей знакомой, чемпионки Панамериканских спортивных игр. Рослая и сильная, Маргарита Родригес с детства любила спорт, специализировалась в фехтовании. Она сразу зарекомендовала себя исключительной спортсменкой.

От соревнования к соревнованию росло мастерство Маргариты. Ее целеустремленность была поразительной. Однажды был такой случай: на двадцатый день после рождения дочери она вылетела в Америку, чтобы принять участие в Панамериканских спортивных играх.

— Безрассудно, — заговорили одни.

— Немыслимо, — вторили другие.

А Маргарита, собрав силы, выиграла все схватки и заняла первое место.

Мы сидели в холле гостиницы «Гавана Либре» и разговаривали о ее приезде в ближайшее время в Советский Союз. Она давно мечтала побывать в нашей стране...

Но жестокая судьба решила иначе. Самолет, на котором группа кубинских спортсменов возвращалась с соревнований из Латинской Америки, взорвался в воздухе. Кто-то, ненавидевший Кубу и ее замечательных людей, подложил взрывчатку в самолет. Все пассажиры погибли. И среди них Маргарита Родригес — смуглая красавица с обворожительной улыбкой. Она была гордостью молодой республики. Она была женщиной, матерью...

Праздник матери совпадает на Кубе с нашим Днем Победы — 9 Мая. Я застал этот праздник на острове Пинос. Был

солнечный день. На открытой площадке, возле гостиницы «Остров сокровищ», некогда построенной для развлечения американских туристов, шумно и весело. Собрались не только приезжие, но и весь обслуживающий персонал: рабочие, администраторы, уборщицы, повара. Приехали гости из соседних селений.

Под развесистой пальмой толстый повар медленно крутил на вертеле зарумянившуюся тушку поросенка. Невдалеке, на большом столе, были сложены пирамидами манго и бананы, ананасы и красиво нарезанные арбузы.

Секретарь местной профсоюзной организации — рослый негр в безукоризненном парадном костюме приглашал заслуженных матерей подходить к столу, окруженному толпою зрителей. Происходила раздача подарков. Матери подходили медленно и степенно. Секретарь профсоюза, обращаясь к ним, произносил короткую речь, отмечая заслуги и достоинства каждой. Первыми получали подарки матери, чьи сыновья сражались в Анголе, помогая своим африканским братьям бороться за свободу.

Торжественно вручив подарки матерям, профсоюзный организатор от имени первого секретаря муниципального комитета Коммунистической партии Кубы острова Пинос еще раз поблагодарил женщин за то, что они воспитали таких сыновей. Когда официальная церемония закончилась, все подошли к столу с фруктами. Сюда же принесли разрезанного на куски поросенка. Начался пир... Так же серьезно и торжественно раздавали мясо и фрукты всем, кто подходил к столу.

Я смотрел на эту церемонию и вспоминал недавно услышанную мною историю, которую мне рассказали в Гаване.

У одной женщины погибли двое сыновей.

Фидель Кастро решил сам сообщить осиротевшей женщине о ее горе.

Она молча выслушала его, а потом тихо сказала:

— Ничто не может помочь моему горю, я это знаю... Но у меня остался еще один сын. И если он нужен Кубе — возьмите его...

Несколько лет тому назад один советский журналист, приехавший на Кубу, встретился с Росарио Гарсиа де Паис, матерью знаменитого кубинского революционера Франка Паиса. В годы борьбы за освобождение острова Франк был ответственным за снабжение оружием партизан и повстанцев, сражавшихся в горах против войск Батисты. Он был убит полицией. Журналист рассказал матери о судьбе русской женщины — матери Зои и Шуры Космодемьянских.

Мать кубинского революционера обратилась к матери советских героев с открытым письмом. Я хочу привести отрывки из этого письма, говорящего о почти невероятной общности судеб женщин разных полушарий: «У нас с мужем восемь лет не было детей. Мне очень хотелось ребенка, я молилась и просила помощи у бога. Через восемь лет он дал мне дитя. Когда моя падчерица подбежала к отцу и сказала: «Папа, мальчик», — он заплакал. Мы назвали сына Франком. Через два года у нас родился Аугусто, еще через два года — Хесус. Когда Франку исполнилось пять лет, отец моих детишек умер.

Вы мать, Вы понимаете, что такое вырастить троих детей без мужа. Нет любви большей, чем любовь матери к детям. Я любила всех троих. Но все-таки Франка — чуть больше. Ведь мы его так ждали с мужем.

Они росли хорошими мальчиками. Тогда я не знала, что Франк стал участником «Движения 26 июля». Он не говорил мне, боялся тревожить...

...Тридцатого июня 1957 года убили моего Хесуса. На него и его друзей напали солдаты Батисты. У мальчиков было оружие, они защищались...

В то время уже существовал приказ — убить и Франка. Я хотела спасти своих детей. Я пошла и попросила испанского консула, чтобы он принял меня и моих двух оставшихся сыновей в испанское подданство. Консул направился со мной в полицейский участок. Вдруг вбежал солдат и закричал:

«Убили Франка Паиса!»

Я думала, быть может, это провокация... Я только сказала:

— Покажите, где лежит убитый, возможно, я знаю его...

Меня отвели туда. Это был он, мой Франк...

...Я пишу Вам, потому что сеньор журналист рассказал мне о Ваших детях. И Ваша судьба показалась мне очень похожей на мою. У Вас погибли дочь и сын, у меня — тоже двое. Шура погиб с оружием в руках, как Хесус, Зоя — безоружной, как Франк.

У меня остался один сын — Аугусто. Он для меня все, в нем — его братья и мой муж. Но если революции понадобится жизнь и третьего моего сына, я скажу Аугусто: иди и отдай свою жизнь.

Дорогая сеньора, я не знаю вас, но мне кажется, вы думаете так же, как я... Потому что, если дети погибли не зря, мать может только гордиться. Мне очень хотелось бы с вами встретиться... Может быть, это случится когда-нибудь. Мы бы поговорили о многом, и может быть, поплакали бы вместе...»

Будем как Че!

Цветут оливы.
Боже, как цветут!..
Какое сумасшедшее цветенье!
И сердце задыхается в смятенье —
Цветут оливы.
                    Только тут
Цветут
        вразлет
                гаванские оливы.
Я думаю о родине моей
Здесь, на холме, в районе Регла,
Где друг кубинский повествует бегло
Почти легенду —
                    нет ее сильней.
— Давно то было, —
                        говорит кубинец. —
Еще отец рассказывал о том,
Как ранним утром
                        на безвестный холм
Росток оливы привезли в кабине.
Отец торжественно, неторопливо,
Как знамя нес заветную оливу
К тем,
        кто сошлись сюда
                            со всех сторон
На горе небывалых похорон.
В день смерти Ленина
                        оливу без усилий
В распахнутую землю опустили.
И каждый, скорбью угнетенный гость,
Родной земли на корни бросил горсть.
И даже полицейские не знали
К чему оно — такое торжество.
«Холм Ленина» — возвышенность назвали
Кубинцы в честь бессмертия его...

— Пионеры, за коммунизм!

— Будем как Че!

Этот призыв-приветствие является официальным на Кубе для всех пионеров.

Будем как Че!.. В пионерлагере имени Хосе Марти, куда приезжают ребята на пятнадцатидневный отдых со всех концов Кубы, есть уникальный музей. Он посвящен великому борцу за свободу Кубы Че Геваре — ближайшему соратнику Фиделя Кастро. В небольшой вилле, принадлежавшей раньше какому-то богатею, находился после революции на излечении Че. Вот почему этот дом пионеры и выбрали для музея выдающегося борца за свободу Кубы.

14 июня 1908 года в Аргентине, в городе Росарио, в семье Гевара родился сын. С детства ребенок сильно болел, ему было трудно ходить в школу. Я гляжу на семейные фотографии тех далеких дней, развешанные в залах музея. Че в футбольной команде. Вот он альпинист, где-то высоко в горах. Вот он в шалаше, вероятно, во время туристского похода...

Он был врачом по специальности, и в 1954 году в далекой Гватемале впервые познакомился с кубинцами. Через год Рауль Кастро, которому представили Гевару, познакомил его с Фиделем. Это было в Мексике, куда вынужден был уехать вождь кубинской революции.

Фидель и Эрнесто быстро сошлись и поняли друг друга. Общие стремления к свободе сближали их. Так Че Гевара стал участником бессмертного рейда «Гранмы» и высадки горстки повстанцев в районе Ориенте.

Фотографии тех времен. Партизанская жизнь руководителей восстания. Вот партизаны-бородачи: Гевара вместе с Фиделем, Камило и Альмейдой. Вот еще снимок — выступление Че Гевары перед крестьянами и рабочими. Несколько фото, случайно сделанных корреспондентом во время уничтожения десанта наемников на Плайя-Хирон.

И, наконец, снимок, который особенно привлек мое внимание.

Уже будучи министром промышленности Кубы, Че Гевара в свободные часы продолжал работать на заводах и стройках в качестве простого рабочего. Именно тогда сказал он свои замечательные слова: «Когда мы будем работать для народа, мы будем знать и чувствовать, что Хосе Марти — жив».

Че Гевара не успокоился на достигнутом, решил продолжать революционную борьбу в другой стране, уехал сражаться в Боливию. С волнением читаю я последнее письмо Че Гевары, обращенное к кубинскому народу и Фиделю Кастро: «Как революционер, я выполнил свой долг — вот почему я еду в Латинскую Америку, чтобы продолжать свое дело...»

На Кубе живут его родители. У Че пять детей. Но он уехал в Боливию, чтобы там вместе с товарищами бороться за свободу и продолжать дело революции. «Это время огня — надо во всем мире видеть Свет», — писал Че Гевара, ставший партизаном в боливийских джунглях.

Там он и погиб вместе с боливийскими и аргентинскими товарищами по борьбе. Существует версия, что якобы у мертвого Че Гевары каратели отрубили руки, чтобы по отпечаткам пальцев доказать, что убит именно он, опасный бунтарь и революционер. Тоненькая смуглая девочка-пионерка, которая во-

дит нас по залам необыкновенного музея, кажется, знает все про Че. Совсем по-взрослому она объясняет мне:

— Че погиб, но сегодня во всем мире люди берут в руки оружие, чтобы бороться за независимость.

Да, эти руки не зря держали оружие в борьбе за независимость Кубы. Они боролись за полное освобождение Латинской Америки. Руки Гевары...

Музей вплотную примыкает к пионерскому лагерю имени Хосе Марти. Здесь круглый год шумно и весело. Кубинский «Артек» — так называют этот лагерь.

— В прошлом году здесь отдохнуло 5 тысяч пионеров, — рассказывают мне. — А в этом году уже десять тысяч... Ребята приезжают вместе со своими учителями. В каждом домике поселяется 30—40 человек. Они сами обслуживают себя. Завтракают и обедают в столовой. Посещают спортгородок, учатся плавать в бассейнах. В конце каждой смены устраивается небольшой фестиваль — красочный карнавал детей.

Можно представить себе, что будет здесь — в одном из крупнейших пионерских лагерей Кубы — в дни XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Ведь именно здесь будет проходить интернациональная встреча детей всех стран мира.

— Мы ждем и готовимся, — с улыбкой говорят ребята.

Пионерский лагерь имени Камило Сьенфуэгоса устроен совсем по-другому. Это специальное учреждение, которое создано для того, чтобы помочь ребятам с детских лет выбрать себе профессию. Отличная идея. Ведь очень часто в жизни случается, что человек начинает задумываться о том, кем ему стать, лишь тогда, когда ему почти не остается времени для выбора.

Директор лагеря Франсиско Лопес Домингес рассказывает о том, почему этот лагерь назван именем выдающегося революционера, майора повстанческих войск Камило Сьенфуэгоса.

— Он очень любил детей, — рассказывает Франсиско. — Сегодня пионеры изучают его жизнь, открывая новые и новые страницы. Сейчас, когда в городе возводится памятник Сьенфуэгосу, мы опять вспоминаем трагическую его гибель. Ликвидировав контрреволюционный мятеж в Камагуэе, а было это в октябре 1959 года, Камило вылетел из Гаваны на остров Пинос. Но его самолет исчез...

По приказу Фиделя вся страна искала самолет Камило. Все транспортные средства, гражданская авиация, катера и рыбацкие шхуны были направлены на поиски. Но безрезультатно. Видимо, самолет попал в бурю и затонул где-то в морских просторах. С тех пор имя Камило Сьенфуэгоса стало для нас свя-

щенным символом, — заканчивает свое повествование Домингес. — Это знаменательно, что его именем назвали наш лагерь.

— Как же построена работа вашего лагеря? — спрашиваю я. — Подсказать ребенку, чем ему предстоит заниматься, когда он станет взрослым, дело нелегкое...

— Еще бы! — соглашается директор. — Мы считаем, что главное для ребенка — это наглядность. Не слова, не разговоры, а конкретное дело. Наш лагерь рассчитан на двести мест. Имеется двадцать пять кружков, специализированных по пяти группам. Сельхозгруппа, промышленная, техническая, группа изучения искусства, военная группа.

Кроме того, существует отдельно так называемая группа солидарности. В ней несколько кружков по связям с различными странами Латинской Америки, Африки, Европы и Азии. Цель этой последней группы — наладить переписку с детьми других государств, изучать эти страны. Это развивает у детей чувство пролетарского интернационализма.

Ребята приезжают в лагерь из всех провинций. Обычно с преподавателем, сроком на неделю. С восьми лет начинается эта важнейшая в воспитании ребенка работа. Зачем ждать, когда мальчишка станет подростком, — вкус к профессии надо привить с детства. Вот почему лагерь оборудован самыми различными пособиями, экспонатами, машинами, которые можно потрогать руками, а не только увидеть издалека.

Взять к примеру сельскохозяйственную группу. Здесь ребята сами учатся водить трактора. В их руках все существующие сельскохозяйственные машины. И не на рисунках — подлинные. Ребята овладевают механической дойкой коров, выезжают на фермы, встречаются с рабочими.

Промышленная группа тоже оснащена наглядными пособиями. У нас есть отличные макеты сахарных заводов, где воспроизводятся даже технологические процессы. Ребята знакомятся с мельницами, дробилками. Они могут поработать и в настоящей лаборатории, где производятся анализы сырья и готовой продукции. И так по всем группам.

Но для того чтобы ребенок «зацепился» за какой-то кружок, если он еще ни на чем не остановил своего внимания, ему надо показать как можно больше из того, что мы имеем. Мы так и делаем. После первого осмотра и знакомства с экспонатами ребята сами выбирают то, что им нравится. Естественно, мы свободно переводим школьников по их желанию из одного кружка в другой, если интерес ребенка почему-либо изменился.

Флорентино Эспиноса Куадрадо — известный в стране человек. Он один из основателей пограничных войск Кубы. Но сей-

час он не на границе, а здесь, в пионерском лагере. Он возглавляет группу молодых пограничников.

— Дело в том, — говорит Флорентино, — что республика наша вся на просторе. Острова, кругом вода. Надо в четыре глаза следить за берегом — ведь это граница. И пляжи, и заливчики, и прибрежные болота — все граница.

— А давно вы руководите кружком пограничников?

— Меня направили сюда, к ребятам, после разгрома остатков банд в горах.

Смуглый парнишка, Мануэль Лопес, бойко объясняет нам, указывая на экспонаты:

— Вот подводный костюм, захваченный у шпиона. Капюшона нет: пограничник попал ему в голову, когда стрелял. А это камуфляжный костюм. Как видите, на нем следы пуль. Бандита тоже подстрелили. А у него ведь был амулет, — насмешливо замечает Мануэль. — Не помог, как видите... Вот надувная лодка диверсантов. У нас она все время спускает воздух — прострелена во многих местах, хотя дырочки мы попытались заклеить.

Потом Мануэль показывает нам несколько тюков материи:

— Американцы на своих фабриках делают эту специальную ткань. Из нее шьют костюмы для наемников. Такие же у них были и на Плайя-Хирон. А вот эта одежда для маскировки под наших солдат. В ней бандиты скрываются среди народа...

Передатчик, захваченный у американского разведчика. Отпечатки следов диверсанта. Подлинная карта пограничной зоны. Изодранный в клочья костюм для тренировки служебных собак. Все настоящее.

Хрупкая девочка, Милагрос Бланко Овес, хочет продемонстрировать нам знание боевого оружия. Ей завязывают глаза и просят разобрать и собрать автомат. Она делает это на ощупь, с удивительной легкостью подбирая нужные детали.

На наше восхищение отвечает коротко:

— А у нас все так могут. Мы и на стрельбище ходим...

Потом мы встречаемся с членом Исполнительного совета пионерской организации Кубы Эктором Эспиноса. В пионерской организации имени Хосе Марти около одного миллиона восьмисот тысяч пионеров — это 98 процентов всех ребят, учащихся в начальной школе. Огромным успехом пользуются среди пионеров походы по местам боевой славы. Ребята с увлечением изучают биографии революционеров. С большим вниманием относятся к литературе. На Кубе, кстати, есть много советских книг о Великой Отечественной войне, переведенных на испанский язык.

— А специально детские книги у вас печатают? — спрашиваю я Эктора.

— У нас в стране, к сожалению, пока практически нет специальной детской литературы, — отвечает он. — На первом Конгрессе по культуре в 1971 году на эту тему говорили много. Решили организовать специальные конкурсы по детской литературе и музыке. Самый распространенный из них — «Золотые годы».

Недавно организовано специальное детское издательство «Новые люди». В нашу литературу пришли новые имена. Конечно, мы не забываем и о детском техническом творчестве. За последние годы оно приобретает все больший размах. Во Дворцах пионеров это дело поставлено по-настоящему. Помогают выставки, помогает наша система школьного образования, несколько отличающаяся от советской: ведь наши дети постоянно работают.

Сейчас все пионеры Кубы готовятся к предстоящему фестивалю. Мы договорились в дни международного праздника собрать пионеров в большой интернациональный лагерь. Особенно интересна должна быть его работа в период фестиваля. Мы изучаем новые песни, ставим новые спектакли, знакомимся с жизнью других стран.

Так было в годы подготовки к последнему, Берлинскому фестивалю, когда все ребята Кубы изучали жизнь Германской Демократической Республики. Ну а сейчас, — улыбается Эктор, — нам необходимо, видимо, изучить весь мир.

●



ПОЭЗИЯ

А. Р. аль-ХАМИСИ

БЕРЕГ ОТЧИЗНЫ

ПЕЧАЛЬ СЕРДЦА

К вам, близкие мои
на Родине далекой,
Мой голос донесут
ночных ветров крыла.
Как птица, что давно
в полете одиноком,
Которую судьба
от пули сберегла,
Он прозревает мрак,
несясь сквозь ураганы.
Под ним кипят моря
и марева пустынь,
Раскинулась над ним
мерцающая стынь
С цепочками следов
от звездных караванов.
Прервать его полет
и смерть сама не в силах:

Стремление одно в пути его
хранит —
Изгнанье пережив,
обнять Египет милый...
Там снова песнь моя
свободно зазвенит.
Пока же мой удел —
чужбина и скитанья,
Бездомного певца
не надо упрекать
За то, что в песнь его
вплетаются рыданья,
За то, что дни его —
по Родине тоска.

* * *

Печаль моя!
Она — в согбенных спинах,
Исхлестанных бичами на полях,
Она горит слезами на щеках,
С ней делит хлеб
Измученный феллах
В лачуге из потрескавшейся глины.
Печаль моя!
Крестьянской лентой черной
Тебя на лбу до смерти носит тот,
Чей крошечный ребенок обреченный
Пустую грудь у матери сосет.

Печаль моя!
Как ненасытна ты!
Ты пожираешь все мои мечты,
По капле кровь из сердца выпиваешь
И только струны нервов оставляешь,
Натянутых на скрипке немоты...
Печаль моя,
Как ненасытна ты!

Гостиницы
Во всех концах земли,

Чужие города,
Аэропорты,
В чужих морях
Чужие корабли —
Перемешались в памяти и стерты,
Поскольку боль ослабить не смогли.
Калейдоскоп побегов и погонь...
И все ж — пока я жив! —
Он не погибнет,
Того святого зарева огонь,
Которое зажег во мне Египет.
О, Родина,
Светла моя любовь!
Под пытками,
Под дулом пистолета
Я гордо повторил бы
Вновь и вновь
Признание единственное это.

Под синим небом дружеской страны,
Той, что меня спасла и обогрела,
Я верю в наше праведное дело.
Я жив.
Разлука нас не одолела.
И вновь соединиться мы должны.

ВЕСНА НА БЕРЕГУ СЕНЫ

По Парижу
С волшебным флаконом
Шла весна в одеянье зеленом,
И пьянящий ее аромат
Город пил, словно сад пробужденный,
Белопенным цветеньем объят.
И, сплетаясь в узор прихотливый,
Облака в голубой вышине
Повторяли своим переливом
Жаркий блеск самоцветных камней.
Жизнь казалась невестой в фате,
Суматоха весеннего бала

Волновала и страсть разжигала
В каждом сердце и в каждом листе.

...Берег Сены.
Холодный гранит.
Ледяная тоска отчужденья.
Каждый день я
В плену наважденья:
Голос родины в сердце звучит:
«Изгнанник!
Пожалей себя вдали
От милой и покинутой земли».

Что шепчет ветерок речной волне,
Когда меня, лаская, покидает?
Неужто он мне в душу проникает?
И там, в ее глубинах, постигает
Глухую боль, живущую во мне?
Иль, может быть, бездумен и случаен,
Сей мимолетный, ласковый порыв
В азарте легкомысленной игры
Меня заденет, сам того не чая,
И, ужаснувшись вдруг моей печали,
Умчится прочь.
К деревьям и цветам,
Чтоб беззаботно радоваться там.

«Изгнанник!
Пожалей себя вдали
От милой и покинутой земли».

О чем шептались птицы и цветы,
Когда весной
В веселом карнавале
Мои окаменевшие черты
Февраль суровый им напоминали?

Как будто вдруг очнувшись ото сна,
Я понял: все, ликуя, веселится
Лишь там, где сердце родины стучится,
А родина цветов и птиц —
Весна.

Я ж человек, не птица, не цветок.
Я знаю: лишь одно прикосновенье
К родной земле
Дарует исцеленье.
Я даже жизнь свою
Отдать бы мог
За краткую секунду возвращенья.

«Изгнанник!
Пожалей себя вдали
От милой и покинутой земли».

Перевел с арабского
Сергей ГОЛУБЕВ



ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ



РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ проходной вильнюсского завода сельскохозяйственного машиностроения «Нерис» несколько дней висела «молния». В правительственной телеграмме министр поздравлял токаря инструментального цеха Янину Мацкевич с высокой наградой — присуждением ей премии Ленинского комсомола.

«Молния» висела на самом видном месте; телеграмму мог прочитать каждый, кто шел на работу, и не было на заводе человека, который не испытывал бы при этом законной гордости за Янину, — ее знают все. Почтенные ветераны труда, еще не оставившие своих станков, не ушедшие на заслуженный отдых, относятся к Мацкевич с глубоким уважением и на темы чисто профессиональные разговаривают с ней как с равной. Совсем молодые рабочие, только что пришедшие в цех из профтехучилища, считают: тем из них, над кем решает взять шефство Янина, «крупно повезло», и почтительно величают ее Ивановной. А комсомольцы тянутся к ней «по старой памяти» — она пять лет возглавляла цеховое комсомольское бюро. Впрочем, Мацкевич и по сей день поддерживает самый тесный контакт с молодежью не только цеха, но и всего предприятия, ибо это ее партийное поручение как члена заводского парткома.

Иосиф Францевич Трусевич, старший инженер-технолог инструментального цеха, где работает Янина, сказал мне, имея в виду присуждение ей высокой комсомольской награды: «Это должно было случиться». Сказал легко, весело, с чувством полного удовлетворения.

Он знает Янину с той давней поры, когда она, поступив в профессионально-техническое училище № 15, базовое ПТУ завода, стала его ученицей: тогда Трусевич был мастером производственного обучения. Он хорошо помнит ее — небольшого роста, даже хрупкую с первого взгляда и потому, казалось, не слишком-то удачно выбравшую специальность станочника... «Что бы там ни говорили об условности делений профессий на «мужские» и «немужские», — пояснил свою мысль Трусевич, — прямо скажем: работу у токарного станка голубой мечтой девчонок не назовешь...»

Янина оказалась способной ученицей. «У нее было... как бы сказать... призвание, что ли, к токарному делу. Редкое призвание... Профессиональные навыки она усваивала так, что опережала всех мальчишек. По окончании училища ей присвоили четвертый разряд — такое бывает нечасто. А сейчас у нее высший, шестой...»

Да, все было примерно так. Правда, стать токарем Янина не собиралась. Она даже не знала о такой специальности, как это ни странно, хотя и видела всевозможные станки в сельской мастерской. Но, поступив в ПТУ, решила стать токарем... В школе она училась хорошо, а в училище стала отличницей, понимая, что от учебы будет зависеть ее дальнейшая жизнь.

Когда Янина пришла на завод, начальник цеха, окинув взглядом ее некрупную фигурку, хотел было поставить девушку к небольшому станку. Янина наотрез отказалась. Сердито сдвинув брови, она заявила, что на таком «крохотуле» никогда работать не будет, — заявила столь твердо, решительно, что начальник даже растерялся. «Трудно же будет на большом...» — сказал он и добавил, что хотел сделать как лучше, учитывая физические данные... Мацкевич напомнила, что во время прохождения практики ей доверяли самые большие станки, и это была правда. Начальник махнул рукой: «Ну и характер!»

Началась самостоятельная работа, работа всерьез, с положенным сменным заданием, со строгим учетом, с контролем за качеством. Она всегда с благодарностью думает о своих учителях-наставниках. Пришла она в цех девчонкой, ей и восемнадцати не было. Трудностей хватало. Знания вроде бы имелись, но вот берет, бывало, в руки чертеж детали, смотрит и никак не поймет, сколько оставлять под шлифовку... Первыми учителями ее были Михаил Бурба, Станислав Синкевич. Они и сейчас работают в цехе, и до сих пор Янина обращается к ним за советом или просто за помощью — установить, например, тяжелую заготовку...

С первых недель работы в отношении молодого токаря к делу проявилось то ценнейшее качество, без которого вообще немыслим хороший специалист, — прилежность. Любимое дело? Возможно. Но настоящая любовь к профессии, по словам Янины, пришла к ней после заводского конкурса на звание лучшего молодого токаря. Было это в шестьдесят восьмом, у Мацкевич был уже двухлетний стаж, накопился немалый опыт. Когда ее включили в число участников, она вначале отказалась — просто испугалась: соперниками выступали двенадцать парней. Мастер успокаивал: не робей, я же знаю, как ты работаешь, какие сложные детали у тебя проходят... Янина согласилась. Она заняла первое место, оторвавшись от ближайшего соперника на тридцать восемь минут. Вот тогда впервые в полной мере ощутила она радость трудовой победы. Потом было еще много конкурсов — и заводских, и городских, и союзных по министерству. Не всегда удавалось занимать призовые места, но дело не в этом, считает Мацкевич, приятно и почетно само участие в любом конкурсе...

Янина сама давно уже стала наставником. У нее было много учеников, все они стали квалифицированными рабочими. И сейчас она шефствует над двумя хорошими, старательными парнями. Она щедро делится с ними своим опытом, как делились когда-то с ней ее старшие товарищи, и прививает им свой стиль работы. А стиль этот определяется простой, но емкой формулой: делать все быстро, красиво, качественно.

Я ВСТРЕЧАЛСЯ с Яниной и на заводе, в ее родном цехе, где она трудится двенадцать лет, и в Москве, куда она приезжала

После публикации в журнале «Молодая гвардия» дневников Алексея Чубова (октябрь 1976 года) в Невинномысский горком комсомола, Алексею домой, а также в редакцию журнала второй год идут письма из Москвы, Минска, Тулы, Бреста, Караганды... Пишут рабочие, инженеры, врачи, люди корчагинской судьбы. Пишут о себе, предлагают помощь, просят совета.

В письмах много вопросов. Как нужно жить? Как стать сильным (не физически, разумеется)? Что для этого делать? С чего начать? Особенно много вопросов задают молодые люди, только вступающие во взрослую жизнь.

Сегодня Алексей Чубов по просьбе редакции отвечает на одно из таких писем.

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

«ЗДРАВСТВУЙ, Алексей! Пишет тебе Ирина Р. из Казахстана. Прочитала твои дневники в «Молодой гвардии» и решила поделиться своими сомнениями.

Дело в том, что мне хочется интересно жить и работать. А живу я, увы, серо. Когда училась в школе, везде участвовала — времени даже не хватало. Теперь же от скуки не знаю, куда деться.

Работаю я на обувной фабрике с восьми до пяти. Приду домой, ужин приготовлю... В общем, мелкие хлопоты. День пройдет, а радости не чувствую.

вместе со своими товарищами из республики, тоже лауреатами премии Ленинского комсомола, получать высокую награду. Мы о многом говорили, иногда даже спорили, и когда я сейчас вспоминаю наши беседы, пытаясь выделить главную тему, то обнаруживаю, что так или иначе все разговоры сводились к одному: отношение человека к труду, к выбору жизненного пути раз и навсегда.

Янина — рабочий человек; чувствовалось, она говорила об этом с гордостью. «На своем рабочем месте я принесу пользы больше, чем где бы то ни было». Эти слова она произнесла просто, честно, от души.

Не могу бездействовать! Но такой коллектив собрался — от тоски умрешь. Недавно по всем заводам проходил смотр художественной самодеятельности, а у нас нет — некому выступать...

Скажи, Алеша, — ты счастлив? Может, и я к тридцати годам найду свое счастье? Нет у меня интересных друзей, не с кем посоветоваться. Подруга приедет из деревни, так ее в кино или в театр не вытянешь. И не поговорить с ней — она все больше о коровах да о ферме...»

Вот такое невеселое письмо из Казахстана...

Дорогая Ирина! Вопросы, заданные тобой, нелегкие и не имеют однозначного решения.

Старая истина: чтобы изменить неблагоприятные условия, чтобы жизнь стала интересной и значительной, нужно прежде всего изменить себя. А что мы сделали для этого? А если и сделали, то все ли возможное? В том-то и состоит наша беда, а чаще вина, что мы не хотели и не хотим воспитывать себя — хлопотное дело! Проще апеллировать к обстоятельствам.

Ты жалуешься, что нет у тебя интересных друзей. Извини, пожалуйста: а чем ты их можешь заинтересовать? Что нового, полезного почерпнут люди в общении с тобой? Чем сможешь им помочь, если сама слабый человек?

Заколдованный круг? Обратись к истории. Посмотри вокруг. Все люди, сделавшие что-то, изо дня в день на протяжении всей жизни учились науке властвовать собой. Вспомни эти строчки:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Для меня пример такого самостроительства — жизнь американского просветителя XVIII века Бенджамина Франклина. Он вырос в семье бедного ремесленника и с детства начал зарабатывать на жизнь. Природа наделила его неуживчивым характером. Трудно сказать, основал бы Франклин первую в США публичную библиотеку, Пенсильванский университет, организовал бы Американское философское общество, изобрел бы знаменитый громоотвод, стал бы известным дипломатом и общественным деятелем, если бы в молодости не постиг нелегкие азы самовоспитания.

Когда она, молодой коммунист, была делегатом XXV съезда КПСС, она представляла на высшем партийном форуме рабочий класс. Когда ее избрали в члены Центрального Комитета КП Литвы, она тоже была представителем рабочей гвардии.

В 1975 году она, рабочий человек, в числе первых в стране получила орден Трудовой Славы III степени. Я помню, сказав мне об этом, она улыбнулась и словно бы в шутку заверила меня, что получит и вторую и первую степень. В этих словах не было нескромности, нет, ни капли. Просто Янина верит в свои силы, в своих верных союзников — молодость и мастерство.

Н. ВАСИЛЬЕВ

Еще работая в типографии, Франклин составил для себя «13 принципов мелкой повседневной добродетели». Каждую неделю он брал один из этих принципов и всю неделю настойчиво упражнялся в нем, чтобы ввести в привычку. Три месяца на все принципы. И снова... Несколько лет подряд.

И нелепый, странный молодой Франклин, ссорившийся с женой из-за того, что она подавала ему молоко не в глиняной кружке, а в фарфоровой чашке, этот чудак стал великим человеком.

Хотите знать эти принципы? Вот они: сдержанность, молчаливость, порядок, решительность, деятельность, откровенность, справедливость, бережливость, умеренность, чистоплотность, спокойствие, целомудрие, скромность.

С чего начать? Еще Сенека сказал: кто не знает, в какую гавань он плывет, для того нет попутного ветра.

Чтобы достичь желанной гавани, недостаточно знать, куда и как плыть. Знание цели должно сочетаться с мужеством. Основная разница между сильным и слабым, великим и незначительным — в непоколебимой решимости, в умении наметить себе цель, а там победа или смерть. Этому качеству мир обязан многим. А без него талант, богатейшие возможности — ничто. Без молотка бесполезны гвозди.

Кроме мужества, жизнь потребует от вас и умения ждать. Мало найти хороший участок земли, распахать и засеять его, на-

Анатолий СВИРИДОВ

ПОЕЗДА

Ночами,
забыв о досуге,
гудят поезда
вразнобой...
Метельную белую вьюгу
со свистом везут за собой.
Пусть вихрем
остуженным, колким
осядет она меж ветвей,
отпрянут испуганно елки,
заснеженные до бровей!
И видится:
рельсы стальные
и ночью во власти труда.
— Когда ж отдыхаешь, Россия? —
И рельсы гудят:
«Ни-ког-да!..»

до еще и запастись терпением. Урожай придет позже, сначала появятся только робкие ростки.

И еще о «первотолчке», о нулевом километре долгой дороги к себе.

Думаю, главное здесь — преодолеть силу инерции, страх сойти с наезженной колеи. Мне возразят: готовность к риску (а начать все сначала, с первого колышка, конечно же, своего рода риск) должна быть заложена в характере человека. Не согласен. Необходимость делает даже робких храбрыми. Важно осознать эту необходимость. Вопросы в письмах — хорошая заявка.

Начал я свои размышления с письма Ирины. Ты, скажем, сетуешь: «такой коллектив собрался — от тоски умрешь». А сделала ли ты что-нибудь, чтобы было «интересно жить и работать»? Ждешь, когда кто-то принесет достойную жизнь на блюдечке с голубой каемкой?

А почему бы самой не расшевелить молодежь, не увлечь ее нужным делом (хотя бы борьбой с теми же прогулами и пьянством)?

Что касается меня, то в прошлом году с отличием защитил диплом, работаю, поднимаю сыновей.

У меня на столе письма. В них исповеди, предложения, советы, просьбы. Я счастлив, что нужен людям.

г. Ростов

Алексей ЧУБОВ

ОСЕННЕЕ

Стала осень
рыжей-рыжей,
и неведомо — когда...
Засияли вдруг
над крышей
в бисеринках провода!

Перекатом
ходит ловко
эхо
в рощице пустой.
Журавлиные веревки
протянулись над рекой.

И один,
и юн, и весел —
видно, скучно в небесах, —
бродит месяц,
белый месяц
цаплей
в скошенных лугах...


ВСТРЕЧА
С КУБОЙ

XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов впервые проводится в западном полушарии — на Кубе, в первой социалистической стране Американского континента. Тысячи представителей молодого поколения планеты встречаются на героической кубинской земле, в прекрасной Гаване, под единым лозунгом антиимпериалистической солидарности, мира и дружбы.

С каждым годом все прочнее становятся международные позиции социалистической Кубы. Растет авторитет Союза молодых коммунистов острова Свободы в международном молодежном движении. Весь мир с глубоким восхищением и большим интересом следит за всем, что происходит на земле мужественного кубинского народа.

Молодежь Кубы сердечно, по-братски принимает юность планеты.

Всемирный форум станет новым рубежом в борьбе молодежи и студенчества всего мира против империализма, реакции и агрессии, против колониализма, расизма и сионизма, за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс, за всеобщее и полное разоружение, за счастье молодого поколения.

Фото М. Харлампиева

Молодые строители. *На сафре.*





Защитник революции (снимок слева).

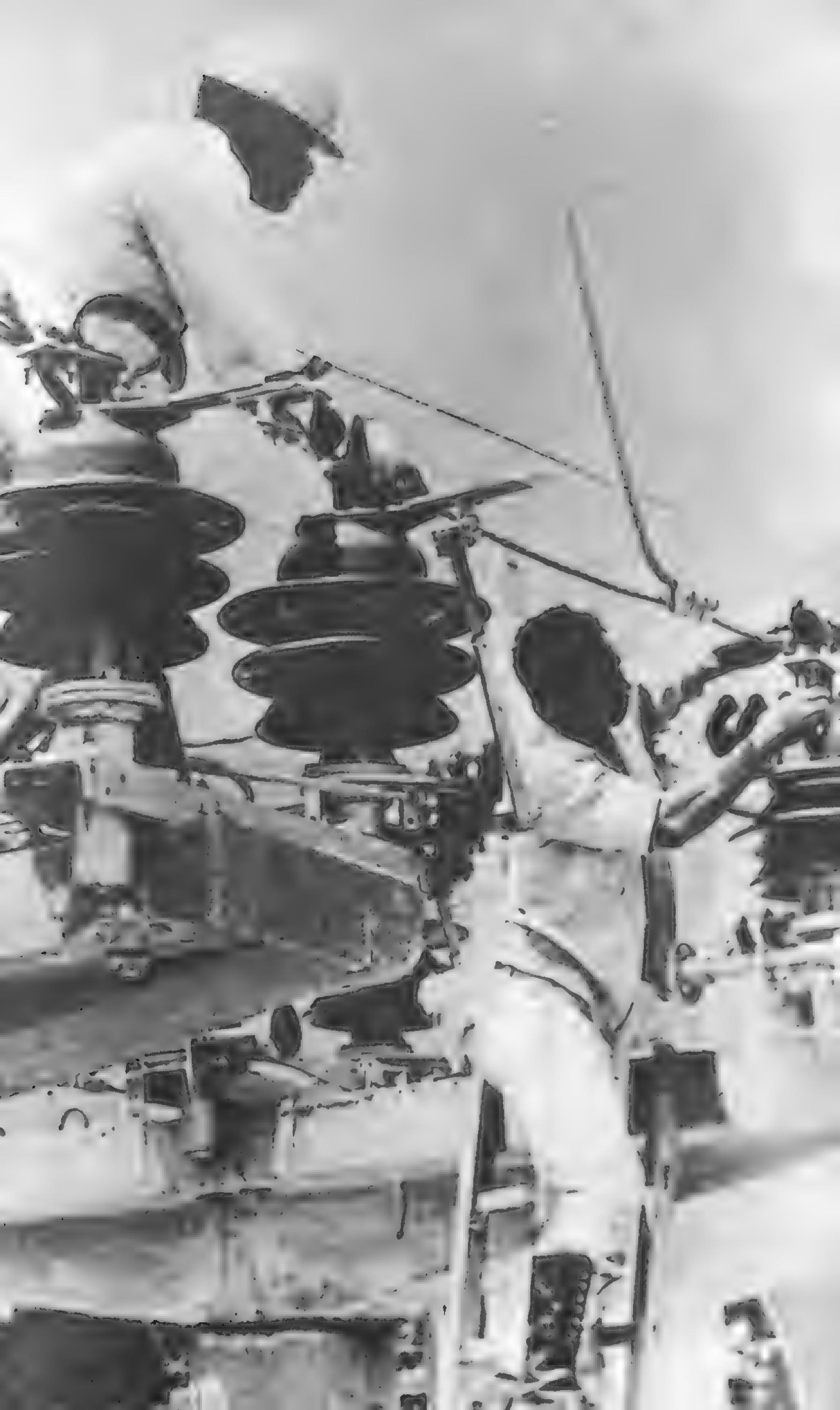
Монтажники комсомольско-молодежной стройки на острове Пинос (снимок справа).

Сельскохозяйственная школьная бригада.

Строительство транскубинской железнодорожной магистрали — комсомольско-молодежная стройка.







МАТРОС ИЗ ЛЕГЕНДЫ

«И ОНИ ВСТАЛИ в рост — четыре человека в полосатых тельняшках, в черных бескозырках, окровавленные, перевязанные обрывками форменок, но сильные и готовые снова пробиваться сквозь сотни врагов.

И, видимо, сами они поразились своей живучей силище. И Перепелица сказал:

— Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота... Сколько нас? Четверо?.. Батальон, слушай мою команду: шагом... арш!»

Этими словами заканчивается один из известнейших рассказов Леонида Соболева «Батальон четверых». Написанный в трудном сорок втором, увидавший свет на страницах «Правды» 21 ноября 1942 года, в самый разгар Сталинградской битвы, «Батальон четверых» звал на бой и на подвиг людей, для которых и про которых он был написан. Он стрелял без промаха в жарких порывах матросских атак на Малой земле у Новороссийска и под Сталинградом, у стен Ленинграда и в Заполярье...

Четыре матроса — батальон. В это верили, это знали все, кто хоть когда-нибудь и как-нибудь соприкасался с морскими пехотинцами времен Великой Отечественной войны. И нередко в ту пору бывало: задачу четверым морякам ставили как батальону!

Случилось так, что писатель потерял своих героев — героев «Батальона». Он нашел их вновь в 1963 году, когда, выступая перед воинами одной из частей Прикарпатского военного округа, читал им этот самый рассказ

— Какова дальнейшая судьба героев? — спросил один из воинов.

— Видимо, они погибли, — ответил писатель.

И тогда поднялся участник встречи старшина Ильюшенко и, волнуясь, сказал:

— Нет, не погибли. Недавно я был в отпуске, в Червонограде, на Львовщине. Встречался с Михаилом Негребой...

Вскоре с Негребой встретился и Леонид Соболев. А затем Негреба приехал в Москву и вместе с автором рассказа выступил по радио.

В ТОТ ДЕНЬ Алексей Федорович Котиков вернулся домой после суточного дежурства. Перед тем как прилечь отдохнуть, решил послушать радиопередачу. Включил динамик. Говорил Михаил Негреба:

— Живы ли остальные ребята из «батальона», не знаю. Знаю точно одно: Леша Котиков погиб.

Что говорил боевой друг потом, что рассказывал Соболев, Алексей Федорович воспринимал с трудом. «Негреба живой, — думал он. — Но и я живой! Так что же меня хоронят?»

Сон сняло как рукой. Он сел за письмо Леониду Соболеву.

«...Побывав в обороне Сталинграда, Москвы, Ленинграда (об Одессе и Севастополе вы знаете сами), я оказался покалеченным, и довольно основательно. И только благодаря нашим героическим врачам я остался жив и даже похож на человека. Ноги мне не отрезали и сейчас хоть плохонькие, да свои. В Кутаиси мне оставили плохой, да свой глаз. А в Средней Азии — барабанную перепонку — плохую, да свою. Ну и я в долгу не остался: фашистской сволочи набил, если посчитать, хороший штабель. А теперь и в меня добрые люди поверили и не посчитали за инвалида: я полноценный командир военизированной охраны...»

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ, которым командовал старший сержант Алексей Котиков, держало оборону на одной из севастопольских высот. Уже не первый день шел бой, но именно в тот праздничный день, 7 ноября 1941 года, фашисты, казалось, озверели вконец. Но матросы стояли насмерть, и уже около десятка стальных громадин с крестами на броне, догорая, чадили на склоне высоты. Приближался еще один вражеский танк. Вокруг рвались снаряды, но он шел как заколдованный. И тогда, перевалившись через бруствер, навстречу танку пополз Алексей Котиков. Раздался взрыв страшной силы... Когда клубы дыма и пыли рассеялись, матросы увидели: танк стоял недвижимым, поникший и укрощенный. Но Котикова — ни живого, ни мертвого — никто не видел.

Мать получила похоронку...

Но Алексей Котиков остался жив. После боя санитары подобрали героя далеко от танка — его отбросило взрывной волной. Подобрали и сдали в эвакогоспиталь.

Прошло время, и матери снова пришло тягостное известие: Алексей погиб, утонул в Черном море. Госпитальное судно, на котором раненых перевозили на Кавказ, потопили фашистские самолеты. Спастись не удалось никому...

Однако Котиков не погиб. По стечению обстоятельств получилось так, что на госпитальное судно попали только его документы — самому раненому не хватило места. Его погрузили на один из катеров МО — морских охотников, державших курс на Кутаиси...

После лечения в госпитале, признанный негодным по многим статьям к военной службе, Алексей Котиков стал комендантом Кутаиси...

Однажды разведка сообщила: немцы готовят десант, который должен захватить и разрушить Рионскую ГРЭС. Защищать электростанцию было приказано комендантскому взводу. Взвод, которым командовал Котиков, уничтожил вражеский десант. В рукопашной схватке с гитлеровцами Алексей был тяжело ранен ножевым ударом.

Был госпиталь, а после госпиталя Москва. Моряк-разведчик, парашютист, имеющий на своем счету более ста прыжков, в том числе одиннадцать боевых, боксер-разрядник, подрывник Алексей Котиков передавал свои знания и опыт молодым воинам. Но и здесь, вдали от линии фронта, не повезло: однажды «стрельнул» запал, поранило пальцы на руке. Снова госпиталь, потом запасной полк. И никаких шансов попасть на фронт.

Шла битва на Волге, и Алексей убежал из запасного полка. У него не было никаких положенных воину документов, только орденская книжка с вложенной в нее вырезкой из «Правды», в которой говорилось, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 декабря 1941 года за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество при защите города Одесса краснофлотец Котиков Алексей Федорович награждается орденом Красного Знамени.

Он сумел добраться до Сталинграда.

У стен волжской твердыни Котиков командовал пулеметчиками, которые прикрывали одну из переправ через великую русскую реку. И здесь он вновь остался в живых, когда шансы на то практически были равны нулю: пулемет, за которым лежал моряк, был разбит прямым попаданием фашистского снаряда. Погиб второй номер. Котиков остался жив. А его матери пришла еще одна, третья за войну, похоронка.

Затем был Ленинград, «Дорога жизни»...

Однажды регулировщик остановил на льду Ладоги машину, которая везла боеприпасы: она была вся побита и могла развалиться на первом ухабе... Котиков бегло осмотрел автомобиль и приказал своим подчиненным быстро подремонтировать машину. Водитель, поняв, что его собираются задержать, возмутился:

— Какой ремонт! Мне секунда дорога. Это же под Пулково снаряды!

Котиков взял документы водителя, посветил карманным фонариком: Котиков Павел Федорович!..

О многом успели поговорить братья, пока чинилась машина. Но только после Победы выяснилось, что во время той единственной за всю войну встречи они скрывали друг от друга страшную весть: оба знали, что сестру их Тамару, врача партизанского отряда на Псковщине, казнили гитлеровцы...

Фашисты были разгромлены под Ленинградом, перестала действовать ледовая трасса на Ладоге. Но не кончилась еще война. На Кольском полуострове Алексей Котиков получил последнюю свою на войне медаль — «За оборону Заполярья»...

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ отметин от пуль, осколков мин, снарядов, гранат, от финского ножа носит на своем теле ветеран сражений. Двадцать семь раз мог он погибнуть, но остался живым всем смертям назло. Он просто не мог умереть — человек из легенды, матрос из «Батальона четверых».

Геннадий РУБИНСКИЙ

НЕБОЛЬШОЙ ШАХТЕРСКИЙ поселок с уютными обжитыми улицами привольно раскинулся на западной окраине Донецка. Если вы будете проезжать мимо него в весенние погожие дни, то зачаруетесь его красотой. Особенно хорош он в предрассветную рань. Справа от дороги высятся старые шахтные терриконы. Когда за ними восходит солнце, зубчатые отвалы породы пламенеют, будто ожили шапки потухших кратеров... Прохожие замедляют шаги в такой час, пораженные необыкновенным зрелищем. Огненный диск быстро поднимается в небо, и все исчезает — приходит новый день. Сказочно красив поселок весной, во время цветения садов. Тогда совершенно не видно приземистых домов, перед вами висит сплошное белое облако, в котором купаются пчелы.

Г. ТЕПЛЯКОВ

СЧАСТЬЕ КОММУНАРА ПИНТЕРА

В такую пору во дворе по улице Якуба Коласа среди буйно цветущих яблонь и груш вы непременно встретите подвижного старика с добрыми голубыми глазами. Он не спеша ходит по саду, по-хозяйски осматривая каждую веточку, каждый стебелек выведенного им нового сорта винограда; шершавыми, с потрескавшимися мозолями руками нежно притрагивается к зеленым кустам, впитывающим весенние соки земли.

Старожилы уважительно величают хозяина Матвеичем. Лишь немногие в поселке по давней привычке называют его «американцем». При этом «дед Иван» каждый раз негодует: «Ну какой я вам американец. Забудьте! Я давно русский, как все...»

И в самом деле. Вот уже более полувека, как Иван Матвеевич Пинтер носит паспорт советского гражданина и билет члена ленинской партии. Пинтеру восемьдесят четвертый год. У него совсем белые волосы и открытый широкий лоб с глубокими залысинами. Когда он чему-то улыбается, лохматые брови круто взлетают вверх и добрые глаза освещают полное лицо, изрезанное сеткой морщин. Кряжистую фигуру шахтера согнули годы, но он еще довольно бодр, с хорошей, завидной памятью. Говорит он неторопливо, с легким акцентом, с тем особым достоинством,

с которым вспоминают о прожитой жизни люди, довольные выпавшей на их долю судьбой.

Я знаю, что когда-то Пинтер жил за океаном, в Америке. За двенадцать лет исколесил в поисках лучшей доли многие штаты, работал на медных рудниках и на угольных шахтах.

— Иван Матвеевич, вы, наверное, уже забыли о своей жизни в Америке? — спрашиваю его.

Пинтер хмурит брови и слегка сутулит плечи.

— Нет, не забыл. Разве такое забудешь? — Он качает крупной головой, внимательно смотрит на меня и тихо произносит: — Трижды счастлив тот, кто ее никогда не видел. — Помолчав в раздумье, слегка улыбается видимо, ожидая вопроса. — Вам нужно, чтобы я вспомнил что-нибудь интересное, да? Тогда слушайте. Было это в восемнадцатом году. Советский народ праздновал первую годовщину рождения своей республики. Решили и мы в знак солидарности с первым в мире рабоче-крестьянским государством отметить этот день. Объявили забастовку и вышли на демонстрацию. К нам, эмигрантам, присоединились рабочие-американцы. Налетели конные полицейские с нагайками и дубинками, они начали беспощадно избивать безоружных рабочих и разгонять демонстрантов. Помню, с нами бежал пожилой рабочий-американец. Мы с товарищем прыгнули через какой-то забор, а он не успел. Полицейский сильно ударил его по голове дубинкой, и тот упал, потеряв сознание. Тут же подъехала карета «Скорой помощи». Там это было организовано хорошо... А через три дня избитого рабочего судили. Пришли в суд и мы с товарищем. И не поверили своим ушам. «Пострадавшим» выступал конный полицейский. В качестве «вещественного доказательства» на столе присяжных лежал увесистый камень-булыжник. «Свидетели» доказывали, как этот рабочий избивал им полицейского. Мы не выдержали и стали рассказывать, что было на самом деле. Полицейский, заявили мы, был на коне с наганом и дубинкой, он избил рабочего. Но нас никто не слушал. Тогда мой товарищ встал и во весь голос крикнул: «Вот какая демократия и свобода в хваленой Америке!» Нас арестовали и посадили на несколько дней в тюрьму. Рабочего судили. Ему дали шесть месяцев тюремного заключения. А у него была жена, дети... Сейчас, когда вспоминаешь тогдашнее свое житье-бытье, иной раз говоришь себе: полно, неужели это было? Было. Забастовки, безработица, черные списки «бунтарей», судебные процессы. После одной из забастовок меня уволили, и я больше года работал на шахте в штате Иллинойс под чужой фамилией. Зачем понадобилась мне чужая фамилия? Только затем, чтобы устроиться на работу — под своей фамилией меня никуда бы не приняли. Рабочий день на руднике длился десять часов. Час на обед, час добирались до забоя, час выбирались из шахты. Итого тринадцать, самое меньшее двенадцать часов в день.

Родился Иван Пинтер в Югославии, в маленьком селе Черный Луг, затерявшемся в лесистых горах Хорватии. У лесоруба Матвея Пинтера было девять детей: Иван — один из четырех, которым суждено было выжить. С одиннадцати лет он пошел на заработки — рубил лес, строил горную дорогу в лесных массивах графства «Турунтук». В октябре 1910 года семнадцатилетним юношей вместе со своими односельчанами уехал в Америку, манившую удачами и жизненными благами.

Неприветливо встретила «сказочная» Америка молодых югославов. Три месяца скитался Иван в поисках работы. И все напрасно. Добрые люди надоумили сунуть взятку — двадцать долларов «посреднику» биржи труда, и он устроил Пинтера уборщиком породы на медный рудник. В конце 1914 года рабочие объявили забастовку и предъявили хозяевам свои требования: 20 процентов надбавки к заработкам, восьмичасовой рабочий день и признание профсоюза. Забастовка длилась более года и закончилась частичной победой бастующих.

В 1916 году Иван Пинтер вступил в социалистическую партию, примкнув к ее левому, революционному крылу. Вскоре эта партия вошла в состав Коминтерна и была запрещена правительством. Но коммунисты не прекратили своей деятельности.

Весть о победе пролетарской революции в России взбудоражила и Америку. Тревожное время пришлось пережить интернационалистам. Буржуазные газеты трубили о гибели Советов, обливая грязью первое в мире государство рабочих и крестьян. Но в Соединенных Штатах была и другая Америка — честная, трудовая, она одобряла и поддерживала русскую революцию. На исходе восемнадцатого года до пролетариев США дошло письмо Ленина. Партия, членом которой стал Иван Пинтер, размножила его в тысячах экземпляров. Многое прояснилось. Вместе с товарищами по шахте Пинтер вступил в «Общество технической помощи Советской России». Оно было создано в мае 1919 года сначала в Нью-Йорке, а затем и в других городах США и поставило своей задачей содействовать восстановлению народного хозяйства Советской России.

В Донецком областном краеведческом музее хранится членская книжка Центрального бюро общества на имя Джона Пинтера. Дата вступления в общество — 11 февраля 1921 года. Общий взнос Пинтера — 800 долларов, заработанных им потом и кровью. Вслед за ним вступили в общество еще шестьдесят горняков шахты «Зиглер». За короткое время фонд вырос до 15 600 долларов. Как лучше им распорядиться? Послать наличными деньгами? Или купить хлеб, продукты, вещи? А что, если...

— В то время вся рабочая Америка зачитывалась книгой Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», — вспоминает Пинтер. — Она была первым нашим политучебником. По-моему, это лучшее произведение в мировой литературе, поведавшее правду о великих свершениях Октября. Вот она-то и подсказала нам важное решение в нашей жизни. Мы надумали создать «интернациональную бригаду» и послать ее на помощь первому в мире государству рабочих и крестьян. Желающих поехать в Россию оказалось много, около ста человек. Мы отобрали только холостых: знали, какие трудности нас ждут. В бригаду из 32 специалистов входили американцы, украинцы, белорусы, литовцы, словаки, итальянцы...

В апреле 1922 года мы попали в новый для нас мир — красный Питер. Всюду еще виднелись следы разрухи, свирепствовал голод. Но советские люди не падали духом; мы поражались, с каким энтузиазмом они трудились, возрождая заводы и фабрики. С ходу и мы включились в общее созидательное дело, налаживали линии

Окончание на стр. 214

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ: ЛЮДИ И ДЕЛА

ТРАССЫ ДРУЖБЫ

В РЕШЕНИЯХ XXV СЪЕЗДА КПСС развитие животноводства в Нечерноземье определяется как одна из важнейших задач десятой пятилетки в области сельского хозяйства. Особое внимание уделено строительству животноводческих комплексов. Сооружение крупнейших объектов этого типа по всей нечерноземной зоне страны ведется методами ударных комсомольских строек. Им присущ свой, особый стиль, в первую очередь тесная связь науки и производства.

Ценный опыт по организации связи с производством накоплен коллективом молодых специалистов Центрального научно-исследовательского и экспериментально-проектного института Минсельстроя СССР.

В комитете комсомола института можно познакомиться с любопытной картой. Из Подмосковья, где находится институт, красные нити протянулись почти во все республики и области Советского Союза. Это трассы дружбы, совместного научно-технического творчества.

— Работаем по принципу: комсомольская гарантия качества, начиная с проекта и кончая сдачей готового здания, — пояснил секретарь комитета комсомола Александр Володенков. — Причем каждое звено в этой большой цепи взято под строгий контроль. Предположим, институт получил заказ на проект и документацию для типового производственного здания. И вот начинается большая совместная работа. У нас налажен тесный контакт с комсомольскими организациями сел и комбинатов строительных материалов. Работники института — члены сквозных комсомольско - молодежных бригад качества — выезжают на места, знакомятся с возможностями производства строительных материалов и контролируют качество их изготовления по проектам, встречаются с сельскими строителями и животноводами. Много ценного в такую подготовительную работу вносят предложения местных изобретателей и рационализаторов, передовиков труда. Благодаря совместному творчеству нередко создаются новые, более экономичные и совершенные строительные материалы и конструкции, сберегаются средства, уменьшаются затраты труда. В 1977 году, например, экономический эффект от внедрения разработок молодых специалистов института составил 15 миллионов рублей. В нынешнем году в честь XVIII съезда ВЛКСМ и 60-летия Ленинского комсомола решили довести экономию до

16 миллионов, и многое для этого уже сделано.

Володенков познакомил меня с последними разработками молодых специалистов. Член комитета комсомола инженер Владимир Борщов создал проект фундамента новой конструкции. При сооружении только одного животноводческого комплекса получен экономический эффект в полмиллиона рублей. Другой молодой специалист института, Владимир Цыпленков, разработал каталог унифицированных бетонных и железобетонных конструкций. После внедрения каталога на предприятиях строительных материалов с начала года сбережено 400 тысяч кубометров бетона и свыше 200 тонн стали. Разработка молодого проектировщика отмечена золотой медалью на Всесоюзной выставке научно-технического творчества молодежи и экспонируется на ВДНХ в Москве.

— В работе над каталогом, — рассказывает Цыпленков, — огромную помощь оказали советы и рекомендации производственников и работников хозяйств, с которыми мы постоянно встречаемся и консультируемся. Внедрение каталога было взято под контроль комсомольцами заводов строительных материалов. Потом мы вместе с ними выезжали на ударные комсомольские стройки Нечерноземья, знакомили наших товарищей с тем, как с наибольшим эффектом можно использовать унифицированные конструкции. Словом, в любом деле мы думаем и действуем сообща.

Добрая дружба и прочное деловое сотрудничество связывают коллектив института с молодыми строителями Мордовии. В городе Краснослободске Зубово-Полянского района сооружается сельский строительный комбинат. Это одна из ударных комсомольских строек республики. После ввода в строй предприятие обеспечит материалами многочисленные стройки Нечерноземья. Разработка проектов для комбината взята под комсомольский контроль, группа молодых сотрудников института выезжала в Мордовию, знакомилась с нуждами и запросами сельских строителей. Выяснилось, что одна из насущных потребностей — создание на местах собственных проектных организаций. В решении этой задачи молодые специалисты института уже оказывают помощь товарищам из автономной республики.

— Идет взаимное обогащение, — говорит комсомолец-проектировщик Владимир Королев. — В Мордовии мне довелось встретиться с одной из лучших доярок республики, Галиной Дементьевой, депутатом Верховного Совета МАССР. Она высказала много интересных мыслей по поводу конструкции ферм, а ее критические замечания заставили нас серьезно призадуматься. Действительно, не всякому колхозу, тем более в нечерноземной зоне, по силам и средствам быстро обзавестись современным, созданным на промышленной основе животноводческим комплексом. А потребность в нем испытывает любое хозяйство. Значит, нужно, не снижая качества, сделать строительство дешевле и, следовательно, доступней. Одновременно, как показала нам Галина, кое-что не учтено при проектировании для создания более благоприятных условий ухода за животными и труда

«ПЕВЕЦ»

В ГЕРМАНСКОЙ Демократической Республике снят телевизионный фильм «Эль Кантор» («Певец»), в котором звучат песни Виктора Хара в исполнении Дина Рида. «Виктор был моим другом, — говорит Дин Рид, автор сценария и исполнитель главной роли, — а Чили — моя вторая родина».

Рид приехал в Чили по приглашению Альенде. Тогда он и познакомился с Виктором Хара. Они вместе ездили по городам, ходили на рабочие собрания, пели, беседовали с простыми людьми.

«Виктор был очень живым и очень скромным человеком, — вспоминает Дин Рид. — Он часто просто сидел в сторонке и тихо перебирал струны гитары. Но когда выходил на сцену, то преображался. А когда его однажды попросили произнести речь, Виктор начал отказываться. Он был певцом, а не оратором. Он все же выступил перед рабочей аудиторией и говорил, не выпуская из рук гитары... После переворота, брошенный вместе с другими

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ПОГРЕБЕНЫ ПОД СТАЛЬНЫМ КУПОЛОМ... В частных коллекциях французских толстосумов есть уникальные древнегреческие вазы, средневековые ювелирные изделия, картины художников эпохи Ренессанса и лучших мастеров XIX века. Изредка эти художественные редкости показывали на выставках, но теперь исчезает и такая возможность знакомства с ними. Напуганные случаями ограблений музеев, владельцы шедевров сдают их на хранение в парижский банк. А банк для безопасности коллекций построил специальное здание, железобетонные стены которого облицованы еще и стальными плитами. Только на купол ушло 500 тонн легированной стали!.. Но это еще не все. Изнутри каждое помещение оборудовано хитроумными системами электронной сигнализа-

---

работников ферм. В частности, опытная доярка предложила заменить обычные полы решетчатыми, создать систему сливной подпольной уборки навоза. Все это, вернувшись в Подмосковье, мы обсудили на совете молодых специалистов, который организован у нас при комитете комсомола. И пришли к выводу, что внести изменения в технологию строительства практически можно и рационально. Нас поддержали партийная и комсомольская организации института. Была создана специальная поисковая группа. Конструкторам и проектировщикам помогали ученые, технологи, экономисты. В результате строители животноводческих комплексов получили новые облегченные и более удобные в монтаже конструкции — стеновые панели, блоки, секционные покрытия полов. Все строительные материалы стали надежней прежних и при изготовлении обходятся значительно дешевле. Экономия на одних только стеновых панелях достигает 4,5 рубля на квадратный метр. При сооружении комплексов, в которых

патриотами в фашистский застенок, он песнями возвращал людям мужество. Палачи заставили его замолчать навсегда».

Кроме актеров, в фильме играет немало чилийцев. Так, самого себя играет Клодомиро Альмейда, министр иностранных дел в правительстве Альенде, другие работники Народного единства. Когда по сценарию нужно было снять большую демонстрацию, на съемках в Болгарии комсомольцы организовали грандиозное шествие. По мнению создателей фильма, это был самый лучший день съемок.

«Эль Кантор» будет демонстрироваться в августе 1978 года в Гаване на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов.

«Песни и музыка Виктора Хара должны укреплять солидарность с демократическим Чили, борющимся в тяжелых условиях фашизма», — говорит Жоан Хара, вдова чилийского певца-коммуниста.

«Фильм о Викторе Хара должен послужить росту солидарности с патриотами Чили, — сказал Дин Рид. — Жизнь и борьба Виктора Хара не были напрасны!»

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ции, хранилище опоясано рвом, заполненным водой. Шифр, который приводит в действие подъемный мост, знает только директор банка...

ПАПА, МАМА ИЛИ ТЕЛЕВИЗОР? Американские социологи, чтобы еще раз доказать чрезвычайно вредное влияние современного американского телевидения на психологию детей, опубликовали результаты одного необычного анкетного опроса.

В непринужденной форме вопросы задавались детям в возрасте от 4 до 6 лет. Почти половина опрошенных ответила, что им телевизор нравится больше, чем папа. Когда такой вопрос был поставлен относительно мамы, пятая часть детей предпочла телевизор... Социологи считают подобное явление ненормальным.

площадь стен и других покрытий составляет многие сотни, а то и тысячи квадратных метров, экономический эффект становится весьма ощутимым. Теперь мы можем с радостью доложить сельским строителям и животноводам: их пожелания выполнены. Таким образом, творческое сотрудничество приносит ощутимые результаты.

Работы молодых специалистов института помогли строителям Зубово-Полянского района Мордовии успешно выполнить производственные задания 1977 года. Как победители во Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы они награждены переходящим Красным знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. А коллективу Центрального научно-исследовательского и экспериментально-проектного института Минсельстроя СССР присуждено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Ю. ГУРЬЕВ



Окончание. Начало на стр. 207

водоснабжения и канализации. Свой заработок внесли в фонд помощи голодающим крестьянам и беспризорным детям. Через несколько месяцев нам сказали: «Поедете в Донбасс на шахту «Лидиевка» Юзовского района. Туда завезли партию врубовых машин американского производства. Поможете их внедрить, освоить...»

— Ждали мы американцев с большим интересом, — рассказывает ветеран партии Николай Дмитриевич Прокущенко, возглавлявший в то время комсомольскую ячейку «Лидиевки». — Наша шахта была одной из немногих шахт старой Юзовки, начавшей после гражданской войны выдавать уголь. И потому именно сюда доставили приобретенные за границей по инициативе Владимира Ильича двадцать врубовых машин... Помню, стоял жаркий июльский полдень. Сотни, тысячи возбужденных людей запрудили небольшую станцию Рутченково. Кругом алели флаги и транспаранты. Самый большой из них с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» укрепили на здании вокзала... К перрону подкатил товарный состав. Под бурные звуки революционного марша из теплушек вышли незнакомые нам люди в нарядной одежде, в фетровых шляпах. В толпе ожидающих зароптали — мол, не иначе, аристократы Вильсона в Донбасс пожаловали, так в то время относились к этому головному убору. Но как только они, шумные, нетерпеливые, с радостными сияющими лицами, оказались в окружении шахтеров, волнение исчезло — такие же рабочие, как и мы. Повсюду слышались теплые, сердечные приветствия. Речи ораторов на том митинге были краткими, понятными без переводчика. Вот слово предоставили руководителю группы. На трибуну поднялся плечистый молодой человек с черной копной волос — хорват Иван Пинтер. Он сказал, что рабочая дружба привела американцев на советскую землю. Трудовая Америка не могла поступить иначе. Она протягивает братскую руку помощи русским братьям-шахтерам. Пинтер говорил на своем родном языке, но в его горячей речи часто слышались русские и украинские слова. Он замолчал, видимо, собираясь с мыслями, или не знал, чем закончить. И вдруг, вскинув сильную руку в сторону духового оркестра, протяжно запел:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Люди дружно подхватили волнующие слова пролетарского гимна. Глаза у Пинтера и его друзей блестели от радости — они нашли тех, кого искали...

ПРИБЫВШИЕ НА «ЛИДИЕВКУ» американские горняки организовали коммуну имени Джона Рида и поселились в двух каменных домах. У коммунаров был свой устав, первый параграф которого гласил: «До последней капли крови отстаивать идеи Ленина и созданной им Коммунистической партии, быть интернационалистами — такими, как Джон Рид». В этой коммуне все было общим — и касса (зарплату в общий котел), и обеденный стол. В свободные от работы часы они читали вслух газеты. А учительница поселковой средней школы по два часа ежедневно обучала американцев русскому языку. На первых порах коммунары отказались от шахтерских пайков, так как привезли с собой запас продовольствия, медикаменты, спецодежду и инструмент, собранные на средства американских рабочих.

Каждую из семи врубовых машин «сулливан», «лонгволл», «шортволл» обслуживало по шесть горняков, а Пинтер с напарником Иозефом Штерле управлялись вдвоем, добиваясь удлинения срока службы машины и экономии смазочных материалов.

Вскоре имя замечательного машиниста врубовой машины узнали далеко за пределами шахтерского края. Сам великолепный механик, он научил непростому делу десятки молодых горняков. Со многих участков и соседних шахт к нему приходили, приезжали за опытом и советом. И все поражались его необыкновенной способности быстро управлять врубовкой, вести ее по узкому забою в самых сложных геологических условиях. Рассказ о его работе — это поучительная история дружбы украинских и американских шахтеров-интернационалистов.

24 октября 1922 года в «Правде» было опубликовано письмо В. И. Ленина «Обществу технической помощи Советской России», в котором от имени Советской Республики выражена глубокая благодарность и признательность за вклад посланцев трудовой Америки в советскую экономику.

— Благодарность Владимира Ильича Ленина за наш скромный труд, — рассказывает Иван Матвеевич, — вызвала у всех коммунаров желание сделать что-то большое, важное. Мы начали проводить вечера дружбы и братской солидарности. Большой интерес у всех вызвали наши рассказы о шахтерах Соединенных Штатов Америки, о том, как встретили они письмо Ленина к американским рабочим, книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

СЕНТЯБРЬСКИМ ПОГОЖИМ днем 1923 года в нарядной (там, где бригады получают сменные задания) появился рукописный плакат:

«Товарищи! В комячейку поступило заявление от врубмашиниста Пинтера Ивана Матвеевича с просьбой о принятии его в члены Российской Коммунистической партии (большевиков). Просим всех, кому известны факты, порочащие товарища Пинтера, зайти и заявить об этом в ячейку РКП(б)».

Многолюдным было общее партийное собрание. Иван Матвеевич начал пересказывать свою непростую «одиссею», как довелось скитаться по белу свету в поисках куска хлеба, но ему не дали закончить. Потом выступали другие... Лучшего врубмашиниста «Лидиевки» приняли в партию единогласно.

А вскоре одна за другой пошли свадьбы. Два самодеятельных оркестра играли на свадьбе Ивана Пинтера. Стол был накрыт на

квартире невесты — разудалой откатчицы Машеньки, а танцевать приходилось в доме коммуны. Родители невесты, старый шахтер Кузьма Иванович и его жена Марфа Петровна Леньшины, старались изо всех сил, чтобы на свадебном столе было хорошее угощение...

КОММУНАРЫ ВЫПОЛНИЛИ свой долг — передали все свое умение молодым советским шахтерам. Судьба постепенно разбросала их по всей стране. Савва Бочарец по заданию партии был послан на работу в село. Матвей Перпич уехал в Сибирь, Узелац — в Харьков. Почти половина бригады направилась в Крым — там была создана сельскохозяйственная коммуна. Иван Пинтер закончил Московский коммунистический университет и возвратился в Донбасс.

Кипучими были годы первой пятилетки. Молодая Страна Советов развивала свою индустрию. Заводы и новостройки требовали много угля — «хлеба промышленности». В то необыкновенное время в забой на смену обушку шла отечественная врубовка, а коногона вытесняли электровозы...

Вместе с другими мастерами угля коммунист Пинтер брался за самое важное — помогал налаживать, внедрять в забоях новые горные механизмы, организовывал бригады по шефству над ними.

В письме к брату, жившему в США, Иван Матвеевич сообщил о приезде на шахту «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, который пробыл в Юзовке, ныне Донецке, целую неделю, беседовал с горняками на рабочих местах, побывал на квартирах рабочих, посетил пекарню, где выпекают хлеб для шахтеров. Попробовал, покачал головой: «Плохой хлеб, но и в Москве не лучше. Скоро все изменится, можно будет отменить карточки на хлеб и на другие продукты первой необходимости».

...Теперь в письмах братья Ивана Михаил и Антон высылали вырезки из газет. В них писалось о том, как трудовая Америка горячо приветствовала установление дипломатических отношений между СССР и США.

— По нашим письмам, — говорит Иван Матвеевич, — можно, пожалуй, сопоставить, как складывалась жизнь в Штатах и Советском Союзе за прошлые годы. Помню, написал я сестре об Алексее Стаханове, о его последователях — стахановцах, о том, как важен этот почин для выполнения второй пятилетки. Не удержался и добавил, что мне как лучшему машинисту врубовой машины недавно вручили удостоверение, в котором сказано: «За выполнение программы угледобычи 1934 года приказом наркома тяжелой промышленности СССР Орджоникидзе врубмашинист шахты «Ли-

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ЛЕЧЕНИЕ «ПО-ТИБЕТСКИ». Тибетские монахи еще 600 лет назад внушали молодым послушникам, что вино, наркотики и жирная пища вредны для организма. Они нашептывали эти заповеди по ночам на ухо спящим.

Специалисты из ФРГ утверждают, что «тибетский» способ не устарел и в наши дни. Под контролем врачей группе из 100 курильщиков ненавязчиво внушалось во время сна, что никотин разрушает организм. Через неделю треть «подопытных» отказалась от дурной привычки...

диевка» треста Рутченковуголь Пинтер И. М. премируется легковым автомобилем ГАЗ». Я гордился. Нет большей радости для человека, чем признание его труда... Из США ответ пришел довольно быстро. «Поздравляем тебя, дорогой брат. Правда, нам трудно представить, чтобы шахтерам давали легковые машины. Ты ведь знаешь, что у нас умелые рабочие. Но не было случая, чтобы за работу благодарили. За работу платят. И хорошо, если хватает на семью. Вообще в твоих письмах много любопытного; ты пишешь, что советский президент Калинин, у которого столько неотложных дел, приехал к вам на шахту, спускался в забой, передал дома в собственность шахтерам, разговаривал со всеми как с равными. А может, это только на вашей шахте было?..»

Потом Пинтер трудился инструктором по внедрению передовых методов труда на шахтах района. Был он начальником двух донецких шахт, работал инженером в проектно-конструкторском экспериментальном институте угольной промышленности, участвовал в испытании первого советского угольного комбайна. Работая в конструкторском отделе и испытывая в забоях врубмашины и комбайны, Пинтер внес немало ценного в создание горной техники, облегчающей труд шахтеров.

С тех пор прошло много лет, но в памяти Ивана Матвеевича Пинтера навсегда остались годы становления молодой Советской Республики, расцвет Донбасса — индустриальной жемчужины Украины. Здесь он нашел свое подлинное счастье. У них с Марией Кузьминичной давно взрослые дети. Отцовской дорогой идет старший сын Игорь. Он горный техник, работает в электромеханическом отделе той же шахты, с которой связана вся жизнь Ивана Матвеевича. А внук Виктор заканчивает горный техникум, тоже будет шахтером.

Право на осознанный труд и свободный выбор профессии по наклонностям предоставила внукам (а их у Пинтера уже девять) и четырем правнукам старого горняка Конституция СССР.

НЕДАВНО Я СНОВА встретился с Иваном Матвеевичем. Мы не спеша шли по улице поселка. Вечерело. В донецком небе загорались звезды. Самая яркая звезда вспыхнула наверху шахтного копра как символ трудовой победы горняков. Иван Матвеевич сказал:

— Пример подает наша «Лидиевка». Достойная смена пришла в забои. Молодые горняки верны добрым традициям коммунаров. Это хорошо! Иначе и быть не может... — Пинтер помолчал, потом, улыбнувшись, произнес: — А душа моя там, в шахте. Вместе со всеми.

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ВСЕМОГУЩАЯ ХИМИЯ... Два американских химика передали австрийскому скрипачу на испытание скрипку, и музыкант признал в ней изделие итальянских мастеров конца XVIII века. Однако инструмент был сделан в наши дни в лабораторных условиях. Химики использовали для корпуса эпоксидную смолу, армированную графитовым волокном, и прессованный картон. Из таких же материалов была сделана и гитара, акустические данные которой высоко оценили специалисты-исполнители в Аргентине.

НЕПОВТОРИМЫЙ
ЖОСТОВ

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ жостовский железный поднос, такой располагающий к себе щедрым своим декоративным цветочным нарядом!.. Кто его не знает, какая хозяйка не стремится раздобыть «еще один»! Ведь одинаковых по росписи подносов не бывает...

Сейчас это едва ли не единственный оставшийся от далекого прошлого «представитель» домашнего обихода, который продолжает нести свою службу за хозяйским столом. По праздникам же, когда набирается «гостей со всех волостей», без него и вовсе не обойтись...

Когда и при каких обстоятельствах возникло на Руси «железное художество», уже не установить. Вначале, конечно, было чисто кустарное, надомное производство. Промышленный разворот этому делу дал полтора века назад один из мастеров-художников, Осип Вишняков, создавший небольшую фабрику. В те далекие времена труд мастеров был тяжел прежде всего из-за отсутствия какой-либо механизации: все делалось вручную. В настоящее время для штамповки из листового железа подносных полуфабрикатов применяют высокопроизводительное прессовое оборудование, производство оснащено специальными окрасочными камерами, позволившими обеспечить нормальные санитарные условия труда.

Особенность жостовского подноса — в замечательной его росписи. В прошлом жостовские изделия в отдельных случаях украшались пейзажами со сказочными замками, а также «простонародными» жанровыми сценами вроде чаепития или масленичного катания на тройках. Но все же основной темой были цветочные букеты. В их создании жостовские мастера остаются непревзойденными умельцами. Они умеют найти предельно ясное, четкое композиционное построение, с подлинно ювелирной тонкостью разработать детали, наконец, придать цветовой гамме удивительную жизнерадостность.

Фон, на котором изображаются букеты, может быть красным и зеленым, синим и лиловым, желтым и золотистым, однако классическим неизменно считался черный, который уже в силу одного контраста со всеми другими цветами создает повышенное цветовое звучание, вызывает праздничное, торжественное настроение.

Букет на жостовском подносе не живописный натюрморт; перед художником во время работы не стоит подлинный букет, он исходит из имеющегося у него п р е д с т а в л е н и я о выбранных цветах, основанного на воспоминаниях о них. Следует отметить, что художник-жостовец никогда не пользуется эскизом росписи. Больше того, он не представляет себе конечный результат своей работы полностью даже в весьма существенных составных частях. Под кистью художника цветы вырастают подобно тому, как это происходит в при-

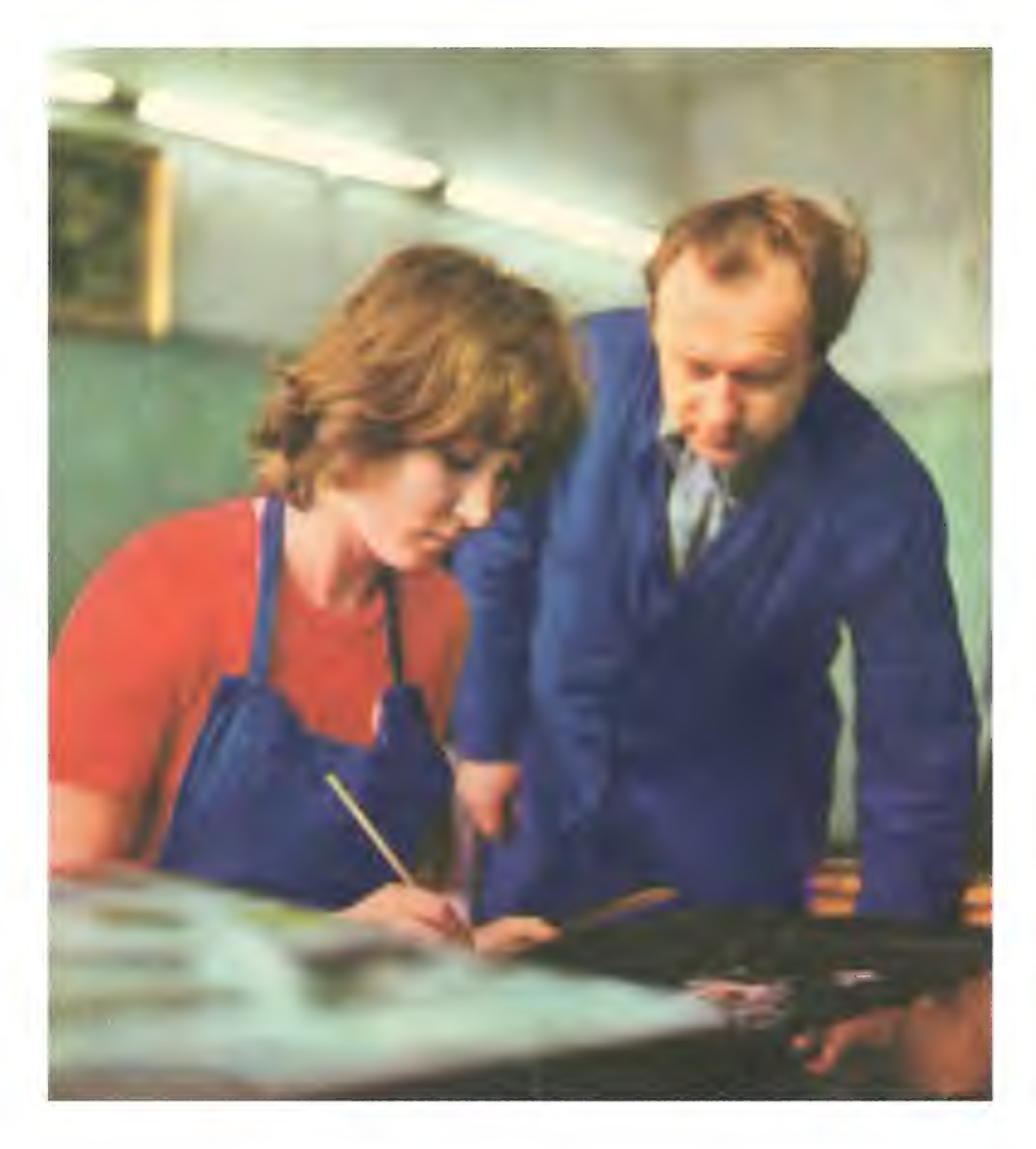
роде, возникают они в известной мере даже «своевольно». Вот почему исключено существование двух одинаковых по росписи жостовских подносов.

В обычном живописном натюрморте, как правило, передается также и пространство. На жостовском подносе цветы как бы слиты с фоном. Этот условный по своей природе живописный прием, а также умелое обобщение композиционных форм характерны для декоративного искусства. Они придают жостовской росписи черты монументальности и делают ее искусством самобытным, неповторимым, искусством, которым мы с полным правом можем гордиться.

Традиции жостовского искусства поддерживаются мастерами разных поколений. Тут и «хранители огня домашнего очага», передающие смене эстафету богатейшего опыта своих предшественников и своего личного, — А. П. Гогин, П. И. Плахов, В. И. Дюжаев, В. Д. Кледов. Тут и замечательная когорта «сорокалетних» — главный художник фабрики Б. В. Графов, художники Н. П. Антипов, Н. Н. Гончарова, З. А. Кледова и многие другие.

Молодая художница Наталья Горохова.





Борис Васильевич Графов — заботливый наставник Тани Островской и ее подруг.

Постоянно приходят новые, молодые силы, которые вливаются в творческий коллектив фабрики, располагая солидной подготовкой, полученной в Федоскинской профессиональной школе на отделении, готовящем кадры специально для Жостова. Сейчас жостовский промысел располагает большим коллективом высококвалифицированных художников; их здесь 180. Творческая деятельность ряда мастеров отмечена высокими правительственными наградами.

Традиции, которые лежат в основе жостовского декоративного искусства и составляют его силу, отнюдь не предполагают бесконечного повторения однажды найденных решений, сколь бы ни были удачны эти находки. Жостовцы вели и продолжают вести поиски нового.

Л. РОНДЕЛИ

Святослав СПАССКИЙ



NYLONовое чудо

РАССКАЗ

НАКОНЕЦ-ТО ценой больших усилий Петрову удалось приобрести нейлоновое чудо — дефицитный складной зонт. Гордясь, Петров нетерпеливо ждал дождя.

А как назло стояли райские безоблачные дни. Все живое, радостно трепеща, тянулось к солнышку. Один Петров, подобно буревестнику, жаждал непогоды.

Но вот с утра в четверг небо захмурилось. Об асфальт застучали редкие увесистые капли.

Выйдя из дому, Петров торжественно распахнул необъятный нейлоновый купол и зашагал по тротуару. Так достойно он шествовал с полчаса и, только вдоволь насладившись обновой, решил воспользоваться транспортом: время поджимало.

Дождь участился. Петров нырнул под стеклянную крышу троллейбусной остановки, чтобы закрыть зонт. Однако что-то в механизме заколодило, зонт закрыться не пожелал. Тщетно Петров нажимал изумрудную кнопку и дергал за изумительно сверкавшие спицы.

В плотной толпе ожидающих зашелестел хохоток. Прошло уже три троллейбуса. Вспотевший и злой Петров выскочил под дождь и засеменил пешком дальше, на ходу пробуя справиться со злосчастным чудом.

«Свинство какое, на работу опоздаю. С утра, как нарочно, планерка, шеф выдаст на полную катушку», — с отчаянием соображал Петров. Он замахал приближающемуся такси. Мокрый лимузин цвета ранней капусты медленно причалил к кромке тротуара.

— Друг любезный, — насквозь фальшивым бодряческим голосом сказал Петров, — зонт, вишь, не закрывается, а на работу надо.

Оценив ситуацию, водитель беззвучно посмеялся, а потом, выйдя из машины, с интересом взял зонт и тоже попытался закрыть его.

— Ой, осторожно! — воскликнул Петров. — Хрупкая вещь, заграничная.

— Тогда в мастерскую неси, — сказал водитель. — У меня самый мелкий инструмент — шесть на восемь, не подойдет. А в рас-

крытом виде и не пробуй, не влезет. Это ж не зонт, а целый планетарий. А машина моя, она тоже хрупкая, хоть и отечественного производства.

— Как же быть-то? На работу мне...

— Давай аварийную вызову, — с иронией предложил шофер.

— Хорошо тебе смеяться, — угрюмо произнес Петров. — Ладно, ехай давай, обойдусь.

Он независимо пошел дальше. Водитель, тихо смеясь, отъехал. Дождь прекратился, по небу побежали рваные серые облака.

Идти под раскрытым зонтом без дождя было вовсе невыносимо. Встречные недоуменно разглядывали Петрова, некоторые улыбались.

«Хоть бы солнце выглянуло, — мечтал Петров, — все-таки от солнца тоже под зонтом прячутся».

Солнца не было.

«Ну ладно, — прикинул Петров, — на работу я уже опоздал, да не впервой это... Но зайти-то как? В проходной пропуск предъявлять, потом на лифте и по коридору, и все с этим с раскрытым, с дьяволом упрямым...»

— Дьявол упрямый, — вслух обратился он непосредственно к зонту. — Чтоб ты пропал!

Черное нейлоновое чудо не пропадало. Оно неумолимо и величественно покачивалось над головой.

Лохматенький акселерат заглянул под зонт, указал чернильным пальцем на небо, а затем, присвистнув, покрутил им у своего виска.

Петров всхлипнул и побежал. Он уже не разбирал дороги, свернул в какой-то безлюдный переулок, размахнулся и с криком: «Так не доставайся ты никому!» — с силой ударил зонтом по фонарному столбу.

Зонт закрылся.



ЧТО ЗНАЛИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ ОБ ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

КАЗАЛОСЬ БЫ, что могли знать наши предки в далеком средневековье об Олимпиадах в Древней Греции и Риме? Однако кое-что они знали.

Во-первых, было известно, что «олимпияда» у «еллин» и римлян считалась праздником. Благочестивый древнерусский книжник, привыкший понимать под праздником только церковное торжество, был, по-видимому, несколько удивлен, что спортивные состязания могли почитаться как праздник. Описывая Олимпийские игры, он недоуменно констатировал: «...и тот день яко честнейший, и свято днево с великим веселием и радованием празднуют».

Во-вторых, довольно подробно раскрывалось содержание Олимпиад. Верно указывалось, что состязания проходили в течение пяти дней, что основные виды борьбы включали кулачный бой, названный в древнерусском источнике «местными битися», борьбу, соревнования в беге колесниц («запуск конской»), прыжки («скакати»), бег («тещи пеши»), метание спортивных снарядов.

Правда, разные авторы описывали соревнования по-разному. Одни писали, что «Олимпия у еллин или у греков запуск конской, или позорище нарицается»; другие под «олимпиядой» подразумевали «пять удолений на борьбе бываемая». Неправильно указывалось в одном источнике, что «олимпияда содержит в себе 50 лет; теми об римляне лета чтяху», то есть игры проводились раз в 50 лет и именно для того, чтобы отметить минувшее пятидесятилетие. Данная точка зрения возникла, вероятно, как дань христианской традиции, которая исключала упоминание о том, что Олимпиады проводились в честь бога-громовержца Зевса. Именно с утверждением христианства в Римской империи Феодосий в 394 году отменил Олимпийские игры. На Руси бытовало и правильное мнение о проведении игр через каждые четыре года.

Все эти сведения содержались в так называемых «Азбуковниках» или «Алфавитах неудобь познаваемых речей...». Возникнув в XIII—XIV веках как словари для толкования греческих терминов из церковных книг, они постепенно превратились в своеобразные энциклопедии. В них содержались сведения по астрономии, медицине, географии, этнографии, зоологии, истории, языкознанию и т. д. Азбуковники были распространены в огромном числе списков, так что мы не ошибемся, если назовем их одной из популярнейших книг Древней Руси. Поэтому можно говорить и о распространенности сведений об Олимпийских играх, содержавшихся в статьях, пояснявших слова «олимпияда» и «олимпий».

Л. ЧЕРНАЯ,
старший научный сотрудник Центрального государственного архива древних актов


SOLIDARIDAD
МИР
МОЛОДЕЖЬ—
ЗА МИР,
ДЕМОКРАТИЮ
И СОЦИАЛЬНЫЙ
ПРОГРЕСС!



ПОЭЗИЯ

Феликс ЧУЕВ

ДЕЛО ПРАВОЕ

* * *

Фанерный, не из стали,
уставший от высот,
стоит на пьедестале
бывалый самолет.

Как беркут на покое —
на каменной скале,
застыл в дремоте воин
с заплаткой на крыле.

Фартовые, бедовые,
на несколько минут
курсанты — хлопцы новые
к биплану подойдут.

Ни дьявола, ни бога
в кабине не видать.
...Голодная эпоха,
умевшая летать.

ДЗЕРЖИНСКИЙ

Когда прохожу вдоль кремлевской
стены —
все чаще со мною такое бывает, —
в строю, где святыни и гордость страны,
есть каменный памятник, ель голубая.

Товарищ Дзержинский тревожит меня
с тех пор, как я понял, чье имя ношу я,
все трепетней трогаю день ото дня
эпоху и жизнь, поначалу чужую.

Я, может, не очень обдумал житье
и в скомканных буднях не так поступаю,
но чувствую: это родное, мое —
портрет из гранита и ель голубая.

Доныне он молод, хоть годы не те...
Над пятой колонной, над сворой фашистской,
в своей остролицей, как меч, прямоте
встает одержимо товарищ Дзержинский.

* * *

Вот уж не помню —
сонно бреду
где-то вдоль озера, что ли...
Перья гусиные на берегу,
льдинки в небесном раздолье.

Пахнет просторной весенней водой,
воспоминаньями лета.
Где-то потом мы сойдемся с тобой
на перекрестке планеты.

Вспомним рассвета распаренный лед,
белый, как май в Ленинграде.
Тамбур косые пути пролистнет,
словно страницу в тетради.

Ветер и солнце возьмутся за пыль,
щеки домов обжигая.
Жизнь впереди, как в степи богатырь,
непобедимо большая...

* * *

Ломается сынишка за обедом,
попробует — и все ему не то.
А мне припоминаются при этом
три хлебных крошки в плюшевом пальто,
согбенных стен морозные объятья,
за льдом окна шаги по январю...
Я говорю: — Тебе поголодать бы! —
и думаю: «Да что ж я говорю?..»

«АРТЕК»

Какое счастье вспомнить об «Артеке»,
когда бывал в «Артеке» наяву
в том самом детстве,
в том двадцатом веке,
где и поныне молодо живу.

...Яичница урчит на сковородке,
торопит мама: «Мойся поскорей!»
И, подражая батиной походке,
придавливаю тапками пырей.

С отцом вдвоем идем к его работе,
его работа — сказочный Ли-два,
и я сижу зайчонком в самолете,
зеленом, запыленном, как трава.

Гроза. Болтанка. Облака и крыши.
Радист моргает: «Семечки! Не трусь!» —
Херсон под нами. Бортмеханик Гриша
разламывает сахарный арбуз.

А при посадке что-то отказало,
я только помню: «Пять, четыре, три...»
Машина мчалась на дома...
Сказал он,
мой батя, после: «Матери — смотри!..»

И я горжусь доверенною тайной
и той грозой — грозой для поршневых,

и на посадке, каверзой случайной,
за батю я горжусь.
За нас двоих.
Простились в Симферополе.
Спокоен,
светлел отец решительным лицом.
А что «Артек»?
«Артек» само собою.
Но перед этим был полет с отцом.

* * *

Никогда не забуду я черную грязь,
что под светом фонарным сверкала
за окном в ноябре.
Это значит, вылазь
из-под теплых бортов одеяла.
Это значит, в далекую школу иди
в темноте, по камням, вдоль забора,
и не бойся шпаны —
алый шелк на груди
отутюжен к отрядному сбору.

...Так всю жизнь я в какую-то школу бегу,
пробираясь сквозь мокрую темень.
И вдали отсекает мой бег на ходу
золочеными стрелками время.



Василий ЮРОВСКИХ



ДВА РАССКАЗА

ГРУЗДЯНЫЕ ГРЯДКИ

Прокопия Степановича привезли домой со станции Долматово на исходе зимы сорок третьего года. Ездила за ним на конторском выездном жеребце по кличке Победитель его жена, мать моего дружка Витьки — Матрена Егоровна.

Председатель колхоза имени Калинина Михаил Петрович Поспелов, сам пришедший с войны без ноги, еле устоял, когда вытащил из конторы овчинный тулуп, который доверялся людям в особых случаях. Потирая остроносое лицо вязаной исподкой, он строго наказывал растерянно моргавшей заиндевевшими ресницами Матрене:

— Ты смотри надежней укутай Прокопа, смотри не обморозь его. Слаб он, бескровен, а таких нас скоро деревенит мороз. Слышь? Ну счастливо вернуться! Да Проне поклон от меня передай, ладно? И не заобнимай его на радостях, чуешь?

Матрена Егоровна чуть приспустила ременные вожжи в побелевших на улице медных блестках, и Победитель, как пушинку, подхватил плетеную кошевку, сыпанул копытами сухие брызги снежных комочков. Взрослые и мы, ребята, молча ждали, когда упряжка счернеет на угоре и скроется за гривой леса.

— Чего, Михаил Петрович, не подсказал Матрене, чтоб она за жеребцом следила, — пристал у конторы хромой конюх Максим Федорович по прозвищу Собачонок. — А то свово мужика сбережет, а Победителя запалит. Возьмет, глядишь, сдуру напоит ишшо в Долматове. Не ближняя дорога-то, эвон какой волок.

— Помолчал бы ты, Максим, — хмуро выдохнул председатель табачный дым и даже не посмотрел на конюха. — Матрена не меньше тебя рабливала на конях, знает что к чему. А что прежде солдата беречь, человека, понимать надо...

Мы с Витькой до потемок катались в логу Шумихе на самодельных, кое-как загнутых и оструганных лыжах из осиновых досок. Скатывались и забирались на горку, а сами все время вострили глаза туда, откуда должна появиться подвода с его отцом. В той стороне остыло низкое солнце, и дымная пелена затянула край неба. Стало холоднее, и захотелось есть, но мы ждали, что вот-вот вылетит на угор Победитель и принесет Витькиного тятю. В Юров-

ке прибудет на одного мужика, пущай израненного — кто здоровых с фронта отпустит?

Почакивая зубами, глядели мы с горки за деревню, на пустую дорогу, уже не различимую среди снегов. Нет, нет никого... Неужели неправда, что Прокопий Степанович прибыл в Долматово и зря позвонили в контору из города? Только кто же в такое время станет людей разыгрывать?

— Может, со сбруей чо-то случилось или в Пески по пути обогреться завернули? — догадался Витька и добавил: — Айда, Васька, по домам. А то мать заругает тебя, до школы пимы не просохнут. Айда, не дождаться теперь, темно стало, все одно ничего не видно.

Мы подхватили лыжи и побежали в деревню. Я у пожарки свернул в свой заулок, а Витька потопал дальше улицей. Изба у них стояла на краю Юровки, по правую руку, если идти в деревню Морозовку.

Ни мы и ни кто другой так и не повстречал Прокопия. Они приехали с Матреной в полночь, и Витька не слыхал на полатях, как мать завела в избу его тятю, как потом отвела на конюшню Победителя, как долго-долго не спали мать с отцом, сидели у стола в горнице.

Дядя Прокоп до самого тепла не показывался на улице. Раз-другой видел я его через раскрытую дверь горницы. Худой и белый, лежал он на деревянной кровати, и, когда выпрастывал руку из-под лоскутного одеяла, она была тоже белая и костистая, с синими извилинами жил. Казалось, под кожей растеклись и остановились весенние ручейки.

Я не расспрашивал дружка о здоровье отца. Чего тут языком болтать! Если б мог он, так разве лежал бы дома... Давно бы дядя Прокоп направлял к весне телеги, чинил сбрую, вил из конопляной кудели веревки. Да мало ли дел нашлось бы для него в бригаде, в мастерской по дереву?!

Помалкивал и Витька, и я понимал дружка. У нас тоже тятю отпускали по ранению, тоже еле-еле поправился и опять уехал на фронт. Нет, здоровых мужиков не отпускают с войны, чего тут зря языком болтать...

Как-то незаметно привыкли мы с ребятами, что у Витьки дома отец, по-прежнему звали его не иначе, как Витька Матренин, и он никогда не поправлял нас и не обижался. Называли же меня Васька Варварин, другого дружка — Ванька Устиньин, как и всех остальных, по

именам матерей. Даже учителя в школе вызывали к доске не по фамилиям — сплошь были Юровские, Мальгины, Поспеловы да Грачевы, а по именам матерей наших. Они, матери, и краснели, принимая стыд за наше нередкое озорство...

...Летом, когда после дождей-парунов появились по лесам синявки и обабки, как-то утром вывела Матрена своего хозяина. Левой рукой он держался за ее плечо, а правой опирался на березовую клюшку. Витькина мать усадила дядю Прокопа на лавочку у ворот, чего-то сказала ему и бегом направилась к ферме. Мы сидели за прудом напротив Витькиного дома, где всегда играли в прятки по кустам черемухи и сшибали шишки с двух сосен. Залезать на них не мог даже липучий Осяга — гладкие стояли они до самой вершины.

— Гляди-ко, робята, дяде Прокопу полегче стало, — сказал Санька Марфин и показал рукой за пруд.

Витька смолчал, но разве мы не понимали, как он в душе радуется, что тятя его поднялся с кровати и сидит на лавочке, как сиживал до войны, когда приходил под вечер с работы. И никогда попусту: приносил из мастерской сыну маленькие грабельки или литовочку, плуг или борону из дерева. А с поля — кто как, а Прокопий всегда привозил ягоды или стручки гороха. И особо любил он ломать грузди. Ему бы, пожалуй, прозвище дали за грузди, да был уже в Юровке Ганя Груздянка, и за ним осталось первое прозвище — Проня Степин — по имени отца, погибшего на германской войне.

В деревне быстро узнали, что Прокопий Степанович выходит на улку и дело пошло, видать, на поправку. Иные бабы начали уж и вслух завидовать Матрене:

— Счастливая ты, Мотя. Выходила Прокопа и теперя с мужиком. А нам-то где своих дождаться с того света, бумажки и осталось горючими слезами уливать.

И только все сходились на одном, когда смотрели издали или вблизи на Прокопия: тоскует мужик по лесу, по груздям.

— До чего мастер он их искать — задивуешься! Все пробегут грядой Дубровой, ошшупают до листика под березами, а Прокоп следом груздок за груздком выковыривает. Знать, заговор какой-то имеет, грузди сами из земли к нему лезут. Грузденик первый, чего тут скажешь боле!..

С груздями каждый раз возвращались мы в деревню

мимо Витькиного дома, и дядя Прокоп ласково окликал нас с лавочки:

— Ну, как там, добры молодцы, груздочки? Сухих или сырых наломали? — И подолгу советовал, куда лучше завтра идти, где и какие грузди здорово напревают, как ломать их, чтобы не перевелись они по лесам: — Грибы — они не уважают, кто роется в лесу, как свинья пятаком своим все искапывает. Они — существо тонкое, глазу не видно, как размножаются. Сломил груздок, осторожно прикрой корешок. После столь нарастет — всем таскать не перетаскать.

Запали нам в душу материнские слова: «Тоскует Прокоп по груздям». Сводить его с собой?.. Да если б мог, так разве усидел бы он на лавочке?! Он бы и в колхозе работал, и по грузди успел бы...

Идем ли дорогой полевой в дальние Отищевские березняки, бродим ли ельниками у Королят, а нет-нет да вспомним Витькиного отца. И если у Витьки меньше нашего груздей в ведре, незаметно подкладываем из своих. Не по отцу он, на глаза попадаются ему больше всего старые шляпы — червивые или иструхшие. Но и понимали, не маленькие: дяде Прокопу готовые грузди не в радость. Это кажется только, что хорошо бы они сами запрыгивали в ведро. Ну, и прыгали бы, а какое веселье, если не ты нашел, не полюбовался вначале, а потом аккуратно сломил?

Занепастило как-то, обложило дождем-мелкосеем со всех сторон, и днями пережидали мы непогоду под соломенной крышей овчарника за Витькиным прудом. Сухо и тепло нам на соломе, под самой крышей веники прошлогодние висят, и ветер не достигает до нас.

Безделье хуже всякой работы показалось нам. Даже ломать грузди и окучивать картошку лучше, чем смотреть на близкое мутное небо и слушать, как сыплется и сыплется частый дождик.

— Робя, — покусывая соломинку, начал первым Осяга. — Дождь все равно пройдет, не век ему полоскать. Я вот чо думаю: как просохнет, давайте берегом пруда изладим груздяные грядки. Навозим земли из Дубравы на тележках и в грядки ее. Грузди напреют, и дядя Прокоп начнет за ними ходить.

— А верно Осяга придумал! — ожил Ванька Устиньин. — Долго ли оравой напеткать груздяной земли.

Осягина задумка поглянулась всем, и никто не приме-

тил, как стемнело под крышей и «отбил часы» по подвешенному на углу лемеху фермский сторож — Василий Южаков. На уме у нас были только груздяные грядки возле пруда Прокопия Степановича — Витькиного отца.

«Хоть бы ненастье кончилось, хоть бы кончилось...» — изнывал я ночью. И пока не свалил сон, прислушивался: не брenчит ли дождь по стеклам, не каплет ли с крыши в деревянное корыто? А утром первым делом подскочил к окну и с радости чуть не выдавил стекло — на улице было светло, резко голубело небо и плавилось солнце. На заплоте гоглился и голосил петух, курицы мелкими глоточками отпивали дождевую воду из корыта, и даже воробьи лезли попурхаться в луже, будто не стояло нудное ненастье, а прогромыхала короткая гроза.

С ведрами и тележками двинулись морозовской дорогой в Дубраву. Мама еще раньше ушла на детдомовский огород, а сестре Нюрке я не стал объяснять, лишь махнул ведром и покатил тележку по заулку к пожарке.

Собрались у пруда на диво дружно, даже Ванька Устиньин — засоня из засонь — и тот явился без опозданья. И когда пять тележек проторили сырой дорогой прямую колею, я заметил, как переменился в лице Витька. И волновался он и переживал, и слезы накатывались на его узкие глаза.

«Ничо, Витя, вырастут на грядках грузди. Растут же огурцы, морковь и бобы, — думалось мне. — Поливать будем из пруда. Пруд пересохнет — из Крутишки речной воды наносим. Вырастут грузди — взвеселим сердце дяди Прокопа...»

Таскать тележки — дело привычное для нас, пусть и земля тяжелее чащи и сухостойника. Но это если бы один, а когда артелью, то и пауты не так больно кусаются, и солнце не очень-то жарит затылок, и о еде не думается. А летнему дню конца и края не видно. Неловко только, когда попадаются навстречу взрослые и допытываются: зачем из леса землю везем?

— В школе велели, — буркнул Осяга на расспросы сроду подозрительного конюха Максима Федоровича.

— В шко-о-ле? — недоверчиво растянул он. — А пошто моя Манька не сказала, из озерка не вылазит, поди, вшей напарила в голове от перекупанья.

Раз Осяга сказал — мы втихомолку объехали телегу конюха с накошенной свежей травой, наверно, для Победителя.

«В шко-о-ле», — передразниваю в уме я Максима и злюсь, вспоминая, как он заикнулся председателю о Победителе, когда Матрена уехала за Прокопием. Вроде один он и болеет душой за колхозное добро. Конечно, за конями исправно ухаживает, но ведь ловил его председатель с овсом в сапогах. Полведра высыпали из его бахил, не зря такие сапоги сшил. Ладно, не сообщил Михаил Петрович, куда следует, и никто не нажаловался на Максима. Иначе тюрьма бы ему.

Если бы нужно простой земли, то навозили бы скоро. Мы аккуратно снимали грибной слой и складывали отдельно от земли, черной, вязкой и тяжелой. Ее ссыпали вниз, а уж после покрывали бурой, с перепревшими листьями. В ней таились невидимые грибницы груздей. Должны расти и сухие грузди, и синявки, и обабки...

Витька ли промолвился или сам Прокопий Степанович углядел, но на третий день он неслышно приковылял к нам за пруд под старые редкие березы, и мы услыхали:

— Гляжу и гадаю: чем это добрые молодцы занялись? А они, смотри, земляные гряды делают.

— Не земляные, а груздяные, дядя Прокоп, — признался Осяга и покраснел, и лишь брови и волосы забелели сильнее прежнего.

— Груздяные?! — удивился Прокопий Степанович. — А не проще ли грузди таскать? Или в лес неохота ходить, под боком хотите их ломать?

Витька подбежал к отцу и о чем-то зашептал ему на ухо. Видимо, признался, для кого грядки и грузди. Дядя Прокоп кивал головой, но было все-таки непонятно: доволен он нами или не одобряет?

— Так-так, ясно, ребятки! Однако скажу вам, вы уж, ради бога, не обижайтесь, не с того начали. Допустим, грибной земли вы навозили и грибницу не нарушили. А вырастут ли грузди? Чего им не достанет здесь?

Мы растерялись: наверное, действительно что-то мы не додумали, чего-то не так сделали? Дядя Прокоп лучше нашего знает, как грузди растут.

— Ну, вы не расстраивайтесь и духом не падайте. Нужно было, сынки... — Голос у дяди Прокопа почему-то дрогнул. — Нужно с деревьев начинать, березы и осины садить. Тогда, я вам скажу, точно вырастут любые грузди. Точно!

Прокопий Степанович поморщился, должно быть, раны разбередил, и медленно осел на почерневший пень дав-

по спиленной березы. Он свернул цигарку, ловко высек кресалом искры на трут и затянулся табаком.

— Правее нашей избы, ребята, — ткнул дядя Прокоп клюшкой за пруд, — жил Иван Григорьевич Поспелов, или Ваня Семиных, как помнят его старые люди в Юровке. Ну, не такой, как все, он был. Во-первых, обожал лошадей, да не рабочих, а рысаков. От кавалерии, службы солдатской, осталось в нем. Запомнил я жеребца. Соловко звали, как ветер был! Эх, да как скакал на Соловке дядя Иван, как скакал! — заблестел глазами дядя Прокоп. — Никто не тягался с ним на скачках, где уж Соловка обогнать! Да и умен, умен был жеребец! Иной человек меньше соображает... Хотя совсем не о том я вам расскажу. И пруд, и ключ, и сад вот весь этот — все от Ивана Григорьевича осталось. Только худые люди перевели его, сад-то. Берегом целая березовая роща стояла, тут и рябина, и черемуха, и калина, и смородина. Сосны тоже он вырастил. А в пруду развел рыбу. Не караси, а лапти ловились. Ну а главное-то грузди здесь росли, что те по добрым лесам. Прыснет дождик — Иван Григорьевич с корзиной за пруд. Смотришь, синявок несет или обабков. А опосля сухие и сырые грузди — ступить некуда. Соседи смущались в сад заходить, хоть Иван Григорьевич и приглашал. Тогда он что надумал: груздями одарил нас, а бабушку Федосью за руку насильно заводил. Состарела она, под девяносто подкатило ей, а по грузди любительница была ходить. Только куда ей в лес? Вот и меня дядя Иван приучил к груздям. Своих-то детишек он не имел, меня заместо сына привечал.

— А когда он умер-то? — вырвалось у Ваньки Устиньиного, стоило только Прокопию Степановичу замолчать.

— А? — поднял он голову и очнулся от чего-то своего, нам неизвестного. — Не помер Иван-то Григорьевич. Белочехи его зарубили шашками.

— А он богатый был или бедный?

— Э-э, да какой там богатый! Все и богатство — Соловко. И его отдал Ефиму Ивановичу Юровских... А было, рассказывают, так. Оплошал Ефим, и по доносу схватили его белые, в Макарьевку к чеху Трошке — ох и зверюга был! — на допрос-пытки. Исхлестал Трошка Ефима нагайкой в кровь и спьяну тут же ночью расстрелять приказал. Повели их двоих — его и Ваню Барашка. Барашек бойким и драчливым считался. Отчаянный, а тут оробел. Ефим ему шепчет: «Бежим, Ваньша, а то каюк. Как я

огрею конвойного — дуй куда глаза глядят. Темень, ни хрена не попадут в нас». Торнул Ефим конвойного — и в сторону, и бежать. А Барашек стал, как столб. Укокошили его. Ефим на заимку к дяде Ивану — ни жив, ни мертв прибежал. До избушища далеко было. Иван Григорьевич и спрашивать не стал: воды ковшом зачерпнул, Соловка из-под сарая вывел к Ефиму: «Живо, на вершину да к нашим скачи. Вот тебе хлеб с огурцами, где-то перекусишь. Да живей, живей, а то очухаются, сволочи, и перехватят тебя!» Ефиму в самом деле не до разговоров, от пули верной ушел, только и крикнул, когда дух перевел: «До смерти, дядя Ваня, не позабуду!»

Угнал Ефим. Да разве Соловка настигнешь: ветер, а не жеребец. И опять же — умен был... Белочехам и не догадаться бы, но нашлась гнида. Тьфу, называть неохота! Донесли на Ивана Григорьевича, и всадники к нему на дом пожаловали. Почуял старый солдат: не зря за ним. Схватил литовку и на белочехов: «Посеку, гады!» Изловчился старик, хватил одного по плечу, а двое враз с шашками на него и... распластали дядю Ивана.

Дядя Прокоп уперся на клюшку, поднялся на ноги и улыбнулся нам.

— Ладно, сынки, подамся домой. А вы запомните мой-то совет. И будут, будут расти грузди у вас. То-то порадуется в земле дедушка Иван...

Сколько ни мочило потом, а на грядках не появились грузди. Зато осенью мы натаскали березок, осинок, смородины. Засадили весь берег пруда и снова поверили: если поднимется лес, станут расти и грузди. Лишь бы крепко поправился здоровьем Витькин тятя. А грибная земля тоже не пропадет даром: в ней есть незримые семена груздей, и они сразу оживут вместе с лесом.

...Слякотища и холода опять свалили дядю Прокопа на кровать, и, когда Витька не пришел в школу, мы сбежали к нему домой с уроков. В пастуженной избе тесно от народу. В горнице причитали проголосно бабы, а у стола на лавке сидел без шапки председатель колхоза и свертывал цигарку за цигаркой. Взрослым было не до нас, и Витька на печи за трубой не видел и не слышал нас. И мы тоже оглохли, сели на нижний голбец и, не стыдясь друг дружки, заревели. Давились, всхлипывали и, стуча зубами, шептали:

— Дядя Прокоп, дядя Прокоп, чо ты не дождался груздей, не дождался...

«ТОЛСТЫЕ ШТИ»

Избу разбирали мы с крестником Василием, а отец сидел на остатках саманухи, непонятно как уцелевшей и бугристым беликом поднявшейся в задичавшей ограде. Когда распятнал он морщинистые бревна — сам уже не помнил, однако считал главное исполненным. Отец мой инвалид и передвигается даже ровным местом почти на «перстиках», долго «буксует», как подшучивал крестник-тракторист. И хотя близоруко щурился он сейчас, но следил за нами зорко-ревниво: молоды, дескать, не угляди—переломают, лахудры, все начисто. А дом-то еще ничего, простоял всего-то лет восемьдесят. Ну и, считай, полвека в его стенах прожито, если войну не выкидывать.

Первым залез на крышу Василий. Ступил на нее, тесовую и когда-то не раз смоленую, и... провалился по пояс. Провалился бесшумно, словно в болотную трясину. А крыша и была вся покрыта зеленым мхом, синеватым лишайным грибком, казалась рябой от ряски, как перестоялая глухая вода. «Иструхла», — екнуло у меня под левой лопаткой, а Васька озорно заорал:

— Тятя! Как тес-то сымать станем? Гвоздодер подавай...

Отец поначалу не понял шутки, заерзал на самане, заозирался по сторонам: где, мол, тот гвоздодер. Но догадался и закатился нутряным смешком. Потом долго и до слез кашлял, на смуглой лысине проступили росинки пота. И тоже долго шевелил губами, пока собрался по возможности слышно ответить мужу внучки:

— Пальцами, пальцами-то, Вася, и дери гвозди с тесом.

Василий нырнул под рыхло-мшистую крышу и чем-то звякал на чердаке-вышке, вполголоса разговаривал сам с собой. Темная дыра дымилась пылью и чем-то теплым и легко-золотистым.

Ну, теперь и мне надо забираться, что-то Василий замешкался один на вышке. Шагнул к сенкам и увидел, что со стороны бывшей пожарки кто-то верхом на гнедом мерине правит к нам. А-а... Да это закадычный дружок отца Филипп Николаевич, или, по-простому, Филька Микулаюшкин. Теперь заведет басни — избу за неделю не раскатать.

Не доезжая до ограды, слез Филипп с вершины, Гнед-

ка напротив к пряслу огорода Андрея Бателенка привязал и на отца колобком покатился. И тот и не тот Филя. Курносый, круглый, но зарос волосами. Из-под мятого-перемятого картуза клочья с проседью, и борода лицо затянула, и на нем лишь глаза карие, обрадованные. И попахивает от Фили густо-бражно, хоть тут же огурцом заедай. А из грудного кармана тож перемятого хлопчатобумажного пиджака бутылка торчит, пробкой из газеты заткнута.

Филипп сразу полез обниматься, чуть не сронил отца с саманного бугорка:

— Ваньша, Ваня, дружок ты мой разлюбезный... Здорово, здорово... Зим-то да лет сколь не видывались...

И тут же полетела самодельная пробка в полынь.

— Дружья мы с тобой, Ваньша, али нет? — начал он пытать отца. — Глотни-ко, Ваня. Да не шшади ее, пей, душа-мера!

Винишко мутное плескалось из горлышка крапивно-зеленой бутылки, а Филя и не замечал того. Винишко, конечно, дешевое, каким можно даже крыс травить, но для друга-то ничего не жаль...

— Погоди-ко, Ваня, съезжу в столицу за наградой, знашь сам за какой, тогда мы с тобой чо изопьем? Да то-во, што на склянках-то звездочки. Каньяк называтса. Мы его с полковником, знаешь, как на хронте понужали. Кажно утро возили меня в политотдел награждать...

Фу ты! Четверть века минуло, как я на полатях книжку читал, а Филя отцу за столом заливал то же самое. И каких только орденов-то ему не вешали! Ведь был Филипп не каким-нибудь кочколазом-пехотинцем, а санинструктор-старшина. А что пришел он в Юровку с фронта по тяжелому ранению с единственной медалью «За боевые заслуги» на красненькой колодочке — беды в том Филипп не видел. Зато каких только «ба-аль-ших» орденов не потерял он в атаках... И немецкого полковника приводил с обрезанными пуговицами на штанах...

Отец всегда поддакивал другу, а тот накалялся, входил в азарт, и был ему сам черт кум-сват. Я слушал на полатях и не встревал в мирное веселье вояк.

Филипп Николаевич взаправду был весь измечен-изорван железом войны, как и мой отец — простреленный и трижды контуженный. И потому через столько-то лет мира «буксует» он подолгу, валится мешком на землю, и слыхать от него понятно лишь отчаянно-громкие русские слова.

Не стал я мешать «дружьям», чьи встречи стали редки после нашего отъезда в дальнее село. Пусть наговорятся старики, пусть Филя «потяжелеет» опять наградами... А когда покидает он их в атаках, вспомнит свою жену — покойницу Онтонидушку. Умерла она так не вовремя, оставила Филиппу пятерых, мал мала меньше, ребятишек. Заревет тогда боевой Филя, и сколько волос в усах и бороде — столько и ручейков потечет на конотоп, на горькую полынь...

Все пятеро давным-давно на ногах, внучат куча мала. Помогла вдовцу такая же одинокая и добрейшая женщина — Онисья-солдатка. Подняла и его «фыпят», и своих троих белобрысых девчонок. И теперь обиходит она Филиппа, слова худого не обронит, когда невзначай выпьет он. И пока не успокоится сам, вздыхает она и слушает его рассказы о наградах, о «ерманском полковнике». Только о том, как было на самом деле, не может Филипп говорить. Завоет голосом, рукавом рубахи глаза закроет и твердит одно и то же:

— Робят, робят, Онисья, жалко... Сколь их полегло, сколь полегло... Я-то живой, живой... А пошто, пошто?..

И ночью вдруг поднимется Филипп на кровати, забормочет, зашарит по постели и тихо-тихо позовет:

— Тоша, Тошенька, Онтонидушка ты моя...

Трудяга Филипп. Не больно часто балует себя винцом. А тут услыхал — друг его приехал гнездовье родимое ломать, двадцать лет изба пустовала. Ровно столько ждал Филя и верил: вернется Иван, и опять сядут они на лавки за шаткий стол и станут вести беседье...

Обнялись «дружья», и нет никого на свете, кроме них, двух солдат, двух юровских мужиков. Хотя как нет... Оба они непременно вспомнят тех, что полегли где-то «от железа немеского». И они, не произнося вслух имена на братских могилах, имена ста тридцати невернувшихся односельчан, оба вздрагивают; смокают у них бороды, и темные пятна расплываются у каждого по рубахе. А чьи слезы-то — не разберешь. В один солено-жгучий ручей сливаются солдатские слезы...

Василия я застал за самым неожиданным занятием. Сидел он на боровке трубы, держал в ладонях и пробовал размять твердыми пальцами какие-то жесткие железно-ржавые стружки. И видно было — не может он, озадаченный, понять: что же такое попало ему в руки?

— Што же это, лелей?

Наклонился я к ладоням крестника и... Боже мой, да ведь кожурки картофельные! Теперь-то очистки от картошки — мусор. А тогда, в войну, как мы их берегли... Сушили, в мешки ссыпали, запасались на черный день.

И не счесть ночей, просиженных возле жерновов. Крутишь верхнюю жерновину за вылощенную ручку, обжигает дерево ладонь, словно каленое железо. Жуют жернова кожурки, и скупо сыплется-течет едкая коричневая мука. Задремлешь, бывало, потом сам же от тишины просыпаешься, набиваешь горловину жернова кожурой и опять «слезится» на тряпицу «мука» для лепешек.

— Кожура, Вася, кожура от картошки. Не успели доесть, хлеб появился. А выбросить с вышки на улку у матушки рука не поднялась. Вот и лежали они здесь. Мешок мыши изъели, а кожурой погребовали.

— Неужто ели? — поднял от пригоршней синие глаза крестник и впервые засомневался в своем лельке.

— Ели, Вася, ели, — проронил я и шагнул вышкой к чулану. Ногой за что-то зацепил, и загремела на потолок сеней деревянная ступа. Ух ты! Напугала она меня... И как только сохранилась ступа, вот только пестика что-то не видно?

— А што тут за орудье? — спросил Вася, бережно ссыпая в кучку ржавые стружки кожурок.

— Ступа. Наша кормилица, наша спасительница, Вася. Полетай, ну овсюг по-правильному, толкли мы в ней, очищали от кожуры. Кашу потом варили, на лепешки мололи. Даже кисель получался. Эх, каша-то была! Овсу — конскому рису — не тягаться с ней. В вольной печи, в кринке или горшке на молоке упарится... Эх, не рассказать даже, Вася, до чего вкусной она казалась!..

Ох, давно было, как давно... Весна сорок третьего года... Картошку еле на семена дотянули, корова Манька тогда не отелилась. Отец упластается на охоте, а ничего не принесет. И ходок-то он был самый нарошнешний. По раненью, по контузии отпускали его на полгода. Пробыл тятя дома всего три месяца, и снова повестку принесли, снова на фронт ему.

Уполз он как-то в поле и две ночи не возвращался. Жутко вспоминать... Потеряли мы отца, и страшно подумать, что умер тятя в лесу. Мама с горя украдкой от нас

петлю из супони в чулане изладила. Сестра случайно приметила — сняла и в снег затоптала.

На третью ночь буран задурел, ветер в трубе завыл, как о покойнике. Коптил на брусе фитилек — тряпочка в черепке от кринки с салом. Не спали мы, все прислушивались: а вдруг тятя все же постучит? В полночь задремали. И тут кто-то побрякал в сенки, поскреб мохнатое от снега стекло оконное. Сшибая друг дружку, кинулись мы все трое — сестра Нюрка, брат Кольша и я — босиком в сени, налегли на жердь-запорку. Открыли дверь, а из буранного снеговея тятя вырос. Онемели от радости, ни стужи, ни снега не чуяли ноги...

Два дня бродил отец, искал под снегами тока, где поздней осенью молотили хлеб. По зернышку, по горсточке намел, наобдувал и наотсевал да натряс он из соломы мешок ячменя. Таких «хрушких» зерен мы в жизни не видывали. Да и сейчас, как подумаю, кажутся крупнее и тяжелее самого сортового ячменя. И уж не жернова, а ступа деревянная появилась в избе. Обогрела свои трещинистые бока, и тогда тяжелым пестом осторожно толкли мы бронзово-литые ячменные зерна. Дрожали над каждым зернышком, из щелей в полу выковыривали. А если укатывались — проваливались в голбец — и там находили.

Первые «толстые шти»... Запах из печи гнал слюну, гнал до того, что, когда матушка поставила блюдо с ними, во рту было шершаво-сухо. С топленым салом долго не стыли «шти», а есть так хотелось — жглись мы, и у всех с нёба кожа сползала.

«Толстые шти»... И слов-то теперь много знаю, а немею, как перед святыней, как перед матушкой родимой... И не могу я ничего сказать. Видно, поймет меня лишь тот, кому довелось с детства забыть вкус хлеба и, как в русской сказке, снова испробовать его. Ну не хлеб, так «толстые шти» из ячменя.

Мы-то знаем, не одним голодом, не одной думой утолить его жили в те годы. Кто же, как не наши матери, сами больше нас голодные, ехали в поле с песнями, пели и вязали на телегах подарки бойцам на фронт. До упаду наробившись, снова пели. И мы, издалека слушая матерей, забывали о голоде и верили, пуще верили в победу наших отцов, дядьев и братовьев.

Смешно, поди, нынешним ребятам, сыну моему, представить на полатях заморыша-второклассника, сочинявше-

го боевое письмо дяде Ване на войну. А к нему приложил я рисунок: Гитлер глядит в зеркало и видит там свой череп. И каракули внизу: «Гату хапуть!» Рисунок-то я углядел в газете, поглянулся он мне, и на обложке единственной тетрадки нарисовал я свой самый первый рисунок. В конце письма передал я пламенный привет дяде и его друзьям от «баушки Лукии Григорьевны».

Веселый ответ прислал мне дядя Ваня. Страсть как расхвалил! И солдаты его взвода подписались, поклялись кратко: «Гитлеру — капут!» Еще приказали учиться на «отлично». И, может, потому получил я в том году из рук учительницы Клавдии Никитичны Рязановой первый похвальный лист...

А голод... Голод был. И поэтому на всю жизнь мне вкуснее самых роскошных ресторанных кушаний с названиями мудреными, нерусскими, самые простые «толстые шти».

— Прибрать ее надо, лелей, — потрогал Вася серые, истрескавшиеся и источенные жуками бока ступы. — Школьникам в музей отдать. Пусть знают, чем предки пользовались...

Ну вот, сразу да и предки... А если рассказать нынешним ребятам, как нас спасали ступы и жернова в ихнем возрасте? Может, не поднимется рука у них швырять куда попало куски хлеба и целые буханки? И не рванут они на мотоциклах и машинах прямехонько хлебным полем...

— Што, лелей, зачинать будем, а то уж свечерело, — услыхал я своего крестника. — Чего-то тяти не чутко. Где он там?

Мы вместе вылезли на крышу, еще шире осыпав иструхшие тесины. За песковскую Согру спелой вишенной скатывалось солнце, заливало окоем прозрачно-алым соком. С подгоры донеслось пиликанье гармоньи — кто-то неумело выводил «рыбка корка, рыбка корка».

А где же отец? Глянули с избы и увидали «дружьев». Они в обнимку лежали на конотопе, где дымно от густо-горького дыхания полыни и бело от ромашек. Старые солдаты спали на спокойной родной земле. Она отдавала им дневное тепло, согревала старые раны и придумывала светлые сны. И когда кто-то из них начинал постанывать, земля чуяла, из-за чего, и дышала в бородатые лица всем, что росло, набирало силу и тянулось зреть.

Вот Филя чуть приподнялся, заискал левой здоровой рукой по конотопу, и мы услыхали:

— Тоша, Тошенька, Онтонидушка...

Враз приморозило волосы на голове у меня и ослабли ноги. И почудилось мне, как там, глубоко в сырой земле, очнулась его Онтонидушка. Быстро глянула на зыбку с меньшим и на пол, где вповалку спали четверо детишек, по-бабьи тонко притронулась к перебитому правому плечу — прошептала на ухо мужу:

— Спи, Филюшка, дома ты, война-то кончилась...





НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Николаю Поснову, выпускнику Литературного института имени А. М. Горького, жителю старинного брянского городка Карачева, еще неблизок путь даже к личным вершинам творчества. Однако уже сейчас виден путь, по которому он пойдет на освоение действительных высот поэзии. Это путь достижения предельной выразительности мысли, обнаружения подлинной красоты в окружающем мире.

Во многих стихах Н. Поснов вступает в спор за целебную тишину полей, за извечную красоту природы, за нерасторжимость человека с ней.

Сейчас готовится к выпуску первая книга молодого поэта. Пусть же первая встреча эта будет взаимно радостной — и для поэта, и для его читателя.

Николай РОДИЧЕВ

Николай ПОСНОВ

ОСТАВИМ ПЕСНЮ НА ЗЕМЛЕ

У КОСТРА

Ты, конек вороной,
Передай, дорогой,
Что я честно погиб
За рабочих.

Из песни

Снега под вечер синеваты.
В снегах, забывши про уют,
К костру придвинутся солдаты,
Негромко песню запоют.

Поют, расправив шинелишки,
В чужой, далекой стороне
Об умирающем парнишке,
О вороном его коне...

А был тот хлопец нам ровесник,
Но в жизни главное сказал.
И разволнует души песня,
И затуманятся глаза.

Сердца наполнятся набатным,
Тревожным светом алых лет.
А может быть, и мы, ребята,
Оставим песню на земле?..

Над лесом трепетно и жарко
Горят знаменно облака.
И звезды светятся на шапках,
Как и на шлеме паренька.

* * *

Как молоко парное в кружке,
Чуть розовата и тепла,
На крыши сонной деревушки
Заря июньская текла.

Она плескалась в листьях сада,
Росой играла на лугах,
Ее медлительное стадо
Несло на выгнутых рогах.

Она росла, и созревала,
До удивления тиха,
И алым светом наливалась,
Как красный гребень петуха.

Вздымалась кверху,
Стлалась низом
И, утверждая с миром связь,
Рвала туман, как полог сизый,
Погожим утром становясь.

* * *

Еще тепло. Густеет вечер.
Луна над кронами ракит
Ковригой, вынутой из печи,
На синей скатерти лежит.

Повеет в окна теплым житом,
Пахнет неведомым цветком, —
И тишиной село налито,
Как будто кринка молоком.

Мне скажут:
— Что ж, пейзаж нередкий,
Мы даже знаем наперед,
Как долго точкой сигаретной
Мелькает в небе самолет.

— Все так, — скажу, — но вот случилось,
Что здесь, сплетая старь и новь,
В душе в одно соединилось —
Россия. Песня. И любовь.

* * *

Человек творит вокруг себя
вторую природу. Электричество
и телевидение, автомобиль и
искусственный спутник...
Его ничто не удивляет.

Из газет

Нам все не в диковинку стало.
Что делать — технический век...
Но в мире стекла и металла
Что значит он сам, человек?

И может ли он, мудролицый,
Себя ощутить с головой
Не мертвой природы частицей,
А частью Природы живой?

Умеет ли без суеверий
Живущим под небом одним
Быть братом —
Траве, и деревьям,
И птицам, летящим над ним?

Ужель только в «рацио» верит,
А чувства считает за блажь?
Ужель взволновать не сумеет
Его деревенский пейзаж?

Околица. Тишь над полями.
Играющий в прятки ручей.
Залитая солнцем поляна
И белая лошадь на ней...

* * *

Был ранний час. И миром улиц
Еще владела тишина.
Еще деревня не проснулась,
Но отходила ото сна.

Еще река парком дымилась,
Но, счастьем розовым дыша,
Над полем солнце наклонилось,
Как мать над люлькой малыша.

* * *

...Дышат росы, травы выгибая,
По кустам малиновки поют.
Теплыми мохнатыми губами
Кони воду медленную пьют.

Все живет открыто, как березы:
Кони, небо, птицы, лебеда.
Будто бы смятения и грозы
Здесь и не случались никогда.

Край мой, край! Волнующий, и близкий,
И любимый сердцем до тоски...
И горят на солнце обелиски,
Как твоих защитников штыки.





СТИХИ МОЛОДЫХ

Ст. **ЗОЛОТЦЕВ**

СВЕТЛАЯ БЫЛЬ

МАМА

Как редко говорю я слово «мама».
Все потому, что мамы рядом нет.
Меж нашими домами верст немало,
и этому немало зим и лет.

Я вжился в мир. Во мне остался
след
лесной глуши и жаркого металла.
Судьба меня без промаха кидала
в круговороты радостей и бед.

А мама всюду мамой оставалась,
хотя далеко от меня жила,
и никогда со мной не расставалась,
и каждый день с отцом меня ждала.

Учительствуя, здравствуя, болея,
она живет в стариннейшем краю
и, письмами моими душу грея,
по этим письмам знает жизнь мою.

А что же в них, коротких и
немногих,
спешащее перо сказать могло?..

И мама, в вечной за меня тревоге,
кладет их под настольное стекло.

А жизнь моя упруга и упряма —
то на коне, то кубарем лечу...
Но если говорю я слово «мама»,
то мне любая тяжесть по плечу.

ЯНВАРЬ

Пойдем со мною в лес, в затишье после вьюги!
Там снеговой навес осыпался едва ль.
Над смоляными лапами
плывут, как в белом струге,
еще одна зима, еще один январь...

Там голубая хмарь в коре морозит смолы,
что, если не янтарь, так станут янтарем.
По дуплам, и урочищам, и по окрестным селам
свеченье терпких смол дохнуло январем.

А после мы войдем в родной старинный город.
Над белым плитняком — шеломы куполов,
и сено златотканое по рынку ветер гонит,
и на лотках горит серебряный улов.

И дышится легко,
хоть зол мороз и крепок.
И солнце в синий лед стучит пешней луча.
И родина моя —
в лесах, в озерах, реках,
под снегом, подо льдом — свежа и горяча.

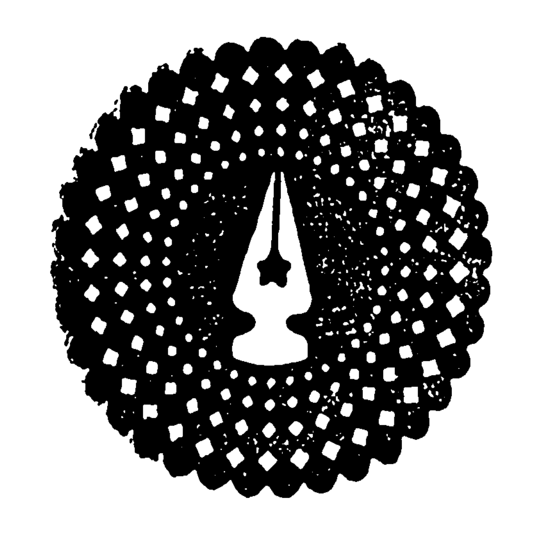
ЖИТО

Жито... Золото! Жито... Жнивье.
«Жито» — скажешь, я слышу — «Житье».
«Жито» — скажешь, я вспомню свое
детство. Увижу, как зерна
из мешка высыпает дед
и вращает каменный жернов,
серой пылью мучной одет.

Светлой былью плещет в глаза мне:
два тяжелых обтесанных камня,
друг о друга зерно растирая,
так скрежещут — только держись!
Я — малец, но одно уже знаю:
это хлеб, знаю я. Это — жизнь.

Снова плещет в ладони без устали,
словно песня, шальная и грустная, —
жито!
Золото... Жизнь моя! Русь моя...





К 60-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Анатолий ЗЯБРЕВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЗАВОДА

Вовлекать юношей и девушек в соревнование за сокращение сроков ввода пусковых объектов и освоение проектных мощностей, улучшение качества и снижение себестоимости строительно-монтажных работ.

Из резолюции XVIII съезда ВЛКСМ

1

Новый директор строящегося под Абаканом вагоностроительного комплекса Борис Акимович Егоров появился здесь в конце зимы 1975 года: был, что называется, «брошен на прорыв». Он пришел с предприятия, вырабатывающего искусственные кожи. Кое-кого это насторожило: что общего между вагоностроением и производством искусственных кож?

Инициатива перевода исходила от Хакасского обкома партии. Министерство же, ведающее вагоностроением, особой заинтересованности в этом человеке не проявляло: дескать, зачем им «кожник», но доверилось обкому.

На чем же основывался обком, выдвинувший такую, мягко говоря, не вполне понятную идею?

Дело в том, что Борис Акимович и на комбинате искусственных кож был «не по профилю». Прежде он работал на Волге, в промышленности, выпускающей оборудование для цементных заводов. Ну а разве, к примеру, цементная печь — родня вагону? Родня не родня, но все же дело одинаково связано с металлом: со сваркой, клепкой, сверлов-

кой и прочим. К тому же обком исходил из соображения, что Борис Акимович на «искусственных кожах», не будучи прямым специалистом, сумел дело поставить. Там ситуация была похожая: кожкомбинат тоже строился, затягивалось также финансирование, пуск производства откладывался. Трудно было, очень трудно, а он все же вытянул, сумел! Значит, есть у человека так называемая «управленческая» жилка, талант организатора. Пусть пробует и здесь, на новом месте.

Так Борис Акимомич Егоров и пришел руководить дирекцией строящегося в степи гиганта — вагоностроительного комплекса, позднее переименованного в «объединение вагоностроения».

А строительство затягивалось. Из десятка производственных корпусов был готов один — вспомогательный. «Готов» в смысле внешней коробки. Ни ворот, ни дверей, ни окон. Снежная метель с одной стороны влетала, с другой стороны вылетала не задерживаясь. Не было причины у строителей торопиться ставить оконные рамы со стеклами, двери. Зачем? Когда-то еще сюда завезут оборудование! Когда-то еще будет пуск производства!

Можно было спокойно жить и директору, спокойно наблюдать, как все идет своим ходом. Функции дирекции как раз в том и заключаются, чтобы, дав работу генподрядчику, следить, как он, генподрядчик, эту работу выполняет. Ну и по возможности «выбивать» в верхах финансирование. И все. В верхах же люди понимающие, им виднее, куда в первую очередь деньги направлять, и если на этот год (и на следующий год тоже) обещанных денег не дают, значит, так надо. Генподрядчик из-за недостатка финансирования вынужден сворачивать на главных объектах работы, искать себе дело на других предприятиях, и это естественно — у строителей тоже государственный план, его надо выполнять.

А если не только брать у государства деньги? Если начать их, деньги, давать государству? А потом уж, дав, просить. Этой мыслью Борис Акимович поделился в обкоме партии. Опыт-то есть. На комбинате искусственных кож производство продукции было налажено задолго до завершения строительства. Деньги от реализации продукции пошли в банк, а из банка вернулись на достройку цехов и участков того же комбината. В обкоме эту идею поддержали.

А вскоре из министерства приехал начальник главка. Больше для того приехал, чтобы проверить, есть ли у нового директора деловой контакт с местными партийными и советскими органами. Прежний директор такого контакта не имел, а Егорова что-то уж очень поддерживают в обкоме: может, местные интересы блюдет больше, чем интересы министерства? Поговорил начальник главка с рабочими, с инженерами, походил по строительной площадке, все увидел своими глазами: осыпающиеся котлованы, начатая и «замороженная» кладка стен, кучи бетонных плит, балок...

Потом побывал в обкоме, побеседовал с руководством. Удрученно хмурясь, говорил:

— Все труднее дает Госплан деньги на новые предприятия, ввод которых в далекой перспективе. Дают деньги в первую очередь на то, с чего отдача может пойти сразу же... Вы, конечно, знаете, как нужна стране продукция, которую будет выпускать ваше объединение. Добавлю лишь, что Совет Министров

СССР постоянно нам об этом напоминает. Вот, например, Япония поставляет нам на железную дорогу грузы в крупных контейнерах: двадцатитонных, тридцатитонных. А перевозить их не на чем — нужны специальные контейнеровозные платформы. В большегрузных контейнерах начинают поставлять товары нам и другие страны. Наш железнодорожный транспорт оказался неподготовленным...

— Интересно, — сказал укоризненно кто-то из присутствующих на беседе. — Напоминают, а денег не дают. Если дело нужное, то и финансировать его надо, не откладывая...

— Сложно это, товарищи. У государства много и еще более важных объектов. А Совет Министров обязан исходить из интересов государства...

Как-то они стояли вдвоем с директором в холодном пролете корпуса. Понимая, что начинать сегодня в этой пустой железобетонной коробке какое-либо производство вряд ли возможно и что любой руководитель вправе от этого отказаться, начальник главка тем не менее заговорил:

— Министерство запланировало Кадиевскому вагоностроительному заводу выпуск платформ-контейнеровозов. Но у кадиевцев и без того план очень напряженный. Может, ты, Борис Акимович, возьмешь те платформы, разместишь заказ у себя, а? Ну не сразу, постепенно. Знаю, тебе негде пока, но...

— Так ведь об этом я сам хотел просить вас, Владимир Михайлович! — признался Егоров. — Откровенно говоря, боялся даже, что вы не согласитесь. А ведь это сейчас, пожалуй, единственный выход. Знаете, в старину говорили: дым из трубы пошел, значит, дом живет. Вот и мы хотим, чтобы область, Красноярский край, страна почувствовали, увидели, что мы тоже живем. Дымок чтоб заструился...

— Ну, нынче нашего брата за дымок ругают крепко, — улыбнулся начальник главка.

— Дымок я имею в виду символический, — улыбнулся и Егоров.

— Вот и договорились. Спасибо, — сказал на прощание начальник главка. — Значит, платформы-контейнеровозы с Кадиевского переадресуем вам. Весь их план по этой части...

* * *

Василий Шапошников родился здесь, в степном хакасском селе, недалеко от Абакана. После восьмилетки ребята и девчонки, поддаваясь соблазну городской жизни, расставались со степью, уезжали из родного села. Так уехали старшие сестры Василия — Клавдия и Надежда. Сам Василий уже в двенадцать лет начал посылать в разные мореходные и речные училища письма с просьбой принять его учиться на штурмана.

— И что это у тебя, сынок, за мечта такая? — спрашивал отец, работавший чабаном. — Никогда у нас в роду моряков не было...

И старший брат Георгий тоже отговаривал: чего, дескать, придумал, разве тут, в степи, не сыщется дела?

— Жизнь на судне — самая интересная, — уверял Василий.

— Ну-ну, однако, — кивал, посмеиваясь, отец, полагая, что со временем пройдет блажь у несмышленого сына.

В шестнадцать лет Василий все же уехал в Красноярское речное училище.

Став штурвальным-мотористом на грузовом теплоходе, плавающем в низовьях Енисея, Василий был очень доволен. Гордился своей работой. На судно за тысячу километров приходила газета на хакасском языке, ее в конверте присылал отец. Посылал якобы для того, чтобы сын не забывал родной язык; а может, еще для чего-нибудь... Однажды Василий прочел в газете, что в степи, недалеко от их села, топографы подыскивают площадку для сверхгигантского промышленного предприятия.

— Видали! — восхищался Василий, делясь новостью с товарищами. — Это у нас в степи такие дела намечаются!

Через какое-то время газета сообщила, что площадка подобрана, определен даже день, когда начнется строительство. Отец с матерью писали, что народ уже съезжается, приглашали — дескать, может, ты в отпуск приедешь... И Василий приехал. Оказалось, не совсем у села отведено место под строительство: это ближе к городу Абакану, в десяти километрах от него, за речкой Ташебой, — степь тут ровнее.

...Флагами очерчен широкий круг. На красном помосте меняются выступающие, их слова, усиленные громкоговорителем, разносятся над курганами. Василий слушал их, стоя в толпе народа, собравшегося на митинг.

— Лезь сюда, ко мне на экскаватор. Отсюда лучше видно, — предложил светловолосый экскаваторщик, одетый в новый синий комбинезон: наверное, заметил, что Василий заинтересован тем, о чем тут говорят.

Василий поднялся на экскаватор. Сверху было видно, как от реки, от моста, шла колонна бульдозеров: в их начищенных, поднятых ножах, похожих на броневые налобные щиты, расплавленно отражалось густо-красное солнце. Василий поневоле залюбовался мощными машинами — картина была внушительной.

Ораторы на помосте говорили, что здесь будет не один завод, а целых четыре на одной площадке, объединенных в комплекс: литейный, вагонный, контейнерный, ремонтно-вспомогательный. Государство на это дает около миллиарда рублей. В стране еще нет таких огромных промышленных объектов этого профиля. Да что там в стране. Комплекс — крупнейший в мире. Один корпус — почти сто шестьдесят тысяч квадратных метров. Целый город в одном корпусе! По масштабам почти что КамАЗ.

В тот день, сразу после митинга, экскаваторы начали рыть траншеи под фундамент. Василий не торопился домой, он ходил между рабочими, думал. Обо всем думал. Как жили люди тут вчера и как будут жить завтра. И как самому ему надо жить...

Вечером Василий отыскал знакомого экскаваторщика. Тот сидел на куче земли перед траншеей и в свете прожектора рассматривал плоский каменный столб со стертыми гранями. Извлеченный из глубины траншеи столб лежал поперек отвала, касаясь одним концом опущенного экскаваторного ковша.

— Слушай, ведь ты, кажется, местный? — обрадовался экскаваторщик, увидев Василия. — Что за чудо? Откуда на такой глубине этот столб взялся? Может, в музей позвонить, а?

Василий ладонью оттер с каменной плоскости налипшую землю.

— Гляди, — указал он на обозначившийся рисунок: на камне ясно проступал контур человеческого лица.

— Ух ты! Вот я и говорю, в музей позвонить! — заволновался экскаваторщик.

— Не надо в музей. Таких камней в наших степях много. Поставь здесь, пусть стоит, — сказал Василий и, подумав, добавил: — Такие памятники ставили на могилах моих предков...

— Хорошо, — сказал экскаваторщик, взглянув на Василия с новым значением.

— Что «хорошо»? — спросил Василий, продолжая ладонью вычищать выбоины на камне.

— Да все хорошо, — задумчиво проговорил экскаваторщик. — Предки, говоришь, твои? Ну, значит, хорошо, что фундамент у заводов будет не только бетонный, а и... понимаешь, исторический. Предки твои камни тесали, а ты вон какой завод строишь! Тебе завод памятником будет.

Василий, задумавшись, промолчал...

Вскоре уехал он опять на Енисей, на свой теплоход, работал хорошо, капитан хвалил его, но сам он уже не ощущал радостного волнения. И когда на вахту в рубку поднимался, и когда брался за штурвал, не радовалась уже душа, как прежде. Перемену в нем заметили.

— Что, с невестой не поладил? — спросил сосед по каюте, тоже штурвальный.

— Нет, — буркнул Василий.

— Понимаю. У меня вот тоже... То так у нее настроение, то этак. Оттого и в плавание пошел. А так бы на берегу работал, — изливал душу сосед.

— Тебе неинтересно на судне? — удивился Василий.

— А чего интересного-то? Право руля, лево руля. А еще что? Вода, мокрота одна.

— Меня, однако, тоже тянет на берег, — вздохнул Василий. — Хотя и здесь нравится, на нашем теплоходе. Интересно здесь, и ребята дружные...

— На теплоходе ему нравится и на берег тянет! Что-то не пойму я тебя. Или... она зовет?

— Да не только она. Заводы у нас в степи строить начали, а рабочих не хватает.

— Новость, ха! Где же их теперь, рабочих-то, хватает! Проблема века. Вон БАМ строят, сейчас туда все внимание. Да еще на КамАЗ. Туда и народ едет.

— БАМ — это насыпь и рельсы, — возразил Василий. — А чтобы дорога действовала, нужны вагоны. Не те старые, какие сейчас есть, а новые, новой конструкции. Без них БАМ пустая колея. — Василий придвинул газету, присланную отцом: там опять рассказывалось про стройку в степи. Про то, что хакасские заводы будут звеном в единой технологическо-транспортной системе страны. Например, по Енисею и по другим рекам сейчас грузы идут в самой разной упаковке, а то и просто навалом, а станут идти только в контейнерах, в тех самых контейнерах, какие хакасские новые заводы произведут. Выгода — миллионы рублей... «Видал, какая связь, — размышлял Василий. — Тогда, выходит, и работа нашего брата речника пойдет дружнее, с двойной выгодой. А рабочих там не хватает...»

Написал Василий письмо своему школьному другу Тимофею Тодышеву, который тоже после восьмого класса уехал из села. Попросил, когда будет в родных местах, побывать в отделе кадров строящихся заводов, узнать насчет работы. Спрашивал, может, и Тимофей тоже захочет в село вернуться. Но ответа так и не дождался до конца навигации.

А когда Василий приехал в свою степь, он не узнал ее, она уже не была пустой от горизонта до горизонта: вдоль дороги тянулись толстые светло-серые трубы, тут и там над курганами поднимались силуэты незнакомых сооружений.

Автобус остановился. Кондуктор объявил: кому на вагонный, выходить здесь. Василий вышел из автобуса. Позади поблескивала скованная молодым ледком речка Ташеба. Слева, торцом к дороге, стояло здание с высокими красными воротами. Василий зашел с фасада. Отсюда здание — если бы не было сплошь, снизу доверху, в стекле — походило бы на одну из тех скалистых гор, что в верховьях реки, на краю степи. А стояло оно как раз на том месте, где в прошлый приезд Василия строители проводили митинг.

— Это, между прочим, самый маленький корпус, — сказали Василию парни, ехавшие с ним вместе в автобусе. Они были в касках и ремнях, какие носят верхолазы.

— Маленький? — попридержал шапку Василий.

— Конечно. Вон тот, где мы сейчас монтаж ведем, — втрое больше. А этот так, вспомогательный...

Василий решил найти знакомого экскаваторщика и подробно обо всем расспросить, но, оказалось, его перевели на другую стройку — траншеи копать уже закончили. Вместо него неожиданно встретил Тимофея Тодышева; он стоял в коридоре, еще пахнущем цементом и сырой известью, одетый так, будто собрался в театр или в клуб на танцы: красновато-бурые туфли на широком толстом каблуке, такого же цвета наутюженные брюки, пестрый шарф. Угольно-черные глаза улыбались. Он рассказал Василию, что вот не выдержал, тоже приехал в родные места. Вместе они вошли в дверь, на которой была табличка с надписью: «Отдел кадров».

— Будете работать в бригаде на монтаже нового корпуса, — сказал инспектор, просмотрев их трудовые книжки.

Им, наверное, следовало бы ответить, что они не монтажники, никаких монтажных работ никогда не делали, но они молча кивнули соглашаясь. Правда, вскоре выяснилось, что в монтажной бригаде, куда их зачислили, только бригадир да еще двое-трое рабочих смыслят в монтажном деле, остальные же имеют об этом лишь смутное понятие. И они сообразили, что так, видимо, и бывает на больших новых стройках. Надо быстрее учиться, во все глаза присматриваться к опытным рабочим. Академий специальных не будет.

2

Когда на заводе узнали, что в корпусе вспомогательных цехов уже сейчас будет налажено производство платформ-контейнеровозов и есть соответствующий приказ министра, в коллективе почувствовалось оживление. Великая это штука — цель. Да, у кол-

лектива теперь появилась цель — начать производство, которое еще вчера многим казалось далеким будущим. Сразу появились и проблемы, требующие неотложного решения: надо было пустить котельную, утеплить цех, по-настоящему подготовиться к наступающей зиме, устроить железнодорожные подъезды...

В обкоме партии, куда поехал Борис Акимович Егоров сразу же после заводского собрания, выслушали его сообщение с вполне понятной настороженностью. Желание-то желанием, а каковы возможности? На одном энтузиазме не вытянешь, нынче время строгих расчетов...

— Так что уже есть для осуществления программы, а чего еще нет? — спросили в обкоме.

— Стена есть, — вдруг улыбнулся Егоров. — Пока только стена.

— Какая стена?

— А та, которая за моей спиной. Которая назад ни шагу не даст сделать, как ни крутись.

Тут кто-то вспомнил, что это как раз в характере Егорова, это стиль его работы — создавать себе вот такие ситуации, вот такие «стены» за собственной спиной, чтобы отступать было некуда. Рассказывали, что еще на Волгоцеммаше он при отгрузке продукции сперва заказывал вагон, ставил его перед окнами цеха, а потом созывал тех, от кого зависела быстрая отгрузка, и говорил спокойным голосом: «Товарищи, ссылки на уважительные причины, даже очень уважительные, не принимаются, — и указывал в окно. — Вон стоит вагон, и каждая минута его задержки будет оплачиваться из моего и, конечно, из вашего кармана.

— Ну, Борис Акимович, на этот раз ты и за нашими спинами стену возвел! — сказал секретарь обкома.

— Вот и хорошо. Легче вперед пробиваться, когда назад-то нельзя, — опять улыбнулся Егоров; в этот день ему совсем не хотелось показывать себя озабоченным. — Вместе, значит, будем пробиваться.

У Хакасского обкома партии в тот год дел было достаточно. На Саяно-Шушенской ГЭС готовились к перекрытию Енисея. На самом крупном в стране камнеобрабатывающем комбинате вводился в эксплуатацию мощный мраморный карьер. Модернизировались угольные шахты, рудники. Перестраивался Сорский молибденовый комбинат. Начиналось строительство около десятка предприятий легкой и местной промышленности. В тайге леспромхозы конфликтовали с лесхозами, получившими большие права по охране природы. Размечались заповедные зоны в межгорных долинах. В Койбальской и Уйбатской степях налаживались новые ирригационные системы... Ведь почти весь крупнейший в мире Саянский территориально-производственный комплекс находится на территории области.

Тем не менее секретарь обкома нашел время поехать с Егоровым в Москву — отрегулировать острый вопрос с поставкой оборудования. После Москвы поехали в Кадиевку — это Ворошиловградская область. Кадиевцы уже успели к этому времени изготовить первые девять платформ-контейнеровозов, значит, могли поделиться опытом. Оказалось, секретаря далекого Хакасского обкома партии кадиевские вагоностроители хорошо знают — он когда-то работал тут, налаживал промышленность. Кадиевцы сра-

зу предложили: присылайте своих людей — обучим быстро, приставим к самым лучшим нашим мастерам.

И дело пошло. В сентябре в цехе был установлен первый металлообрабатывающий станок. На колоннах цехового пролета запестрели плакаты: «Первую платформу-контейнеровоз — к XXV съезду партии».

Технолог Владимир Сотников, русоволосый молодой человек со значком «Победитель социалистического соревнования», рассказывает:

— Ну, понятно, за своим рабочим столом никто из нас тогда усидеть не мог. Ни в нашем отделе, ни в других. Все были в цехе, непосредственно на участках. А там какую только работу не приходилось выполнять! Помогали рабочим разместить оборудование, сделать распланировку. Ведь ничего в здании для задуманного дела не было приспособлено. Оно, это здание, предназначено проектом совсем для других работ, а для платформ и вагонов вон там, правее, специальный корпус возводится. Пуск его намечен где-то на одиннадцатую пятилетку... Отличить инженера от рабочего, начальника от подчиненного в те месяцы было нельзя: все долбили отбойными молотками основание под станины, все укладывали рельсы, все затыкали щели в стыках, откуда несло метелью... И, представляете, никакого нытья.

— Да, с энтузиазмом работала молодежь, и никто не жаловался на трудности, — добавляет начальник цеха Петр Михайлович Марьясов, на вид ему вряд ли перевалило за тридцать. — Дружно работали. Цель объединила ребят и девчат, недавно съехавшихся с разных мест. Верно, были и такие, кто, посмотрев на все это, сразу поворачивал назад. Большинство же понимали: условия создаются своими собственными руками... В связи с этим хочется особо выделить рабочих — Кондратова Аркадия, Лысова Анатолия, Шахова Николая, Петропавловскую Валентину, Кудрявцева Александра, Косыреву Валентину, Отто Александра...

По темно-серой степи ветер гнал поземку — песок, перемешанный со снегом. В хакасских степях в редкий день зимы бывает бело от снега, он не держится долго, низовой ветер сметает его в балки, в предгорные кустарники, в леса, которые растут по склонам долин.

Василий Шапошников и Тимофей Тодышев ехали работать во вторую смену. Разговоры в автобусе были разными: и про обеснеженные холмы: вот сходить бы на охоту, дичь разная теперь в табуны сбивается; и про железобетонные балки, которые вчера подвезли для устройства перекрытий; и про пятиэтажный дом, готовящийся к заселению: семейные могут рассчитывать на квартиры...

— Кадровичка вас что-то спрашивала, — сказал встретившийся знакомый парень, когда Василий и Тимофей шли от автобуса.

— Какая кадровичка?

— Ну инспектор из отдела кадров, — пояснил парень, закрывая ухо кепкой от остро секущей пурги.

— Чего ей? — удивились друзья.

— А я почем знаю, — парень шагнул к автобусу. — Вызывает, значит, надо.

«Ясно, зачем вызывает, — подумал Василий. — Говорил же бригадир, что с новичками, с теми, кто не имеет специальности, будут что-то делать. Неужели увольнять будут? Но ведь они вроде всему уже научились, не хуже других работают...»

Отыскали друзья бригадира, тот весело подмигнул, однако объяснять ничего не стал, поторопил лишь:

— Ступайте, ступайте, орлы степные!

Парни поняли — бригадир веселый, значит, ничего страшного не предвидится. Но все же пошли в отдел кадров с тяжелым сердцем. Веселый-то он веселый, а к работе приступать не велел!

— Если что такое скажут, пойдем тогда в комитет комсомола, — говорил Василий, настраивая себя на боевой лад. — Объясним. Там должны понять.

— Как живете? Как настроение? — весело спросила их инспектор отдела кадров.

— Хорошо живем, — нахмурившись, ответил Василий и сразу решил предупредить: — Только вы если насчет этого... то мы не согласны. В комитет комсомола пойдем.

— С чем это не согласны? — удивилась инспектор, отодвигая бумаги. — Другие вон с удовольствием. Вас что, семейное положение удерживает? А мы вас тут выделили, и , бригадир рекомендовал: говорит, орлы. На Украину ехать, в Кадиевку, учиться...

Через несколько дней друзья поехали в Кадиевку — учиться, набираться опыта, чтобы стать настоящими квалифицированными специалистами-вагоностроителями.

Тем временем приближался февраль 1976 года, приближалось открытие XXV съезда партии. По стране прокатилась волна новых трудовых рапортов. С Байкало-Амурской магистрали пришла весть об открытии движения поездов на первом шестидесятикилометровом участке, и в газетах опубликовано поздравление Леонида Ильича Брежнева строителям БАМа. Это еще раз напоминало сибирским вагоностроителям, что спрос на вагоны теперь будет повышаться день ото дня. Значит, надо срочно разворачивать производство. Создали комплексную бригаду, куда вошли сварщики, слесари, металлообработчики, инженеры. Выручил еще и партком Кадиевского завода — оттуда прислали для организации дела коммунистов Петра Деева и Виктора Барсукова...

Запахом дыма, жженой сосновой смолы и угля тянуло от костров. Утеплиться на зиму хорошо не успели, потому и костры по всем трем пролетам. Рабочие в ватниках, в шапках. Настывший на улице металл весь покрыт инеем, прилипает к пальцам. На костре отогревали и руки и заклепки. Коварное свойство у промороженной стали — она прохватывает холодом человека на расстоянии, ватник не помогает...

Пишу я сейчас эти строки и не могу отделаться от мысли, что иной читатель прочтет их и скажет: это что, первая наша пятилетка или десятая? Производственная площадь проектом предназначена для одного, а ее срочно перекраивают, приспосабливают для другого. Нарушение технологического цикла! Ведь это и есть та давно осужденная практика, когда продукцию — любой

ценой... Два с половиной миллиона рублей выкинуть на устройство конвейерных линий, которые потом все равно демонтировать!

А что же тогда делать при сложившейся ситуации? Ведь цель-то не только в том, чтобы получить продукцию за счет досрочного ввода мощностей, а и в том, чтобы на малом таком деле подготовить кадры к основному производству. Действительно, такие ситуации стали модной темой, скажем, у драматургов. Они предлагают все в жестком варианте: жестко спланировано и спроектировано, жестко построено и смонтировано; эксплуатационники пришли и нажимают кнопки. Прекрасная картина. Идеально!

В жизни сплошь и рядом так не выходит. Не выходит, конечно, не по вине какого-то одного злого или нерасторопного человека. И если уж произошел сбой с жесткой линии, то тут кому-то надо принять на себя излишнее напряжение, дополнительный труд.

Так в жизни.

В данном случае, если следовать жесткой линии, то дирекции надо было дожидаться «кнопочек» и строителям возводить все корпуса одновременно, а не так, как они — вспомогательный корпус с грехом пополам доделали, а ввод основных отодвинули на несколько лет.

Естественно, что Егоров не захотел ждать «кнопок», естественно, что он получил полную поддержку обкома.

Экономисты подсчитали, что от применения только одной специализированной платформы-контейнеровоза государство получит 9900 рублей чистой прибыли в год. От ста платформ — 990 тысяч. От трехсот платформ — полная, с лихвой окупаемость, возмещение понесенных затрат. Тех затрат, какие были при подготовке производства, при оборудовании в неприспособленном помещении временных конвейерных линий. Вот она, выгода государственная!

О том, что одна платформа экономит государству 9900 рублей, было объявлено на всех участках, во всех бригадах. Соревнование стало конкретным. Первую раму доверено было варить сварщикам Юрию Бухтееву и Валентину Жгуну. Шов опробовали контрольным прибором: «отлично». Звено Федора Сучкова, занятое сборкой узлов, тоже свою работу сделало качественно: контрольный мастер с первого предъявления оценил ее также «отлично». Бригады Ивана Ермака и Владимира Войтюка производили главную сборку...

20 февраля 1976 года, накануне открытия XXV съезда партии, первая платформа, предназначенная для удобной траспортировки набора контейнеров, стояла на рельсах в главном пролете.

Этот день считается днем рождения предприятия.

В этот день в Москву была отправлена телеграмма:

«Коллектив Абаканского вагоностроительного объединения рапортует XXV съезду КПСС о том, что, выполняя Директивы XXIV съезда партии о формировании Саянского территориально-производственного комплекса и свои социалистические обязательства, он досрочно выпустил первую платформу-контейнеровоз. Большегрузные абаканские платформы позволят увеличить объем перевозок грузов в контейнерах, и прежде всего крупнотоннажных...»

Вскоре министр тяжелого и транспортного машиностроения

подписал приказ: до конца 1976 года изготовить сто платформ. Эта величина показалась огромной. Сама по себе это малая величина, по сравнению с тем, что будет, — ничтожная. Но огромная она по сегодняшним силам. Ведь над первой платформой, которую только выкатили со двора, трудился коллектив почти месяц. Ну, верно, условия изменились. С Кадиевского завода присланы все обещанные стенды. Поступили и установлены сварочные и резочные автоматы. Отлажена раскройка листов. И все же цифра «сто», поставленная вот так прямо и жестко, честно говоря, пугала. Как-то оно пойдет? Как покажет себя непритершийся конвейер? Рабочие на конвейере сплошь молодые, без опыта. А как наладится обеспечение материалами, узлами? Живуча еще практика, когда то, что ждешь в первой декаде месяца, дают тебе в конце третьей.

Работать решили в три смены. Распределили: ночным сменам нагрузку поменьше, а дневной — предельную. Все понимали: это же значит, что ночью можно расслабиться, работали в полную силу...

В марте удалось изготовить три платформы. Это было расценено как успех. Ну а человек, когда у него удача, начинает в завтра глядеть некритически. Объявили: в апреле — никак не меньше девяти платформ...

И что же? Не вышло: апрель истекал, гремела степь ручьями, а рабочие выкатывали за ворота только пятую платформу.

Надо было срочно искать причину неудачи.

В мае технологи, конструкторы, механики из отделов встали рядом с рабочими по всей конвейерной линии, чтобы заново сделать анализ производства. Это была совместная инициатива парткома и комитета комсомола. Только в конце смены уходили специалисты от конвейера — и не домой, а к себе в отделы, чтобы с карандашом, с арифмометром «просчитать» возникшие варианты. Комитетом комсомола был объявлен конкурс на лучшего молодого специалиста. Победа в этом конкурсе досталась инженерам Виктору Перлиеву и Сергею Толстову, недавним выпускникам Красноярского политехнического института. Они консультировали молодых рабочих, помогали настраивать оборудование. Цеховой «Комсомольский прожектор», которым руководит Василий Шапошников, выпустил «молнию» с перечнем факторов, тормозящих дело. А в итоге победил весь коллектив: за май было собрано 17 платформ.

В июле собрали уже 27 платформ. Тогда Василий Шапошников и завел толстую, в коричневой дерматиновой обложке, тетрадь.

— Буду записывать, — объяснил он другу Тимофею Тодышеву и неожиданно спросил: — Ты реку Абакан хорошо знаешь?

— Еще бы! Купаемся в ней каждое лето. А что ты записывать собираешься? Для «прожектора» факты?

— Туристы вдоль по берегу идут. Каждое лето, — не ответив на вопрос, задумчиво продолжал Василий. — Они тоже знают реку, купаются. А идут мимо пляжа, выше. К истокам хотят попасть. Туда, где начинается эта река. Посмотреть...

— Со второго участка ребята ходили, — подтвердил Тимофей. — Сплошные скалы там. Говорят, красиво.

— Через десять лет придут к нам на завод новички из школы, — продолжал мысль Василий. — Кругом одни, может, кнопки будут. Платформы наши, может, через каждые полчаса бу-

дут сходить с конвейера. А ведь ребята захотят заглянуть в исток. В исток нашего дела. С чего начинали, как начинали... Вот и давай записывать, как мы теперь работаем и живем. Чтобы исток не потерялся.

Жизнью на молодом предприятии заинтересовались журналисты: приходили, расспрашивали, фотографировали. Когда же в сентябре удалось собрать и отправить на железные магистрали страны сорок платформ, коллектив поверил в себя, в то, что начальная стадия освоения позади, что слаженностью, дружной работой можно достичь еще большего.

«Особая ответственность ложится на отрасли, призванные обеспечить все сферы народного хозяйства современными машинами и оборудованием, на машиностроение. Уже в десятой пятилетке общий объем продукции машиностроения намечено увеличить более чем в полтора раза», — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев. И еще: «Планы, которые одобрил съезд, — это нелегкие, напряженные планы... Но мы уверены, товарищи, мы твердо уверены в том, что эти планы будут претворены в жизнь, эти задачи будут решены».

В решениях съезда по разделу тяжелого машиностроения особой строкой записано о специализированных вагонах, то есть той самой продукции, какую выпускают сибиряки.

Сибирские вагоностроители взяли обязательство: до конца года изготовить не сто платформ, как в задании, а триста. И 30 декабря директор докладывал: с конвейера сошла 327-я платформа! Главный комитет ВДНХ СССР наградил сибирских вагоностроителей дипломом.

Так завершался 1976 год, первый год жизни нового предприятия...

...Мороз держался под сорок градусов. Во дворе рабочие устанавливали новогоднюю елку. Хвоя серебрилась, охватываемая инеем. Ребятишки, прибежав из школы, принесли в корзинах самодельные игрушки, помогали развешивать на ветки. Тут же степенно ходили старики, попыхивая табачным дымом, давали советы.

— Раньше у нас, парень, года назывались чудно, — говорил один из них, остановившись возле Василия Шапошникова. — Назывались года и овцой, и змеей, и драконом назывались, и мышью. Так было. И люди верили, что, если уж родится кто в нехороший год, так и вся жизнь у человека выйдет нехорошей. Только шаман мог отвести беду от человека. Но шаман бедному не служил, богатому он служил... Нынешний-то год, если по-старому... год курицы. — Дед вдруг весело засмеялся. — Похож ли он на курицын, а?

Все вокруг тоже засмеялись.

— Нынешний год в самый раз назвать годом орла, — сказал кто-то.

— Для вас теперь всякий год — год орла, — поправил дед. — Какой ни наступит, а все вверх, выше...

3

— О том, что в Москве готовится международная выставка «Железнодорожный транспорт-77», мы знали заранее, — расска-

зывает конструктор Владимир Сотников. — Поговаривали и в парткоме, и в комитете комсомола, что кого-то надо бы послать посмотреть, чем богаты другие страны, поучиться. Но о том, что наше изделие заинтересует выставком, мы никак не предполагали. И вдруг узнаем, что наша платформа-контейнеровоз включена в список экспонатов! Ну отправили мы экспонат. А следом, как полагается, поехала бригада. В нее вошли сварщик Александр Кудрявцев, маляр Валентина Косырева, инженеры Георгий Умняшкин, Георгий Брагин и я. Приехали в Москву, отыскали в тупике свою платформу. Запылилась за дорогу: от завода до Москвы как-никак четыре тысячи километров. Ну, засучили мы рукава, набрали стирального порошка, развели в ведрах, взяли тряпки и давай наводить чистоту. А пыль с мазутом. Но когда отмыли, ветром обдало, смотрим — заиграла! Верх у нее голубой, колеса вороненые, приборы красные...

По одну сторону от нас стоял польский вагон, рядом — цистерна из Финляндии, вагоны из ФРГ, Канады... — продолжает Владимир Сотников, и светлые глаза его весело смеются. — Обошли мы кругом. И, понимаете, не нашли того, чего бы хотели найти. — Владимир развел руками.

— А что же вы хотели найти?

— А то, чтобы наша платформа оказалась по сравнению... ну если уж не совсем проигрышной, то хотя бы с какими-то недостатками! Ведь там была представлена продукция знаменитых американских фирм «Пульман стэндард», «Эйбекс», предприятий ГДР...

— Зачем же это вам было нужно?! — спрашиваю, не скрывая удивления.

— А затем, чтобы... — уже откровенно смеялся Сотников. — В общем, хотелось ахнуть. Чтобы потом, приехав на завод, сказать: понимаете, мол, ребята, оказывается, вот как надо... И начали мы бы подгонять свое дело под тот эталон. Теперь же, если улучшать, то эталон этот нужно создавать самим. Понимаете? Не без корысти, выходит, мы эталоны искали!

Специализированная платформа-контейнеровоз, созданная сибиряками в сложных условиях, была оценена международным выставкомом очень высоко. Наши вагоностроители возвращались к себе в Хакасию с Почетным дипломом международной выставки «Железнодорожный транспорт-77» и серебряной медалью ВДНХ.

В разговорах с директором и с начальниками цехов я при случае задавал вопрос:

— А как с кадрами? Вы расширяете производство, набираете темпы, вот-вот переедете в новые корпуса. Будет ли кому работать?

— Будет, — определенно отвечали мне. — Конечно, свободных рабочих рук в Хакасии практически нет. Рядом предприятия Абакана, они вывешивают свои списки: требуются токари, сварщики, слесари, операторы... Рабочих из других областей мы не всегда можем принять, не хватает жилья. Остается ориентироваться на тех, кто оканчивает местные школы. Этим вопросом у нас занимаются буквально все. Однако больше всего комитет комсомола.

И вот я в комитете комсомола. С секретарем Сергеем Себякиным я знаком давно, еще с тех пор, когда он учился в Красноярском институте цветных металлов. У него большой опыт институтской комсомольской работы, и здесь он быстро освоился со своими обязанностями. Сергей рассказывает, что на заводе создана комиссия по профориентации. При этом тон у него будничный: он говорит, что ничего тут особенного нет, обычная работа. Взяты на учет все общеобразовательные школы города Абакана, и микрорайона в первую очередь. Составлен график проведения бесед с учащимися. Инженеры, рабочие приходят в школы, рассказывают о своей профессии, о своей работе. Кроме того, проводится конкурс, в котором может участвовать любая школа. Комитет комсомола следит за тем, чтобы в каждой школе и учителя и учащиеся были ознакомлены с условиями конкурса. Условия эти составлены предельно коротко и понятно. Вот они:

1. Число выпускников, поступивших в вузы по специальностям, необходимым для объединения.

2. Число выпускников, поступивших в техникумы, ГПТУ по специальностям, необходимым для объединения.

3. Число выпускников, поступивших непосредственно на работу на заводы объединения.

За первое место в конкурсе школа получает инструменты для оркестра стоимостью до одной тысячи рублей; за второе место — магнитофон или стереопроигрыватель стоимостью до 200 рублей; за третье место — спортинвентарь на сумму 150 рублей. Премируется и классный руководитель, имеющий лучшие результаты в деле профориентации своих учеников (имеется в виду ориентация опять-таки для объединения).

— Премии солидные, — говорю я.

— Да, тут мы не скупимся, — подтверждает Сергей. — Правда, итоги подведем только в ноябре, но уже сейчас видна польза. Через день, а то и каждый день у нас бывают на экскурсиях школьники...

В этот момент звонит телефон, Сергей снимает трубку:

— Да, да. Обязательно будет. В какое вам время лучше? Так, хорошо. Обязательно подадим. Ждите. — Положив трубку на рычаг, Сергей поясняет: — Вот опять звонили из школы. Восьмые классы собираются приехать. Спрашивают, как добраться. Подадим машину. Привезем ребят, поводим по участкам, покажем конвейер, все разъясним, постараемся заинтересовать.

— Ну а другие предприятия города тоже, наверно, ведут в этих же школах работу? И тоже, может, проводят свои конкурсы...

— Что ж... — улыбается Сергей. — Соревнование между предприятиями неизбежно. Открытое, честное соревнование. И не только на уровне пропаганды, а и в первую очередь на уровне создания лучших условий труда. Наш генеральный директор рассказывал, что, когда он работал еще на Волге, с его завода стали увольняться рабочие и переходить на соседний, в Тольятти. Там заработки не выше и работа не легче. А вот пошли. Почему? Оказалось, там культура. Пол чистый, блестит, все в светлых рубашках, а над конвейером, над головами — цветы в висячих корзинах. Проделали это же у себя — много «блудных сынов» вернулось... Вот и здесь стараемся так же действовать.

— Ну а когда у всех будут отличные условия труда — с цветами, идеальной чистотой и так далее?

— Тогда — соревнование за предельную механизацию, автоматизацию. У нас сейчас производство механизировано в среднем на 80 процентов, планируем 90 процентов, а там еще... Так что мы готовы потягаться со всеми городскими предприятиями...

Я иду вдоль пролета и наблюдаю за превращением четырех стальных балок в раму — основу изделия. Сплошной конвейерной линии, которая стала уже привычной на современном заводе, тут нет. Но стенды, на которых выполняют отдельные операции, расставлены так умело, что производство идет потоком. И вот уже готова рама. Тормозную систему монтирует Василий Шапошников со своим напарником. Это один из основных узлов: поезда будут ходить со скоростью 150—170 километров в час, и платформам нужны надежные тормоза.

Отыскиваю глазами на конвейере Тимофея Тодышева, но его нет: он, оказывается, в отпуске. Василий Шапошников смеется: дескать, получил парень медаль «За доблестный труд» и обессилел: пришлось на отдых в деревню отпускать. А там как раз и дочь у него родилась.

Производственная площадь, то есть весь вот этот корпус — два пролета с почти бесшумно скользящими под крышей мостовыми кранами, стенды, автоматы, — все рассчитано на выпуск тысячи платформ-контейнеровозов в год. Но, отвечая на Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1978 года и усилении борьбы за повышение эффективности производства и качества работы», коллектив решил нынче изготовить полторы тысячи платформ-контейнеровозов. Спрос на них возрастает в стране, да и за рубежом.

Сегодня вот при мне уходит шестая платформа на Кубу. Это особый заказ Внешторга. Вместе с Василием Шапошниковым и секретарем комитета комсомола Сергеем Себякиным подсчитываем: если каждые сутки давать по шесть платформ, если каждую смену держать вот такой напряженный ритм, то в год выходит даже больше полутора тысяч платформ. Но об этом пока никому. Сперва надо все серьезно обсчитать с технологами, настроить людей...

Я ходил по пролетам, наблюдал производство, разговаривал с людьми — все вроде идет хорошо. Но чувство неудовлетворения у меня все же оставалось... Да его и не могло не быть. Это неудовлетворение и у генерального директора, у секретаря парткома, у секретаря комитета комсомола, у мастеров и рабочих — у всех. Ведь налаженное, наблюдаемое и экскурсиями школьников, и разными представителями дело — это еще не само дело, а только подступы к нему, первый шажок.

— Настоящее дело будет тогда, — говорили мне, — когда вступят в работу все заводы нашего объединения. Мы должны выпускать цельнометаллические восьмиосные полувагоны грузоподъемностью 125 тонн — 5 с лишним тысяч штук в год. Восьмиосные нефтебензиновые цистерны — три с половиной тысячи штук в год. А большегрузные контейнеры — 40 тысяч штук в год — прямо записаны в решениях XXV съезда партии.

Я ходил по степи — там, где должны быть заводы. Корпус

крупного и среднего литья, корпус производства контейнеров, корпус литья автосцепов, полускатно-тележный, главный вагонный корпус... На чертеже. В реальности же пока остовы из камня и железобетона. Летом вокруг них вырастает бурьян, а зимой сугробы снега; строители до сегодняшнего дня тут практически не появлялись.

Во время пребывания в Красноярске, выступая перед членами бюро Красноярского крайкома КПСС, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «...хочу отметить, что ряд объектов, предусмотренных планом, строится в Красноярском крае крайне медленными темпами. Ввод их в действие не обеспечивается в установленные сроки. Это относится и к... Абаканскому вагоностроительному заводу...»

Первым должен начать работать контейнерный завод. Срок ввода его в эксплуатацию — конец нынешнего года. Но... в 1977 году по этому объекту из 9 миллионов рублей освоено только 4 миллиона. План строительно-монтажных работ выполнен на 47 процентов. В нынешнем году на этот объект отпущено 43 миллиона рублей. Строители, правда, улучшили организацию труда, один за другим приезжают представители из Москвы, торопят, но время упущено...

А между тем мне, когда приходилось разговаривать с железнодорожниками в Красноярске, и в Иркутске, и в Ленинграде, они заявляли, что в этой пятилетке XXV съездом партии предписано увеличить объем перевозок грузов в крупнотоннажных контейнерах, и говорили, что ждут они эти самые контейнеры, все глаза проглядели.

Разговаривал я с енисейскими речниками и с моряками северных наших морей — они во исполнение решений съезда начали укомплектовывать флот специальными судами-контейнеровозами, а контейнеров нет.

Острую нужду в контейнерах вот-вот почувствуют на всех дорогах страны и автомобилисты, начинающие пополнять свои автопарки могучими КамАЗами. А ведь КамАЗ и Хакасское объединение новых заводов — это одна технологическая цепь...

Сам факт, что большегрузные контейнеры трижды упоминаются в разных разделах материалов XXV съезда партии, уже говорит о чрезвычайной важности этого дела.

И вот я думаю, расставаясь с теми, кто строит, и с теми, кто завтра встанет на новые конвейерные линии: хоть так крути, хоть этак, а вывод один: руководство строителей (тресты Абаканвагонстрой и Главкрасноярскстрой) попало в сложную ситуацию. Прежде не было денег — рабочих рассредоточили, участки расформировали. Теперь деньги дали — некому работать. Пригласить людей из-за пределов края невозможно: нет готового жилья. Построить бы срочно это жилье, материалы есть, да некому строить.

И еще изумил меня такой факт — не едут на летние месяцы сюда боевые студенческие отряды. Стройка-то ударная комсомольская всесоюзного значения! Кто в этом виноват — Главкрасноярскстрой или Абаканский горком комсомола? Видимо, и те и другие. Ныне генеральный директор объединения собирается провести неофициальную операцию: сын у него учится в Бауманском училище, так вот через сына ведет он переговоры со студентами-бауманцами, чтобы те приехали в Хакасию, по-

могли строителям выполнить их очень напряженную программу.
От имени всех рабочих зову: «Приезжайте, студенты!»

В центре Абакана появились первые высотные дома. В одном из них живет мой друг. Мы глядим с балкона на ночной город. Далеко в степь уходят освещенные улицы, они соединяются с новым микрорайоном. В микрорайоне будут жить 60 тысяч вагоностроителей и их семьи; восемь лет назад столько жителей было во всем Абакане. Растет город, растет вместе с вагоностроительным объединением. А ведь, кажется, совсем недавно еще был тот день — день рождения первого завода, входящего в состав этого нового мощного предприятия.

●

Цезарь СОЛОДАРЬ

ОБВОРОВАННЫЕ СУДЬБЫ

КАК СИОНИСТЫ ОБОЛВАНИВАЮТ МОЛОДЕЖЬ

Итак, сионистам везде и всегда нужна молодежь.

Зачем она нужна им сегодня?

Раздумывая над тем, как ответить на этот вопрос, я отчетливо вспомнил документальный снимок французского фоторепортера, увидевший страницы многих тысяч газет и журналов всех континентов планеты.

Совсем юный израильский солдат, ухватив за волосы арабскую девушку, волочит ее по земле. Подняв кверху обезумевшие от ужаса глаза, девушка смотрит на занесенный над нею автомат.

Немало леденящих сердце фотографий и кинокадров, заснятых на оккупированной Израилем палестинской земле, довелось мне видеть.

Израильские солдаты, пиная ногами пожилых арабов, бесцеремонно обыскивают их перед воротами цитрусовой плантации, где несчастным придется от зари до ночи работать за сокращенную до минимума заработную плату.

Израильские полицейские выстрелами и слезоточивыми газами разгоняют мир-

---

Окончание. Начало в № 6.

ную демонстрацию палестинцев, протестующих против неслыханных притеснений оккупантов.

Израильские чиновники изгоняют из школы арабских учителей на глазах у притихших от страха детишек.

И все же, когда я спрашиваю себя, зачем нужна сегодня сионистам молодежь, передо мной прежде всего мысленно предстает молодой израильский солдат, истязающий молодую палестинку на ее родной земле.

Да, израильский сионизм посылает на отнятые у палестинцев земли свою молодежь, предварительно воспитав из нее карателей, или, как уважительно выражаются в Израиле, «даянотипов». Такой термин мил сердцу даже тех сионистов, кто считает себя политическим противником Моше Даяна и не прочь при случае щегольнуть словами покойного командира карательно-боевых отрядов «Хаганы», подпольной сионистской армии в Палестине, генерала Ицхака Садеха. Руководивший Даяном на первых шагах его военной карьеры, Садех сказал о нем: «Это самый опасный человек в Израиле. За ним надо приглядывать постоянно. У него нет ни совести, ни сдержанности, ни морали. Он способен на все».

Когда дело, однако, касается воинского воспитания молодежи, израильские сионисты любых партийных группировок стараются представить Даяна кумиром молодежи. Что ж, не так уж это нелогично: ведь им нужны молодые люди, и прежде всего молодые солдаты, так же, как и Даян, «способные на все».

Израильский сионизм рекламирует в среде молодежи и других кумиров, помельче. Назовем хотя бы одного из наиболее завзятых и упорных израильских террористов, Меира Хар-Зионе, упоминающегося в открытом письме израильтянина Амитая Бен-Иена евреям Америки под выразительным заголовком «Что делает Израиль с палестинцами?».

Меир Хар-Зионе, с отвратительными подробностями описавший в своих мемуарах резню ни в чем не повинных палестинских пастухов, подчеркивает, что недостаточно убить араба из ружья. Чтобы почувствовать сладость расправы, надо, по авторитетному мнению многоопытного карателя, добить жертву ножом. Признанный национальный герой, Хар-Зионе вознагражден за свои «подвиги» огромным наделом конфискованной у палестинцев в Кокав-Харухоте земли и значительной денежной премией. Дали ему во владение и гору за Тивериадским озером. В своих обширных владениях убийца принимает и соответствующим образом обучает группы молодых сионистов, приезжающих выразить свое восхищение первоклассным «даянотипом».

Превращенные в «даянотипов» молодые сионисты по праву считаются вполне созревшими для несения воинской и административной службы на аннексированных землях Палестины.

Они готовы в любой момент и в полной мере применить против палестинцев так называемые «Правила обороны», по которым воинский начальник без всякого предупреждения волен делать с населением оккупированной территории буквально все, что ему заблагорассудится. Когда английские власти в пору своего протектората над подмандатной Палестиной однажды попытались применить эти «Правила» к евреям, Яков Схимбсон Шапиро, впоследствии израильский министр юстиции, писал: «Режим «Правил обороны» не имеет равного себе ни в одной цивилизо-

ванной стране. Даже в нацистской Германии не было таких законов... Такой режим возможен только в оккупированной стране». Другой сионистский деятель, Дов Йоссеф, также ставший впоследствии министром юстиции Израиля, назвал людей, против которых обращены «Правила обороны», жертвами «законного» терроризма.

Но те же Шапиро и Йоссеф сегодня восторгаются тем, с какой настойчивостью и последовательностью молодые сионисты с автоматами в руках насаждают «Правила обороны» среди порабощенных ими палестинцев.

Прежде всего молодежи поручают израильские сионисты проведение на оккупированных территориях и так называемого «сигнала тревоги».

Что скрывается за этим названием? Я мог бы сослаться на показания тысяч палестинцев — жертв «тревоги», но объективности ради опять-таки воспользуюсь письмом израильтянина Амитая Бен-Иена. Правда, из его повествования о сущности «сигнала тревоги» я вынужден исключить некоторые страшные подробности, заставившие бы читателей содрогнуться.

«Всех мужчин, начиная с 12—14-летнего возраста, забирают и гонят куда-нибудь в отдаленное место, чаще всего в пустыню. Там группу разбивают на две части по возрасту: в одну входят молодые люди, в другую — пожилые, так что отцы и дети не могут быть вместе. Затем всех заставляют встать на колени, или присесть на корточки, или принять какую-нибудь другую унизительную позу и оставаться в ней долгое время, не двигаясь, не меняя положения. И они должны оставаться в таком положении в течение двух или трех дней. При этом арабов окружают солдаты, которые постоянно палят над их головами. Иногда же арабов ведут «для исправления» в болотистую местность или в места, надолго затопляемые приливом, и заставляют стоять по пояс в воде... А женщин в это время запирают в домах. Там нет ни воды, ни канализации. Обычно им разрешают выходить из дому на полчаса в день... Женщинам не делается никакого снисхождения, и несколько человек были убиты и ранены только за то, что после нескольких дней «осадного положения» пытались выйти...»

Молодые сионисты, проявившие строгость и непреклонность в подобном проведении «сигнала тревоги», морально и материально поощряются. Мне приходилось видеть на страницах сионистской прессы Израиля восторженные строки об «идейно закаленных» молодых воинах и чиновниках, не только образцово проявивших себя в часы действия «сигнала тревоги», но и «глубоко осознавших высокое значение этой меры в борьбе за окончательную израилизацию возвращенных государству земель».

Упоминание о чиновниках не случайно: значительная часть административных должностей в учреждениях на оккупированных территориях принадлежит молодым людям. Главный критерий при назначении молодого администратора — слепая верность сионистским постулатам. Образовательному и культурному уровню придается третьестепенное значение. И тель-авивских руководителей мало волнует, что в среду молодых администраторов попали и те, кто, заполняя специальные тесты, уверенно утверждал: Шекспир — музыкант, Модильяни — манекенщик, а Мек-

сика и Канада — штаты Америки, которой в свое время руководил президент Динозавр.

Звучит анекдотично, но такова, увы, действительность.

Молодым военнослужащим, проходящим службу в аннексированных районах, никаких тестов, правда, не предлагают. Для них верность сионистским постулатам уже не главный, а единственный критерий. Тех же, кто не вполне соответствует этому критерию, готовят к большой войне, о которой в Израиле издавна принято говорить как о чем-то неминуемом.

«Израильским сионистам нужны не мы, а наши дети. Нужны как пушечное мясо для войн и беспрерывных кровавых налетов, без которых в Израиле не проходит и недели».

Сколько раз слышал я эти слова от пожилых людей, бежавших из Израиля бывших граждан социалистических стран! Сколько аналогичных мыслей высказано в письмах тех, кому еще не удалось бежать оттуда!

И в этих словах — самый, вероятно, горький, но глубоко правдивый, продиктованный печальной действительностью ответ на прямой вопрос: зачем израильским сионистам, задыхающимся в тисках жестокой экономической инфляции и не могущим обеспечить работой и жилищем своих собственных граждан, нужна еще и «привозная» молодежь?

* * *

— Мы прожили в Израиле тринадцать месяцев, — рассказал мне в Роттердаме бывший польский гражданин Шлойма Калихмацкий, — но я не могу припомнить, чтобы меня и жену пригласили на собрание или митинг. Меня вызывали только в «Сохнут», полицию, военный мисрад. Зато очень часто получала приглашения на всякие собрания, встречи и митинги Ирена, наша дочь. Ей было тогда меньше восемнадцати лет, но она получала столько приглашений, ее так часто уводили на какие-то собрания, что мы с женой даже посмеивались: неужели без нашей Ирены в Израиле не сварится ни один суп на политической кухне? Однажды Ирена слышала речь самой Голды Меир, когда та была ни больше ни меньше — премьер-министром!

Многие несостоявшиеся израильтяне рассказывали мне в Вене, Брюсселе, Антверпене, Амстердаме и в других городах Западной Европы, как с первых дней приезда в Израиль их сыновей и дочерей стали настойчиво приглашать на всякого рода сионистские сборища. А бывшему жителю Ясс Нафтоле Бухбиндеру юный активист из «Неделимого Израиля» даже назидательно пригрозил: «У нас есть сведения, что вы не очень охотно отпускаете вашего сына к нам на встречи с крупными общественными деятелями. Смотрите, как бы вам не пришлось раскаиваться в своем антипатриотизме!»

Не знаю, на том ли самом митинге, где присутствовала юная Ирена Калихмацкая, но именно в молодежной аудитории Голда Меир произнесла слова, ставшие программным девизом израильских оккупантов и карателей: «Граница проходит там, где живут евреи, а не там, где проведена линия на карте». Эти слова уже многие годы непрестанно цитируются в статьях и выступлениях израильских сионистов, оправдывающих создание израильских поселений и военных очагов на арабских землях.

Так уж повелось в Израиле, что самые воинственные свои речи, самые аннексионистские свои программы сионистские руководители чаще всего адресуют молодежи.

Не кто иной, как первый израильский премьер Бен-Гурион, надменно именовавший себя «человеком войны», выступая перед студентами, заявил, что имеющаяся карта Израиля не есть подлинная карта страны. «У нас есть другая карта, — обратился он к молодым слушателям, — которую вы, студенты и молодежь еврейских школ, должны воплотить в жизнь. Израильская нация должна расширить свою территорию от Нила до Евфрата».

Еще ранее Бен-Гурион так неоднократно говорил о ставке израильского правительства на молодых иммигрантов: «Наша задача находится лишь в самом начале своего выполнения. Она состоит в направлении всех евреев в Израиль. Мы призываем родителей помочь нам вывезти их детей сюда. Даже если они не захотят помогать, мы привезем в Израиль всю молодежь».

Когда скомпрометировавший себя на посту премьер-министра незаконными валютными операциями Ицхак Рабин пребывал еще на посту израильского посла в США, его любимым коньком были беседы с сионистской молодежью о «войне без выстрелов».

Старый «ястреб» изощрялся в подыскивании все новых методов идеологической войны средствами информации и психологических приемов. Руководителей американских сионистов Рабин неизменно убеждал, что этим методам борьбы молодежь надо обучать с не меньшим усердием, чем снайперской стрельбе из огнестрельного оружия. «Войну без выстрелов, — утверждал будущий премьер, — надо вести силами молодежи против молодежи. И тогда побежденные вынуждены будут вступить в ряды победителей».

Вот почему широкоизвестные в Америке «розовые листки» (на которых израильское посольство размножало оперативные материалы сионистской пропаганды) рассылались и наиболее видным государственным деятелям США, и рядовым активистам студенческих и молодежных организаций. Приемы Рабина вот уже многие годы остаются на вооружении израильского посольства в США.

Для «войны без выстрелов», для оболванивания молодежи в шовинистическом духе сионистам нужны кадры молодых интеллектуалов, особенно гуманитариев, могущих точно по заказу подводить теоретическую и духовную базу под «войну с выстрелами». Такие «кадры» особенно деятельно покупает английский сионизм.

Чем щедрей и размашистей покупатель, тем охотней идет в его силки товар. Некоторые безработные выпускники высших школ еврейской национальности смекнули: стоит только взяться за антисоветскую тему, стоит только провозгласить свою приверженность «науке сионизма», как сейчас же получишь солидную стипендию, станешь материально обеспеченным человеком! Мне назвали немало имен таких сообразительных молодых дельцов от науки: Тибор Сэмюэль, Леопольд Лабец, Морис Кронстон, Беата Сторман, Роберт Конквист. Причем уравниловки в оплате нет: чем больше антикоммунистического материала в реферате, чем откровенней проповедуется мирное сосуществование сионизма с троцкизмом и маоизмом, чем безудержней клевета на социалистические страны, тем выше гонорар.

Перед научной молодежью сионистского толка маячит живой

пример преуспевающего метра. Я имею в виду профессора лондонской школы экономических и политических наук Леонарда Шапиро. Он потерял честь смолоду еще в буржуазной Литве, где деятельность его отца, главного раввина, вполне устраивала литовских приказчиков американского капитала. Затем Шапиро прошел добротную выучку непосредственно в молодежных сионистских организациях США. Как заправский «советолог» Шапиро в своей научной работе тесно связан с английской и израильской разведками: взаимное, так сказать, обогащение!

Теперь Шапиро по заданию сионистских хозяев вынес свою антисоветскую деятельность за пределы Англии и США. Он представляет английскую, а заодно и израильскую «науку» в идеологически-диверсионном учреждении, окопавшемся в Мюнхене, в тени радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», под вывеской «Международный исследовательский центр самиздата — архив самиздата».

«Исследовательская» деятельность заключается в распространении так называемой «черной пропаганды», сочинении антикоммунистической и антисоциалистической литературы, выработке более эффективных методов идеологических диверсий против социалистических стран. Узнав, что новое осиное гнездо антисоветчиков опекает и сионизм, туда немедля потянулись жаждущие доходной работенки молодые английские сионисты научной окраски. Они небезосновательно надеялись, что им будет оказано предпочтение: ведь новый центр возглавляет их земляк, чиновник английской разведки Мартин Дьюхерст.

Могли ли они предполагать, что большинству из них отвод даст... Леонард Шапиро? Об одном из них, социологе, поставлявшем израильской печати любые, угодные ей исследования о деятельности западноевропейских сионистов, Шапиро, как мне рассказали в Лондоне, неодобрительно заметил: «Не подходит. Чересчур прет из него сионист».

Парадокс? Нет, хорошо продуманная мимикрия. Шапиро сообразил, что руки у него будут развязаны, если он станет числиться лидером «непартийных» интеллектуалов, борющихся против «притеснений» евреев социалистических стран. И отдал предпочтение добровольцам из безработных выпускников университетов Франции и Италии, еще не успевших завоевать репутацию прожженных сионистов

Титул «непартийного», несионистского антисоветчика поспешил присвоить себе и другой лидер борьбы «в защиту советских евреев» — журналист Бернард Левин, систематически выступающий на страницах «Гардиан» с полными злопыхательства антисоветскими статьями.

По утверждению Левина, в Советской стране преследуют «поголовно всех евреев-интеллектуалов». Поэтому я сделал в Лондоне попытку встретиться со «своим» рьяным «защитником». Левина такая встреча, естественно, не устроила. Не потому ли, что я давно уже вышел из комсомольского возраста? Ведь он и его подпевалы в свое время подчеркивали, что готовы великодушно простить молодому диссиденту еврейской национальности его пребывание в комсомоле. Мало того, они даже считают такой факт биографии потенциального эмигранта особенно ценным для сионизма. В нем они усматривают умение своих единомышленников приспосабливаться к обстановке.

Дьюхерсту, Шапиро, Левину и иже с ними нужна молодежь. Нужны молодые люди с двойным дном, уже отравленные мимикрией. Сионизм намерен подготовить из них новых «социологов» и «теоретиков» антисоветского профиля.

* * *

Сионистам нужна молодежь. Нужны прежде всего молодые солдаты, покорно готовые осуществить любую агрессию израильского милитаризма.

Очередная свершилась в дни, когда писались эти страницы. Кровавая оккупация Ливана представляет собой тягчайшее за последние годы военное преступление международного сионизма. Преступление с заранее обдуманным намерением — это признает мировая печать.

Радуясь потерям палестинцев, сионистские заправилы Израиля не считают количество невинных жертв, понесенных народом Ливана, чьи суверенные права так безжалостно попраны. Сионизму не до кровавых накладных расходов на агрессию, задуманную с целью тотального истребления палестинцев, борющихся за освобождение родной земли, с которой их изгнал сионистский Израиль. Предпочитает израильское командование не сообщать и о собственных потерях. А ведь по его прямой вине, осуществляя его варварские планы, погибли в Южном Ливане и израильские юноши, еще так недавно с грустной улыбкой повторявшие столь ходкую среди них фразу: «До свидания на могильной плите!»

На могильных плитах военных кладбищ скоро появятся имена и молодых людей, по собственной вине потерявших Советскую Родину и приобретших взамен право сложить голову на арабской земле во имя обогащения американских торговцев оружием и израильских финансовых тузов. Не могу умолчать об этом, ибо из года в год в Израиле множится скорбный список бывших советских граждан, погибших в неправедных боях за позорное торжество чужбины, фарисейски именуемой их «исторической родиной». Как же тут не повторить мысль генерального секретаря ЦК Компартии Израиля товарища Меира Вильнера, высказанную на XXV съезде КПСС, о том, что правящие Израилем сионистские круги, продавая родину за долларовую похлебку, «приносят молодежь в жертву на алтарь войны».

* * *

...Две девушки, судя по облику — ровесницы, стоят рядышком на одной из оживленных улиц Вашингтона. Каждая держит в руках исписанный печатными буквами плакат. На плакате у девушки, стоящей справа, сказано: «Я американская еврейка. Я родилась в США. Израиль не является моей родиной, но я имею возможность «вернуться» туда».

Девушка, стоящая слева, взывает к прохожим словами своего плаката: «Я арабская женщина, родом из Палестины. Я родилась в Иерусалиме. Палестина является моей родиной, но я лишена возможности вернуться туда».

Лаконично. Но о скольких трагических судьбах напоминают эти лаконичные плакаты! Они отразили расистскую основу национальной политики сионистских правителей Израиля.

Как и каждого гражданина еврейского происхождения любой страны, молодую американку израильские власти считают своей гражданкой, «временно находящейся в изгнании». А себя считают вправе требовать от девушки выполнения ею обязанностей подданной государства Израиль.

А в арабской девушке, уроженке Палестины, оккупировавшие палестинские земли израильские власти видят чужеземку и лишают ее, а вместе с ней сотни тысяч палестинцев священного права жить на родной земле.

Эпизод на вашингтонской улице настолько точно отражает израильскую действительность, что даже некоторые правые газеты в Америке сочли возможным опубликовать фотоснимок двух этих девушек с плакатами. Но ни одна из многочисленных «свободных» газет Америки ни единым словом не обмолвилась о расправе над ними, осмелившимися публично обличить расистские устремления сионизма. Об этой расправе стало известно в Лондоне.

Девушек окружила стая разнузданных молодчиков. Размахивая кастетами и велосипедными цепями, они отогнали всех, кто рискнул вступиться за демонстранток, а девушкам пригрозили:

— Немедленно убирайтесь! А ваши коммунистические плакаты уничтожьте!

Девушки отказались подчиниться. Через несколько секунд их сбили с ног.

— В следующий раз не вздумайте спорить с «Молодежной лигой защиты евреев»! — предупредили хулиганы девушек и с улюлюканьем скрылись. Конечно, задолго до появления полисмена.

Расправившиеся с девушками молодчики, надо признать, отрекомендовались своим жертвам абсолютно точно. Они действительно представляли один из многочисленных отрядов молодежного филиала «Лиги защиты евреев», организованной еще в 1968 году гангстером в раввинском звании Меиром Кахане. Этот филиал, особо патронируемый наиболее могущественными сионистскими центрами США, имеет свои группы во многих американских городах, в частности, при нескольких крупных колледжах. В закрытых лагерях специальные инструкторы тренируют молодых кахановцев по программе, принятой при подготовке пресловутых «зеленых беретов» — солдат американской морской пехоты. Отобранные по рекомендации сионистских организаций подростки прежде всего проходят соответствующую психологическую подготовку, бесповоротно вытравляющую из них «комплекс жалости и сострадания». Затем их в течение девяти недель обучают стрельбе из разнообразного оружия, приемам каратэ, преодолению сложных препятствий, изготовлению зажигательных бомб, умению закладывать мины. Дэвид Сомер, директор одного из таких лагерей в Вудсборне, близ Нью-Йорка, коротко, но исчерпывающе сформулировал главную задачу лагеря: «Создание кадров еврейских уличных бойцов».

Как известно, Меир Кахане в свое время провозгласил неуемное желание увидеть возврат американо-советских отношений к балансированию на грани войны. Его молодые последователи пошли еще дальше. «Было бы прекрасно, если бы Россия и Соединенные Штаты порвали из-за нас отношения», — заявил один из руководителей молодежного филиала «лиги», все чаще имену-

емого самостоятельной организацией, действующей независимо от «Лиги защиты евреев».

Не только американская общественность, но и представители официальных органов все чаще и чаще возмущаются антиобщественными и открыто террористическими действиями головорезов из «лиги». Ознакомившись с материалами расследования бандитских дел молодого сионистского террориста Айзека Ярославица, федеральный прокурор Роберт Морзе сказал руководителям «лиги»: «Вы не столько помогаете евреям, сколько вредите им».

С осуждением преступной деятельности молодых кахановцев выступают и представители американского еврейства, в том числе видные религиозные деятели. «Евреи с бейсбольными битами и велосипедными цепями, стоящие с видом наемных головорезов перед синагогами, не менее отвратительны и, в сущности, неотличимы от одетых в белые балахоны и капюшоны с прорезями для глаз куклуксклановцев, собирающихся вокруг горящих крестов, — заявил религиозный деятель Моррис Эйзендрат. — Ни евреи, ни христиане, ни Америка не нуждаются в подобных защитниках».

Но в них нуждаются американские сионисты — головной отряд международного сионизма. И для подготовки новых и новых банд подобных «защитников» ему нужна молодежь, нужны парни и девушки, готовые после соответствующего «промывания мозгов» стрелять из снайперских винтовок в окна квартир, где находятся дети, готовые убить девушку Ирис Кунс только за то, что она помогала своему шефу — известному американскому импресарио Солу Юроку организовывать гастроли выдающихся советских музыкантов.

* * *

Им нужна молодежь.

И проникающие в нашу страну сионистские эмиссары (в свое время в ранге дипломатов, ныне под видом туристов) прежде всего нацеливаются на молодых граждан еврейской национальности.

В Одессе до сих пор помнят, как приезжавшие туда под предлогом понежиться на черноморском пляже сотрудники израильского посольства в СССР во главе с послом Иозефом Текоа и третьим секретарем Кацем искали общения с семьями, где были молодые сыновья и дочери.

Посла и его свиту раздосадовало то, что молодежь подчеркнуто уклоняется от встреч с ними. Кац жаловался прихожанам одесской синагоги:

— Мы готовы встретиться даже с комсомольцами. Но лучше, конечно, с некомсомольцами. Ведь мы хотим всего-навсего передать им привет из Тель-Авива и израильские сувениры. А если они заинтересуются, то и кое-какие книги. Наш посол был уверен, что одесский раввин Шварцблат воздействует на ваших детей. Уж кто-кто, а дети раввина должны встретиться с послом государства Израиль.

Пронырливому дипломату разъяснили, что малолетнего сына Шварцблата гитлеровцы застрелили на руках у матери в оккупированной Литве и что раввин публично проклял сионистских

правителей Израиля, получающих от определенных кругов денежное «возмещение» за кровь его сына и жены.

Поездки своих спортсменов за рубеж израильские сионисты также используют в провокационных целях. Даже отправившись в турне по западноевропейским странам, тель-авивские волейболисты прихватили с собой огнестрельное оружие, не говоря уже о листовках, призывающих евреев Западной Европы строго выполнять обязанности «дублированных» подданных Израиля на основании лжезакона «О двойном гражданстве евреев в странах диаспоры».

О двойных целях поездок израильских спортсменов в социалистические страны и говорить не приходится. О том, чем занимались, к примеру, в Риге приезжавшие туда баскетболисты израильской команды «Хапоэль», подробно информировала в свое время республиканская печать. По примеру особенно деятельного младшего тренера команды Нуты Когана спортсмены при малейшей возможности старались всучить рижским евреям сионистские издания, призывающие к эмиграции на «родину отцов». Израильским спортсменам, естественно, удобнее всего было делать свое грязное дело среди молодых сверстников. Не желая, однако, упускать из поля зрения и пожилых людей, они, не довольствуясь «работой» на улицах, установили «дежурные посты» в разных пунктах, вплоть до мужского туалета гостиницы «Рига».

Что ж, старания израильских спортсменов не оказались совсем уж безрезультатными. «Теперь, когда у меня так много времени на раздумья, — сказал мне в Вене недолговечный израильтянин и бывший рижанин Гец, — я вспомнил и могу честно сказать: пагубную мысль о переезде в Израиль в мое сознание впервые заронила поганая сионистская книжонка в многоцветной обложке. Сунул мне ее в руки тель-авивский баскетболист у здания рижской оперы...»

Антисоветскую эстафету, начатую израильскими дипломатами и продолженную спортсменами, подхватили эмиссары, агитаторы и вербовщики с туристскими паспортами.

...К чести девятнадцатилетнего москвича Леонида Цыпина надо сказать: он, поддавшись вначале на уговоры вербовщиков, сфабриковавших для него вызов в Израиль от «дяди», все же сумел устоять. Но парню потребовалось несколько лет, чтобы осознать себя жертвой тех, кто, по его выражению, умышленно и злонамеренно хотел бы поставить знак равенства между словами «сионист» и «еврей». И прежде, чем Леонид Цыпин до конца понял, что «международный сионизм, как и любое проявление расизма, как и нацизм, чужд и враждебен всем советским людям, в том числе советским евреям», он был послушной марионеткой сионистской агентуры, он жил, как точно определил долго беседовавший с ним журналист Р. Тополев, по чужому сценарию. Выполняя наказы и инструкции тех, кто его вербовал, Цыпин сблизился с антисоветски настроенными людьми, которым на определенное время было отказано в разрешении на выезд в Израиль, поскольку в недавнем прошлом они по своей работе располагали сведениями, составляющими государственную тайну.

Чем занимался Цыпин в годы, которые ему впоследствии хотелось бы вычеркнуть из жизни? Об этом он чистосердечно рассказал журналисту. Из его слов можно точно уяснить, для каких

грязных дел нужна международному сионизму молодежь в социалистических странах:

«На протяжении нескольких лет мне приходилось встречаться с представителями зарубежных антисоветских центров, отдельными дипломатами и корреспондентами. Общаясь с ними, нетрудно было понять, что особое внимание следует, по их мнению, уделять националистической обработке молодежи. Любой ценой объединить молодых людей еврейской национальности — вот чего они хотели от нас. Для этой цели мы пытались создать так называемые кружки по изучению древнееврейского языка... Мы, по заданной нам идее, должны были просто-напросто вербовать человеческие души, потому что наших «духовных и финансовых отцов» все больше и больше тревожило резкое уменьшение желающих выехать из СССР. Но что можно было поделать, если даже в ответ на вывешенное одним из участников нашей компании П. Абрамовичем объявление об обучении древнееврейскому языку произошел конфуз: «Ко мне пришел один человек, да и то шизофреник», — жаловался он».

Пусть попались бы эти строки на глаза антверпенскому алмазному промышленнику Марселю Брахфельду, сионистской активистке в Гааге Доре Баркай, управляющему канцелярией главного раввина Великобритании, Австралии и Новой Зеландии Моше Девису, венскому торговцу и домовладельцу Бухштабу, редактору издающегося в Лондоне на английском языке «Еврейского ежеквартальника» Якобу Зоннстагу и другим моим зарубежным собеседникам сионистского толка. В разное время они твердили автору этих строк:

— Мы в отчаянии! Почему в Советском Союзе и социалистических странах не стимулируют еврейскую молодежь к изучению иврита? У нас есть сведения, что у вас очень развито изучение иностранных языков. Не лучше ли молодым евреям изучать свой родной язык? Вы, старшее поколение, обязаны воздействовать на сыновей и дочерей и, если потребуется, даже заставить их познать язык своей исторической родины.

Так говорил бельгийский миллионер Брахфельд, чья супруга вынуждена была признать, что молодое поколение «их круга» в совершенстве владеет английским языком, но не хочет знать ни единого слова на иврите — древнем языке, практически не нужном современному человеку. А сионисты в Лондоне, с не меньшей горделивостью перечислив около двух десятков издающихся у них сионистских газет и журналов на английском, разводили руками, когда я их спрашивал, почему они не издают на иврите хотя бы даже листовки.

И прочим моим собеседникам из среды сионистов полезно было бы познакомиться и с такими признаниями Леонида Цыпина:

«Прибывшие в Москву под видом туристов зарубежные эмиссары или находящиеся в Москве некоторые иностранные корреспонденты и дипломаты рекомендовали нам, когда и в «защиту» кого необходимо выступать... Вот, например, в марте 1973 года мы провели запланированную «акцию» в приемной одного государственного учреждения. Накануне встретились с несколькими иностранными корреспондентами, согласовали с ними час и план действий, вручили списки участников. Утром пришли в это учреждение с целью создать очередной скандал. А уже ве-

чером того же дня некоторые органы западной печати и радио подняли шумиху о якобы имевшем место «преследовании евреев в СССР» и о «расправе с участниками демонстрации» (кстати, участников демонстрации можно было пересчитать по пальцам одной руки). На самом же деле в этом учреждении нас выслушали и предупредили о недопустимости нарушения общественного порядка. Конечно, больший вес, а следовательно, и цену «акция» приобрела бы, если бы кого-либо из нас препроводили в милицию. Но наша цель и без того была достигнута: на несколько дней мы дали повод для антисоветской пропаганды».

Повод для антисоветской пропаганды — вот за что платили деньги сионистские эмиссары Леониду Цыпину и другим попавшим в их сети молодым людям. «Мы не можем вам помогать, не получая от вас информации», — откровенно сказал Цыпину и его тогдашним соратникам побывавший в СССР руководитель сионистской организации «Юнион оф Канселз фор Совет джури» Л. Розенблюм. «И мы в поте лица искали нужные Розенблюму и К° факты, — признает Цыпин. — Из любого уголовного преступника мы готовы были сделать «политического узника» и «жертву произвола».

«Туристы»-антисоветчики Инес Вайсман, Айрин и Сидней Манекофски из США, Джун Джекобс из Англии, Бурах Поллак из Канады, член одного из лондонских сионистских комитетов подчеркнуто антисоветского направления М. Шернборн, бывший сотрудник посольства США М. Венник, иностранные журналисты Дж. Пайперт, Х. Смит, Д. Бонавия, А. Френдли, Д. Кримски, Дж. Джексон, В. Джеймс — вот неполный перечень иностранцев, инструктировавших в антисоветском духе Леонида Цыпина. Один из них даже передал своей радиостанции сообщение о том, что «сегодня органами государственной безопасности в Москве арестован Леонид Цыпин».

Это сообщение о своем аресте Цыпин, которому к тому времени корреспондент американского журнала Д. Шоу успел дать конспиративную кличку Би, услышал, сидя у себя дома.

Напоминаю: среди старательных наставников и меценатов антисоветской компании, в которой несколько лет вращался Цыпин, были граждане нескольких капиталистических стран. Этот непреложный факт еще и еще раз подтверждает, насколько прав Е. И. Дивнич, один из бывших идеологов и руководителей белоэмигрантского НТС, когда в изданной за рубежом книге «НТС, нам пора объясниться» прямо и недвусмысленно констатирует: «Без связей с иностранцами существование зарубежных антисоветских организаций невозможно».

Коротко и ясно. И вполне приложимо к сионистским агентам. Они предают Советскую Родину при организационной и финансовой поддержке иностранных противников социализма и советского строя.

Не все, однако, сподвижники Цыпина, обрабатывавшиеся, подобно ему, сионистскими эмиссарами, осознали свою большую вину перед своими советскими соотечественниками.

«Я увидел, — говорит о них Леонид, — что эта кучка людей, в компанию которых я попал и которых на Западе называют «борцами за права человека», на поверку оказываются дешевыми спекулянтами от политики, преследующими свои корыстные цели. Они, как послушные марионетки, по зарубежной указке

поднимают мышиную возню вокруг несуществующих или специально надуманных вопросов и проблем. Мне стало ясно, что эти люди, прикрываясь громкими фразами, готовы ради ничтожных подачек предать интересы страны, воспитавшей, вырастившей их. Они предают интересы миллионов советских евреев, полноправных граждан своей Родины».

Да, именно для того, чтобы гнусно предавать коренные интересы советской многонациональной страны, — для этого и только для этого нужна сионизму советская молодежь.

* * *

Совсем неспроста компанию темных личностей, на время засосавшую Леонида Цыпина, сионистские наставники учили самой оголтелой беспринципности. Призывали якшаться и организационно блокироваться с антисоветчиками любых мастей, даже такими, кому сионистские идеи вовсе не по нутру.

Такая принципиальная беспринципность, признающая братание с отпетыми врагами во имя совместной борьбы с коммунизмом, широко практикуется в воспитании молодых сионистов. Самый заядлый антисемит, самый убежденный враг еврейства, если только он антикоммунист, годится в сообщники сионистам.

Чтобы еще раз продемонстрировать, с какой последовательностью исповедуют сионистские руководители это циничное правило, обращусь к некоторым своим воспоминаниям о поездке в США.

— Вам будет любопытно поглядеть некоторые экспонаты из моей коллекции печатных парадоксов, — сказала мне у себя за кофе знакомая американская публицистка. — Вы сможете убедиться, на какие совершенно невероятные контакты идут у нас сионисты!

— Мне уже говорили, — поспешил ответить я, — что устав профашистского общества Джона Берча с откровенно антисемитскими параграфами хранится у вас в одной папке с перечнем благотворительных взносов в кассу сионистов, где среди щедрых жертвований значатся и бэрчисты.

— Невысокого вы, однако, мнения о моей коллекции, — с шутливой обидчивостью отозвалась хозяйка дома. — Тот парадокс уже известен всем и каждому! Нет, я покажу вам экспонаты более удивительные. Вот, смотрите, две брошюрки. При соприкосновении им полагалось бы... ну если не взорваться, то, по крайней мере, завыть, как пожарная сирена. А они, видите, мирно лежат у меня рядышком, как ни в чем не бывало!

Одна из брошюрок — под коричневой целлофанированной обложкой — излагала программу так называемой Калифорнийской национал-социалистской организации. Среди прочих расистских откровений в ней можно было прочитать параграф о необходимости отправить всех без исключения евреев в газовые камеры. Уже впоследствии я узнал из печати, что на своих вечерних сборищах новоявленные калифорнийские нацисты, поднимая кружки с баварским пивом, вовою горланят гитлеровский гимн «Хорст Вессель», что на рубашках многих молодых участников этих вечеров выведена надпись: «Евреев нужно поджаривать в печке». Но и не зная этих отвратительных подробностей, нетрудно было сделать вывод: брошюрка под коричневой облож-

кой издана зоологическими антисемитами, открыто призывающими к истреблению евреев.

И вот к этой-то брошюрке зеленой пластмассовой скрепкой было прикреплено другое издание: пространный список, напечатанный на веленевой бумаге с водяными знаками. Из него можно было узнать, что те же самые калифорнийские неофашисты соблаговолили перевести четыре тысячи семьсот шестьдесят долларов... израильскому отделению «Молодежной лиги защиты евреев».

С какой целью бросили калифорнийские нацисты эту подачку молодым израильским сионистам? Это тоже точно обозначено в брошюре: на развертывание борьбы за чистоту еврейской расы с черными, переехавшими из Чикаго на «новые» израильские земли евреями.

И, наконец, к веленевому листу была подклеена журнальная вырезка: руководитель калифорнийских неофашистов, прожженный антисемит, предложил молодым кахановцам, орудующим в США, объединить усилия для борьбы с американскими коммунистами, и деятели «лиги» встретили это предложение с полным пониманием.

Парадокс действительно невероятный даже для тех, кому уже давно не в диковинку сионистское обыкновение блокироваться с архизаядлыми антисемитами, если только те активные враги коммунизма и цинично считают, что деньги не пахнут. Такое поведение особенно свойственно сионистской молодежи, причем не только в США, но и в странах Западной Европы. Беседуя со мной об этом, видный бельгийский антисионист Рик Зиффер, президент прогрессивного Союза бывших участников Сопротивления еврейской национальности в Бельгии, верно объяснил, почему именно молодые сионисты чаще своих пожилых единомышленников проявляют такую, мягко говоря, беспринципность:

— Пожилых иногда останавливают от контактов с неонацистами воспоминания о погибших в гитлеровских застенках близких. Пожилые помнят антисемитские погромы в фашистской Германии и оккупированных ею странах. А молодым легче «промыть мозги», их легче оболванить. Не зная истории, не зная правды о фашизме, они не хотят слышать о трагедии в Чили, об апартеиде в Южной Африке, чье расистское правительство поддерживает Израиль. Не хотят слышать о расправах американских полицейских с забастовщиками и демонстрантами. Ослепленные фанатизмом, они уверены, что свет сошелся клином на Израиле и на придуманном их сионистскими воспитателями «еврейском вопросе». Оторванные от всего, что творится вокруг, они слепо верят сионистским пропагандистам. А те внушают им, что нет в мире большей опасности, особенно для еврейства, чем коммунизм. Внушают, что «источник беды» — это Советский Союз и социалистические страны. Знаете, кто не присутствовал на собраниях молодых сионистов, просто не может себе представить, к каким невероятным измышлениям прибегают их воспитатели, клевеща на социалистические страны. Один такой «воспитатель» при мне вдалбливал в голову юным слушателям, что социалистические страны — единственные в мире, где нет пенсий по старости для служащих и рабочих. Каково? А на собеседовании с еврейской молодежью одного из районов Антверпена сионистский пропагандист читал вслух «официальный перечень» не-

скольких десятков ограничений, якобы введенных в социалистических странах для граждан еврейского происхождения. И большинство слушателей до того уже было оболванено сионистской пропагандой, что поверило и этой грубой фальшивке.

Так воспитывает сионизм свое молодое поколение. Так отравляет молодые души.

* * *

Слушая Зиффера, я вспомнил, как на моих глазах под Мюнхеном, на площади одного из самых кровавых гитлеровских концлагерей, — Дахау, — молодые сионисты вкупе с западногерманскими неофашистами и отъявленными антисемитскими головорезами из украинских эмигрантских организаций пытались сорвать антифашистский интернациональный митинг олимпийской молодежи. Когда олимпийцы самых разных национальностей дружно выдворили хулиганов за ворота Дахау, я спросил еврейского юношу, который вдвоем с бывшим бандеровцем пытался сорвать с флагштока олимпийские флаги Болгарии и Чехословакии:

— Вы отдаете себе отчет в том, с кем вы здесь орудуете рука об руку?

— Мне наплевать с кем, — запальчиво ответил мне он, сверкая полными ненависти глазами. — Мне важно — против кого. Против коммунистов! Они сговорились заточить в гетто евреев всего мира! И чтобы протестовать против этого здесь, на Олимпиаде, я приехал из-под Кельна!

— Кто поспешил вас вызвать?

— Хотите, чтобы я вам ответил: те, кто, возможно, не бо́льшие наши друзья и чьи отцы даже когда-то притесняли евреев? Хорошо, я вам отвечу именно так. Но глупо смотреть на жизнь старыми мерками. Сегодня интернационализм одинаково вреден и нам, и украинским эмигрантам, и молодым немцам со свастикой на куртках. А на Олимпиаде что-то очень много болтают о дружбе народов. И мы обязаны развеять этот миф! Он вредит единству евреев всех стран. А для нас это сейчас самое главное! Обязательно запишите: я бы посадил в тюрьму всех евреев, выступающих на Олимпиаде не под израильским флагом. И не выпускал бы, пока не образумятся! Пока не поймут, что кто угодно может мириться с интернационализмом, даже сам стать интернационалистом, только не еврей.

Эту тираду я дословно занес в свой мюнхенский блокнот сразу же после того, как, окинув меня презрительным взглядом, разговорчивый юнец из Кельна поспешил к микроавтобусу, где его нетерпеливо дожидались «проверенные друзья» с желто-голубыми — в прошлом петлюровскими, ныне оуновскими — значками на спортивных куртках.

Тогда, правду говоря, я счел своего неожиданного собеседника просто экзальтированной личностью, из ряда вон выходящим фанатиком. Теперь же, сравнивая его со встречавшимися мне молодыми сионистами в Австрии, Бельгии, Голландии, Англии, Мексике и других западных странах, сравнивая его злобные откровения с восторженными очерками сионистской прессы о «молодых патриотах» и ее гневные обличения «молодых антипатриотов», я вынужден признать свою недальновидность. Передо мной

в Дахау предстал самый обыкновенный молодой питомец самого обыкновенного сионизма.

Он достойный собрат тех, кто в знаменитом нью-йоркском концертном зале «Карнеги холл» швырнул на сцену взорвавшийся пластиковый пакет, обдавший ядовитой краской выдающегося скрипача Владимира Спивакова. Молодой советский музыкант, конечно, не смалодушничал и блестяще доиграл «Чакону» Баха под восторженные аплодисменты двух тысяч американских слушателей.

Молодчик из Кельна стоит в одном ряду с теми, кто в кулуарах блэкпульского зала «Винтер Гарденс» яростно пытался «под кружку пива» вербовать в сионистскую организацию делегатов конференции Союза студентов Великобритании;

кто в Тель-Авиве объявил открытый конкурс на «самый ядовитый» антисоветский анекдот для нового ревю «Пошли в ход, ребята!», намеченного к постановке молодыми исполнителями и рассчитанного на молодых зрителей;

кто задержал, доставил в наблусский трибунал, а затем приволок в тюрьму за участие в антиправительственной демонстрации араба Самира Абдаллу Каакура... десяти лет от роду;

кто избил молодую иерусалимскую учительницу Аблу Таху за антиизраильские настроения и, бросив ее в тюремную камеру к проституткам, приказал им остричь девушку наголо;

кто под видом туристов, подобно агентам «Бетара» Эли Джозефу и Джинду Фронде, пробирается в социалистические страны для реализации специальной инструкции об усилении пропагандистской работы среди молодежи;

кто под личиной сошедшего на берег израильского моряка вербует в портах «стран рассеяния» молодых людей в состав стипендиатов «Международного центра еврейского воспитания» при университете Бар-Илан, где из них воспитывают сионистских эмиссаров для последующей работы в родных странах;

кто похитил ребенка из семьи бывшего гражданина СССР Мамествалова, чтобы помешать бегству отца и матери из Израиля;

кто, получив высшее педагогическое образование, считает для себя зазорным учительствовать в израильских школах, где учатся дети второсортных «смуглокожих» евреев-сефардов;

кто активно поддерживает политику дружбы израильского правительства с расистскими режимами ЮАР и Родезии, считая, что «чернокожие» не доросли еще до самостоятельного управления родными странами;

кто избивает в кровь израильских антисионистов, как это сделал молодой киббуцник из «Керен-Шолома» Шмулик Орен с инвалидом войны шофером Мотей Леви за то, что тот посмел критиковать создание нового военизированного поселения в Себастии;

кто доказывает, что сыновья и дочери «сабров в третьем поколении», иными словами — сверхкоренных израильтян, должны пользоваться льготами и привилегиями по сравнению с юношами и девушками из рядовых израильских семей;

кто поддерживает и пропагандирует «этико-философские» концепции прислужника израильских финансовых магнатов сионистского теоретика доктора Нахума Гольдшмидта, вроде такой: «Если какому-либо человеку предопределено быть богатым, его психика наделяется особыми качествами, дающими ему способность

добыть и перенести уготованное ему богатство, ибо для лишенных этих качеств богатство может обернуться несчастьем»;

кто угрозами и силой вымогает от многих, совсем чуждых сионизму западноевропейских евреев денежную дань Израилю под видом «добровольных» пожертвований, всяческих взносов, субсидий, пособий;

кто нещадно избивает недавно приехавших в Израиль евреев за их «пессимистические и антисемитские», то есть искренние и правдивые письма родным и знакомым на покинутую родину;

кто, изведав на собственном горьком опыте прелести «сионистского рая», приходит к злобному выводу «Пусть и другие вместе со мной мучаются» и провокационно заманивает в Израиль новые жертвы иммиграции;

кто скрывает сегодняшнюю истинную роль принадлежащих финансовому капиталу киббуцев, как выгодного средства развития военизированных поселений на оккупированных арабских землях, и выдает их чуть ли не за образец социалистической кооперации;

кто на международном съезде сионистов в Тель-Авиве с пеной у рта доказывал, что недостаточно иметь в сорока двух капиталистических странах филиалы масонской сионистской ложи «Бнай Брит», что не должно быть в мире страны, где бнайбритовцы, чья штаб-квартира находится в Вашингтоне, не свили бы свое гнездо.

* * *

О том, что творилось на том съезде, мне рассказал в Лондоне английский журналист, посетивший Израиль в качестве корреспондента. Далеко не сочувствующий идеям интернационализма, он тем не менее заметил:

— Слушая речи и особенно реплики из президиума, где находились и немолодые сионистские функционеры, я впервые ощутил, как сионизм силится отгородить непроницаемым барьером свою молодежь от всего, с его точки зрения, нееврейского, как он хочет надеть на глаза молодых людей черную пелену, темную завесу.

Темная завеса. Эти мертвящие сердце слова из антиклерикальной пьесы Карла Гуцкова «Уриэль Акоста» приходят мне на ум всякий раз, когда новые факты еще и еще раз обнажают одурманивающие заклинания, обветшалый хлам обрядов и угрозы вперемежку с «теориями», которыми сионизм тщится нравственно, вернее, безнравственно закабалить еврейскую молодежь.

Темной завесой пытается сегодня еврейский буржуазный национализм отгородить молодежь от прогресса, от борьбы за мир, от идей интернационализма, все тверже шагающих по планете.

Не выйдет! Темная завеса все-таки спадает с глаз еврейской молодежи даже в тех странах, где сионисты чувствуют себя особенно вольготно, где им повсечасно покровительствуют.

Приведу два примера.

Первый связан со страной, заслуженно считающейся идеологическим и финансовым центром международного сионизма, — Соединенными Штатами Америки.

Именно в этой стране видного сиониста Арне Элиава, крупного израильского чиновника министерского ранга и бывшего главно-

го секретаря так называемой рабочей партии, ужаснуло разочарование еврейской молодежи в политике и практике сионистских правителей Израиля. По признанию Элиава, еврейские юноши и девушки Америки все заметней начинают прозревать, когда речь заходит об экспансионистском захвате израильтянами палестинских земель. В результате такого прозрения они, по словам Элиава, задают себе вопрос: «Куда идет Израиль?» И сколько бы сионистские фанатики ни клеймили Элиава кличками «малодушного» и даже «пособника антисемитов», его полная тревоги книга «Лестница Израиля» находит все большее число читателей среди еврейской молодежи Америки и Западной Европы.

Второй пример — из жизни Израиля.

Отчаянно ударил в набат профессор Исраэль Эльдад, ближайший друг Менахима Бегина, основатель и идеолог реакционно-террористического движения «Борцы за свободу Израиля», ныне преподаватель двух дисциплин в тель-авивском техническом институте — истории сионизма и истории сионистского подполья. Эльдад встревожен массовой забастовкой учащихся в Рамалле, протестовавших, в частности, против социальной ограниченности учебных программ и засилья в них религиозно-догматических дисциплин. Волнуют сподвижника Бегина также высказывания некоторых молодых израильтян о необходимости расширить демократические принципы в государственной системе. Не по духу профессору и другие факты «духовного оскудения» в молодежной среде. «Случилось то, что я называю десионизацией государства», — пишет Исраэль Эльдад в статье под сенсационным заголовком «В своем пиру похмелье» и прямо говорит молодежи: «Мне еще никто не доказал, что демократия — это лучший путь к осуществлению сионизма». Называя сложившийся в Израиле строй «строем распущенности», Эльдад все-таки требует от этого строя строжайше ограничить «разрушительное своеволие» молодежи и поставить ее перед фактом «не расширения, а ограничения демократии во имя жизни нашего государства».

Статья Эльдада, о котором мне в Голландии рассказывали как о самом неистовом сионистском философе, написана на иврите. И хотя в ней сказано очень много безрадостного о политическом и экономическом положении страны, сионистская пропаганда сочла нужным опубликовать ее в Израиле на многих языках, в том числе и на русском. Красноречивая деталь.

Антисионистские настроения части еврейской молодежи в США и Израиле заставляют сионистских руководителей судорожней цепляться за темную завесу и яростней бороться с прогрессивными силами, стремящимися навсегда сорвать ее с глаз молодых людей еврейского происхождения. С помощью все ветшающей темной завесы, щедро позолачивая ее за счет покровителей магнатов, сионисты пытаются заслонить от еврейской молодежи капиталистического мира жизнетворный свет мира и социализма.

Только непримиримая борьба с фанатическим дурманом буржуазного еврейского национализма окончательно сорвет и уничтожит темную завесу лжи и мракобесия и неминуемо принесет полное прозрение всем, в чью душу сионистам удалось влить хоть каплю своего яда.



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В. МЫСЛЯКОВ

НОСИТЕЛЬ ПРОМЕТЕЕВА ОГНЯ

12 июля 1878 года Николаю Чернышевскому исполнялось пятьдесят лет. Пятью днями ранее у него была другая годовщина — 16-летие пребывания в крепости, на каторге и в ссылке. Пройдет еще 11 трудных лет, прежде чем он, физически надломленный, но духовно непреклонный, вернется за считанные месяцы до смерти на родину — в провинциальный Саратов.

Чернышевский прожил 61 год, 27 из них — ссылькокаторжных.

На долю русских писателей и мыслителей прошлого века нередко выпадали испытания, и весьма тяжкие: «горе от ума» изведали многие из них, начиная с декабристов и Чаадаева.

В длинном мартирологе печальников народа русского стоит и имя Николая Гавриловича Чернышевского — человека, которому, по мысли Ф. Энгельса, «Россия обязана бесконечно многим».

Судьба Чернышевского поражает особым драматизмом и величием. Половину жизни провел он в условиях «мертвого

дома», то есть острога, не уронив себя ни в чем и ни разу не отступив от своих убеждений ни на шаг.

Когда через двенадцать лет заточения ему было предложено подать прошение властям предержащим о помиловании, он демонстративно отказался сделать это, пояснив: «Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, — а об этом разве можно просить помилования?!»

...В античной мифологии есть благороднейший герой — Прометей (греч. — «провидец»). Он вернул людям огонь, отнятый у них богами. По повелению Зевса, титана-«ослушника» приковали к скале. Грудь его была пробита копьем, и огромный орел в течение долгих лет каждодневно прилетал терзать скованного узника. Зевс ожидал раскаяния и покорности, но Прометей гордо переносил жестокую пытку, презрением отвечая своим мучителям.

Люди не забыли самоотвержения легендарного тираноборца — «самого благородного святого и мученика в философском календаре», по словам Карла Маркса. Не забудут они и подвижничества русского Прометея — Чернышевского, отдавшего жизнь делу революции, явившего собою один из величайших образцов «борьбы за свободу и за социализм» (В. И. Ленин).

Чернышевский — Прометей... Эта параллель проведена давно. В первой же книжке возобновленного в 1863 году «Современника», журнала, идейно возглавлявшегося Чернышевским и незадолго до его ареста приостановленного властями, чуть «занавешенная» очерком П. И. Якушкина, следовала заключительная сцена из трагедии Эсхила «Скованный Прометей» в переводе Мих. Илецкого (М. Л. Михайлова).

Хор океанид
Кто смеет думать Зевса одолеть?
Прометей
Страшней и горше гибель он узнает!
Хор океанид
И произнесть ты это не страшишься?
Прометей
Страшиться мне? я не причастен смерти.
Хор океанид
Тебя страшнейшей пытке он подвергнет.
Прометей
Пускай! Я вижу все — я жду всего
Бестрепетно.
Хор океанид
Пред правотой небесной
Склоняется, немея, у премудрых.
Прометей
Молись, немей, склоняйся пред властями!
А я... Да что мне этот Зевс? что в нем?
Пусть царствует как знает! Срок короток...
Гермес
Тебе,
Вреднейший, нетерпимый бунтовщик,
Восставший мятежом против богов
Из-за людского блага, дерзкий хищник
Священного огня, тебе сказать

Я прилетел по повеленью Зевса,
Сейчас же объясни свои намеки...
Упорство привело тебя сюда
И горькой муке пре́дало.

Прометей

Своей
Плачевной доли — знай ты это — я
Отнюдь не променяю на твое
Служенье Зевсу. Нет! Милей мне этой
Скале служить, чем быть, как ты, усердным
И преданным рассыльным Зевса. Так-то
Должны мы вам, противникам всего,
Противиться!

(«Современник», 1863, № 1—2, с. 56—58)

Так передовой печатный орган на языке скорее многозначительной, нежели скрытой аллегории, славил находившегося в Петропавловской крепости, «скованного» Прометея — Чернышевского, отдавая должное его мужественной непоколебимости, идейной мощи, моральному превосходству над «Зевсом» — самодержцем и его сподручными.

На центральной площади Саратова, там, где некогда стоял памятник Александру II, высится бронзовая фигура знаменитого революционера. «Дело государственного преступника» Николая Чернышевского история решила по-своему.

«От его сочинений веет духом классовой борьбы». В этом ленинском высказывании очень точно обозначена главнейшая черта Чернышевского — публициста и философа, экономиста и историка, теоретика искусства, литературного критика и беллетриста. В самом деле, о чем бы ни писал Чернышевский, в какую бы форму — отвлеченно-логическую или образно-художественную — ни облекалась его мысль, в подкладке написанного им всегда лежит идея необходимости революционного переустройства жизни. Вот пример. 25-летний Чернышевский пишет магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». Казалось бы, отвлеченная материя, нейтральный жанр, сугубо научная цель... Но какой громадный «практически-политический» смысл заключала в себе эта работа! И методология, и выводы, и частные положения ее революционизировали сознание читателей: борьба с идеализмом в эстетике, с концепцией «чистого искусства» самым тесным образом связывалась автором диссертации с задачами борьбы за прекрасную жизнь — источник *прекрасного* в искусстве, за возвышенного человека (реальное отображение которого и дало бы литературе искомого положительного героя), борьбы против всего внутренне пустого и ничтожного (выдающего себя, однако, за нечто значительное, достойное распоряжаться жизнью), борьбы тяжелой, но «счастливой» (не «трагичной», а лишь «драматичной»).

Революционные устремления пульсируют даже в лексике трактата: говоря об оценочно-идейной стороне художественных произведений, Чернышевский использует, как известно, термин «приговор» *(воспроизводя* и *объясняя* явления жизни, искусство выносит им *приговор)*. Этот термин не является случайно навернувшимся на язык — точнее, на перо — словом. Он осознанно

выбран автором для обозначения самой природы оценочного начала, характера отношений, в какие должно было встать искусство к дисгармоническому жизнеустройству. Эти отношения — критика, суд. Чернышевский как никто сознавал и поддерживал революционные возможности критического реализма.

Дух борьбы против старого мира свойствен философской концепции Чернышевского, его этическому учению, известному как «теория разумного эгоизма» (см., например, «Антропологический принцип в философии»). Философский материализм Чернышевского, его диалектика — теоретическое обоснование революционного «пересоздания» жизни, конечного торжества социализма. Правда, философско-этические построения Чернышевского были построениями материалиста домарксовой школы: в них заметна ограниченность понимания законов общественного развития и социальной сущности человека. Но в своих наиболее сильных моментах антропологическая теория, развиваемая Чернышевским, — ценнейшее завоевание передовой мысли. Она направлена на всемерное освобождение личности от любых форм насилия и принуждения, она зовет уважать человека, признавать его право на счастье, считаться с разнообразными естественными потребностями его натуры. Нужно представить себе ту атмосферу жестокой и мелочной регламентации жизни, которая была свойственна николаевскому режиму и которая продолжала тяготеть над русским обществом в эпоху «благодетельных» реформ 60-х годов XIX века, чтобы по достоинству оценить значение этой теории.

Интересами «я» нельзя пренебрегать, убеждает Чернышевский, необходимо разумно воспитывать и развивать личность так, чтобы ее «выгоды» органически сливались с «выгодами» остальных людей. «Разумные эгоисты» не отделяют своего счастья от счастья других лиц. Последнее — глубокое и свободное желание их натуры. Жертвенность не поощряется. Забота о будущем усматривается в разумном устройстве настоящего.

Но что делать надлежит, чтобы возобладали начала разумной целесообразности, чтобы утвердились принципы социалистической гармонии? Необходимо коренным образом изменить существующий социальный порядок, среду, окружающую человека и обусловливающую его поведение. На языке подцензурного Чернышевского это формулировалось так: необходимо прежде всего устранить «пагубные обстоятельства». Революционная природа таких выводов-призывов очевидна.

Революционный демократизм — нерв и «крестьянской» публицистики Чернышевского, требовавшей предоставления мужику «земли и воли», и его политико-исторических сочинений, утверждавших мысль, что «важнейшие недостатки известного общества могут быть устранены только совершенной переделкой его оснований, а не мелочными исправлениями подробностей», и его экономических трудов, обнажавших общественно-экономические противоречия капиталистического строя, вскрывавших банкротство «буржуазной политической экономики» (Карл Маркс), и его литературно-критических статей. В работе «Не начало ли перемены?» Н. Чернышевский в иносказательной форме предсказывал неизбежность революционного взрыва в стране в связи со «значительной переменой обстоятельств». О начале этой перемены и спрашивало, а точнее, возвещало символическое заглавие статьи.

Еще один характерный пример. Занимаясь педагогической деятельностью в первой половине 50-х годов XIX века, Чернышевский подготовил к изданию пособие по изучению русского языка с образцами грамматического разбора стихотворного и прозаического текстов. И здесь, в этом весьма специальном по целям и задачам труде, присутствует политический элемент. Вот какими замечаниями, в частности, сопровождается разбор «Трех пальм» Лермонтова: «Пальмы погибли, к утру только пепел остался на том месте, где вчера еще так гордо росли, так прекрасно цвели они. Жаль этих прекрасных пальм, не правда ли? Но что ж, ведь не век было расти и цвести им, — не ныне, так завтра, не завтра, так через год, умерли бы они... Так не лучше ли умереть для пользы людей, нежели бесполезно?.. И разве люди, для блага которых погибли они, не будут вспоминать о них с благодарностью? Да, когда хорошенько подумаешь обо всем этом, невольно скажешь: хороша жизнь, но самое лучшее счастье — не пожалеть, если надобно, и самой жизни своей для блага людей».

Этому Чернышевский учил не только воспитанников саратовской гимназии и 2-го кадетского корпуса в Петербурге. С высокой кафедры некрасовского «Современника» он обращался с подобной проповедью ко всей «молодой России». «Школу идей» Чернышевского прошли многие русские революционеры. Высоко ценил ее В. И. Ленин, видевший в Чернышевском замечательного предшественника русской социал-демократии, «русского великого социалиста домарксова периода», мыслителя, обогатившего все отрасли обществознания. Ленину в высшей степени импонировала сама личность Чернышевского — благородного и стойкого «народного заступника». А. В. Луначарский привел в одной из своих статей следующие слова Н. К. Крупской: «Вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как он любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосредственную близость и уважал его в чрезвычайно высокой мере». Из воспоминаний Н. К. Крупской известно, что в «сибирском альбоме» Ленина имелись две карточки Чернышевского, на одной из которых ленинской рукой были проставлены годы жизни писателя-революционера. «А затем в последующее время, уже в Кремле, в кабинете Владимира Ильича, в числе тех авторов, которых он хотел иметь постоянно под руками, наряду с Марксом, Энгельсом и Плехановым стояло и Полное собрание сочинений Чернышевского, которые Владимир Ильич в свободные промежутки времени читал вновь и вновь».

Глубокое уважение к личности и деятельности Чернышевского питали Маркс и Энгельс, находившие, что его труды «делают действительную честь России».

Революционно-демократические убеждения Чернышевского сложились рано. Врожденное чувство правдолюбия, поддерживаемое и обостряемое интенсивным чтением передовой научной и художественной литературы, помогло наблюдательному юноше скоро распознать несправедливость существующего порядка вещей, побудило его внутренне ополчиться на мир «ликующих, праздно болтающих», подсказало ему, «в каком идти, в каком сражаться стане».

Детство и отрочество Чернышевского прошли в провинции, в Саратове, где противоречия николаевской действительности, ли-

шенной столичной драпировки, представали в особо резких и грубых формах. В автобиографических заметках Чернышевского зафиксированы многочисленные проявления «дикой бессмыслицы», трагической нескладицы русской жизни той поры. Автора заметок возмущает господствующая атмосфера «путаницы», «двоегласия» (Щедрин), в которой так возможна нравственная порча личности.

«...Какие убеждения давала вам ваша обстановка?

Я вам скажу, какие:

Будь честен; пьянствуй; будь добр; воруй; люди все подлецы; будь справедлив; все на свете продажно; молись богу; не пей вина; бога нет; будь трудолюбив; бей всех по зубам; кланяйся всем; от ученья один вред; бездельничай; от науки все полезное для людей; законы надобно уважать; плутуй; люби людей; дуракам счастье; смелому удача; говори всегда правду; без ума плохо жить; будь тише воды, ниже травы; закон никогда не исполняется; будь — неизвестно что, или что хотите, все на свете».

Чернышевский стремится найти разгадку возмущающих душу противоречий, встать в критические отношения к официальным прописям идеологов самодержавия, выбросить из своих понятий «всякую нарядную ложь». Сын священника, направляемый семейной обстановкой в сторону религиозных верований и идеалистических понятий, он идейно переучился на сочинениях Белинского и Герцена, предпочтя отвлеченному морализаторству христианской доктрины идею социально-политического преобразования жизни революционным путем.

Формирование мировоззрения Чернышевского завершилось в годы учебы в Петербургском университете (1846—1850), куда он поступил, оставив Саратовскую духовную семинарию. Кризис самодержавно-крепостнической системы, остро воспринимавшийся прогрессивно настроенной студенческой молодежью, знакомства и связи с передовыми людьми Петербурга (поэт-революционер М. Л. Михайлов, участники «сред» И. И. Введенского, петрашевец А. В. Ханыков и др.), серьезное изучение трудов западноевропейских материалистов и социалистов (Фейербах, Сен-Симон, Фурье, Оуэн) укрепляли в нем тот «образ мыслей о России», который в дневнике (январь 1850 г.) обозначен так: «неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее».

О том, что крепостное право и самодержавие — зло, знали многие из современников Чернышевского. Но что оно должно быть уничтожено революционным, и только революционным, способом с участием широких крестьянских масс, об этом наиболее последовательно и твердо заявлял именно он, ставший во второй половине 50-х годов прошлого века «властителем дум», признанным духовным вождем передовой части русского общества. Энциклопедически образованный, хорошо разбиравшийся в сложной механике общественных отношений в России и на Западе, Чернышевский имел глубокие представления как о стратегии и тактике борьбы, так и о ее конечных целях. Его гениальность в этом отношении не раз подчеркивал Ленин.

Возбуждение недовольства в широких кругах русского народа существовавшими порядками, заявления симпатий к угнетенному крестьянству, помогавшие сплотить вокруг «Современника» демократические силы, бойкот царского «освободительного» ма-

нифеста, критика-дискредитация либералов-«постепеновцев», активизация подпольной деятельности — все это било в одну точку, служило одной задаче: подготовке революционного переворота в стране. В результате последнего, полагал Чернышевский, народ, крестьянство добьется подлинного освобождения от самодержавного ига, получит возможность создания демократического государства, установления социалистического строя через развитие общинного принципа. Чернышевский не сознавал и не мог сознавать тогда, что одной из исторических задач крестьянской революции, объективной, так сказать, целью ее была расчистка путей для буржуазного развития страны. Он «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма» (В. И. Ленин). Отсюда его известный утопизм. Но «Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей», — писал великий вождь Октября.

Нетрудно установить влияние Фейербаха и западноевропейских социалистов-утопистов на Чернышевского. Но столь же легко различим сугубо творческий подход к их «урокам» гениального «ученика». Мысль Чернышевского, в частности, не довольствуется одним объяснением (пусть и материалистическим) действительности, как у Фейербаха. Она устремлена к изменению последней. Рядом с боевым материализмом Чернышевского, его «мужицким демократизмом» особенно заметны созерцательность фейербахианства и утопизм сенсимонистов или фурьеристов.

В одной из бесед В. И. Ленин заметил: «Существуют музыканты, о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же был и Чернышевский».

Чернышевский — этот социалистический Лессинг, по определению Энгельса, — поднял передовую теоретическую мысль в России до высот, заметных всему миру, видных отовсюду. Но он был не только теоретиком. По свидетельству ряда современников, Чернышевский был и душой практического революционного дела в бурное время 60-х годов. Одна из его ранних повестей не случайно названа «Теория и практика». Вопрос о слиянии мысли и поступков, «слияния жизни и убеждений» имел для Чернышевского первостепенную важность на всех этапах его общественно-литературной деятельности. Чернышевскому была ясна великая роль теории в деле общественных преобразований и научного развития. Но ему претили голая теоретизация, отвлеченные умствования, разрыв слова и дела. «Дело есть истина мысли», — настаивал он. Чернышевский не только учил, что́ делать, но и сам делал трудное революционное дело, поступал так, как учил.

Уверовав в непреложность «великого, вечного, повсеместного закона» — диалектической идеи развития, процесса восхождения от низших форм к высшим, Чернышевский оптимистически смотрел в будущее, предвидя конечную победу социализма. В си-

лу ряда причин ему не удалось, как известно, открыть объективные закономерности общественного развития, подняться до исторического материализма Маркса и Энгельса. Но гениальные прозрения и догадки в этом плане у него есть. «...Если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и... следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов», — писал великий революционный демократ.

Чернышевскому в высшей мере было присуще то, что именуют новаторством. Достаточно указать хотя бы на его вклад в теорию искусства. Материалистическая эстетика, разработанная им в первой половине 50-х годов, сыграла огромную роль в дальнейших судьбах русской культуры, дала ей соответствующий «тон», говоря языком Герцена.

Сердцевина эстетической теории Чернышевского — мысль об общественном призвании искусства, художественной литературы. Акцент на гражданско-воспитательной, социально-мобилизующей функции последней вполне понятен. «Литература и поэзия, — разъяснял Чернышевский, — имеют для нас, русских, такое огромное значение, какого, можно сказать, наверно, не имеют нигде...» Это значение литературы афористично определил Герцен, назвав ее «единственной трибуной» у безгласного, по воле самодержавия, народа. Отсюда трепетно-любовное и одновременно принципиально-требовательное отношение к писательству и писателям — педагогам общества, адвокатам бесправных масс.

Новаторство Чернышевского, заметим, опирается на отличное знание всего, что было сделано до него предшественниками и в России и на Западе. Ошибочно видеть в Чернышевском вселенского нигилиста, в частности, разрушителя эстетики, что наблюдалось и при жизни критика-демократа и позже, причем не только у идейно чуждых ему людей. Даже относительно эстетики идеалистической, господствовавшей до него и разработанной такими немецкими философами, как Кант, Шеллинг, Гегель, это далеко не так. Да, Чернышевский критикует эстетические взгляды Гегеля, решительно расходится с ним и его единомышленниками в понимании назначения и функции искусства. Но он признает при этом бесспорные научные заслуги «исполина немецкой философии» в области эстетики, он видит в его построениях «зародыши» своей «теории», он учитывает его «гениальные порывы к реализму».

У каждой эпохи своя историческая задача. Для 60-х годов XIX века — это ликвидация самодержавно-крепостнического строя. Литература должна принять самое активное участие в деле социального обновления. И теоретические построения Чернышевского-эстетика, и анализ конкретных литературных явлений Чернышевского-критика, и концепции Чернышевского — историка литературы в первую очередь определялись именно этими соображениями. Отсюда особая системность и последовательность всех его высказываний по вопросам художественного творчества, неизменное требование органической связи искусства с жизнью, исключительное предпочтение, отдаваемое реалистической - «гоголевской» — школе, наконец, глубокая преданность заветам Белинского,

Одно из возможных качеств произведения (и творчества писателя в целом) расценивалось им особенно высоко — народность, в прямую связь с которой он ставил правдивость и передовую идейность. Многие его характеристики Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Некрасова, Тургенева и Щедрина даны именно под этим углом зрения.

Чернышевскому была ясна важность в искусстве не только содержания, но и формы, хотя по ряду причин, включая полемику со сторонниками «чистого искусства», он считал «делом совершенно излишним» распространяться о значении последней. Проводя разграничение «прекрасного как объекта искусства» и «прекрасной формы», Чернышевский лишь подчеркивал, что если со стороны содержания искусство не может ограничиваться «одним прекрасным» (его сфера шире — «общеинтересное»), то по форме оно всегда должно быть прекрасно. Красота формы «действительно составляет необходимое качество всякого произведения искусства». А художественность, состоящая «в соответствии формы с идеею», — главнейший закон творчества. Высоко ставя «тенденцию» в литературном произведении, Чернышевский-критик умел тонко чувствовать и его «эстетическую» сторону, его «поэзию». «Тенденция может быть хороша, а талант слаб». «Вовсе не исключительно с политической точки зрения» мог говорить он о произведениях Некрасова или Л. Толстого. Именно Чернышевскому принадлежит афористическое определение существенной особенности художественного дарования Л. Толстого — умения раскрыть «диалектику души» человека. Точно была отмечена критиком и другая, «морализаторская» черта толстовского таланта — подчеркнутое соотнесение изображаемого с нравственным идеалом, характерная непосредственность авторского «нравственного чувства». «Эти две черты — глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства, придающие теперь особенную физиономию произведениям графа Толстого, всегда останутся существенными чертами его таланта, какие бы новые стороны ни высказывались в нем при дальнейшем его развитии.

Само собою разумеется, что всегда останется при нем и его художественность».

Сегодняшний читатель, готовящийся отметить 150-летие со дня рождения великого художника-психолога, может по достоинству оценить тонкость и проницательность подобных суждений критика.

Нет, не сухостью души, не черствостью натуры, не отсутствием эстетического слуха, «эстетической жилки» был порожден так называемый «утилитаризм» эстетики и критики Чернышевского. Общественно полезного искусства, искусства-служения требовало время, требовало освободительное дело, интересы которого были для идеолога демократического лагеря превыше всего.

Будь гражданин! Служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви.

(Некрасов. «Поэт и гражданин»)

Вслед за Белинским Чернышевский был убежденным противником искусства для искусства. Но его точно так же ни в коей мере не устраивало и искусство «без» искусства.

Горький назвал русскую литературу XIX века «литературой вопросов». В самом деле: «Кто виноват?», «Кому на Руси жить хорошо», «Где лучше?»... Есть в ней и вопрос Чернышевского — «Что делать?»

Написанный узником Петропавловской крепости, знаменитый роман не только ставил этот капитальнейший для многих поколений вопрос, но и давал ясный ответ на него — бороться, перестраивать существующий мир, вносить в него начала разума, естественности, справедливости. Пафос произведения (с характерным подзаголовком: «Из рассказов о новых людях») — пафос революционного обновления жизни. Новыми, по убеждению автора, должны стать отношения между родителями и детьми, между мужем и женой, между незнакомыми людьми, между друзьями... По-новому, на началах социалистического обобществления, товарищества должно быть организовано производство и распределение его продуктов. Иным должно стать положение женщины в обществе. Переносить гармонию социалистического будущего в настоящее — вот к чему звал читателей автор романа «Что делать?».

Произведение Чернышевского имело огромное революционизирующее влияние и на современников, и на последующие поколения русского общества. Реалистически воспроизводя действительность в конфликте «старых» и «новых» людей, объясняя ее и через образную систему, и открыто-публицистическим словом, вынося ей приговор с позиций социалистического идеала, «Что делать?» явился настоящим «учебником жизни» передовой молодежи.

Особую значительность произведению придал образ «особенного человека» — Рахметова. Даже среди честных и деятельных народолюбцев — «новых людей» он выделяется подчеркнутым благородством, убежденностью, энергией. Атмосфера настоящей возвышенности и чистоты окружает его в романе. Подобной же атмосферой окружен революционер Волгин из другого произведения Чернышевского — романа «Пролог», написанного в сибирской ссылке. О людях этой породы автор «Что делать?» скажет: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат: это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Трудно найти пример более вдохновенного слова о революционере в литературе до романов Чернышевского!

По достоинству оценивая роль Рахметовых и Волгиных — инициаторов, «двигателей» общественного прогресса, Чернышевский ни на минуту не забывал о народных массах как основной созидающей силе истории. Его (как и других демократов-«шестидесятников») очень волновал вопрос о социально-политической неразвитости русского крестьянства, «бедности» мужицкого самосознания. Способен ли народ, реальный, «исторический», как бы сказал Салтыков-Щедрин, на сознательное политическое выступление, на организованную борьбу? Чернышевскому страстно жела-

лось ответить: да. Следы этого желания хорошо видны в «Что делать?». Поражение «революционеров 61-го года», не поддержанных широкими кругами крестьянства, осложнило надежду-желание представлением о неподготовленности масс в тот момент к революции. «...Русский народ не способен поддерживать вступающихся за него», — думает Волгин, сетуя на покорность народа-богатыря начальническому окрику слабосильных будочников. «Жалкая нация, жалкая нация! — Нация рабов, — снизу доверху, все сплошь рабы...» Несколько десятилетий спустя В. И. Ленин напишет (1914): «Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть».

Чернышевский не был охотником до идеализации даже тогда, когда дело касалось самых дорогих ему понятий: народ, русский мужик.

Его художественные произведения, как и все, написанное им, преследовали цель гражданского воспитания соотечественников, повышения уровня народного сознания, «пробуждения человека в «коняге» (В. И. Ленин).

Писатель-революционер считал необходимым, чтобы вровень с «новыми людьми» — Лопуховыми и Кирсановыми встали многие из его современников. Но, быть может, первые (эти «славные» «порядочные» люди) слишком приукрашены, нереальны, «невозможны в действительности»? «Нет, друзья мои, злые, дурные, жалкие друзья мои, это не так вам представлялось: не они стоят слишком высоко, а вы стоите слишком низко... На той высоте, на которой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди... Кто ниже их, тот низок... Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие».

Романы Чернышевского, продолжая лучшие демократические традиции русской литературы, приобщали передовые круги общества к революционной, социалистической идеологии. По словам В. И. Ленина, под влиянием «Что делать?» «сотни людей делались революционерами».

Наследие Чернышевского не история. В духовном обеспечении тех, кто борется за новый мир, кому дорог коммунистический идеал всеобщего счастья, оно продолжает играть большую и активную роль.

Чернышевский могуч и животворен как один из великих революционных сеятелей. А их дело не пропадает; оно приносит свои плоды и по прошествии многих лет, отделяющих «посев от жатвы».

●

Анатолий СМИРНОВ,
доктор исторических наук

РАЗУМ И СОВЕСТЬ НАРОДА

Н. Г. Чернышевский — один из крупнейших революционных деятелей во всемирной истории, оказавший огромное влияние на весь ход освободительного движения в нашей стране, на процесс выработки правильной революционной теории. Он был центральной фигурой, главным деятелем той эпохи, когда Россия рвала путы крепостничества. Демократический подъем перерос на рубеже 50—60-х годов XIX века в первую в отечественной истории революционную ситуацию. Решался вопрос уже не о том, быть или не быть рабству, а о том, как упразднить этот прогнивший институт: сверху, «по манию царя», или снизу — волею и мощью восставшего народа.

В канун тысячелетия России зашатался самодержавный трон. Заревом ненавистных народу «дворянских гнезд» окрасился небосвод. Велик был накал идейной борьбы. Не случайно в эту эпоху появилась могучая плеяда деятелей разума, чародеев кисти, творения которых и поныне составляют гордость и славу нашу: Сеченов и Пирогов, Толстой и Достоевский, Тургенев и Салтыков-Щедрин,

Добролюбов и Писарев. А ведь были еще театр Островского, живопись передвижников, музыка «могучей кучки». Первым в этом созвездии равных стоит имя Н. Г. Чернышевского.

Мысли и дела Чернышевского неотделимы от судеб народных. Рожденные жизнью, они, в свою очередь, оказали огромное воздействие на весь ее последующий ход. На протяжении нескольких десятилетий, вплоть до появления работ Г. В. Плеханова, его произведения, посвященные самым разнообразным вопросам политики и науки, оставались вершиной русской теоретической мысли. Он ближе всех подошел к научному социализму, мастерски выявил вырождение дворянской и глубокий кризис буржуазной идеологии.

Все труды Чернышевского, каким бы проблемам они ни посвящались, сосредоточивались на борьбе с крепостничеством и самодержавием, отстаивали интересы трудящихся масс, или, как он говорил, «простолюдинов». Его произведения, написанные как бы на едином дыхании, с железной силой логики, поражают эрудицией и целеустремленностью.

В борьбе за сплочение всех демократических сил страны он постоянно подчеркивал безотлагательность решения таких общедемократических задач, как свержение царизма, завоевание политических свобод, их конституционное закрепление, ликвидация национального угнетения и религиозных преследований, установление новых межнациональных отношений, основанных на полном равенстве, братском сотрудничестве свободных наций и народностей, ликвидация помещичьего землевладения, безвозмездное наделение всех крестьян землей. Он не уставал разъяснять, что все эти проблемы взаимосвязаны, что ни одна из них не может быть разрешена в отдельности, в отрыве от других. Только решение этих первоочередных задач, своего рода программа-минимум, учил великий мыслитель и революционный стратег, расчистит почву для последующего движения к торжеству социалистического идеала.

Тех же, кто не понимал необходимости решения прежде всего общедемократических, политических задач, кто снимал эти лозунги с революционных знамен (от Герцена, находившегося в эмиграции в Лондоне, до горячих студенческих голов в обеих столицах), он спокойно, но упорно, жестко вразумлял, «ломал», по собственному признанию, и поворачивал на правильный путь. Его аргументация в этих спорах, в журнальной полемике и в дружеских собеседованиях-диспутах была неотразима, ибо опиралась на весь опыт русской жизни, на данные всемирной истории, философии, литературы; его эрудиция была энциклопедична, память — удивительна, сила логики, реализм и политическая проницательность изумляли современников. Чернышевский, как никто, умел обходить цензурные преграды, донося до читателя свои заветные мысли. Он был превосходным мастером той «эзоповской речи», которую выработала мыслящая Россия в борьбе с «голубыми мундирами». В этом отношении особо показательны произведения 1861—1862 годов — подлинная вершина его творческого гения. Статьи, если судить прямолинейно, по их заголовкам, посвящались, казалось бы, австро-венгерским делам, движению против рабства в США и даже далеким античным сюжетам, например, знаменитая статья «О причинах падения Рима».

Не случайно, передав Н. А. Добролюбову ведение литературно-

критических дел в «Современнике», он оставил за собой отдел политики. В мировых событиях всегда можно было найти сюжеты, удивительнейшим образом напоминающие злободневные отечественные дела. Достаточно было заменить название страны и фамилии деятелей, чтобы читатель получил глубокий теоретический анализ русской жизни, мог понять суть действий революционной партии. Таковы статьи 1861—1862 годов, начатые «Предисловием к нынешним австро-венгерским делам» (как раз накануне опубликования «Положений» 19 февраля), до статей «Научились ли?» и «Писем без адреса», которые просто нельзя понять вне учета нелегальных действий «революционеров 61 года». Эти взаимосвязанные между собой выступления Н. Г. Чернышевского в легальной печати образовали целый цикл, всецело посвященный обоснованию, пропаганде, отстаиванию той революционно-демократической программы, которая в сжатой, доступной пониманию широких масс форме излагалась в нелегальных прокламациях. Одно нельзя понять без другого, и только взятая в единстве легальная и нелегальная деятельность Чернышевского позволяет во всем объеме понять величие поставленных им задач, глубину их аргументации, гибкость, мастерство в формах и средствах борьбы. Он умел и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционных борцов.

Всероссийской трибуной демократической и революционной мысли был основанный Пушкиным «Современник», перешедший в руки Н. А. Некрасова. Вокруг журнала, живой душой которого был, несомненно, Чернышевский, сплотились сотрудничавшие в нем лучшие люди страны, цвет ее мысли, ее литературы. «Современник», продолжив и развив традиции В. Г. Белинского, дал такую оценку русской литературы, творчества Тургенева, Толстого, Островского, Гончарова, Гоголя, Шевченко, которая выдержала испытание временем и поныне лежит в основе нашего их понимания. А ведь тогда литература отражала самые жгучие вопросы жизни, со времен Пушкина неся знамя борьбы против крепостничества и самовластия.

В 1861 году ход событий все яснее стал поворачиваться в сторону реакции. Царское правительство, приступив к реализации «крестьянской реформы», сумело привлечь на свою сторону часть либеральной оппозиции, как-то оживить веру в добрые намерения царя и перейти в наступление против революционных сил. Один за другим следовали расстрелы крестьянских «бунтов», польских манифестантов, кровавое подавление студенческих демонстраций, расстрелы офицеров за пропаганду среди солдат, аресты одного за другим активных противников царизма.

«Революционеры 61 года», как назвал В. И. Ленин «партию Чернышевского», ответили на правительственный произвол ускоренной подготовкой к общероссийскому выступлению. Был разработан план выпуска серии прокламаций, обращенных к различным слоям с призывом к восстанию. Важнейшие из них — обращения к крестьянству и к интеллигенции, «образованному классу» — были созданы Чернышевским. В работу активно включилась редакция «Колокола», способствуя обсуждению программы выступления. Закипела пропагандистская и организационная работа. Важная роль в выступлении отводилась революционным организациям армейских частей, большая часть которых была сосредоточена в районах империи, охваченных национально-осво-

бодительным и аграрно-крестьянским движением: Царство Польское, Литва, Белоруссия, Украина, а также Поволжье. Возник план «военно-крестьянского восстания» со всех окраин разом. Но и реакция приняла свои меры. Н. Г. Чернышевский и виднейшие, ближайшие его соратники Н. А. Серно-Соловьевич, М. И. Михайлов, Н. В. Шелгунов, а также ряд революционных студентов и офицеров были арестованы. Это явилось тяжелым ударом по руководству готовящегося выступления. Революционный лагерь, по существу, был обезглавлен, и его последующие действия не привели к успеху.

Вождь всероссийской революционной демократии был предан суду сената — высшей судебной инстанции царской России. Никакими уликами для вынесения обвинительного приговора власти не располагали. Все уловки и фальшивки следователей были разоблачены и отбиты. По прямому указанию Александра II суд, долгий и неправый, приговорил Чернышевского к 14 годам каторжных работ с лишением политических прав и последующим поселением в Сибири. Царь знал о возмущении широких кругов общественности арестом Чернышевского; он лицемерно сократил срок каторги, оставив в силе ссылку навечно. Царизм решил навсегда лишить Чернышевского свободы.

Маркс, высоко ценивший Чернышевского, назвал царский приговор юридическим убийством. Имя Чернышевского было запрещено употреблять в подцензурной печати. Все попытки облегчить положение Чернышевского грубо пресекались царскими властями. Когда известный поэт и драматург граф А. К. Толстой отважился подать за Чернышевского свой голос, как некогда Жуковский за декабристов, и заявил, что русская литература в трауре по невинно осужденному Чернышевскому, царь прервал поэта и запретил впредь даже упоминать имя революционера. И нет ничего удивительного, что после истечения срока каторжных работ царизм водворил на «свободное поселение» Чернышевского в Вилюйский острог, который специально построили для заключения польских повстанцев 1863 года. Один из них — Ю. Огрызко — был хорошим знакомым Чернышевского, активным сторонником русско-польского революционного союза. Освобождая место для Чернышевского, царские власти перевели польских узников на свободное поселение. Когда Ю. Огрызко узнал, кого власти поселили в остроге, он пришел в ужас. Уж он-то хорошо знал условия жизни в Вилюйске: «Я испытал много горя и лишений, появилась седина, и сильное некогда мое здоровье разрушилось», — писал он друзьям в Петербург. Ю. Огрызко заклинал их сделать все, чтобы немедленно перевести Чернышевского из Вилюйска. «Послушайте, друзья дорогие, нельзя ли как-нибудь помочь человеку, занявшему мое место... Одиночество и климат действуют на него, я это знаю, убийственно. Неужели нет никакой возможности выхлопотать для него перевод хотя бы на один градус южнее?» Ю. Огрызко пробыл в Вилюйском остроге около четырех лет, Н. Г. Чернышевский — в три раза дольше.

Советские ученые убедительно вскрыли полную несостоятельность заявлений об угасании Чернышевского, его творческом бесплодии, апатии и чуть ли не капитуляции перед врагом. Они мобилизовали огромный документальный материал, проследили день за днем жизнь вилюйского узника с фактами в руках. Н. Г. Чернышевский не только стойко выдержал неравную, изнуритель-

ную, наполненную повседневными мелкими издевательствами, изводящими душу придирками борьбу, но и вышел из нее победителем; нашел в себе силы с достоинством отбросить лицемерные предложения о помиловании, разгадав подлинный их смысл; он сумел сохранить ясность мысли, силу своей несокрушимой логики, способность к творческой работе.

Трудно по достоинству оценить величие вилюйского подвига Н. Г. Чернышевского. Тем более что он всегда оставался сдержанным на личные признания.

Чернышевский, подобно воину в осажденной крепости, отбивал один штурм за другим 12 лет, не будучи уверен, что когда-либо вообще осада будет снята. Ведь он был ссыльнопоселенцем навечно и «бессрочно». Только крепостью являлась его собственная душа, его ум, воля, его внутренний мир, сломить который пытались враги. Он находился в состоянии смертельной борьбы с царизмом. В этом по внешнему виду обычном кабинетном ученом таилась необычайная сила воли. И он знал, что в поединке с царем защищает честь, знамя русской революции.

Но не только это вызывает удивление, уважение в его действиях. Даже в условиях одиночного заключения в крепости, на каторге у Полярного круга он изыскивал и находил средства борьбы и наносил врагу удар за ударом. В Петропавловской крепости он создал роман «Что делать?», воспитавший несколько поколений революционеров. На каторге Чернышевский написал «Пролог» — эту опоэтизированную, сжатую и правдивую историю борьбы своих соратников за свободу. Он писал и в Вилюйске. Благодаря этому неустанному труду он выстоял в ежедневной борьбе с одиночеством, стужей, сохранил ясность ума, знания, способность теоретически мыслить. А ведь были еще его письма к родным — эти единственные весточки на волю. В дошедших до нас письмах к сыновьям он успел высказать некоторые важные результаты своих научных исследований.

Изучение этих источников полностью еще не завершено, и его следует продолжить. Не найдено, например, немецкое издание «Капитала», которое, по всей вероятности, имелось у Чернышевского на Нерчинской каторге, и, что еще более важно, не найдено и русское издание 1872 года, присланное Чернышевскому в Вилюйск вскоре после выхода книги в свет.

Не закончено изучение вилюйских писем-трактатов Чернышевского, хотя верный путь к их пониманию найден. Это не только оригинальное истолкование ряда важных событий всемирной истории и философии, но и неоценимый источник для изучения такой проблемы, как отношение Н. Г. Чернышевского к современной ему российской истории, революционному движению, идейной борьбе, развернувшейся в пореформенный период. Только на основе исчерпывающего решения этих вопросов мы поймем место и роль Чернышевского в пореформенной истории, поймем его влияние на революционное народничество.

Известно, что работы Н. Г. Чернышевского, равно как и роман «Что делать?», были своего рода евангелием революционных народников. При обысках у революционных деятелей тех лет часто обнаруживали его сочинения и портреты.

Глубокое влияние Чернышевского на все революционное движение 70—80-х годов XIX века несомненно. Его знали, многое, особо дорогое, заветное заучивали наизусть. Но было ли это про-

чтение и восприятие адекватным? Все ли принимал Чернышевский в послереформенной передовой общественно-политической мысли?

Известно, что во второй половине 60-х годов в русском освободительном движении все сильнее стали проявляться анархические тенденции, находившие наиболее полное выражение в бунтарстве М. А. Бакунина. Имели место и проявления заговорщичества. Под влиянием анархизма стали отрицать первоочередность общедемократических задач, республиканских лозунгов, борьбы за политические свободы, за национальную независимость, заявляли, что, мол, эти лозунги только отвлекут трудящихся от задач экономического освобождения труда и затруднят борьбу за социализм. Такие понятия, как отечество, патриотизм, национальные чувства, объявлялись выдумкой буржуазии. Н. Г. Чернышевский подверг критике подобные проявления аполитизма и национального нигилизма. Еще на Нерчинской каторге в беседах с ссыльными он говорил: «Вы, господа, говорите, что политическая свобода не может накормить голодного человека. Совершенная правда. Но разве, например, воздух может накормить человека? Конечно, нет. И, однако же, без еды человек проживет несколько дней, без воздуха не проживет и десяти минут. Как воздух необходим для жизни отдельного человека, так политическая свобода необходима для правильной жизни человеческого общества».

В Вилюйске Н. Г. Чернышевский продолжал подчеркивать первоочередность разрешения общедемократических политических задач. Для этого в тяжелых условиях заточения он избрал в своих письмах к родным тематику античной истории. Ведь еще в 1861 году для критики ошибочных положений герценовского социализма он удачно избрал сюжет о причинах падения Рима. Теперь он вновь вернулся к античности. Его письма заполнены рассуждениями о Римской республике и пагубных последствиях перехода к императорскому самовластию, об афинской демократии, о доблестях греков, проявленных в борьбе с персами за национальную независимость. Конечно же, все эти рассуждения не являлись случайностью. Надо помнить «эзоповскую речь», и то, что это пишет узник, вырванный из жизни и все же сумевший и по отрывочной информации определить ошибочные тенденции в революционном движении и предостеречь товарищей на свободе. Конечно же, существует несомненная связь писем-трактатов Чернышевского с общественной жизнью, идейной борьбой тех лет.

Известно резко критическое отношение вилюйского узника к индивидуальному террору народовольцев. Современники передают заявление Чернышевского, что убийство царя лишь приведет к замене одного деспота другим. Оно удивительнейшим образом перекликается с критическим замечанием молодого Г. В. Плеханова, что террор даст лишь один результат: вместо второго Александра воцарится третий — на одну палочку станет больше, тем дело и кончится.

Выступление против народнического террора не было ни случайным, ни единственным. В то время, когда народовольцы сосредоточивались на цареубийстве, уповая на кинжал и динамит, вычеркнув тем самым народ из борьбы за политическую свободу, свернув организационную и пропагандистскую работу в массах, вилюйский узник пишет замечательный революционный «Гимн

Деве неба» и заявляет в нем, что в битвах, решающих судьбы народные, надобно вооружить весь народ, что только вооруженный народ непобедим. Неудивительно, что автор настойчиво добивался скорейшего опубликования этого гимна.

В вопросах революционной стратегии, определении ключевых, программных лозунгов вилюйский узник оставался намного выше идеологов революционного народничества. Программа глубоких революционно-демократических преобразований, выдвинутая и глубоко обоснованная Н. Г. Чернышевским, которой он остался верен до последних минут жизни, его критика народнических и народовольческих иллюзий непременно преследовали одну цель — наилегчайший путь к социалистическому переустройству общества.

Не случайно В. И. Ленин, подчеркивая громадное значение борьбы и научных завоеваний Чернышевского для исторических судеб всех народов нашей Родины, назвал его великим всероссийским демократом и революционером, великим социалистом-утопистом.

●



НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЗАГОВОР ПРОТИВ МИРА

В борьбе мирового империализма с лагерем прогрессивных сил, возглавляемых СССР, все более видную роль играет международный сионизм. Это глубоко закономерное явление. Нарастающее сопротивление народов диктату многонациональных (а точнее — космополитических) монополий вынуждает последние целиком довериться опыту и воле сионистских политиков и банкиров. Это доказывает необходимость углубленного изучения сионизма.

Подобную задачу поставил перед собой коллектив авторов сборника «Международный сионизм: история и политика», вышедшего в издательстве «Наука».

Новая расстановка сил в стане врага ясно показана во вводной статье В. Киселева. «Суть изменений в положении крупной еврейской буржуазии, — пишет автор, — сводится, во-первых, к значительному усилению ее мощи и влияния в экономике ведущих капиталистических стран Западной Европы и Северной Америки и, во-вторых, к еще большему ее сращиванию с монополистической буржуазией этих стран». «Названные изменения предопределили место и роль сионизма как своеобразной политической «надстройки» крупного финансового капитала в системе международного империализма», — продолжает исследователь.

Добиваясь повсюду руководящего положения, сионизм широко использует тактику проникновения во все партии и организации, от левацких до ультраправых и даже антисемитских, подтверждая слова Г. Герцля: «В сионизме находят место всякие политические убеждения».

В трех статьях сборника

Международный сионизм: история и политика. М., «Наука», 1977.

рассказывается о деятельности американских сионистов, орудующих с особенным размахом. Убедителен вывод В. Мещерякова: «В настоящее время американский сионизм превращается в одну из наиболее влиятельных сил на американской политической арене».

Нельзя только согласиться с приводимым Н. Осиповой суждением журнала «Тайм» о том, что «американская политика (в данном случае, в отношении Израиля. — **И. Б.**) была бы такой и без политического влияния евреев в США».

Засилье сионистов в американской жизни так велико, что они в состоянии срывать в конгрессе необходимые для США законопроекты, как это случилось в 1974 году с американо-советским торговым договором. Не стоит преувеличивать, как это делает В. Мещеряков, и силу сопротивления произраильской политике в США. До сих пор лишь немногие государственные деятели выступали с осторожной и безуспешной критикой Израиля. Все они подвергались усиленной травле. Бывшему сенатору Фулбрайту, например, это стоило места в конгрессе.

Строгая координация действий многочисленных отрядов сионизма имеет место во всех буржуазных странах. Авторы указывают, что задолго до основания Всемирной сионистской организации (ВСО) в 1897 году целеустремленной деятельностью еврейского национализма в мировом масштабе руководили такие центры, как масонская организация «Бнай Брит» (1843 г.), насчитывающая в настоящее время более двух тысяч лож в сорока двух странах. В. Киселев пишет: «Еще накануне созыва первого сионистского конгресса в 1897 году сионистские общества и союзы существовали во всех городах Европы, где жили евреи». Двадцать девять периодических изданий сионистского толка издавались на разных языках в Европе и Америке.

Как поясняет «Энциклопедия сионизма и Израиля», «сионистское руководство обеспечило финансирование деятельности ВСО посредством взимания дани среди евреев, не входящих в сионистские организации и, возможно, даже не разделявших идей сионизма». Во все времена число лиц, уплачивавших вступительный взнос — «шекель», превосходило официально объявленное количество членов Всемирной сионистской организации (ВСО). Интересен факт, приводимый С. Сергеевым, что американских сионистов с самого начала поддержали еврейские буржуазные круги, ранее выступавшие против национализма и за ассимиляцию. Маска была сброшена в 1956 году на XXIV сионистском конгрессе, разрешившем включение в ВСО несионистских организаций. При этом никакого «идеологического выхолащивания движения» вопреки сетованию израильских газет не произошло, так как отличительной чертой сионизма всегда была полнейшая идеологическая беспринципность.

Сохранение связей с «отступниками», по справедливому замечанию Л. Корнеева, «вполне устраивает руководство ВСО, поскольку сохраняется идейная суть этого движения еврейского национализма — расизм».

Сионистов с ВСО надежно связывают двойные узы национализма и материальной выгоды. Активные сионисты, так же как и члены близких к ним по роду деятельности масонских лож, проталкиваются на видные посты в буржуазных государствах и партиях, получают денежные поощрения и т. п.

Из сказанного вытекает то, что еврейских националистов несионистов не существует. Разговоры о разных видах национализма — всего лишь ловкая игра, тактический прием.

Пренебрежение сионистов к политическим теориям доказывает, что должна существовать последняя черта, за которую не отступит ни один сионист, каких бы «убеждений» он ни придерживался.

Этим духовным центром сионизма оказывается иудаизм.

Иудаизм не только религия, но главным образом — грубое сионистское учение, а также социально-политическая программа. Настоящий иудей не тот, кто совершил обряд обрезания, а тот, у кого мать еврейка, то есть нееврейская женщина не может стать иудейкой. Она «осквернит еврейское семя» (так говорится в Талмуде).

Один из авторов сборника справедливо утверждает: «Специфической чертой сионистской идеологии как в прошлом, так и в настоящем остается ее зависимость от религиозно - мифологического мышления». Сколько-нибудь серьезных конфликтов между иудаистами в ВСО никогда не было. Например, среди десяти вице-президентов Федерации сионистов Америки (1898 г.) семеро были раввинами. Мнимыми разногласиями руководил трезвый расчет. Нельзя согласиться с утверждением автора статьи «Иудаизм на службе сионизма» М. Гольденберга о том, что «иудаистские догматы препарируются сионистами таким образом, чтобы они с максимальной отдачей служили их реакционным целям».

Иудаистские догматы не препарируются, а в готовом и полном виде входят в идеологические построения сионистов и в их политические расчеты.

Сионисты связывают свои упования с ветхозаветным пророчеством: «Вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас, и покроетесь их славой» (Второзаконие). Известно также, что наибольшим почитанием у иудеев пользуется не Ветхий завет, а Талмуд и такая вполне светская книга, как «Шулхан-Арух», пронизанная дикой злобой ко всему нееврейскому. В школьном учебнике иудаистского государства Израиль сказано: «Евреи принадлежат к элите человечества. Они должны иметь рабов. Рабы должны быть неевреями».

По мысли известного иудаиста А. Руппина, еврей, обладающий гениальными расовыми задатками, не должен растрачивать себя на «плебейские» профессии рабочего и крестьянина, а должен приложить свои способности к возвышению над трудовым народом. Так раскрывается идея обособления гетто, осуществленная, по признанию сионистов, самими евреями. То, что внутри гетто существовало социальное неравенство, как и в современном государстве Израиль, не меняет

сути. Ведь угнетенным ростовщиками народам готовится гораздо более жалкая роль, чем своим соотечественникам.

Особую ненависть у сионистов вызывает справедливая политика СССР, обеспечившая расцвет всех без исключения народов нашей страны, а пафосом их деятельности все больше становится русофобия. Сионисты не могут простить нашему народу, что он совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Как говорится в работе В. Бегуна «Ползучая контрреволюция»: «Будучи в царской России юридически ущемленным, еврейство в социально-экономическом развитии превосходило окружающее население. В некоторых отраслях свободных профессий — в периодической печати, среди врачей, в адвокатуре — евреи стали преобладать». Октябрьская революция означала для еврейских капиталистов потерю банков, газет и других привилегий.

«Главную ставку сионисты делают на разжигание среди советских евреев, особенно среди молодежи, националистических настроений», — указывает В. Киселев. Раздувая сочиненный ими «еврейский вопрос», сионисты стремятся доказать, что советские евреи связывают все свои надежды с Израилем. Ставка делается на активные действия сторонников иудаизма в СССР. Спекуляции на эту тему известны давно. Еще в 1939 году английский сионист М. Гастер писал после поездки в Москву: «Я не боюсь за иудаизм русских евреев. У них он глубоко проник, глубже, чем где-либо на свете, а там, где евреи живут компактными массами, он, наверное, сумеет себя отстоять».

При оценке этого тенденциозного утверждения нельзя, впадая в другую крайность, преждевременно говорить об отмирании иудаизма. Этому противоречит прежде всего возрастающая активность иудаизма в буржуазных странах. Дело в конце концов не в количестве людей, посещающих синагоги, так как иудаизм прежде всего — националистическое мироощущение, побуждающее своих сторонников к действию. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов эмоциональную агитирующую силу иудаизма также и в СССР.

«Было бы неправильно отрицать среди части советских евреев националистических настроений и пережитков. Причины подобных явлений различны. Их нельзя сводить лишь к сионистской пропаганде», — говорится в сборнике «Международный сионизм: история и политика».

«В последнее время антисоветизм сионизма приобретает все более воинственный характер, становясь как бы стержнем всей сионистской политики», — утверждает В. Киселев. «Используя видное положение американцев еврейского происхождения в области науки, культуры и искусства, сионисты пытаются внедрить сионистскую антисоветскую пропаганду в среду просвещения, высшего образования, научных исследований, искусства, деятельности различных просветительных, благотворительных фондов и т. д., прибегая к методам утонченного, либерального антикоммунизма».

Одна из задач подобной политики — вызвать раскол в мировом коммунистическом движении. С этой целью Аме-

риканский еврейский комитет изучает всю литературу, выпускаемую коммунистами еврейского происхождения во Франции, США, Польше и других странах. Особенный интерес сионистов к миру социализма объяснил Н. Гольдман в конце 1971 года, через три года после ухода с поста председателя ВСО, якобы вызванного кризисом в рядах сионизма: «Существование еврейского государства не может зависеть исключительно от западного мира, роль которого ослабевает».

Вмешиваясь во внутренние дела социалистических стран, сионисты раздувают в них националистические тенденции, доказывают неизбежность сближения с буржуазными государствами в ходе научно-технического прогресса и т. п.

Оценивая все подобные факты, В. Мещеряков делает справедливый вывод: «Идеология и пропаганда сионизма — квинтэссенция буржуазного национализма и расизма».

Захватнические планы сионизма воплотились в истории создания и современной деятельности государства Израиль. Этому вопросу посвящены хорошо документированные статьи Г. Никитиной и В. Носенко.

Сионистский историк Эттингер свидетельствует, что «обычай сбора ленты для Палестины существовал испокон веков. Палестинские евреи отправляли «шадарим» — эмиссаров за границу, собирая пожертвования».

Однако лишь в конце XIX века возникла реальная возможность колонизации Палестины. Историческая последовательность событий известна: внушение общественному мнению идеи о праве евреев на «обетованную землю», занявшее без малого столетие; интенсивное заселение Палестины евреями после первой мировой войны; изгнание англичан, управлявших этой территорией до 1947 года, образование Израиля, грубо нарушившее планы ООН.

В. Носенко приводит убедительные факты планомерных усилий международного сионизма, подготовившего и осуществившего насильственное создание «еврейского национального очага».

Сионисты, захватившие прочные позиции в экономической и политической жизни Англии, оказывали мощное давление на правительство, вынуждавшее его действовать часто против собственных интересов. Так были отвергнуты рекомендации английской комиссии, побывавшей в 1919 году в Палестине. Ее выводы просто не были приняты во внимание государствами — участниками Парижской мирной конференции, так как в составе их делегаций было много активных сионистов. Националистические спекуляции в форме гуманных рассуждений выдавались за требования «мировой общественности». В 1931 году английский премьер-министр был вынужден аннулировать «Белую книгу», указавшую на опасность чрезмерной концентрации евреев в Палестине. В 1936 году английский парламент отверг план реформы органов самоуправления в Палестине, включавший рекомендации Высшего арабского комитета. В таком же духе события развивались и дальше. В годы, непосредственно предшествовавшие созданию Израиля, палестин-

ские сионисты фактически стали хозяевами положения. Они создали репрессивные органы и партии, осуществлявшие геноцид арабского населения, захватили решающие позиции в экономике. Реакционные режимы, стоявшие у власти в большинстве арабских стран, не сумели обеспечить всеарабского единства. Мужественная, но недостаточно организованная борьба арабов в этих условиях была обречена на провал. Англия, помогавшая сионистам расправляться с арабами, в конце концов смирилась с предстоящей потерей Палестины.

К моменту ухода Британии палестинские сионисты передались под покровительство американского империализма, в котором все более сильные позиции захватывал еврейский капитал. После провала попыток установить с помощью ООН опеку над Палестиной, в которой они играли бы главную роль, США стали поощрять сионистов на захват территорий, выделенных арабам по плану ООН. В мае 1948 года сионисты провозгласили государство Израиль, сразу же признанное США, и повели жестокую войну с арабскими странами, закончившуюся отторжением новых земель и изгнанием нескольких сот тысяч палестинских арабов.

Таким образом, тот факт, что Израиль создали сионисты и никто другой, очевиден. Именно сионисты обеспечили приток евреев в Палестину и организацию жизни колонии (в частности, предвоенная иммиграция была вызвана решением сионистского конгресса 1935 года). Трудно представить, чтобы в этих условиях еврейские поселенцы могли действовать против ВСО. В 1947 году одни сионисты твердо знали, чего они добиваются в Палестине. Поэтому неточно суждение Г. Никитиной о том, что образование государства Израиль имело место на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года. Эта резолюция была грубо нарушена по многим пунктам: отсутствие мирного договора с арабами, захват арабской территории, одностороннее провозглашение независимости и т. д.

Основанный путем захвата чужих земель, Израиль и дальше мог существовать только за счет насилия. В первые годы более трети еврейских граждан нажилось благодаря «евреизации» арабского имущества, что явилось средством подкупа значительной части израильтян и создания массовой базы сионистской диктатуры.

Агрессия 1967 года против арабских стран вписала новую варварскую страницу в историю Израиля. Еврейское государство в двадцать раз увеличило свою территорию, а число палестинских беженцев достигло двух миллионов человек. С тех пор произошло немало важных событий. Сионисты понесли значительный урон в войне 1973 года. Их расистское учение официально осуждено мировой общественностью. Однако еврейский национализм не исчез, а даже усилился. С июля 1977 года правительство Израиля возглавляет фашист М. Бегин, прославившийся зверствами против мирных арабских жителей еще в войне 1948 года. Опрос населения показал, что 71 процент израильтян одобряет отказ Бегина вести переговоры с палестинцами, 60 процентов против, 24 не хо-

тят возвращения Иордании западного берега Иордана.

Справедливыми остаются слова генерального секретаря Компартии Израиля М. Вильнера: «Трудящиеся Израиля в большинстве своем еще не видят последствий политики агрессии и территориальной экспансии». Как пишет В. Ладейкин: «Разжиганием шовинизма руководители Израиля организуют массовый «порыв отчаяния» якобы обреченных людей, возбуждая этим такую агрессивность, которая с лихвой перекрывает пока внутренние противоречия израильского общества, помогая ему выползать из периодических глубоких кризисов».

Недостаточно, однако, говорить о развращении рядовых израильтян сионистскими заправилами. Поведение еврейских общин в других буржуазных государствах не менее показательно. Прогрессивная израильская журналистка Х. Арендт, посетившая США в июне 1967 года, обнаружила, что еврейская община там в течение шести дней войны находилась буквально в состоянии шовинистической истерии.

С. Сергеев приводит свидетельство сиониста Шаппеса: «Все еврейское население США забыло о своих разногласиях по вопросам сионистской теории и программы и выражает лишь чувства симпатии и дружбы и оказывает помощь Израилю. Это произраильское единство не знает классовых границ».

Если в этих словах есть доля преувеличения, то неточно и утверждение В. Мещерякова о том, что арабо-израильский конфликт имеет исключительно классовые, а не национальные корни (не религиозные и не этнические). Сионизм, являясь расистской идеологией, вдохновляет Израиль на новые захваты и на удержание оккупированных территорий. Израиль не желает возвращать западный берег реки Иордан, потому что он включает в себя библейские земли — Иудею и Самарию — предмет особых националистических вожделений.

Постоянная агрессивность Израиля, его все более самостоятельные действия на Ближнем Востоке мешают империалистическим кругам проводить гибкую политику по отношению к арабским странам, что наносит немалый ущерб американским интересам.

Важный вывод, к которому приводят читателей авторы сборника, — это необходимость по-новому оценить место Израиля в планах мирового сионизма. Изучение деятельности сионистских кругов во всем объеме убеждает, что сбор евреев к Сиону не является главной целью сионизма.

Демагогический характер сионистского лозунга о заселении Палестины евреями со всего мира не скрывали сами лидеры ВСО. В. Киселев приводит откровенное признание патриарха сионизма М. Нордау: «Сионизм не ждет и не требует, чтобы евреи обоих полушарий возвратились в Палестину. Те, которые чувствуют себя хорошо, могут оставаться каждый на своем месте. Это будет своего рода нервная система, которая охватит весь мир». Через семьдесят с лишним лет другой лидер ВСО, Н. Гольдман, утверждал: «Государство никогда не было целью движения. Оно всегда рассматривалось как инструмент». Задолго до появления первых про-

ектов колонизации Палестины еврейские националисты осуществляли планомерный захват ключевых позиций в буржуазных государствах. Это не было просто инстинктивным движением наверх, как уверяют защитники сионизма. «Такова иудейская вера в мессию, который должен возвратить еврейский народ на свою землю и согласно народному представлению установить еврейскую гегемонию над народами всего мира», — пишет иерусалимский профессор Д. Кац.

Как подчеркивают авторы, в настоящее время сионистская идея о мессии — потомке библейского Давида — заменяется бредовой концепцией «коллективного мессианизма всего избранного народа». Речь идет о создании в конечном счете своего рода провинциальных наместничеств - с центром в Иерусалиме. Будущее процветание «Великого Израиля» мыслится создать за счет мирового труда «гоев», то есть всех неевреев Земли, организованных в безнациональное сверхгосударство. Лидеры сионизма называют это «социальной справедливостью».

Ценность рассмотренной работы в том, что в ней с достаточной научной глубиной и детальностью исследованы некоторые важные стороны деятельности мирового сионизма. При этом авторы не упустили из виду постоянной направленности сионизма на достижение собственных целей, идущих вразрез с интересами мирного развития народов.

И. БЕСТУЖЕВ

ЖИТЬ — ЗНАЧИТ СТРОИТЬ

Книга «Колымский котлован» написана не профессиональным литератором. Она была заказана издательством «Современник» гидростроителю Леониду Леонтьевичу Кокоулину и носит скромный подзаголовок «Из записок строителя».

К книгам такого рода существует еще нередко настороженное отношение: ведь их пишут не писатели, которые умеют создавать увлекательные сюжеты, а узкие специалисты, опыт и знания которых не всегда интересны для непосвященных. Что ни говори, а гидростроитель не разведчик, не испытатель самолетов, не космонавт и не следователь, чья жизнь полна риска, романтических тайн и приключений.

Не скрою, и я взял книгу Л. Кокоулина с некоторой долей предубежденности. Однако книга увлекла меня сразу же, с первых страниц. Здесь были и риск, и приключения, и загадки природы, встающие неожиданными препятствиями перед гидростроителями, были поступки, которые самими строителями не возводились в ранг подвига, но по существу своему были именно такими.

Один из персонажей книги, шофер Славка, спрашивает Антона Дюжева, от лица ко-

---

Леонид Кокоулин Колымский котлован. М., «Современник», 1977.

торого ведется повествование: «А вот интересно, дед, будут люди лет через сто знать, как мы все изменили. Или скажут — жили, были, работали...»

И скорее себе самому, чем собеседнику, Дюжев отвечает: «...Жили без ласковых слов и женских удивительно нежных глаз. До хрипоты в горле обсуждали государственные планы, повышенные обязательства. Отчаянно переживали срывы, лихорадочно наращивали темпы. Лучше этого и не было в жизни. Скучно бывает и здесь, что скрывать. А мы все оставляли на потом: и отдых, и развлечения, и прелесть сердечной тайны... Но в этом тоже жизнь, и еще какая...»

А жизнь у строителей нелегкая: работать приходится и когда мороз больше пятидесяти градусов, и дуют ураганные ветры, и опускаются такие туманы, что «хоть лозунги на них пиши», когда людей подстерегает «шатучая» болезнь от кислородного голодания.

Но и в этих суровых местах, куда зачастую строители приходят первыми, есть свое очарование и своя поэзия. Ее великолепно умеют чувствовать и автор книги, и его товарищи. И неудивительно, что в повествование нередко врываются эмоциональные восклицания о красоте окружающей природы. Оказывается, можно полюбить и дикие необжитые таежные места, и голые камни, и даже чахлые, не успевающие набрать за короткое лето крону деревья. Полюбить, как любят свое кровное, дорогое, освоенное с большим трудом.

Конечно, прежде и больше всего автора интересуют люди, и самая большая радость для него открывать их «душ золотые россыпи».

Л. Кокоулину повезло: рядом с ним жили и работали замечательные товарищи, красивые душой и поступками.

Люди эти могут быть и грубоваты порой в своих выражениях, и едят из общей кастрюли — ничего не поделаешь; и от культурных центров далековато, и работа такая, что не способствует соблюдению этикета. Да и не по этим качествам оценивается человек на строительстве, а по способности честно и добросовестно работать, по его отзывчивости и готовности помочь товарищам в трудную минуту. Здесь действует закон сродни фронтовому: «Сам погибай, а товарища выручай». Последним сухарем делятся с Антоном Дюжевым его друзья, когда он с риском для жизни идет через вскрывшуюся реку, чтобы вызвать для них вертолет. Погибает Седой, вынося на себе больного товарища из тайги.

Своеобразную кольцевую композицию придает книге Л. Кокоулина рассказ о семилетнем мальчике Андрее, взятом на воспитание бригадой после гибели его родителей. Сколько нежности и заботливости находится у суровых людей для мальчика! И каким благодарным результатом оборачиваются они в финале книги, где мы видим уже повзрослевшего Андрея, впитавшего то, что стремились передать ему строители.

Чем труднее условия жизни, тем полнее выявляются черты человеческих характеров, тем больше люди дорожат дружбой. И понятно, почему строители предпочитают не расставаться друг с другом, переезжая на новое место ра-

боты, как это делает Антон Дюжев, переведенный на Колыму.

Чтобы работать в условиях, где строителей подстерегают неожиданные трудности, нужна не только сила, выносливость, но и технические знания, смекалка, опыт. В книге мы найдем немало примеров того, как сочетание этих качеств обеспечивало успех дела. Один из интереснейших рассказов такого рода — история о том, как строители провели от Магадана до Колымы тяжеловесный колесный поезд по трассе, где, казалось бы, невозможно это сделать. Конечно, можно было бы обойтись и без риска, но, чтобы доставить негабаритный груз к колымской стройке, потребовалось бы реконструировать дорогу, расширить ее, сделать разъезды, построить мосты, затратив на это не менее двух лет.

Есть у Л. Кокоулина одна важная тема, которая так или иначе обозначается почти в каждой книге. Это тема честного отношения к труду, тема бережливости.

На всю жизнь запомнил бригадир Антон Дюжев урок, преподанный ему начальником строительства. Бригадиру было предложено просеять строительный мусор, где и обнаружилась масса искореженных болтов, стяжек и гаек, недостающих для монтажа. Все эти испорченные материалы бригада должна была возместить за свой счет. «Тогда, — вспоминает Дюжев, — мне казалось все это до дикости несуразным. И в то же время я понимал, что справедливо наказан».

Так рассуждает бригадир, один из руководителей строительства. А вот что говорит шофер Поярков: «Смерть не люблю, когда работают для показухи. В прошлом месяце стою на собрании, как на диспуте в тридцатых. Значит, выдвигают бригаду на присвоение звания коммунистической. Все шито-крыто, присваивают. Ну, вроде пусть, жалко, что ли? Не выдержал... Говорю, бригадир забулдыга и рвач, от рвачества и показатели, выходит, звание присуждается так, для галочки, ради формы... Взволновались, зашумели. Факты? Пожалуйста. Мы, бывало, гайку отвернем, не годится — боже упаси выбросить. В ящик ее — это законный лом. А теперь посмотри, сколько металла валяется, в грязь втаптывается, и никому дела нет. Богаты стали. Отучился, что ли, рабочий государственную копейку беречь? За свое дрожит, государственным не дорожит».

В книге Л. Кокоулина нашли отражение многие вопросы, остро стоящие ныне на повестке дня не только у строителей: здесь и взаимоотношения руководителя с подчиненными, и внутренние движущие стимулы в работе, проблема связи человека с природой. Нельзя сказать, что все они разработаны с должной глубиной и основательностью, но по разнообразию жизненного материала, по умению вписать судьбы своих персонажей в круг актуальных проблем книгу Л. Кокоулина можно было бы назвать развернутым конспектом романа.

Извлекая нравственный и социальный смысл из опыта работы и жизни, книга «Колымский котлован» несет в себе большой воспитательный заряд. Еще раз убеждаешься в том, что художественная правда неотъемлема от жиз-

ненной, и задача писателя не в том, чтобы уходить от противоречий, а в том, чтобы видеть их в свете тех тенденций, которые ярко проявляются в борьбе с отрицательным, отжившим. И если попытаться определить эти тенденции в книге Л. Кокоулина, то они прежде всего обнаруживаются в людях, воспитанных новым советским строем, советским образом жизни.

Н. РУБЦОВ

«ВСЕ ДЕЛО, СОБСТВЕННО, В СУДЬБЕ...»

Всякий раз вдумываясь в поэтические строки, взволновавшие твое сердце и воображение, решаешь: в чем же сила их воздействия, тайна этих простых, немудреных строк, что поэт вынес на широкий читательский суд? Это никогда не перестанет волновать читателя, да и критика немало ломает копий, стараясь понять, что разделяет поэзию от непоэзии.

Читаю первый сборник стихов Владимира Фомичева «Белый космос», к которому он шел долго и настойчиво, и останавливаю внимание на неброском на первый взгляд стихотворении, где сам автор неожиданно точно сформулировал свою жизненную и поэтическую позицию. В ней, вероятно, и надо искать путь к ответу, который объяснит достоинство стихов молодого автора и его успешный дебют:

Вперед рвануcь,
Назад вернусь.
Здесь дневка,
Там ночевка.
На месте,
Стало быть, топчусь
Живу на «остановке».
Другим зеленый
Путь открыт,
Ясна у них дорога,
Сомненье
Сердце не теснит.
Любых удач
Премного.
Видать, что каждый
Сам в себе,
И путь для всех означен.
Все дело, собственно,
В судьбе.
В судьбе —
И не иначе!

И не случайно известный советский поэт Владимир Цыбин, представляя сборник читателям, пишет в предисловии: «Стихи у Владимира Фомичева неброские, полные какой-то сдержанной силы. Это потому, что поэт всегда идет от матерьяла, от опыта сердца, от биографии души. Отсюда и достоверная простота слога, и вещная определенность видения мира».

Опыт сердца, биография души — конечно же, необходимые условия поэтического творчества, потому что «поэт может писать только о том, с чем он органически связан». Эта формулировка, думаю, очень точно определяет истоки поэзии и В. Фомичева — жизнь реальная, непридуманная. Внимательное и чуткое сердце переплавляет ее в образы, строки...

Жизненная биография В. Фомичева — это судьба его сверстников, родившихся незадолго перед войной. А начиналась она на Смоленщине

Владимир Фомичев. Белый космос. Стихи. М., «Современник», 1977.

с первых детских впечатлений, связанных со страшными картинами разбоя и насилия:

Закрылась дверь за нами,
И гроб забит, забит!
С прицельными громами
У окон враг стоит.

Небольшой цикл стихотворений «Прицельные грома» — центральный в сборнике, мне думается, наиболее сильный по звучанию. Это естественно, потому что впечатления детства (и какого детства!) ярки и неповторимы — человек впервые постигает мир, звуки и краски жизни, доброту материнского сердца. Но острота восприятия раннего детства удесятеряется в юной неокрепшей душе, когда на ее долю выпадают тяжкие испытания. Грохот бомб и снарядов, сожженный врагами отчий дом — вот что выпало на долю В. Фомичева. Много написано стихов о трудных военных и послевоенных годах, но я впервые прочитал у поэта строки, которые поразили «недетским» признанием: «Я — участник войны, самый юный, наверно... Кто прошел сквозь те дни, тот участник войны».

Вот еще пример, свидетельствующий о высоком гражданском чувстве, — эмоциональный, точный штрих, характера мальчишки, рано повзрослевшего в оккупации, люто возненавидевшего врагов Родины: «Я так мал, мне четыре, как отец на войне. И чужие мундиры подступают ко мне. Я — холодный, голодный. Бьет в упор — пусть казнят! В злые черные морды, как двустволка, мой взгляд».

Но в поэтической биографии души Владимира Фомичева отразились не только впечатления детства. Об этом и говорят его стихи в сборнике. Я убежден: современный молодой поэт обязан знать и уметь в жизни многое, сделать, если хотите, себе судьбу, когда в силу жизненных обстоятельств она не богата внешними приметами, событиями. В. Фомичева сама жизнь вела нелегкой дорогой. Сам поэт признается: он «пятьсот лошадиных сил в гудящих держал руках и танковый гром водил с эскарпа на контрэскарп», паровые машины «лечил наборами ртастых ключей», «прокладывал путь току», «сбривал клевера косой» — словом, за его плечами ратная и трудовая биография человека послевоенного поколения. Учился он и в техникуме, закончил исторический факультет вуза, учительствовал. Жизненные дороги привели однажды на знаменитую Тюменщину, которая покорила его сердце невиданным размахом обновления, суровыми, надежными в дружбе людьми, сказочной красотой заснеженного простора. «Спою о солнце, только прежде о вечной мерзлоте и льдах... — говорит В. Фомичев в одном из сибирских стихотворений. — Спою о юге, только прежде о северной необжитой и, как галактика, безбрежной земле...»

Тюменщина дала поэту не только новые темы для творчества, что вполне естественно, но и расширила образное представление о мире, о земле, на которой он прожил не один год. И поэт благодарен этой земле, людям за их мужество, доброту, нежность. Ценное это качество — поэтическое и человеческое — уметь быть благодарным людям, а самому как бы оставаться в стороне. Эта серь-

езность, вдумчивое отношение к жизни и к творчеству определило характер и эмоциональный настрой его первой книги — стремление к четкой детализации образов, к сжатости и выразительности, даже к афористичности: «Я русской матерью рожден. Во мне с избытком доброй силы. Устав от зла чужих племен, нас мамы доброте учили». Зримыми чертами живописует он природу: «Собрались в тучи черные грачи, роняют птицы гром в большом просторе. Звенят стальные, как мечи, ручьи и на асфальте городском, и в поле». Действительно, как «мечи», рассекающие два времени года! Или что, кажется, можно написать на «банальную», туристскую тему? Но В. Фомичев находит свои детали, свои краски. «Зеленый свет зажгла природа, как над путями семафор. Пунктир задорного народа уже ползет на косогор...» Правда, вместо «уже» так и просится в строку емкий, сочный глагол, который бы наполнил ее большей изобразительностью.

Конечно же, В. Фомичева есть в чем упрекнуть — в излишней сдержанности и приземленности стиха. Некоторые стихи при всей их умелой отделке остаются лишь зарисовками на тему, не наполнены высоким поэтическим волнением. И все же многое зависит от склада, от индивидуальности дарования. Негромко, но посвоему выразить свой взгляд на мир, свое образное представление о нем удается не всем пишущим стихи. В лучших же стихах сборника, а их немало, Владимир Фомичев достигает ответного сопереживания. Эти стихи говорят о том, что дарование поэта в развитии, потому что строки стихов — не просто констатация жизненных явлений и картин повседневности, они еще раз заставляют пристальней присмотреться к жизни, задуматься о главном — для чего родился на свет, о верности и дружбе, о справедливости и доброте, о патриотическом отношении к родной земле.

Нетронутые лежат,
Хрустя под ногами,
Снега.
Сквозь годы
Моя лыжня
Проходит
Пряма и строга
Идет
По глубоким следам,
По вечным
Следам партизан.
У дуба
Здесь пленных солдат
Сразила
Чужая гроза
А слева,
Где трубы дымят,
Танкисты
В бою полегли.
И каплями крови
Горят
На белых снегах
Снегири.

Но вновь и вновь память сердца возвращает поэта к детству, к истокам судьбы, к той малой родине — русской деревне, которая вскормила, подняла на ноги и снарядила в большую жизнь. И поэт благодарен этой земле. «В смоленском выросший селе, горевший с ним и не сгоревший, молюсь в тиши печной золе, склоняюсь чубом поседевшим».

Доброта и благодарность как высокие человеческие чувства никогда не устареют. Поэтому и хочется пожелать В. Фомичеву новых успехов на этом пути к людским сердцам.

Николай ДЕНИСОВ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Большая наука истории не может существовать без высокоразвитой историографии. Роль историографических исследований в нашей стране значительно возросла за последние два десятилетия. Появились большие, капитальные труды, сборники, статьи и материалы.

Значительным событием в изучении отечественной исторической мысли является труд видного историка М. А. Алпатова. Книга эта — «Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII века» — является хронологическим продолжением исследования того же названия, охватывавшего XII—XVII века.

И тем не менее новая книга, доводящая исследование до петровского времени включительно, является особым трудом. Правда, речь идет все еще о районах, которые более всего были знакомы иностранным авторам — Москва, Центр, Север и Нижнее Поволжье. Но здесь читатель имеет дело с совершенно новым материалом. Начиная с главы «Историческая мысль в петровское время», Москва довольно быстро оттесняется на второй план новой столицей. Внимание иностранцев, русских политиков, военных и дипломатов приковано к событиям Северной войны. Россия вышла к берегам Балтики. Русским государством и русским народом была открыта дверь на Запад. Круг интересов иностранных авторов значительно расширился. Среди вопросов, издавна интересовавших иностранцев (особое место по-прежнему тут занимали пути на Восток), на первый план все больше выступают вопросы русской действительности. Хронологически это события крестьянской войны и иностранной военной интервенции начала XVII века, восстание под руководством Степана Разина и события петровского времени, среди которых наибольшее место занимает Северная война.

Из всей совокупности иностранных сочинений на первый план выступают свидетельства протестантов. М. А. Алпатов сумел показать, почему это происходило. Не протестантский мир вообще, а именно буржуазные государства — Англия и Голландия, морские державы все больше и больше привлекают внимание русских. Таким образом, вторая книга М. А. Алпатова, посвященная «стыку» русской и западноевропейской историографии, — это исследование нового этапа исторической мысли как в России, так и на Западе.

С большим мастерством автор воспроизводит целую галерею характерных портретов иностранцев, интересовавшихся Россией. Пожалуй, наиболее удачными в книге являются портреты купца Исаака Массы, ученого и путешественника Адама Олеария, участника голландского посольства Балтазара Койэтта, генерала Патрика Гордона, посланника Юста Юля, дипломатов Иоганна Георга Корба и Фридриха Христиана Вебера. Исторические портре-

---

М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII века. М., «Наука», 1976.

ты иностранцев занимают большое место в книге. Но вот появляется другая галерея портретов. Это прежде всего А. А. Матвеев, Б. И. Куракин, П. П. Шафиров, Феофан Прокопович — люди больших талантов, волевые натуры, помощники в деле реформ Петра, с тактом, с опытом историка и писателя обрисованные в книге. Если в первых главах М. А. Алпатов сопоставляет высказывания о России только иностранцев, то во второй части книги уже и иностранцы и русские начинают спор о реформе, о связи с Западом, о величии России среди европейских держав. Автор, думаю я, не случайно избрал такую форму изложения. Она позволяет ему заставить читателя лучше почувствовать всю важность вопросов о судьбах России.

Воссоздавая портреты иностранцев и русских, автор стремился наиболее выпукло представить главные моменты развития русского общества в XVII и в первой четверти XVIII века. Он пишет об угнетении народа, о классовой борьбе в обществе, о Великой крестьянской войне и иностранной военной интервенции, о самодержавии и бюрократизме, об отсталости русских социально-экономических процессов, об экономических и социально-политических реформах в первой четверти XVIII века. Затем следует огромный скачок в развитии русского общества и государства, выход России на Балтийское море, создание флотилии, регулярной армии и, наконец, зарождение научной русской исторической мысли.

Вопрос о том, когда зарождается в России историческая наука, автор решает еще в первой своей книге, определяя задачи исследования. Процессом, который превратил исторические знания в историческую науку, автор считает соединение концепции истории с данными исторического источника. В России это сделал Василий Никитич Татищев — первый русский историограф. Татищева, пишет М. А. Алпатов, «не раз иронически именовали комментатором летописей. Уже в этом кроется признание его заслуги; сказать так о русском историке XVIII века — значит исходить из того, что он не мыслил истории без исторического источника. Что же касается «Комментария», то татищевский комментарий был воплощением рационализма того же XVIII века. Это означало в те времена поднять историческое знание до уровня исторической науки. До Татищева соединение рационалистической теории с документальной базой было явлением спорадическим, касалось отдельных исторических проблем. Татищев сделал это в масштабах всей русской истории».

Особое место в книге занимает проблема взаимоотношений России и Запада. Каково было значение этой проблемы в русском историческом прогрессе? Автор с полным основанием говорит о двух сторонах этого сложного явления. Одна из этих сторон — усвоение западного опыта. Русские люди, появляясь на Западе, пополняют свои знания, осваивают европейские ремесла и искусства. Они читают труды западных авторов, применяя их к своим воззрениям.

Но есть и другая сторона дела, на которую автор обращает внимание читателя. Усвоение западного опыта — далеко не простое явление.

Это стало особенно ясно именно при Петре. Усиление «преображенной» России было встречено Западом с откровенной враждебностью; этим особенно отличались Англия и Голландия. И в области политики, и в области торговли позиция морских держав оказалась в прямом противоречии с национальными интересами России.

Книга М. А. Алпатова — великолепный анализ политических отношений России и стран Запада в эпоху Петра. «До сих пор Россия им рисовалась страной далекой, азиатской, недостаточно сильной, чтобы вмешиваться в дела Запада. Теперь они вынуждены были считаться с Россией, но презирали ее за отсталость». Кстати, об отсталости России. Это была отсталость от таких стран, как Англия, Голландия, Франция. По сравнению же со своими соседями — Речью Посполитой или державой Габсбургов — Россия имела даже некоторые преимущества. Но русским людям приходилось сталкиваться с высокомерным отношением Запада, их национальное самосознание формируется в борьбе за независимость России, в борьбе за ее роль на международной арене.

Книга М. А. Алпатова — серьезный труд. Он восполняет важный пробел в наших знаниях о зарождении отечественной историографии. Но, будучи историографической, книга эта соприкасается с областью национального самосознания русского общества в XVII—XVIII веках. Это еще более подчеркивает ее ценность.

В. КОРОЛЮК,
доктор исторических наук,
профессор

Художественный редактор В. Недогонов

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 3/V 1978 г. Подп. к печати 16/VI 1978 г. А05906.
Формат 84×108 1/32 Печ. л 10 (усл. 16,8). Уч.-изд. л. 21,4.
Тираж 600 000 экз. Заказ 767. Цена 60 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.



ЖОСТОВСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ПОДНОСЫ

Рассказ о неповторимом искусстве жостовских мастеров читайте на стр. 218.

читайте на стр. 218.

Фото А. Егорова

Цена 60 коп.

Индекс 70544